

Аубакирова Ж.С., Алексеенко А.Н., Столярова Э.О.,
Краснобаева Н.Л., Өмірзақ Т.Е.

**ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
КАЗАХСТАНА:
ПОТЕНЦИАЛ, РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

МОНОГРАФИЯ

Усть-Каменогорск, 2022

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

НАО «ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени САРСЕНА АМАНЖОЛОВА»

Аубакирова Ж.С., Алексеенко А.Н., Столярова Э.О.,
Краснобаева Н.Л., Өмірзақ Т.Е.

**ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ КАЗАХСТАНА:
ПОТЕНЦИАЛ,
РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

МОНОГРАФИЯ

Усть-Каменогорск, 2022

УДК 314 (574)
ББК 60.7 (5Каз)

Утверждено к печати Ученым Советом Восточно-Казахстанского университета
имени Сарсена Аманжолова
(протокол № 13 от «30» июня 2022 г.)

Рецензенты:

Кожирова Светлана Басиевна, кандидат исторических наук, доктор политических наук, главный научный сотрудник института востоковедения, профессор, г. Алматы;

Ковальская Светлана Ивановна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Казахстана Евразийского национального университета им. Л.Н.Гумилева, г.Астана.

Монография выполнена в рамках реализации грантового научного проекта «Оценка уровня демографической безопасности Республики Казахстан» (AP08856205), финансируемого Комитетом науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Аубакирова Ж. С. и др.

Д 31 Демографическая безопасность Казахстана: потенциал, риски и перспективы / Ж. С. Аубакирова, А. Н. Алексеевко, Э. О. Столярова, Н. Л. Краснобаева, Т.Е. Өмірзақ, - Усть-Каменогорск, 2022. - 515 с.

ISBN 978-601-314-665-2

Монография посвящена проблемам демографической безопасности в Казахстане, оценке социально-демографических рисков и угроз, изучению потенциала и возможных сценариев демографического развития страны. Все процессы проанализированы не только в масштабе республики, но и на уровне регионов. Впервые представлена разработанная авторами индикативная система оценки демографических рисков и угроз, а также шкалы демографической безопасности Казахстана. На основе полученных результатов сформулированы актуальные социальные запросы, реализация которых позволит снизить или нивелировать не только демографические, но и социально-экономические и общественно-политические риски.

Результаты, описанные в монографии, могут быть использованы государственными служащими и региональными менеджерами в процессе планирования развития территорий, специалистами в области социально-гуманитарных наук, а также докторантами, магистрантами и студентами в научно-исследовательских целях.

ISBN 978-601-314-665-2

УДК 314 (574)

ББК 60.7 (5Каз)

© Аубакирова Ж. С., Алексеевко А. Н., Столярова Э. О.,
Краснобаева Н. Л., Өмірзақ Т. Е. 2022

© НАО «Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова», 2022
©Издательство «Медиа-Альянс», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
1. ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАЗАХСТАНА: ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСО- БЕННОСТИ	20
1.1 Общие и региональные тенденции демографического развития Казахстана (1959-2019 гг.)	20
1.2 Демографическое районирование территории Казахста- на	59
2. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ, РИСКИ И УГРО- ЗЫ	79
2.1 Возрастная структура населения Казахстана и демогра- фические вызовы	79
2.2 Демографические процессы и социально-экономическое развитие Казахстана: противоречия и риски	94
2.3 Репродуктивные и миграционные установки населения (по результатам социологического исследования)	110
3. ОЦЕНКА УРОВНЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ РИСКОВ И УГРОЗ	186
3.1 Анализ факторов, влияющих на возникновение потен- циальных рисков и реальных демографических угроз	186
3.2 Индикативная система оценки уровня демографической безопасности, рисков и угроз Казахстана (2009–2020 гг.) ...	225
3.3 Анализ индикативной системы оценки уровня демогра- фической безопасности, рисков и угроз (2009–2020 гг.)	245
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	479
ГЛОССАРИЙ	482
ИСТОЧНИКИ	489
БИБЛИОГРАФИЯ	496
ПРИЛОЖЕНИЕ	507

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. ВВП – валовый внутренний продукт
2. ВКО – Восточно-Казахстанская область
3. ВРП – валовый региональный продукт
4. ВПН – Всесоюзная перепись населения
5. ЕНФП – Единый накопительный пенсионный фонд
6. ИЧР – индекс человеческого развития
7. ЗКО - Западно-Казахстанская область
8. КЕП - коэффициент естественного прироста
9. МГУ им. М. Ломоносова – Московский государственный университет имени М. Ломоносова
10. Млн – миллион
11. МлС – младенческая смертность
12. МОМ – Международная организация по миграции
13. ОАЭ – Объединенные Арабские Эмираты
14. ОКЕП – общий коэффициент естественного прироста
15. ОКР – общий коэффициент рождаемости
16. ОКС – общий коэффициент смертности
17. ООН – Организация объединенных наций
18. ОЭСР – Организация экономического сотрудничества и развития
19. ПМЖ – постоянное место жительства
20. ППС – паритет покупательной способности
21. РК – Республика Казахстан
22. СКО – Северо-Казахстанская область
23. СКР – суммарный коэффициент рождаемости
24. СМИ – средства массовой информации
25. СНГ – Содружество независимых государств
26. ССР – Советская Социалистическая республика
27. СССР – Союз Советских Социалистических республик
28. США – Соединенные Штаты Америки
29. Ч-ть – численность
30. ЮКО – Южно-Казахстанская область (с 19 июня 2018 года переименована в Туркестанскую область)
31. МАХ/MIN – амплитуда колебаний максимум и минимум

32. МОПТРАК - компьютерные программы для анализа демографических процессов
33. NEET - (от англ. Not in Education, Employment or Training) не-работающая и не обучающаяся молодежь
34. SPSS – компьютерная программа для статистической обработки данных.

ВВЕДЕНИЕ

Демографическая составляющая является важнейшим фактором успешного или неуспешного развития всех общественных систем (социальной, экономической, политической и др.). Кроме того, демографические показатели (динамика численности населения, структура смертности, уровень рождаемости, миграционные процессы и т.д.) – это один из наиболее объективных индикаторов эффективности функционирования государственных институтов.

Вопросы демографической безопасности имеют для Республики Казахстан особое значение: огромная и слабозаселенная территория; малое количество городов и большой удельный вес сельского населения; явно выраженная региональная дифференциация социально-экономического, демографического развития и т.д. В самом общем понимании в литературе демографическую безопасность обычно рассматривают как устойчивость к депопуляции. В законе «О национальной безопасности в РК», статья 5 «Угрозы национальной безопасности Республики Казахстан», в 11 пункте одной из угроз государства называется ухудшение демографической ситуации, в том числе, резкое снижение рождаемости, повышение смертности, возникновение неконтролируемых миграционных процессов.¹ Оценки негативного режима воспроизводства, ускоренный переход к депопуляции, низкая эффективность воспроизводства населения требуют рассмотрения проблемы с точки зрения безопасности.² На наш взгляд, закон «О национальной безопасности в РК» акцентирует внимание лишь на депопуляционной части вопроса. Однако в некоторых случаях речь может идти и об опасностях перенаселения. Региональный подход к проблеме демонстрирует, что на территории Казахстана функционируют разные демографические системы – кризисная депопуляционная модель Северо-Восточного региона

1. О национальной безопасности в Республике Казахстан: закон [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1200000527> (дата обращения 15.11.2020).

2. Никитенко П.Г., Ермашкевич В.И., Кулаков Г.Т. и др. Проблемы экономической безопасности Белоруссии. - Минск: ИООО «Право и экономика», 2001. - 224 с.

и не менее кризисная модель «взрывных» темпов рождаемости Юго-Западного региона. Подобная дифференциация сформировалась в результате различных исторических, социокультурных, социально-экономических предпосылок и условий. Вследствие этого оценка демографической безопасности должна учитывать особенности каждого региона республики, «среднестатистический» казахстанский показатель здесь фактически мало приемлем.

По сути, политика демографической безопасности должна быть направлена на соотнесение ее приоритетов с интересами государства, состоящими в обеспечении целостности, независимости, суверенитета и сохранения существующего геополитического статуса. Поэтому демографические вопросы необходимо рассматривать в контексте социально-экономического, политического развития Казахстана. Так, большое значение имеет количественная оценка уровня защищенности и устойчивости социально-экономического развития общества от конкретных демографических угроз (динамика общих демографических показателей: рождаемости, смертности, естественного прироста, миграционного движения, половозрастной структуры, коэффициента демографической нагрузки, плотности населения и т.д.). Не менее важна качественная оценка характеристик населения (продолжительность жизни, здоровье нации, уровень образования, эффективность демографического воспроизводства, число умерших в трудоспособном возрасте и др.).

Для анализа актуального состояния демографических процессов в Казахстане и их прогнозирования необходимо разработать систему критериев, адекватно отражающих сложившуюся ситуацию. Единый казахстанский тренд может быть представлен как сложная система взаимодействия отдельных региональных кластеров, имеющих сходные демографические характеристики. В рамках каждого кластера региональные особенности должны быть унифицированы и сопоставимы. Только после этого появится возможность сравнения демографических процессов в масштабе государства на основе единой системы критериев.

Исследования, посвященные проблемам демографической

безопасности, отличаются абстрактностью постановки проблемы, не разработанностью методологической и концептуальной базы научного анализа.³ К немногочисленным работам по данной проблематике можно отнести публикации М.В. Эпштейн, Е.А. Егоровой⁴, О.И. Бантиковой⁵, М.В. Карманова, О.В. Кучмаевой, О.Л. Петряковой⁶, П.А. Смелова⁷, А.В. Попова, О. Н. Калачиковой⁸, Д. М. Мардас⁹, П. Никитенко¹⁰, О. Хорев¹¹. В казахстанской историографии практически отсутствует теоретическое и методологическое осмысление оценки демографической безопасности государства.

В российской историографии можно выделить работы коллегива ученых - В. Б. Дударева, П. А. Смелова, М.В. Карманова

3. Тиводар С.И. Политико-правовое конструирование демографической безопасности. - Ростов н/Д: РЮИ МВД России, 2007. - 167 с.

4. Эпштейн М.В., Егорова Е.А., Карманов М.В., Смелов П.А., Карманов А.М. Методология анализа демографической безопасности и миграции населения. - М.: Финансы и статистика, 2013. - 168 с.

5. Бантикова О.И. Демографическое состояние как реальная и потенциальная угроза устойчивому развитию общества // Взаимодействие реального и финансового секторов в трансформационной экономике: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 02-03 февраля 2006. - Оренбург: ОГУ, 2006. - С. 92 - 97.

6. Карманов М.В., Кучмаева О.В., Петрякова О.Л. Демографическая безопасность: теория, методология и оценка также исследованы теоретико-методологические основы данной проблемы // Экономика, статистика и информация, 2015. - №4. - С.123 - 127.

7. Карманов М.В., Карманова А.М., Смелов П.А. Особенности интегральной оценки уровня демографической безопасности общества // Экономика, статистика и информация. - 2009. - №4. - С.116 - 119.

8. Попов А.В., Калачикова О.Н. Интегральные индексы в оценке демографической безопасности территорий // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. - 2015. № 4 (46) - С.56 - 66.

9. Мардас Д.М. Рождаемость как критерий и фактор преодоления демографических угроз // Вопросы организации и информатизации здравоохранения. - 2020. - № 1 (102). - С. 4 - 9.

10. Никитенко П. Демографическая безопасность и внешняя миграция населения // Общество и экономика. - 2008. - № 6. - С. 3 -11.

11. Хорев О. Демографическая безопасность России и ее регионов: проблемы и пути их решения // Вестник финансового университета. - 2014. - № 3. - С. 14 - 25.

и А.М. Зареченского¹², Л.Л. Рыбаковского¹³, И. Амосова¹⁴, в которых отмечены основные направления данного процесса и возможные формы проявления демографических угроз.

Также было определено, что различные аспекты демографической безопасности Казахстана освещены в публикациях Э.О. Кырыкбаевой¹⁵, А. Королева, М. Мамаева¹⁶, А.А. Кайгородцева¹⁷, К.В. Григоричева, Е.П. Зимовиной¹⁸, Р.М. Мушанова.¹⁹

Анализ этих публикаций позволил выявить такие проблемы и риски, как неконтролируемая трудовая миграция; нелегальная внешняя миграция; диспропорции в численности мужчин и женщин в структуре населения; нерегулируемая миграция «село-город»; демографическая ситуация в депрессивных регионах; рождаемость и репродуктивное здоровье мужчин и женщин; взаимосвязь демографической и религиозной ситуации; старение населения и т.д.

Определено, что одним из серьезных рисков является неконтролируемая миграция, нелегальная миграция, интеллектуальная миграция («утечка мозгов»). В связи с этим были рассмотрены

12. Смелов П.А., Карманов М.Б., Дударев В.Б., Зареченский А.М. Методология экономико-статистического исследования демографической безопасности и здоровья общества [Электронный ресурс]. - 2009. - Режим доступа: <http://mba.mesi.ru/upload/iblock/c54/978-5-7764-0585-3.pdf> (дата обращения 12.09.2020).

13. Рыбаковский Л.Л. Демографическая безопасность // Безопасность Евразии. - №3. - 2003. - С.154 - 186.

14. Амосов И. Влияние демографических процессов на национальную безопасность России. - М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2019. - 200 с.

15. Кырыкбаева Э.О. Демографические и миграционные угрозы для национальной безопасности Казахстана [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://конференция.com.ua/files/image/konf%2010/konf%2010_1_11.pdf (дата обращения 05.10.2020).

16. Королев А., Мамаев М. Казахстану удалось справиться с демографическими вызовами [Электронный ресурс] // Литер. - 2011. - 21 октября (№196). - Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31070219 (дата обращения 05.11.2020).

17. Кайгородцев А.А. Анализ экономической безопасности Казахстана // Вестник КАСУ. - 2007. - №4. - С.191 - 198.

18. Григоричев К.В., Зимовина Е.П. Беженцы и вынужденные мигранты. Международные правовые документы и законодательство Республики Казахстан: сб. документов / составители: К.В. Григоричев, Е.П. Зимовина. - Караганда: Экожан, 2004. - 224 с.

19. Мушанов Р.М. Основные угрозы демографической безопасности государств постсоветского пространства // Вестник КазНУ, серия Философия, политология, культурология. - 2010. - №2 (35). - С.53 - 57.

работы, посвященные миграционной политике, миграционному движению населения Казахстана и ее последствиям. Изучены монографии Ю.Г. Александрова «Казахстан перед барьером модернизации»²⁰; А. Нуршы «Новые тенденции в идеологии России: вызовы для Казахстана»²¹; Е.Ю. Садовской «Китайская миграция в Республику Казахстан: традиции Шелкового пути и новые векторы сотрудничества»²²; «Международная трудовая миграция в Центральной Азии в начале XXI века (на примере Республики Казахстан)»²³; «Трансграничные вызовы национальному государству»²⁴; И. Савина «Вызовы нелегальной трудовой миграции: реальность и мифы (на примере концепций национальной безопасности России и Казахстана)»²⁵; М.С. Ашимбаева, Г.А. Курганбаевой, Л.М. Музапаровой, Л.Ю. Гусевой, Д.К. Калиевой, Т.А. Дмитриенко, С.Т. Сейдуманова «Современная демографическая ситуация в Казахстане»²⁶; М. Асанбаева «Анализ внутренних миграционных процессов в Казахстане: выводы, меры, рекомендации».²⁷

Миграционной проблеме, как одной из главных угроз безопасности государства, на сегодняшний день большое внимание уделяют зарубежные авторы. В их ряду можно отметить рабо-

20. Александров Ю. Г. Казахстан перед барьером модернизации. - М.: Институт Востоковедения РАН, 2013. - 288 с.

21. Нурша А. Новые тенденции в идеологии России: вызовы для Казахстана? / Ин-т мировой экономики и политики (ИМЭП) при Фонде Первого Президента Республики Казахстан. - Астана - Алматы: ИМЭП, 2014. - 68 с.

22. Садовская Е. Ю. Китайская миграция в Республику Казахстан. Традиции Шелкового пути и новые векторы сотрудничества. - Алматы: Раритет, 2014. - 444 с.

23. Садовская Е. Ю. Международная трудовая миграция в Центральной Азии в начале XXI века (на примере Республики Казахстан). - М.: Восточная книга, 2013. - 576 с.

24. Трансграничные вызовы национальному государству /автор проекта, науч. и литератур. ред. Сергей Панарин. - СПб.: Интерс-социс, 2015. - 390 с.

25. Савин И. Вызовы нелегальной трудовой миграции: реальность и мифы // Трансграничные вызовы национальному государству: сб. статей. - СПб.: Интерс-социс, 2015. - С. 166–190.

26. Ашимбаев М.С., Курганбаева Г.А., Музапарова Л.М., Гусева Л.Ю., Калиева Д.К., Дмитриенко Т.А., Сейдуманов С.Т. Современная демографическая ситуация в Казахстане. - Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2004. - 60 с.

27. Асанбаева М. Анализ внутренних миграционных процессов в Казахстане: выводы, меры, рекомендации. - Алматы: Прин Экспресс, 2010–234 с.

ты российских авторов: «Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, последствия, перспективы»²⁸; «Миграционная ситуация в странах СНГ»²⁹; «Политика иммиграции и натурализации в России: состояние дел и направления развития»³⁰; «Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е годы»³¹; «Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии»³²; С. Панарина «Восток на Востоке, в России и на Западе: трансграничные миграции и диаспоры»³³, И. Бочкаревой «Трансграничные мигранты в восприятии российских студентов (по материалам экспресс-опросов в трех университетах)»³⁴, В. Дятлова «Восток на Востоке, Восток на Западе и Восток в России: миграция – адаптация – идентичность»³⁵, С. Абашина «И здесь, и там: транснациональные аспекты миграции из Центральной Азии в Россию»³⁶, Д. Полетаева «Изменение практик поведения трудовых мигрантов из Средней Азии в Россию»³⁷; Е. Варшавера, А. Рочевой «Инте-

28. Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, последствия, перспективы / под ред. Г. Витковской. - Москва: Московский Центр Карнеги, 1996. - 146 с.

29. Миграционная ситуация в странах СНГ / под ред. Ж.А. Зайчковой. - М., 1999. - 288 с.

30. Политика иммиграции и натурализации в России: состояние дел и направления развития. Аналитический доклад / под ред. С.Н. Градириковского, Фонд «Наследие Евразии». - М., 2005. - 310 с.

31. Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е годы / под ред. Ж.А. Зайчковой. - М., 1999. - 358 с.

32. Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии: материалы конференции / Моск. центр Карнеги Carnegieendowmentforintern. Peace / под ред. Г. Витковской. - Москва, 1998. - 229 с.

33. Панарин С.А., Бочкарева И.Б. Восток на Востоке, Восток на Западе и Восток в России: миграция – адаптация – идентичность // Восток. - 2015. - №3. - С. 160-166.

34. Бочкарева И., Панарин С. Трансграничные мигранты в восприятии российских студентов (по материалам экспресс-опросов в трех университетах) // Восток на Востоке, в России и на Западе: сб.ст. - Санкт-Петербург, 2016. - С. 107-123.

35. Дятлов В. Восток на Востоке России: китайские мигранты в переселенческом обществе (позднеимперская и постсоветская эпохи) // Восток на Востоке, в России и на Западе: сб.ст. - Санкт-Петербург, 2016. - С. 124-144.

36. Абашин С. И здесь, и там: транснациональные аспекты миграции из Центральной Азии в Россию // Восток на Востоке, в России и на Западе: сб.ст. - Санкт-Петербург, 2016. - С. 159-176.

37. Полетаев Д. Изменение практик поведения трудовых мигрантов из Средней Азии в Россию // Восток на Востоке, в России и на Западе: сб.ст. - Санкт-Петербург, 2016. - С.177-193.

грация мигрантов на локальном уровне: западный и российский опыт»³⁸, Ж. Зайончковской, Е. Тюрюкановой «Иммиграция: путь к спасению или троянский конь?»³⁹, «Перед лицом иммиграции»⁴⁰ и другие.

Отдельным направлением источникового анализа стало изучение таких публикаций в средствах массовой информации, которые так или иначе затрагивают различные аспекты демографической безопасности, как части социально-экономической безопасности Казахстана. С помощью контент-анализа проанализированы статьи К. Татиля «Географическое положение Казахстана и шанс на его исторический прогресс» и «Миграция из Казахстана: в чем корень проблемы, и нужно ли с ней мириться»; А. Алёховой «Выехавшие на ПМЖ казахстанцы забрали из ЕНФП почти 100 млрд.тенге»; М. Сугирбаевой «Казахстан: особенности национальной кадровой политики», М. Алимova «Россия высасывает из Казахстана главное – его будущее»; Ж. Джандосовой «Повлияет ли новая миграционная политика России на миграцию из Казахстана?»; Т. Киселевой «Миграционный потенциал казахстанцев очень низкий – эксперты»; А. Жанузакова «Технари», экономисты и педагоги покидают Казахстан – статистика»; М. Байхожи «Многодетные семьи в Казахской ССР и в Казахстане: почувствуйте разницу»; А. Омирбека «Многодетность: грани ответственности и безответственности не только родителей, но и государства»; Д. Науханова «К 2030 году русских в стране практически не останется» и многих других авторов.

По итогам обобщения зарубежного опыта выявлены особенности обеспечения демографической безопасности таких стран, как Республика Беларусь (единственной страны на постсоветском пространстве, где был принят закон «О демографической

38. Варшавер Е., Рочева А. Интеграция мигрантов на локальном уровне. Западный и российский опыт // Восток на Востоке, в России и на Западе: сб.ст. - Санкт-Петербург, 2016. - С.194-213.

39. Зайончковская Ж., Тюрюканова Е. Иммиграция: путь к спасению или троянский конь? // Миграция в России. 2000–2012: хрестоматия: в 3 т. / под ред. И.С. Иванова - М.: Спецкнига, 2013. - Т.1, Ч. 1. - С. 51-77. - 880 с.

40. Зайончковская Ж. Перед лицом иммиграции // Миграция в России. - Т.1.Ч.2. - С.117-128.

безопасности)»⁴¹, Российская Федерация⁴², Литва⁴³, Латвия⁴⁴, Эстония, Франция⁴⁵, США, Германия, Индия, Бангладеш, Пакистан⁴⁶, Индонезия и Китай.

В результате исследования мировых трендов изучения демографической безопасности и демографической политики было установлено, что целью всех государств в данном направлении выступает повышение уровня жизни населения, процветание государства, укрепление демографической и национальной безопасности. Отличаются лишь методы реализации демографической политики.

На основе полученных данных, были определены два кластера – две группы стран, кардинальным образом отличающихся методами, инструментами и механизмами обеспечения демографической безопасности:

1) Страны с традиционно высокой рождаемостью, быстро растущим населением, молодой возрастной структурой (Индия, Индонезия, Египет, Пакистан и т.д.). Проблема этих стран заключается в том, что уровень жизни многочисленных молодых поколений ниже уровня жизни старших поколений. У государства не хватает средств, чтобы обеспечить новые поколения всем необходимым. Таким образом, с каждым новым поколением рас-

41. О демографической безопасности Республики Беларусь: закон [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30548483 (дата обращения 15.11.2020).

42. Концепция демографической политики до 2025 года Российской Федерации от 2007 года [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms> (дата обращения 2020-10-7).

43. Концепция семейной политики Литвы от 2008 года [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.ltv.lv/litovskoje_vremia/13-konceptcija-semejnojji-politiki-gosudartsva.html (дата обращения 12.11.2020).

44. Аракелова М.П., Богданов С.В. Семейная политика в странах Балтии: проблемы и перспективы развития в контексте европейского опыта // Вестник МГУ, серия №21 Управление (государство и общество). - 2010. - №3. - С. 147-165.

45. Никулина Ю., Нижник Н. Правовые средства обеспечения демографической политики в странах Западной Европы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2012. - №1(53). - С. 38-45.

46. Cincotta R., Madsen E.L. Bangladesh and Pakistan: Demographic Twins Grow Apart // New Security Beat is the blog of the Wilson Center's. - October 10, 2018. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.newsecuritybeat.org/2018/10/bangladesh-pakistan-demographic-twins-grow> (дата обращения 15.11.2020).

тет уровень бедности. Поэтому, в таких государствах проводится политика сдерживания рождаемости, планирования семьи и даже контроля над рождаемостью (Китай). Приоритетная цель – прекращение роста населения ради долгосрочного экономического и социального здоровья страны. Методы: внедрение контрацептивов, повышение уровня образования женщин, стерилизация женщин и мужчин (Индия), законодательные ограничения на число рождений.

2) Страны, проводящие политику стимулирования рождаемости. Это развитые страны с высоким уровнем жизни (практически все развитые европейские государства, Япония, США, Канада, Австралия и т.п.). Здесь низкая рождаемость приводит к старению населения, повышению удельного веса пенсионеров в составе населения, росту смертности, сокращению трудовых ресурсов. В целом – к сокращению численности населения. Методы стимулирования рождаемости: денежные пособия по рождению ребенка, ежегодные пособия на ребенка (до 18 лет, часто и до 25 лет), снижение налогов, дотации на образование, помощь в приобретении жилья и т.д. Решение проблемы возможно и с помощью привлечения населения с высоким уровнем рождаемости из других регионов (государств).

Изучение опыта других стран позволило оценить состояние демографической политики в них и определить критерии оценки демографической безопасности для Казахстана.

К нормативно-правовым документам, прямо или косвенно относящимся к механизмам обеспечения демографической безопасности в Казахстане можно отнести: Постановление Кабинета Министров Казахской ССР «О порядке и условиях переселения в Казахскую ССР лиц коренной национальности, изъявивших желание работать в сельской местности, из других республик и зарубежных стран» (1991 г.), также ориентированным на регулирование организованного переселения лиц казахской национальности в Казахстан, стал Закон «Об иммиграции», принятый 26 июня 1992 года Верховным советом РК. Согласно документу, в республике стало устанавливаться предельное число (квота) этнических иммигрантов и материально-финансовые ресурсы,

необходимые для их приема, обустройства и адаптации; закон Республики Казахстан «О правовом положении иностранцев» (1995 г.). Основные принципы политики репатриации воплотила в себя, утвержденная постановлением Правительства РК от 16 сентября 1998 года, Концепция репатриации этнических казахов на историческую родину, а также другие подзаконные нормативно-правовые акты: приказ Агентства по миграции и демографии Республики Казахстан «Инструкция о порядке определения статуса репатрианта (оралмана), реэмигранта, переселенца, а также вынужденного переселенца» (1999 г.), закон Республики Казахстан «О беженцах» (2009 г.), постановление Правительства РК «Об определении регионов для расселения оралманов» (2014 г.), приказ Министра труда и социальной защиты населения Республики Казахстан от 22 июля 2013 года № 329-Ө-М «Об утверждении Правил присвоения или продления статуса оралмана» (изменен 2020 г.), постановление Правительства Республики Казахстан от 24 декабря 2019 года № 967 «Об установлении региональной квоты приема оралманов и переселенцев на 2020 год» и другие.

Регулирование миграционного законодательства определялось: «Законом о миграции населения» (2011 г.), Постановлением Правительства РК «Об утверждении отраслевой Программы миграционной политики Республики Казахстан на 2001-2010 годы» (2001 г.), Концепциями миграционной политики Республики Казахстан на 2007–2015 гг. (2007 г.), на 2017–2021 годы (2017 г.), на 2022 – 2026 годы (2022 г.); «Законом о национальной безопасности РК» (2012 г.); Постановлением Правительства РК «Правила въезда и пребывания иностранных граждан в Республике Казахстан, а также их выезда из Республики Казахстан» (2012 г.), Приказом и.о. Министра здравоохранения и социального развития Республики Казахстан «Об утверждении Правил и условий выдачи и (или) продления разрешений работодателям на привлечение иностранной рабочей силы, а также осуществления внутрикорпоративного перевода» (2016 г., изменен 2020 г.), Постановлением Правительства Республики Казахстан «Об утверждении Правил въезда и пребывания иммигрантов в Республике Казахстан, а также их выезда из Республики Казах-

стан и Правил осуществления миграционного контроля, а также учета иностранцев и лиц без гражданства, незаконно пересекающих Государственную границу Республики Казахстан, незаконно прибывающих на территории Республики Казахстан, а также лиц, которым запрещен въезд на территорию Республики Казахстан (2012 г., с изменениями 2020 г.) и др.

Анализ нормативно-правовой базы и действующих законодательных механизмов обеспечения демографической безопасности Казахстана позволил сделать вывод: демографическое развитие Республики Казахстан не в полной мере отражено в правовых документах, существует острая потребность в разработке и реализации системной демографической политики Казахстана. Последняя на сегодняшний день Концепция демографического развития завершила срок своего действия в 2011 году. В течение последнего десятилетия не была разработана и принята новая концепция демографического развития республики, учитывающая потенциальные и актуальные риски и угрозы.

В основу статической источниковой базы исследования легли данные переписей населения 1989 г., 1999 г., 2009 г. и текущей статистики.

Перепись населения 1989 г. – последняя Всесоюзная перепись населения в СССР. Учитывалось наличное и постоянное население. Программа переписи содержала 25 признаков. В переписи использовался выборочный метод. Применялись две формы переписных листов. Сплошная перепись содержала 20 вопросов, выборочная – 5 вопросов. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. по Казахской ССР изданы в трех томах, построенных по тематическому признаку. Из интересующих авторов данных имеются следующие материалы: численность и размещение населения, группировки районов и сельских советов по численности населения, группировки городских населенных пунктов по типам и численности населения; половозрастной состав населения, состояние в браке, средний возраст населения; распределение населения по уровню образования и обучения; национальный состав населения; распределение занятого населения по отраслям народного хозяйства; социальный состав населения; миграция

населения, продолжительность проживания в месте постоянного жительства; число рожденных и число живущих детей; численность занятого населения отдельных национальностей по отраслям народного хозяйства.⁴⁷

В 1999 г. была проведена первая национальная перепись населения суверенного Казахстана. Программа переписи содержала 23 вопроса. По многим параметрам материалы переписи населения 1999 г. совпадают с данными Всесоюзной переписи 1989 г. (численность и размещение населения, национальный состав, половозрастная структура как в целом по республике, так и областном разрезе, миграции населения и др.). В тоже время, трансформация системы общественных и производственных отношений повлияла на программу переписи населения 1999 г. Появились новые вопросы, невозможные при прежней политической системе: трудовой статус человека (работодатель, наемный работник или безработный); степень владения государственным языком; новые постановки вопросов об источниках средств существования и т.д. Особенностью переписи населения 1999 г. стало то, что она корректировалась в соответствии с программами и стандартами ООН и являлась итоговой переписью XX века.⁴⁸

В 2009 г. была проведена вторая национальная перепись населения РК. Перепись проводилась по международным стандартам. Программа переписи включала 45 вопросов для населения и 8 групп вопросов касались жилищных условий. Основные параметры переписей населения 1999 и 2009 гг. идентичны и сопоставимы. Вместе с тем, в программу переписи 2009 г. введены

47. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года по Казахской ССР. Пол, возраст и состояние в браке (раздел 2). - Алма-Ата: Республиканский информационно-издательский центр, 1990. - 221 с.; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года по Казахской ССР. Раздел 1. Часть 2. Численность и размещение населения. - Алматы: Республиканский информационно-издательский центр, 1994. - 387 с.; Население Республики Казахстан по национальностям, полу и возрасту. Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан: стат. сб. Т. 4, Ч. 1. - Алматы: РИИЦ, 2000. - 184 с.

48. Население Республики Казахстан по состоянию в браке. Итоги переписи населения 1999 г. в Республике Казахстан: стат. сб. - Алматы: РИИЦ, 2000. - 173 с.; Численность и размещение населения в Республике Казахстан. Итоги переписи населения 1999 г. в Республике Казахстан: стат. сб.: Т. 1. - Алматы: РИИЦ, 2000. - 213 с.; Население Республики Казахстан. Итоги национальной переписи Республики Казахстан. 2009 г.: стат. сб.: Т. 1. - Астана: РИИЦ, 2011.- 194 с.

вопросы, расширяющие возможности изучения вопросов семьи и брака (12 вопросов), образования населения (9 вопросов), экономических характеристик населения (14 вопросов), миграций населения (6 вопросов) и др. Данные переписи населения 2009 г. предоставляют обширный демографический материал, позволяющий проводить как синхронный, так и диахронный анализ демографических процессов.⁴⁹

Переписи населения, при всей их важности, предоставляют данные на конкретную дату. Для анализа демографических процессов в межпереписные периоды большое значение приобретают данные текущей статистики. Наиболее полная информация содержится в «Демографических ежегодниках Казахстана», издающихся Агентством РК по статистике <https://stat.gov.kz>. Важное значение имеет то, что в основном, статистические данные, представленные в ежегодниках, сопоставимы: Численность и состав населения (национальный, возрастной, половой); показатели рождаемости (общие и возрастные коэффициенты рождаемости, родившиеся у женщин, не состоящих в браке и т.д.); показатели смертности (общие и возрастные коэффициенты смертности, младенческая смертность); ожидаемая продолжительность жизни; миграции населения (международные и внутренние) и т.д. Статистический материал, представленный в региональном разрезе, позволяет рассматривать демографические процессы в динамике, заметить нарождающиеся тенденции.⁵⁰

49. Занятость населения в Республике Казахстан. Итоги национальной переписи населения 2009 г. в Республике Казахстан.: стат.сб. в 3-х т. / под ред. А.А. Смаилова. - Астана: РИИЦ, 2010. - 155 с.; Образование в Республике Казахстан. Итоги национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 г.: стат. сб. / под ред. А.А. Смаилова. - Астана, 2011. - 203 с.

50. Демографический ежегодник. 1990. Госкомстат СССР. - М.: Финансы и статистика. 1990. - 639 с.; Демографический ежегодник Казахстана. Алматы, 1996. - 93 с.; Демографические ежегодники Республики Казахстан за 2004 - 2019 гг. Комитет по статистике министерства национальной экономики Республики Казахстан [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://stat.gov.kz/edition/publication/collection> (дата обращения 13.06.2022); Демографический ежегодник регионов Казахстана: стат.сб. / под редакцией Б. Султанова. - Алматы: РИИЦ, 2006. - 548 с.; Этнодемографический ежегодник Казахстана: стат. сб. / под ред. Ю.К. Шокаманова. - Алматы: РИИЦ, 2006. - 440 с.; Бюллетени: Численность населения Казахстана по отдельным этносам; Естественное движение населения Казахстана; Миграция населения Казахстана, с 2003 - 2022 год. Комитет по статистике министерства национальной экономики Республики Казахстан [Электронный ресурс]. - Режим доступа:

В результате выявлен круг вопросов и проблем демографического развития и регулирования демографических процессов, которые нуждаются во внимании со стороны государственных структур и научного сообщества:

- 1) недостаточность институционально-правового обеспечения национальных интересов, анализа существующих законодательных механизмов обеспечения демографической безопасности;
- 2) неразработанность методологической и концептуальной базы научного анализа демографической безопасности;
- 3) недостаточность ретроспективного анализа этнодемографических процессов;
- 4) недостаточность статистических данных, особенно в этнодемографическом и этносоциальном разрезе;
- 5) отсутствие глубинного анализа взаимозависимости между демографическими процессами и уровнем обеспечения национальной безопасности РК;
- 6) не учитывались региональные особенности демографического развития Казахстана;
- 7) отсутствие научно обоснованной системы оценки уровня демографических рисков и угроз, как на республиканском, так и региональном уровнях;
- 8) отсутствие анализа демографических процессов в контексте социально-экономического развития;
- 9) отсутствие анализа взаимосвязей процессов воспроизводства и миграции населения;
- 10) недостаточность методологической основы для прогнозирования этнодемографических и этносоциальных процессов, а также выявления демографических рисков и угроз.

1. ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАЗАХСТАНА: ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

1.1 Общие и региональные тенденции демографического развития Казахстана (1959–2019 гг.)

Изменения этнической структуры Казахстана. Для выявления тенденций демографического развития современного Казахстана, большое значение имеет историческая ретроспектива этнодемографических процессов, определенная авторами периодом между переписями населения 1959 и 1989 гг. Данные статистики свидетельствуют о том, что фактически за одно демографическое поколение (тридцатилетие между переписями населения 1959–1989 гг.) численность казахского этноса увеличилась в 2,34 раза (таблица 1.1). Наиболее высокие темпы роста (51,9%) наблюдались в 1960-е годы (переписи населения 1959-1970 гг.)

Таблица 1.1 Численность и этнический состав населения Казахстана по данным Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. (тыс. человек).

Этносы	1959		1970		1979		1989	
	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%
Все население	9294,7	100	13008,7	100	14684,3	100	16464,5	100
Казахи	2787,3	30,0	4234,2	32,5	5289,3	36,0	6534,6	39,7
Русские	3972,0	42,7	5521,9	42,4	5991,2	40,8	6227,5	37,8
Украинцы	741,3	8,2	933,5	7,2	898,0	6,1	956,2	5,8
Немцы	659,8	7,1	858,1	6,6	887,4	6,1	957,5	5,8
Другие этносы	1134,3	12,2	1461,0	11,2	1618,4	11,0	1788,7	10,9

Источник: Всесоюзная перепись населения, 1959 г.; Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг., 1991. - С. 70–71.

Статистические данные свидетельствуют о том, что в 1950-1960-е гг. казахи переживали состояние демографического взрыва. Отметим, что определяющее, на наш взгляд, значение имела сложившаяся в это время этническая дифференциация социально-экономической деятельности. Индустриально-промышленные функции выполняли в основном «не титульные» этносы. Большинство казахов оставались сельскими жителями. Сохранившиеся традиции высокой рождаемости, поддержанные государственными социальными преференциями (бесплатная медицина и образование, государственные пособия, поддержка многодетных семей и т. д.), привели к качественному изменению демографических характеристик этноса. Следствием быстрого снижения смертности (в первую очередь младенческой) на фоне сохраняющегося уровня рождаемости стал стремительный рост численности населения. Демографический потенциал, накопленный казахами в 1950-80-е годы, во многом стал основой успешного функционирования суверенной демографической системы (таблица 1.2).

Таблица 1.2. Численность и состав населения Казахстана по данным переписей населения 1989, 1999, 2009 гг. и текущей статистики 2019 г. (тыс. человек)

Этносы	1989		1999		2009		2019	
	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%
Все население	16464,5	100	14953,1	100	16009,6	100	18395,5	100
Казахи	6534,6	39,7	7985,0	53,4	10096,8	63,1	12587,5	68,4
Русские	6227,5	37,8	4509,6	30,2	3793,8	23,7	3471,0	18,9
Украинцы	956,2	5,8	547,1	3,7	333,0	2,1	270,9	1,5
Немцы	957,5	5,8	353,4	2,3	178,4	1,1	178,6	1,0
Другие этносы	1788,7	10,9	1558,0	10,4	1607,6	10,0	1887,5	10,2

Источник: Статистический сборник по отдельным показателям всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. - Алма-Ата, 1991. - С.7 - 70; Национальный состав населения РК. Т. 1. Итоги переписи населения 1999 г. в РК. - Алматы, 2000. - С.6 - 8; Национальный состав, вероисповедание и владение языками в РК. Итоги национальной переписи населения 2009 г. в РК. Статистический сборник. - Астана, 2010. - С.4 - 6; Численность населения Казахстана по отдельным этносам на начало 2019 г. Комитет по статистике Министерства Национальной экономики РК. Астана, 2019.

Как свидетельствуют статистические данные, в конце XX - начале XXI вв. происходит кардинальная смена этнического состава Казахстана. Все более уверенно динамику численности населения государства определяют казахи. В 1989–2019 гг. жителей в Казахстане стало больше на 11,2%. При этом численность казахов увеличилась в 1,9 раз, русских – сократилась в 1,8 раза, украинцев – в 3,5 раза, немцев – в 5,4 раза. В результате, в 2019 г. удельный вес казахов в составе населения составил 68,4% (таблица 1.2).

Становление суверенной демографической системы прошло несколько этапов. Этнодемографические эволюции, происходившие в Республике Казахстан в 1990-е годы (1989–1999 гг.), явились следствием сложных и противоречивых процессов переходного периода. На фоне политических, социальных, экономических, культурологических потрясений разрушается советская «европеизированная» демографическая система, закладывается фундамент суверенной системы, основанный на социокультурных, социально-экономических предпочтениях казахского этноса. Эти явления негативно сказались на демографических процессах, численность населения Казахстана начинает сокращаться. В то же время удельный вес казахского этноса в составе населения республики составил 53,4% (таблица 1.2). Определилась тенденция ведущей роли казахов в демографическом развитии РК.

Еще большую динамику процесс обрел в первое десятилетие XXI века (1999–2009 гг.). В 2009 г. удельный вес этноса в составе населения увеличился до 63,1% (таблица 1.2). Высокие темпы роста числа казахов стали определяющим фактором увеличения численности населения республики в 1999–2009 гг. В то же время, существенно замедлились темпы сокращения других этносов Казахстана, в первую очередь русских. В результате, в 2009 г. почти восстановилась численность населения Казахстана на уровне 1989 г., но при этом его этнический состав кардинально изменился. Определяющим демографическую ситуацию большинством в

первое десятилетие XXI века стали казахи. Европейская этническая группа за тот же период уменьшилась почти в два раза, ее удельный вес в составе населения существенно снизился.

Таким образом, демографическое влияние европейских этнических групп, более века воздействовавших на динамику численности населения Казахстана, к 2009 г. стало минимальным. С этого момента демографическое поведение казахов в решающей степени определяет демографические тенденции в стране. Динамика роста численности населения республики становится все более высокой. На взгляд авторов, причиной «демографического ускорения», происходящего на фоне социально-экономической стабилизации, являются следующие факторы:

- постепенно увеличивающийся объем социальных программ по поддержке многодетных семей, выплат социальных пособий по рождению ребенка и т. п.;

- сохраняется удачная конъюнктура возрастной структуры, в репродуктивном возрасте находится значительная группа населения;

- сокращающаяся эмиграция уже почти не определяет сути демографических процессов. В тоже время начинает приносить демографические плоды иммиграционная политика государства. Среди этнических репатриантов в гораздо большей степени распространены традиционные репродуктивные установки, многодетные семьи;

- изменение этнического состава населения: доминирующим этносом становятся казахи. Количественные изменения этнического состава перешли в новое качество;

- демографическая ситуация в государстве определяется уже представителями казахского этноса, сохраняющего более высокие репродуктивные установки.

На сложившейся этнической основе произошел дальнейший рост численности населения Казахстана. В 2009–2019 гг. темпы роста составили 14,9%, что в 2,1 раза выше темпов роста в предыдущее десятилетие (1999–2009 гг.). Динамика роста численности казахов в сравнении с периодом 1999–2009 гг. несколько снизилась (с 26,4% до 24,7%) вследствие сокращения иммиграцион-

ного потока, но намного меньше (в 1,9 раза) стали и темпы снижения численности русских. Демографические эволюции других европейских групп на общую ситуацию оказывают все меньшее влияние вследствие их малочисленности (таблица 1.2).

Демографические процессы, многие десятилетия, развивающиеся на внешней основе, все больше детерминируются внутренними факторами. Основные варианты демографического развития находятся внутри страны и сконцентрированы в культурологических, социальных особенностях казахского этноса. Впервые в новейшей истории демографическая система республики начала функционировать на суверенной основе.

Региональный аспект. Статистическим подтверждением суверенных эволюций стали данные текущей статистики 2019 г. о численности и этническом составе населения Казахстана (таблица 1.3). Этнический состав республики, как в городах, так и в сельской местности, определяют казахи. В 2019 г. почти во всех регионах Казахстана (кроме Северо-Казахстанской и Костанайской областей) они являются большинством населения. При этом в Атырауской, Мангистауской и Кызылординской областях удельный вес казахов превышает 90%. Близка к этому показателю и Актюбинская область. В настоящее время казахское население, во многом сохранившее традиционные ценности, является мощным демографическим ресурсом государства в большинстве регионов.

В регионах Казахстана динамика процесса была неодинакова. Так, для областей Южного Казахстана характерен довольно высокий удельный вес казахского населения, особенно в сравнении с Северным, Восточным и Центральным Казахстаном, где в 1989 г. проживало немалое число представителей европейских этносов, подверженных эмиграции (таблица 1.4).

Таблица 1.3 Численность и этнический состав населения Казахстана по данным текущей статистики 2019 г. (тыс. человек).

Область	Все население		Казахи		Русские		Украинцы		Немцы		Другие этносы	
	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%
Казахстан	18395.5	100	12587.5	68.4	3471.0	18.9	270.9	1.5	178.0	1.0	1887.5	10.2
Акмолинская	738.6	100	379.3	51.4	242.7	32.9	31.8	4.3	26.0	3.5	58.8	8.0
Актюбинская	869.6	100	720.4	82.8	98.6	11.3	21.6	2.5	5.7	0.7	23.3	2.7
Алматинская	2038.9	100	1469.5	72.1	271.9	13.3	3.6	0.2	8.6	0.4	285.3	14.0
Атырауская	633.8	100	586.8	92.6	33.4	5.3	0.8	0.1	0.5	0.1	12.3	1.9
Западно-Казахстанская	652.3	100	498.0	76.3	125.6	19.3	9.2	1.4	1.3	0.2	18.2	2.8
Жамбылская	1125.4	100	818.5	72.7	110.0	9.8	2.7	0.2	4.3	0.4	189.9	16.9
Карагандинская	1378.5	100	714.1	51.8	488.9	35.5	40.1	2.9	32.0	2.3	103.4	7.5
Костанайская	872.8	100	355.7	40.8	357.6	41.0	71.8	8.2	27.2	3.1	60.5	6.9
Кызылординская	794.3	100	764.6	96.3	14.6	1.8	0.3	0.0	0.1	0.0	14.7	1.9
Мангистауская	678.2	100	617.1	91.0	36.8	5.4	1.8	0.3	0.3	0.0	22.2	3.3
Павлодарская	753.9	100	394.7	52.4	267.1	35.4	32.4	4.3	20.3	2.7	39.4	5.2
Северо-Казахстанская	554.5	100	194.2	35.0	274.6	49.5	22.9	4.1	19.7	3.6	43.1	7.8
Туркестанская	1984.0	100	1508.2	76.0	35.5	1.8	0.9	0.0	1.3	0.1	438.1	22.1
Восточно-Казахстанская	1378.5	100	834.8	60.6	496.6	36.0	3.8	0.3	12.9	0.9	30.4	2.2
Астана	1078.4	100	852.0	79.0	138.5	12.8	14.2	1.3	9.3	0.9	64.4	6.0
Алматы	1854.7	100	1120.5	60.4	468.1	25.2	10.4	0.6	7.6	0.4	248.1	13.4
Шымкент	1009.1	100	676.8	67.1	92.6	9.2	2.6	0.3	1.2	0.1	235.9	23.4

Источник: Численность населения Казахстана по отдельным этносам на начало 2019 г. Комитет по статистике Министерства национальной экономики [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://data.egov.kz/api/v4/kazakhstan_respublikasy_halkunu/v3/apikey=yourApiKey (дата обращения 13.06.2022).

Таблица 1.4 Численность и этнический состав населения Южно-Казахстана по данным переписей населения 1989 и 1999 гг. (тыс. человек)

Этносы	1989		1999		1999 к 1989 (%)
	ч-ть	%	ч-ть	%	
Все население	6316,8	100	6251,3	100	99,0
Казахи	3050,9	48,3	3903,4	62,5	127,9
Русские	1832,8	29,0	1208,9	19,3	65,9
Украинцы	154,7	2,5	60,2	1,0	38,9
Немцы	233,5	3,7	45,7	0,7	19,6
Другие этносы	1044,9	16,5	1033,1	16,5	98,9

Примечание - в состав Южного Казахстана вошли Алматинская, Жамбылская, Кызылординская, Южно-Казахстанская области и г. Алматы по данным переписи населения 1999 г.

Источник: Национальный состав Республики Казахстан. Том 4, часть 1. Население Республики Казахстан по национальностям, полу и возрасту. Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан: стат. сб. / под ред. А. Смаилова. - Алматы, 2000. - С. 6–237.

Вследствие этого демографические потери Южного региона республики в 1989–1999 гг. были самыми небольшими в Казахстане. Численность казахов увеличилась на 27,9% (самый высокий показатель в стране), численность русских сократилась на 34,1% (самый высокий показатель). Наиболее динамично демографические процессы протекали в Алматы: численность казахов здесь в 1989–1999 гг. увеличилась на 72,2%, численность русских сократилась на 27,8%. Казахи все более концентрируются в крупных городах республики. Быстрыми темпами уменьшается представительство украинцев (в 2,6 раза) и немцев (в 5,1 раза).

Таблица 1.5 Численность и этнический состав населения Западного Казахстана по данным переписей населения 1989 и 1999 гг. (тыс. человек)

Этносы	1989		1999		1999 к 1989 (%)
	ч-ть	%	ч-ть	%	
Все население	2111,1	100	2054,3	100	97,3
Казахи	1262,4	59,8	1520,6	74,0	120,4
Русские	560,3	26,6	373,1	18,2	66,6
Украинцы	116,5	5,5	72,0	3,5	61,8
Немцы	38,7	1,8	14,4	0,7	37,2
Другие этносы	133,2	6,3	74,2	3,6	55,7

Примечание - в состав Западного Казахстана вошли: Актюбинская, Атырауская, Западно-Казахстанская, Мангистауская области по данным переписи населения 1999 г.

Источник: Национальный состав Республики Казахстан. Том 4, часть 1. Население Республики Казахстан по национальностям, полу и возрасту. Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан: стат. сб. / под ред. А. Смаилова. - Алматы, 2000. - С. 6–237.

Аналогичные процессы наблюдались и в Западном Казахстане (таблица 1.5). Здесь еще более высок удельный вес казахского населения, сохранившего положительный естественный прирост, и минимален – европейского. Общая численность населения региона уменьшилась лишь на 2,7%.

В Восточном, Северном и Центральном Казахстане (таблицы 1.6, 1.7, 1.8) демографическая ситуация развивалась по-иному. Темпы роста казахского населения здесь были ниже, чем в Южном и Западном регионах, а удельный вес европейских этносов – выше. Все это привело к более выраженному сокращению общей численности населения.

Таблица 1.6 Численность и этнический состав населения Центрального Казахстана по данным переписей населения 1989 и 1999 гг. (тыс. человек)

Этносы	1989		1999		1999 к 1989 (%)
	ч-ть	%	ч-ть	%	
Все население	1841,2	100	1410,2	100	76,6
Казахи	459,2	24,9	529,5	37,5	115,3
Русские	875,9	47,6	614,4	43,6	70,1
Украинцы	196,6	10,7	78,7	5,6	40,0
Немцы	167,7	9,1	57,1	4,0	34,0
Другие этносы	141,8	7,7	130,5	9,3	92,0

Примечание – в состав Центрального Казахстана вошла Карагандинская область по данным переписи населения 1999 г.

Источник: Национальный состав Республики Казахстан. Том 4, часть 1. Население Республики Казахстан по национальностям, полу и возрасту. Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан: стат. сб. / под ред. А. Смаилова. - Алматы, 2000. - С. 6–237.

Таблица 1.7 Численность и этнический состав населения Северного Казахстана по данным переписей населения 1989 и 1999 гг. (тыс. человек)

Этносы	1989		1999		1999 к 1989 (%)
	ч-ть	%	ч-ть	%	
Все население	4429,7	100	3706,3	100	83,7
Казахи	1075,6	24,3	1288,4	34,8	119,8
Русские	2044,1	46,1	1588,5	42,9	77,7
Украинцы	455,2	10,2	320,6	8,6	70,4
Немцы	450,7	10,2	204,1	5,5	45,3
Другие этносы	406,6	9,2	304,7	8,2	74,9

Примечание - в состав Северного Казахстана вошли: Акмолинская, Костанайская, Павлодарская, Северо-Казахстанская области и г. Астана по данным переписи населения 1999 г.

Источник: Национальный состав Республики Казахстан. Том 4, часть 1. На-

селение Республики Казахстан по национальностям, полу и возрасту. Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан: стат. сб. / под ред. А. Смаилова. - Алматы, 2000. - С. 6–237.

Таблица 1.8 Численность и этнический состав населения Восточного Казахстана по данным переписей населения 1989 и 1999 гг. (тыс. человек)

Этносы	1989		1999		1999 к 1989 (%)
	ч-ть	%	ч-ть	%	
Все население	1765,7	100	1531,0	100	86,7
Казахи	686,5	38,9	743,1	48,5	108,2
Русские	914,4	51,8	694,7	45,4	76,0
Украинцы	35,7	2,0	15,7	1,0	44,0
Немцы	66,9	3,8	32,1	2,1	48,0
Другие этносы	62,2	3,5	45,4	3,0	73,0

Примечание – в состав Восточного Казахстана вошла Восточно-Казахстанская область по данным переписи населения 1999 г.

Источник: Национальный состав Республики Казахстан. Том 4, часть 1. Население Республики Казахстан по национальностям, полу и возрасту. Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан: стат. сб. / под ред. А. Смаилова. - Алматы, 2000. - С. 6-237.

В следующее десятилетие (1999–2009 гг.) положительная динамика численности населения также наблюдалась в областях с большим удельным весом казахского этноса (Южный и Западный Казахстан).

Наиболее высокая динамика роста наблюдалась в Южном Казахстане (таблица 1.9). В 1999–2009 гг. жителей здесь стало больше на 17,5%. Ситуацию определяли казахи (30,9%), компенсировавшие потери русских, украинцев и немцев.

Таблица 1.9 Численность и этнический состав населения Южного Казахстана по данным переписей населения 1999 и 2009 гг. (тыс. человек)

Этносы	1999		2009		2009 к 1999 (%)
	ч-ть	%	ч-ть	%	
Все население	6251,3	100	7343,8	100	117,5
Казахи	3903,4	62,5	5109,7	69,6	130,9
Русские	1208,9	19,3	1034,6	14,1	85,6
Украинцы	60,2	1,0	29,9	0,4	49,7
Немцы	45,7	0,7	21,5	0,3	47,0
Другие этносы	1033,1	16,5	1148,1	15,6	111,1

Примечание - в состав Южного Казахстана вошли: Алматинская, Жамбылская, Кызылординская, Южно-Казахстанская области и г. Алматы по данным переписи населения 2009 г.

Источник: Национальный состав Республики Казахстан. Том 4, часть 1. Население Республики Казахстан по национальностям, полу и возрасту. Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан: стат. сб. / под ред. А. Смаилова. - Алматы, 2000. - С. 6–237; Перепись населения Республики Казахстан 2009 года. Краткие итоги: стат.сб. / под ред. А. А. Смаилова. - Астана, 2010. - С.11.

Определенный вклад в положительный результат внесли такие этнические группы, как узбеки, уйгуры, дунгане, проживающие на юге республики. Большое значение имеет и то, что в состав Южного региона входит г. Алматы, притягивающий население из всех областей Казахстана. В 1999–2009 гг. население Алматы увеличилось на 20,9%, при этом казахов стало больше на 66,7%. В результате, в 2009 г. удельный вес казахов в городе Алматы превысил пятидесятипроцентную отметку (53,0%). Численность русских на юге республики уменьшилась на 14,4%. Количество украинцев и немцев сокращалось еще более интенсивно, но в силу их небольшой численности (2,0% населения Южного Казахстана в 2009 г.), эти потери мало сказались на общих показателях и были компенсированы ростом числа других этносов, прежде всего узбеков.

В Западном Казахстане (таблица 1.10) представленность казахского этноса в составе населения была еще более впечатляющей и высоких темпов роста численности казахов (на 26,7%) оказалось достаточно для обеспечения положительной демографической динамики всего региона (рост на 14,5%).

Таблица 1.10 Численность и этнический состав населения Западного Казахстана по данным переписей населения 1999 и 2009 гг. (тыс. человек)

Этносы	1999		2009		2009 к 1999 (%)
	ч-ть	%	ч-ть	%	
Все население	2054,3	100	2352,4	100	114,5
Казахи	1520,6	74,0	1927,4	81,9	126,7
Русские	373,1	18,2	312,3	13,3	83,7
Украинцы	72,0	3,5	40,1	1,7	55,7
Немцы	14,4	0,7	7,5	0,3	52,1
Другие этносы	74,2	3,6	65,1	2,8	87,7

Примечание - в состав Западного Казахстана вошли: Актюбинская, Атырауская, Западно-Казахстанская, Мангистауская области по данным переписи населения 2009 г.

Источник: Национальный состав Республики Казахстан. Том 4, часть 1. Население Республики Казахстан по национальностям, полу и возрасту. Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан: стат. сб. / под ред. А. Смаилова. - Алматы, 2000. - С. 6–237; Перепись населения Республики Казахстан 2009 года. Краткие итоги: стат.сб. / под ред. А. А. Смаилова. - Астана, 2010. - С.11.

В регионах со значительным удельным весом русского и других европейских этносов, численность населения продолжала сокращаться (Восточный, Центральный и Северный Казахстан). Несмотря на увеличение числа казахов (например, в Северном Казахстане на 28,5%) общая численность населения в северных областях сократилась на 3,5% (таблица 1.11). Ситуацию не улучшила даже то, что в составе региона находилась столица республики – г. Астана, притягивающая население не только из Север-

ного Казахстана. В столице жителей за 10 лет стало больше почти в два раза. Такую динамику обеспечивали казахи, в 1999–2009 гг. их численность увеличилась в 3,2 раза в этом городе. Астана обеспечивала 79,4% роста численности казахов во всем Северном Казахстане. Обращают на себя внимание и самые низкие в республике темпы сокращения численности русских (5,4%).

Таблица 1.11 Численность и этнический состав Северного Казахстана по данным переписей населения 1999 и 2009 гг. (тыс. человек)

Этносы	1999		2009		2009 к 1999 (%)
	ч-ть	%	ч-ть	%	
Все население	3706,3	100	3575,1	100	96,5
Казахи	1288,4	34,8	1655,7	46,3	128,5
Русские	1588,5	42,9	1355,6	37,9	85,3
Украинцы	320,6	8,6	205,9	5,8	64,2
Немцы	204,1	5,5	102,5	2,9	50,2
Другие этносы	304,7	8,2	255,4	7,1	83,8

Примечание - в состав Северного Казахстана вошли: Акмолинская, Костанайская, Павлодарская, Северо-Казахстанская области и г. Астана по данным переписи населения 2009 г.

Источник: Национальный состав Республики Казахстан. Том 4, часть 1. Население Республики Казахстан по национальностям, полу и возрасту. Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан: стат. сб. / под ред. А. Смаилова. - Алматы, 2000. - С. 6–237; Перепись населения Республики Казахстан 2009 года. Краткие итоги: стат. сб. / под ред. А. А. Смаилова. - Астана, 2010. - С.11.

В Центральном Казахстане таких притягивающих центров нет, поэтому динамика роста численности казахов (на 17,5%) была не в состоянии компенсировать уменьшение количества многочисленных русских (на 13,7%) и представителей других этносов. Общая численность населения сократилась на 4,9% (таблица 1.12).

Таблица 1.12 Численность и этнический состав населения Центрального Казахстана по данным переписей населения 1999 и 2009 гг. (тыс. человек)

Этносы	1999		2009		2009 к 1999 (%)
	ч-ть	%	ч-ть	%	
Все население	1410,2	100	1341,7	100	95,1
Казахи	529,5	37,5	622,3	46,4	117,5
Русские	614,4	43,6	530,1	39,5	86,3
Украинцы	78,7	5,6	50,0	3,7	63,5
Немцы	57,1	4,0	32,8	2,5	57,4
Другие этносы	130,5	9,3	106,5	7,9	81,6

Примечание - в состав Центрального Казахстана вошла Карагандинская область по данным переписи населения 2009 г.

Источник: Национальный состав Республики Казахстан. Том 4, часть 1. Население Республики Казахстан по национальностям, полу и возрасту. Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан: стат. сб. / под ред. А. Смаилова. - Алматы, 2000. - С. 6–237; Перепись населения Республики Казахстан 2009 года. Краткие итоги: стат.сб. / под ред. А. А. Смаилова. - Астана, 2010. - С.11.

Наименее удачное сочетание факторов, способных повлиять на рост численности населения, сложилось в Восточном Казахстане (таблица 1.13). На Востоке республики традиционно низкие темпы роста численности казахов (5,2%, то есть в 5,9 раза ниже, чем в Южном Казахстане) и самые высокие темпы сокращения числа русских (на 19,2%). В результате численность населения Восточного региона сократилась в 1999–2009 гг. на 9,8%. Демографические эволюции других этносов большого влияние на региональные процессы не оказали в силу своей малочисленности.

Таблица 1.13 Численность и этнический состав населения Восточного Казахстана по данным переписей населения 1999 и 2009 гг. (тыс. человек)

Этносы	1999		2009		2009 к 1999 (%)
	ч-ть	%	ч-ть	%	
Все население	1531,0	100	1396,6	100	91,2
Казахи	743,1	48,6	781,7	56,0	105,2
Русские	694,7	45,4	561,2	40,2	80,8
Украинцы	15,7	1,0	7,1	0,5	45,2
Немцы	32,1	2,1	14,1	1,0	43,9
Другие этносы	45,4	3,0	32,5	2,3	71,6

Примечание - в состав Восточного Казахстана вошла Восточно-Казахстанская область по данным переписи населения 2009 г.

Источник: Национальный состав Республики Казахстан. Том 4, часть 1. Население Республики Казахстан по национальностям, полу и возрасту. Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан: стат. сб. / под ред. А. Смаилова. - Алматы, 2000. - С. 6–237; Перепись населения Республики Казахстан 2009 года. Краткие итоги: стат.сб. / под ред. А. А. Смаилова. - Астана, 2010. - С.11.

В 2009–2019 гг. сохраняется дифференциация этнодемографического развития регионов республики. Наиболее высокие темпы роста были зафиксированы в Южном и Западном Казахстане (таблицы 1.14, 1.15) - там, где большой удельный вес казахского этноса. Также, напомним, в Южном регионе расположены два казахстанских мегаполиса - Алматы и Шымкент, куда прибывает население с территории всей республики. Так, в 2009–2019 гг. численность населения Алматы увеличилась на 35,8%, при этом казахов здесь стало больше на 54,7%. Необходимо отметить и то, что впервые в суверенный период статистика показала увеличение в Алматы численности русских (на 3,3%).

Таблица 1.14 Численность и этнический состав населения Южно-го Казахстана по данным переписи населения 2009 г. и материалам текущей статистики 2019 г. (тыс. человек)

Этносы	2009		2019		2019 к 2009 (%)
	ч-ть	%	ч-ть	%	
Все население	7343,8	100	8806,4	100	119,9
Казахи	5109,7	69,6	6358,1	72,2	124,4
Русские	1034,6	14,1	992,7	11,3	95,9
Украинцы	29,9	0,4	20,5	0,2	68,6
Немцы	21,5	0,3	23,1	0,3	107,4
Другие этносы	148,1	15,6	1412,0	16,0	123,0

Примечание - в состав Южного Казахстана вошли: Алматинская, Жамбылская, Кызылординская, Туркестанская области, города Алматы и Шымкент по данным текущей статистики 2019 г.

Источник: Численность населения Казахстана по отдельным этносам на начало 2019 г., Комитет по статистике Министерства национальной экономики [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://data.egov.kz/api/v4/kazakhstan_respublikasy_halkunu/v3?apikey=yourApiKey (дата обращения: 20.06.2021)

Таблица 1.15 Численность и этнический состав населения Западного Казахстана по данным переписи населения 2009 г. и материалам текущей статистики 2019 г. (тыс. человек)

Этносы	2009		2019		2019 к 2009 (%)
	ч-ть	%	ч-ть	%	
Все население	2352,4	100	2834,0	100	120,5
Казахи	1927,4	81,9	2422,3	85,5	125,7
Русские	312,3	13,3	294,4	10,4	94,3
Украинцы	40,1	1,7	33,4	1,2	83,3
Немцы	7,5	0,3	7,7	0,3	102,7
Другие этносы	65,1	2,8	76,2	2,6	117,0

Примечание - в состав Западного Казахстана вошли: Актюбинская, Атырауская, Западно-Казахстанская, Мангистауская области по данным текущей статистики 2019 г. Источник: там же.

Самые высокие темпы роста численности казахского населения отмечены в Северном Казахстане (на 31,4%) (таблица 1.16). Основная причина такого роста объясняется процессами внутренней миграции. Северный Казахстан является одним из значимых регионов по приему переселенцев по программе «Серпін». Сюда, также, направляется значительное число этнических репатриантов, прибывающих в Казахстан из других государств. Большое значение имеет и быстрый рост столицы Республики Казахстан, г. Астана. В 2009–2019 гг. численность населения столицы увеличилась на 75,9%, компенсировав отток из других населенных пунктов региона. Число столичных казахов за 10 лет увеличилась в два раза. На 82% рост численности этноса в Северном Казахстане обеспечивался Астаной. Больше в столице стало и русских (на 13,3%).

Таблица 1.16 Численность и этнический состав населения Северного Казахстана по данным переписи населения 2009 г. и материалам текущей статистики 2019 г. (тыс. человек)

Этносы	2009		2019		2019 к 2009 (%)
	ч-ть	%	ч-ть	%	
Все население	3575,1	100	3998,1	100	111,8
Казахи	1655,7	46,3	2175,9	54,4	131,4
Русские	1355,6	37,9	1280,5	32,0	94,5
Украинцы	205,9	5,8	173,1	4,3	84,1
Немцы	102,5	2,9	102,9	2,6	100,4
Другие этносы	255,4	7,1	265,7	6,6	104,0

Примечание - в состав Северного Казахстана вошли: Акмолинская, Костанайская, Павлодарская, Северо-Казахстанская области и г. Астана по данным текущей статистики 2019 г.

Источник: там же.

Демографическое развитие Центрального Казахстана (таблица 1.17) и Восточного Казахстана (таблица 1.18) несколько отличается от процессов, наблюдаемых в Южном, Западном и Северном регионах. Удельный вес казахов здесь недостаточен для того, чтобы обеспечивать высокие темпы роста всего населения.

Таблица 1.17 Численность и этнический состав населения Центрального Казахстана по данным переписи населения 2009 г. и материалам текущей статистики 2019 г. (тыс. человек)

Этносы	2009		2019		2019 к 2009 (%)
	ч-ть	%	ч-ть	%	
Все население	1341,7	100	1378,5	100	102,7
Казахи	622,3	46,4	714,1	51,8	114,7
Русские	530,1	39,5	488,9	35,5	92,2
Украинцы	50,0	3,7	40,1	2,9	80,2
Немцы	32,8	2,5	32,0	2,3	97,6
Другие этносы	106,5	7,9	103,4	7,5	97,1
<i>Примечание - в состав Центрального Казахстана вошла Карагандинская область по данным текущей статистики 2019 г.</i>					

Источник: там же

Таблица 1.18 Численность и этнический состав населения Восточного Казахстана по данным переписи населения 2009 г. и материалам текущей статистики 2019 г. (тыс. человек)

Этносы	2009		2019		2019 к 2009 (%)
	ч-ть	%	ч-ть	%	
Все население	1396,6	100	1378,5	100	98,7
Казахи	781,7	56,0	834,8	60,6	106,8
Русские	561,2	40,2	496,6	36,0	88,5
Украинцы	7,1	0,5	3,8	0,3	53,5
Немцы	14,1	1,0	12,9	0,9	91,5

Продолжение таблицы № 1.18					
Другие этносы	32,5	2,3	30,4	2,2	93,5
<i>Примечание - в состав Восточного Казахстана вошла Восточно-Казахстанская область по данным текущей статистики 2019 г.</i>					

Источник: там же.

Итак, основная особенность демографического развития Республики Казахстан в 1989–2019 гг. заключается в том, что все более явно суть процесса определяют казахи. И если ранее это происходило вследствие сокращения, в результате эмиграции, европейских этнических групп, то сейчас внешние факторы практически не влияют на демографические процессы. Демографическая система республики полнокровно существует на эндогенной основе.

Компоненты изменения численности. В постсоветский период динамика численности населения менялась под большим или меньшим влиянием различных компонентов, отражавших социальные, политические, экономические особенности суверенного развития (таблица 1.19).

Таблица 1.19 Компоненты изменения численности населения Казахстана в 1990–2019 гг. (тыс. человек)

Годы	Общий прирост	в том числе			
		Естественный прирост	Миграционный прирост	в том числе	
				Эмиграция	Иммиграция
1990-2019 в том числе	3625,7	5860,4	-2234,7	3969,2	1734,5
1990-2003	-522,6	1678,6	-2201,1	3364,5	1163,4
2004-2011	1516,6	1417,3	99,3	331,9	431,2
2012-2019	2631,7	2764,6	-132,9	272,8	139,9

Источник: Демографический ежегодник Казахстана. 2017: стат. сб. / под ред. Н. С. Айдакелова. - Астана, 2017. - С. 5, 83. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://stat.gov.kz/faces/wcnavexternalld/homeNumberspopulation> (дата обращения: 20.06.2020; Central Asia Monitor, 2020, 9 марта.

В конце XX – начале XXI вв. ведущим компонентом в эволюциях динамики численности населения была внешняя миграция. Отличительной чертой этого периода (1990–2003 гг.), является то, что отрицательное сальдо внешней миграции превышало естественный прирост населения, в результате чего численность населения государства сокращалась.

Хронологические рамки второго периода (2004–2011 гг.) фиксируют значительные изменения в демографической ситуации. В это время численность населения Казахстана росла как за счет положительного сальдо внешней миграции, так и естественного прироста.

Специфика современного, третьего периода (2012–2019 гг.) в том, что определяющее влияние на динамику численности населения страны оказывают темпы естественного прироста, многократно перекрывающие отрицательное сальдо внешней миграции⁵¹.

Вследствие разных хронологических рамок обозначенных периодов, более наглядно ситуацию демонстрируют среднегодовые показатели, представленные в таблице 1.20.

Таблица 1.20 Среднегодовые показатели компонентов изменений численности населения Казахстана в 1990–2019 гг. (тыс. человек)

Годы	Общий прирост	в том числе			
		Естественный прирост	Миграционный прирост	в том числе	
				Эмиграция	Иммиграция
1990-2016 в том числе	107,8	187,5	-79,7	142,4	62,7
1990-2003	-37,3	119,9	-157,2	240,3	83,1

51. Аубакирова Ж.С., Алексеенко А.Н. Казахи в контексте демографической истории Казахстана.

Продолжение таблицы № 1.20					
2004-2011	189,6	177,2	12,4	41,5	53,9
2012-2019	329,0	345,6	-16,6	34,1	17,5

Источник: Демографический ежегодник Казахстана. 2017: стат. сб. / под ред. Н. С. Айданкелова. - Астана, 2017. - С. 5, 83. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://stat.gov.kz/faces/wcnavexternalld/homeNumberspopulation> (дата обращения: 20.06.2020; Central Asia Monitor, 2020, 9 марта.

Из данных таблицы видно, что интенсивность миграционных перемещений резко снизилась. Так, например, в 2012–2019 гг. среднегодовое число эмигрантов сократилось, в сравнении с 1990–2003 гг., в 7,0 раз, иммигрантов – в 4,7 раза. В то же время среднегодовые показатели естественного прироста в 2012–2019 гг. были в 2,9 раза выше, чем в 1990-2003 гг. и в 1,9 раза, чем в 2004-2011 гг.

Рассмотрим компоненты изменения численности населения более подробно. Этнодемографическая структура населения, выстроенная в советский период истории, претерпевает кардинальные преобразования. Наибольшее влияние на значительные изменения численности и состава населения в 1990-е гг. оказали **миграционные процессы** (таблица 1.21).

Таблица 1.21 Внешние миграции в Казахстане в 1990–1999 гг. (тыс. человек)

Годы	Иммиграция	Эмиграция	Миграционное сальдо
1990	179,9	272,4	-92,5
1991	170,8	228,5	-57,7
1992	161,5	317,8	-156,3
1993	111,1	330,1	-219,0
1994	70,4	477,1	-406,7
1995	71,1	309,6	-238,5
1996	53,9	229,4	-175,5
1997	38,1	299,5	-261,4

Продолжение таблицы № 1.21			
1998	40,6	243,7	-203,1
1999	41,3	164,9	-123,6
1990-1999	938,7	2872,5	-1933,8

Источник: Курганская В., Дунаев В. Стратегические приоритеты и региональные аспекты этнодемографической политики Республики Казахстан // Социальный портрет современного казахстанского общества: сб. ст. 2-й выпуск. ИМЭП при Фонде Первого Президента РК - Лидера Нации. - Астана - Алматы, 2016. - С. 111–112.

Данные таблицы 1.21 показывают, что в период с 1990 по 1999 гг. из Казахстана выбыло 2872,5 тыс. человек. Наибольшая убыль населения наблюдалась в 1993–1995 гг. – 44,7% отрицательного сальдо за все 1990-е годы. Относительные же показатели фиксируют, что среднегодовые темпы эмиграции в последнее десятилетие XX века составляли 1,8% населения республики.

В это же время Казахстан приступает к реализации этнической репатриационной политики. Первое государственное решение, регулирующее процессы иммиграции казахов в Казахстан, было принято 18 ноября 1991 года: «О порядке и условиях переселения в Казахскую ССР лиц коренной национальности, изъявивших желание работать в сельской местности, из других республик и зарубежных стран». В 1992 году был принят закон «Об иммиграции» - следующий шаг, направленный на регулирование организованного переселения казахов. С 1995 года стал упрощаться порядок приобретения гражданства для этнических репатриантов. В 1997 году вышел закон «О миграции населения», в котором был расширен круг лиц, желающих вернуться на историческую родину.

В результате принятых мер резко увеличился миграционный приток населения в Казахстан, позволивший несколько стабилизировать демографическую ситуацию (таблица 1.21). Таким образом, в 1990-е гг. началось абсолютное сокращение численности некоторых европейских этносов, вызванное как миграционным оттоком, так и превышением показателей смертности над показателями рождаемости.

Большое влияние на изменение вектора развития народонаселения оказали миграции. В следующее межпереписное десятилетие (1999–2009 гг.) миграционная ситуация в стране существенно изменилась, что определялось, в первую очередь, резким спадом эмиграции – в 3,1 раза в сравнении с периодом 1989–1999 гг. (таблица 1.22). В результате отрицательное сальдо миграции сократилось в 6,2 раза, несмотря на некоторое уменьшение числа прибывших в республику. Более того, из миграционного донора Казахстан превратился в реципиента: в 2004–2009 гг. число прибывших превысило число выбывших на 78,5 тыс. человек.

Таблица 1.22 Внешние миграции населения Казахстана в 1999–2009 гг. (тыс. человек)

Годы	Иммиграция	Эмиграция	Миграционное сальдо
1999	41,3	164,9	-123,6
2000	47,4	155,7	-108,3
2001	53,5	141,7	-88,2
2002	58,2	120,2	-62,0
2003	65,6	73,9	-8,3
2004	68,3	65,5	2,8
2005	74,8	52,1	22,7
2006	66,7	33,7	33,0
2007	53,4	42,4	11,0
2008	46,4	45,3	1,1
2009	42,3	34,4	7,9
1999-2009	617,9	929,8	-311,9

Источник: Демографический ежегодник Казахстана: стат. сб. - Алматы, 2005. - С.6-67. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.stat.gov.kz (дата обращения 15.11.2018); Предварительные данные за 2009 год: стат. сб. - Астана, 2010. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://stat.gov.kz> (дата обращения 15.11.2018).

Основное влияние на миграционные процессы в Казахстане

на протяжении предыдущей истории всегда оказывали русские. Формировавшаяся десятилетиями (с конца XIX века до конца 1960-х гг.) русская иммиграционная ниша постепенно превращалась в эмиграционную, стремительно теряя свой потенциал в 1990-е гг. Но, уже в начале 2000-х гг., в миграционном поведении русских произошли серьезные изменения. Если в 1994 г. из Казахстана выбыло 283,1 тысяч русских, то через 10 лет, в 2004 г. – 39,1 тысяч или в 7,2 раза меньше. Отрицательное сальдо миграции сократилось в 9,4 раза (с 251,9 тысяч в 1994 г. до 26,7 тысяч в 2004 г.).

По нашему мнению, этнополитические причины миграции, игравшие важную роль в конце XX века в первом десятилетии XXI века в значительной мере исчерпали свой потенциал. Миграционные процессы развиваются в основном под влиянием экономического фактора. Экономическая, политическая стабилизация в Республике Казахстан существенно сократила внешний миграционный оборот. На эволюции иммиграции в 2000-е годы наибольшее влияние оказывают потоки этнических репатриантов из Узбекистана, Монголии, Туркменистана, Кыргызстана.

Специфика современного периода в том, что определяющее влияние на динамику численности населения страны оказывают темпы естественного прироста, многократно перекрывающие отрицательное сальдо внешней миграции, составившего в 2009–2019 гг. 104,1 тыс. человек (таблица 1.23), то есть в 18,6 раз меньше, чем в 1990–1999 гг. (таблица 1.21).

Таблица 1.23 Внешние миграции населения в 2009–2019 гг. (тыс. человек)

Годы	Иммиграция	Эмиграция	Миграционное сальдо
2009	41,5	34,0	7,5
2010	42,1	26,5	15,6
2011	38,0	32,9	5,1
2012	28,3	29,7	-1,4

Продолжение таблицы № 1.23			
2013	24,1	24,4	-0,3
2014	16,8	28,9	-12,1
2015	16,6	30,0	-13,4
2016	13,8	34,9	-21,1
2017	15,6	37,7	-22,1
2018	12,7	41,9	-29,2
2019	12,5	45,2	-32,7
Всего	262,0	366,1	-104,1

Источник: Миграция населения Республики Казахстан // Бюллетени с 2009–2020 гг. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://stat.gov.kz> (дата обращения 15.11.2021).

Внешние миграции имеют все меньшее влияние на демографические процессы в Казахстане. Из данных таблицы 1.23 видно, что интенсивность миграционных перемещений резко снизилась. Так, например, в 2012–2019 гг. среднегодовое число эмигрантов сократилось, в сравнении с 1990–2003 гг., в 7,0 раза, иммигрантов – в 4,7 раза. В тоже время, среднегодовые показатели естественного прироста в 2012-2019 гг. были в 2,9 раза выше, чем в 1990-2003 гг. и в 1,9 раза, чем в 2004-2011 гг.

Таким образом, актуальность изучения проблемы через призму процессов воспроизводства возрастает с каждым годом. Вместе с тем именно внешняя миграция внесла немалый вклад в становление современных параметров функционирования демографической системы. В результате эмиграции из Казахстана была вымыта значительная часть европейского компонента, в основном из городов, вносящего свой вклад в процессы воспроизводства населения (низкие показатели рождаемости – и высокие – смертности). Иммиграция же перенесла в страну казахский компонент традиционного свойства (достаточно вспомнить, что основные места выхода этнических репатриантов – сельская местность Узбекистана, Китая, Монголии). По некоторым оценкам, за период независимости в Казахстан прибыло около 1,1 млн. этнических репатриантов, оказавших немалое влияние на демографическую ситуацию в стране. Внутренние миграции,

в свою очередь, существенно изменили этническую составляющую системы расселения. Большинство как сельского, так и городского населения сейчас являются казахи.

В процессах воспроизводства в 1990-е годы в Казахстане наметился весьма заметный кризис: общий коэффициент рождаемости снизился на 34,4%, общий коэффициент смертности вырос на 24,9%, естественный прирост сократился в 3 раза. Для десятилетнего периода это довольно значительные темпы (таблица 1.24).

Таблица 1.24 Воспроизводство населения Казахстана в 1990–1999 гг. (на 1000 населения)

Годы	Родившихся	Умерших	Естественный прирост
1990	22,20	7,90	14,30
1991	21,50	8,20	13,30
1992	20,50	8,40	12,10
1993	19,30	9,50	9,80
1994	18,90	9,90	9,00
1995	17,50	10,70	6,80
1996	16,30	10,70	5,60
1997	15,20	10,40	4,80
1998	14,80	10,20	4,60
1999	14,57	9,87	4,70

Источник: Курганская В., Дунаев В. Стратегические приоритеты и региональные аспекты этнодемографической политики Республики Казахстан // Социальный портрет современного казахстанского общества: сб. ст. 2-й выпуск. ИМЭП при Фонде Первого Президента РК – Лидера Нации. - Астана - Алматы, 2016. - С. 111–112.

Тенденции воспроизводства населения в этот период схожи во всех этнических группах, разница лишь в темпах развития процесса (таблица 1.25).

Таблица 1.25 Родившиеся, умершие, естественный прирост населения по отдельным этносам в 1990 и 1999 гг. (на 1000 населения)

Годы	1990	1999
Рождаемость		
Все население	22,2	14,6
Казахи	30,1	17,8
Русские	14,5	8,8
Украинцы	16,1	9,6
Немцы	15,5	19,3
Смертность		
Все население	7,9	9,9
Казахи	6,3	6,6
Русские	8,8	14,2
Украинцы	11,6	21,5
Немцы	7,7	14,5
Естественный прирост		
Все население	14,3	4,7
Казахи	23,8	11,2
Русские	5,7	-5,4
Украинцы	4,5	-11,9
Немцы	7,8	4,8

Источник: Демографический ежегодник Казахстана. - Алматы, 1996. - С. 56–58, 85, 86; Этнодемографический ежегодник Казахстана: стат. сб. / под ред. Ю.К. Шокаманова. - Алматы, 2006. - С. 153.

Обращают на себя внимание изменения в процессах рождаемости. Тенденции сокращения рождаемости определились еще в «досуверенное» время и, в значительной мере, были связаны с социально-экономическими изменениями. Более выпукло это обнаружилось в городах, менее – в сельской местности. Поэтому кризис 1990-х годов и сворачивание социальных программ поддержки семьи болезненнее всего сказались именно на сельских жителях. Рождаемость сократилась у всех этнических групп, на-

селяющих Казахстан, но более всего процесс затронул казахов: общий коэффициент рождаемости сократился у них на 40,9%, тогда как у русских – на 39,3%, украинцев – 40,4%, а у немцев даже увеличился. И это несмотря на то, что эмиграция в значительной степени «вымыла» репродуктивный слой из возрастной структуры европейских этнических групп. Таким образом, процессы рождаемости, имевшие место у казахского этноса в конце XX века, свидетельствовали о серьезных демографических потрясениях. Сочетание снижающихся показателей рождаемости и роста смертности привели к тому, что в 1999 г. в сравнении с 1990 г. естественный прирост снизился в 2,1 раза. У представителей европейских этнических групп ситуация складывалась еще более негативно вследствие быстрого роста смертности: у русских общий коэффициент смертности увеличился на 61,4%, украинцев – на 85,3% и т.д. В результате, в конце 1990-х гг. у русских, украинцев, белорусов показатели смертности превысили показатели рождаемости (таблица 1.25). Обозначились процессы депопуляции населения.

Таким образом, в конце XX века в Казахстане происходила грандиозная ломка не только социально-экономических и политических, но и этнодемографических парадигм, складывавшихся десятилетиями. В советский период истории Казахстане сложилось довольно устойчивое представление как о регионе с индустриально-аграрной экономикой и большей долей славянских этносов. Республика воспринималась почти как союзное европеизированное пространство. Распад СССР и построение суверенитета, сопровождаемое всеобъемлющим кризисом, привели к тому, что созданная в Казахстане этнодемографическая система, отражавшая советскую социально-экономическую суть, начала быстро разрушаться. Резкое снижение рождаемости, рост смертности, эмиграция привели к абсолютному сокращению численности населения. Итогом глобальных перемен стало то, что к началу XXI века в Республике Казахстан сложилась иная, чем в недавнем прошлом, этнодемографическая ситуация. Большинство населения республики теперь являлись казахи. Именно на этой этнической основе и предстояло выстраивать суверенную

демографическую и социально-экономическую систему.

Во второй межпереписной период (1999–2009 гг.), на наш взгляд, произошло становление демографической системы Республики Казахстан, когда казахский этнос выступил в качестве основного демографического потенциала страны. Общий коэффициент рождаемости в 1999–2009 гг. увеличился на 63,3%. При этом во второй половине «нулевых» динамика роста была в два раза выше, чем в первой. Смертность снизилась на 2,7%, и вновь более активно процесс протекал во второй половине десятилетия. В итоге естественный прирост увеличился за 10 лет в три раза. Благодаря такому стремительному росту показатели воспроизводства почти вышли на уровень 1990 г., демографический кризис конца XX в. был быстро преодолен. Естественный прирост стал главной составляющей демографического развития Казахстана. В 2008–2009 годах, например, рост численности населения на 98% происходил за счет естественного прироста.⁵²

Процессы воспроизводства, вследствие численного преимущества, особенно в молодых возрастных группах, определяют казахи. Помимо этого, у казахов гораздо лучше сохранились традиции многодетности. В 1999–2009 гг. общий коэффициент рождаемости вырос у них в 1,8 раза. В результате естественный прирост увеличился в 2,2 раза, несмотря на некоторый подъем смертности. Демографическое развитие казахов во многом объясняется также подвижками в возрастной структуре - в начале 2000-х гг. начал реализовываться репродуктивный потенциал поколения, рожденного в 1980-е гг. (таблица 1.26).

Таблица 1.26 Родившиеся, умершие, естественный прирост населения по отдельным этносам в 1999 и 2009 гг. (на 1000 населения)

Этносы	1999	2009
Рождаемость		
Все население	14,6	23,8

52. Предварительные данные за 2009 год: стат. сб. - Астана, 2010. - С.20. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: // www.stat.gov.kz (дата обращения 16.08.2021)

Продолжение таблицы № 1.26		
Казахи	17,8	32,1
Русские	8,8	10,8
Украинцы	9,6	9,3
Немцы	19,3	13,3
Смертность		
Все население	9,9	9,6
Казахи	6,6	7,4
Русские	14,2	12,0
Украинцы	21,5	18,5
Немцы	14,5	6,2
Естественный прирост		
Все население	4,7	14,2
Казахи	11,2	24,7
Русские	-5,4	-1,2
Украинцы	-11,9	-9,2
Немцы	4,8	7,1

Источник: Этнодемографический ежегодник Казахстана: стат. сб. / под редакцией Ю. К. Шокаманова. - Алматы, 2006. - 153 с.; Демографический ежегодник Казахстана. 2017: стат. сб. - Астана, 2017. - 297 с.

Данные таблицы 1.26 свидетельствуют о существенном улучшении показателей рождаемости и у русских, при уменьшении общего коэффициента смертности. Похожие тенденции наблюдаются и у других крупных этносов Казахстана. Таким образом, первое десятилетие XXI в. характеризуется демографическим ускорением, позволившим преодолеть последствие кризиса 1990-х гг.

Необходимо отметить, что рост рождаемости, определивший это ускорение, происходил не только вследствие удачной возрастной конъюнктуры. Существенно увеличились и возрастные коэффициенты рождаемости, причем во всех возрастных группах, кроме самой младшей (до 20 лет) (таблица 1.27).

Таблица 1.27 Коэффициенты рождаемости по возрастным группам (число родившихся на 1000 женщин репродуктивного возраста)

Год	Возрастные группы матерей, лет							
	до 20	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49	15-49
1999	33,92	133,29	99,97	59,57	26,08	5,85	0,56	53,51
2005	26,74	139,44	132,79	87,08	45,88	10,22	0,55	64,71
2006	27,85	143,87	140,43	95,05	51,55	11,51	0,58	69,21
2007	29,32	146,49	147,62	101,81	54,95	12,85	0,60	73,20
2008	31,12	158,24	160,54	112,00	60,70	14,93	0,71	80,68
2009	31,38	157,02	157,73	110,77	60,82	15,28	0,68	80,93

Источник: Предварительные данные за 2009 год: стат. сб. - Астана, 2010. - С.24. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://stat.gov.kz> (дата обращения 15.11.2020).

Определенное влияние на процессы воспроизводства в 1999–2009 гг. оказывало и снижение общего коэффициента смертности (на 2,7%) (таблица 1.26). Как было выявлено ранее, гораздо более явно положительная динамика демографического развития определилась во второй половине «нулевых» (2005–2009 гг.). Рассмотрим этот период более подробно.

Общий коэффициент смертности мог быть еще ниже, если бы не рост коэффициента младенческой смертности в 2005–2009 годах вследствие введения в 2008 году новых критериев живорождения, рекомендованных ВОЗ (таблица 1.28). Рост рождаемости на фоне новой методики привел в 2010 году к увеличению удельного веса смертности до 1 года в общей смертности до 4,2%. В связи с переходом на международные критерии живорождения и мертворождения, показатель младенческой смертности в 2008 году (20,76 промилле) увеличился на 42,5% по сравнению с 2007 годом (14,57 промилле). В 2009 году коэффициент несколько снизился, но в целом уровень младенческой смертности в Казахстане оставался достаточно высоким.

Таблица 1.28 Коэффициент младенческой смертности в 2005–2009 гг.

Годы	Всего	в том числе	
		Мальчики	Девочки
2005	15,15	16,81	13,38
2006	13,91	15,60	12,12
2007	14,57	16,73	12,29
2008	20,76	22,92	18,48
2009	18,23	20,14	16,19

Примечание - С 2008 года введены новые критерии живорождения (мертворождения), рекомендованные ВОЗ.

Источник: Женщины и мужчины Казахстана 2012-2016: стат. сб. - Астана: ТОО «Big Dream», 2010. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://gender.stat.gov.kz/file/WomenAndMan.pdf> (дата обращения 15.11.2020).

В начале XXI века социально-экономические, социокультурные городские ниши, выстроенные за годы нахождения Казахстана в составе СССР представителями европейских этнических групп, все более явно занимают казахи, переносящими на новое место жительства репродуктивные нормы, сложившиеся в сельской местности. Об этом свидетельствует динамика показателей естественного прироста в 2000–2019 гг. (таблица 1.29).

Таблица 1.29. Рождаемость, смертность, естественный прирост городского и сельского населения Казахстана в 2000–2019 гг. (на 1000 населения)

Годы	2000	2010	2019
Родившихся			
Все население	14,9	22,5	21,7
Городское население	13,6	21,6	22,1
Сельское население	16,6	23,6	21,2
Умерших			

Продолжение таблицы № 1.26			
Все население	10,1	8,9	7,2
Городское население	11,3	9,4	7,5
Сельское население	8,5	8,4	6,7
Естественный прирост			
Все население	4,8	13,6	14,5
Городское население	2,3	12,2	14,6
Сельское население	8,1	15,2	14,5

Источник: Демографический ежегодник регионов Казахстана. Статистический сборник. Алматы, 2006. С.211-213. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://stat.gov.kz> (дата обращения 15.11.2020).

Как видно из таблицы 1.29, коэффициент естественного прироста в 2000–2019 гг. вырос в 3,0 раза. При этом в городах темпы роста были в 3,5 раза выше, чем в сельской местности (в городах – в 6,3 раза, в селах – в 1,8 раза). Наибольший рост наблюдался в первое десятилетие XXI в. Объясняется это тем, что в детородный возраст вступило поколение первой демографической волны, при этом время его наибольшей репродуктивной активности совпало с периодом социально-экономической стабилизации. Немаловажное значение для роста общих коэффициентов рождаемости, естественного прироста, имеет эффект так называемого «этнического замещения». Суть в том, что в результате эмиграции из страны выбывает население с низкими показателями воспроизводства. Увеличение удельного веса казахов приводит к быстрому росту коэффициентов естественного прироста. В первую очередь это касается казахстанских городов, где смена этнического состава была более выраженной. Если в целом по республике показатель естественного прироста в 2000–2010 гг. стал больше в 2,8 раза, то в городах – в 5,3 раза. В сельской местности, где всегда преобладало казахское население, динамика выражена не так явно (рост в 1,9 раза).

В 2009–2019 гг. показатели воспроизводства населения стабилизируются. Завершается время перехода от прежней демографической системы, базирующейся на «европейских» стандартах,

к суверенной. Видимо, формирующиеся в это время тенденции будут определять суть проблемы в ближайшие годы. Более явно эти тенденции отражены в возрастных коэффициентах рождаемости казахстанских женщин, суммарном коэффициенте рождаемости (таблица 1.30).

Таблица 1.30 Возрастные коэффициенты рождаемости городского и сельского населения Казахстана в 2009–2019 гг. (на 1000 женщин репродуктивного возраста)

Возраст женщин	2009			2019		
	Все население	в том числе		Все население	в том числе	
		городское	сельское		городское	сельское
15-49	77,63	71,51	85,92	88,63	86,06	92,68
15-19	28,83	26,46	31,66	23,20	20,65	25,99
20-24	149,17	130,22	176,43	166,31	155,93	180,96
25-29	152,44	142,81	165,94	172,71	161,36	194,52
30-34	107,00	100,12	116,48	124,33	118,73	134,53
35-39	58,46	53,74	65,02	74,50	73,28	76,51
40-44	14,90	13,66	16,58	20,28	20,01	20,71
45-49	0,66	0,59	0,77	1,03	1,18	0,80
суммарный коэффициент рождаемости	2,55	2,32	2,87	2,90	2,75	3,17

Источник: Демографический ежегодник Казахстана. 2017: стат. сб./ Министерство национальной экономики РК, Комитет по статистике. - Астана, 2017. - С. 175–181, 189–190. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://stat.gov.kz> (дата обращения 15.11.2020).

Данные таблицы 1.30 отражают динамику возрастных предпочтений деторождений в 2009–2019 гг. Ввиду отсутствия соответствующей этнической статистики, мы предполагаем, что во всех возрастных группах репродуктивного возраста преобладают женщины казашки, определяющие статистический ряд. С учетом тенденций этнодемографического развития, в 2019 г. в сравнении

с 2009 г. удельный вес казашек в возрастной структуре должен еще более повыситься. В результате суммарный коэффициент рождаемости в Казахстане вырос на 13,7% (2,55 в 2009 г. и 2,90 в 2019 г.). Вследствие миграции (как внутренней, так и иммиграции) репродуктивный потенциал перемещается в города. Возрастные показатели рождаемости (15–49 лет) в казахстанских городах увеличились на 20,3%, в селах – на 7,9%. Интенсивность деторождений в городах выше, чем в селах в 2,6 раза. Суммарный коэффициент рождаемости в городах также растет более быстрыми темпами, чем в сельской местности (в городах – на 18,5%, в селах – на 10,4%).

Динамика показателей суммарного коэффициента рождаемости показывает, что Казахстан быстро приближается к благоприятной демографической ситуации конца 1970-х - начала 1980-х гг. В 1979 г. он равнялся 3,02, а с конца 1980-х постепенно начинает снижаться: 1989 г. – 2,81; 1995 г. – 2,20; 1997 г. – 1,86; 1999 г. – 1,80. В 2000-е годы наблюдается существенный рост показателя. В результате, за 20 лет (1999–2019 гг.) суммарный коэффициент рождаемости увеличился в 1,6 раза (с 1,80 в 1999 г. до 2,90 в 2019 гг.).⁵³

Таким образом, быстрый рост коэффициентов рождаемости в 2009–2019 гг. отражает особенности эволюции этнодемографического состава населения. Довольно четко это видно на примере областей с разным этническим наполнением. В Мангистауской и Туркестанской областях численно доминирует казахское население. В Костанайской и Северо-Казахстанской областях довольно велик удельный вес славянских и других этносов. Данный фактор, на взгляд авторов, оказал решающее влияние на процессы рождаемости (таблица 1.31).

53. Аубакирова Ж. С., Алексеенко А. Н. «Казахи в контексте демографической истории». - Нур-Султан, 2020. - С.331.

Таблица 1.31. Возрастные коэффициенты рождаемости в некоторых регионах Казахстана в 2019 г. (на 1000 женщин репродуктивного возраста)

Возраст женщин	Мангистауская область	Туркестанская область	Костанайская область	СКО
15-49	124,12	126,73	53,17	55,04
15-19	33,98	31,97	18,48	19,15
20-24	226,69	275,81	107,83	98,44
25-29	240,99	262,42	102,04	126,32
30-34	166,71	172,39	75,33	94,07
35-39	104,79	91,54	45,19	46,55
40-44	29,33	22,23	11,81	10,33
45-49	1,91	0,82	0,64	0,43
СКР	4,02	4,29	1,81	1,98

Источник: Естественное движение населения Республики Казахстан // Бюллетень 2019 год. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.stat.gov.kz (дата обращения 15.11.2020).

Суммарный коэффициент рождаемости в Мангистауской и Туркестанской областях, как свидетельствуют данные таблицы 1.31, более чем в два раза выше, чем в Костанайской и Северо-Казахстанской областях. При этом в Туркестанской области суммарный коэффициент рождаемости городских женщин равняется 7,27 (в селах – 3,72), то есть одна среднестатистическая городская женщина Туркестанской области в 2019 г. рожала за свою жизнь более 7 детей (в случае отсутствия ошибок в официальной статистике). В Мангистауской области показатель несколько ниже, но также весьма значительный – 4,39 (в селах – 3,80). Выше среднереспубликанского показателя суммарный коэффициент рождаемости в г. Шымкент (3,32). В Астане он равен 2,77, в Алматы – 1,78.⁵⁴

54. Естественное движение населения Республики Казахстан // Бюллетень 2019 год. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.stat.gov.kz (дата обращения 15.11.2020).

Общим для города и села является то, что гораздо более интенсивно процесс идет в старших (30 и более лет) возрастных группах. У женщин этого возраста на свет обычно появляются третьи, четвертые и т.д. дети. Во многом ситуация объясняется тем, что период их потенциально наибольшей репродуктивной активности в основном пришелся на кризисные 1990-е годы. Вследствие этого представления о количестве детей в семье, формировавшиеся часто в традиционной среде, не были удовлетворены в полной мере. Они реализуются в настоящее время, когда и социально-экономическая ситуация иная, и все более проблематично дальнейшее откладывание деторождений.

Итак, в Казахстане растет число многодетных семей, вклад в суммарный коэффициент рождаемости женщин старшего репродуктивного возраста становится все более весомым. Неоднозначность ситуации в том, что репродуктивные установки этих женщин во многом сформировались в специфических условиях существования в советское время. Традиционные семейно-бытовые стандарты, «законсервированные» в сельской среде, наиболее комфортно чувствовали себя в условиях полиэтничности, когда индустриально-городские функции выполняли представители других этносов. Сохранить традиции многодетности, высокой рождаемости в период становления моноэтничности объективно будет труднее, так как параметры воспроизводства населения все более будут определяться городской средой, функционирующей на «казахской» основе.

Снижение показателей рождаемости возможно в недалекой перспективе. Объясняется это тем, что в активный репродуктивный возраст начинают вступать городские казахи во втором, частично третьем поколении. Основу этого поколения составляют родившиеся и социализировавшиеся в городе дети представителей «урбанизационной волны» 1990-х годов. Их репродуктивные установки уже иные, чем у старшего поколения. Во всяком случае, в самой младшей возрастной группе женщин репродуктивного возраста (до 20 лет) показатели рождаемости снижаются (таблица 1.31). С течением времени представители «урбанизационной волны» будут определять все основные группы репродук-

тивного возраста.

В тоже время, солидный демографический потенциал села постоянно продуцирует новые урбанизационные потоки. В настоящее время, на наш взгляд, мы наблюдаем «количественный» вариант освоения городского пространства. Быстро растущее городское население в массе своей представлено вчерашними сельскими жителями, переносящими в город значительную часть соответствующих социокультурных воззрений. И воззрения эти не «растворятся» на новом месте жительства в близком будущем. Дело в том, что утрата многих традиционных ценностей (репродуктивных, в том числе) происходит в процессе длительного, эволюционного построения городского индустриального общества. В значительной мере это было характерно для казахстанских русских. Казахи же путь «индустриальной урбанизации» не проходили, во многом нынешнее городское население государства – это сельские казахи, с соответствующим менталитетом, живущие в городах. Им еще предстоит стать горожанами, по сути, а не только по месту проживания.

Итак, в Республике Казахстан наблюдается рост общих и специальных коэффициентов рождаемости, снижение показателей смертности. В итоге процессы естественного движения населения стали ведущим компонентом увеличения его численности, внешние миграции не оказывают серьезного влияния на демографические процессы. Демографическая ситуация государства определяется эндогенными, внутренними факторами. Численность населения Казахстана в результате нового соотношения компонентов демографического развития, начала увеличиваться.

Таким образом, в конце XX - начале XXI вв. в Республике Казахстан формируется новая демографическая ситуация. Неоднозначность процесса в том, что строилась она на этнодемографическом, социально-политическом фундаменте, возведенном в XX веке. Поэтому начальные этапы функционирования этой системы во многом стали следствием особенностей существования казахов в советское время. Отличительной чертой являлось то, что перед распадом СССР более 60% представителей этноса проживало в сельской местности, сохраняя традиционные вари-

анты демографического поведения. Большинство городского населения составляли славянские народы, оказавшиеся в Казахстане преимущественно в результате внешних миграций. В 1990-е годы значительная часть «европейского компонента» населения эмигрировала. В сочетании с падением рождаемости это привело к сокращению численности населения в Республике Казахстан. Основы «советской» демографической системы стремительно разрушались, суверенная же находилась в самом начале своего развития. В результате Республику Казахстан поразил мощный демографический кризис.

Постепенно ситуация менялась. В первом десятилетии XXI в. были созданы параметры суверенной демографической системы, все более явно функционирующей на социокультурных критериях казахского этноса. Показатели рождаемости, естественного прироста существенно улучшились, численность населения начала быстро расти. Демографический кризис 1990-х гг. был преодолен. Тем не менее, наследие советской эпохи продолжало оказывать влияние на функционирование суверенной демографической системы. В первую очередь оно проявляется через эволюции возрастной структуры казахов, детерминированной демографическим взрывом в середине XX века.

Второе десятилетие XXI века в Казахстане завершается формирование суверенной демографической системы. Особенность ее функционирования в том, что вектор развития преимущественно определяется явлениями, сформировавшимися уже в период независимости. Роль внешних миграций свелась в это время к минимуму, динамику численности населения определяют процессы воспроизводства казахского этноса, ставшего большинством населения в республике, в том числе и в городах. Характерной чертой современной демографической ситуации является быстрая урбанизация казахов. В результате динамика показателей воспроизводства городского населения намного выше, чем в сельской местности. Наблюдается этап «количественного» освоения городского пространства, когда значительная часть городского населения представлена вчерашними сельскими жителями, переносящими на новое место жительства соответствующую

щие репродуктивные установки. С течением времени ситуация будет меняться, так как в младших репродуктивных группах показатели рождаемости снижаются.

Сложно сказать, какими будут критерии суверенной демографической системы в средней, тем более дальней перспективе. Сегодня видно, что впервые в истории казахского этноса вектор ее развития находится в городах. Можно предположить, что суверенные варианты не воспроизводят «городской опыт» казахстанских русских. Городские русские, особенно те, кто оказался в Казахстане в результате миграций из регионов СССР, были слабо связаны с казахской средой, казахской культурой в целом. Советская городская казахстанская среда практически не имела ничего общего с сельской казахской средой, не подпитывалась ее культурой. Существовали почти не соприкасавшиеся друг с другом «параллельные миры». Сейчас же все более явно село-городское пространство функционирует как единый организм, тесно переплетенный множеством семейных, социальных, экономических, культурных нитей. Постепенно на новом месте жительства восстанавливается традиционная семейно-поколенческая структура, являющаяся важной составной расширенной системы воспроизводства.

1.2 Демографическое районирование территории Казахстана

Наряду с изучением региональных особенностей демографического развития по экономическим регионам, считаем необходимым осуществить районирование территории Казахстана по демографическим показателям. В результате будут выявлены регионы со сходным типом развития демографических процессов. Теоретическое обоснование демографического районирования и практическое его осуществление впервые было предпринято украинскими демографами. В монографии «Демографическое развитие Украинской ССР (1959–1970 гг.)»⁵⁵ исследуются причины региональных различий в уровнях и характере динамики

55. Демографическое развитие Украинской ССР (1959–1970 гг.). - Киев: Наукова думка, 1977. - 221 с.

основных демографических процессов. Для выявления факторов, обуславливающих обозначенную специфику в регионах, ученые предложили выделить территории с однородной демографической ситуацией. Однако, как уточняют сами авторы, такое демографическое районирование связано с трудностями методического и технического характера.⁵⁶ Действительно, основные демографические процессы были изучены сравнительно, в результате чего территория Украинской республики была разделена на 4 демографические зоны. Сама идея, выдвинутая авторами, была ценной, однако методика ее внедрения оказалась недостаточно обоснованной. Возможно, это связано еще и с тем, что развитие электронно-вычислительной техники в тот период было не на достаточно высоком уровне и сужало реализацию возможностей исследователя.

Совершенствование качества методологического обеспечения демографического районирования было осуществлено коллективом научных сотрудников отдела проблем народонаселения МГУ им. Ломоносова во главе с Б.С. Хоревым. Результатом их труда стали работы «Проблемы расселения в СССР (социально-демографический анализ сети поселений и задачи управления)» и «Размещение населения в СССР. Региональный аспект динамики и политики народонаселения». В первом исследовании с помощью метода кластерного анализа осуществлена экономика-демографическая типология. В результате расчетов были выделены типы областных регионов, близких по сочетанию демографических показателей.⁵⁷

Во втором исследовании, с целью раскрытия условий и предпосылок для регионализации демографической политики в СССР, ученые изучили демографические изменения по макроразонам, экономическим районам и союзным республикам. Для обобщенного описания и анализа размещения населения авторы использовали центрографический метод. Рассмотрели вопрос о

56. Демографическое развитие Украинской ССР (1959–1970 гг.). - Киев: Наукова думка, 1977. - С. 8.

57. Проблемы расселения в СССР (социально-демографический анализ сети поселений и задачи управления). - М.: Статистика, 1980. - С. 109.

центре поверхности (геоцентре) и статистическом центре населения (демоцентре) страны. Региональный анализ осуществили с помощью таких демографических показателей, как специальный коэффициент рождаемости, коэффициент смертности, брутто-потенциал демографического роста, интенсивность и эффективность миграции. Авторы считают, что «размещение населения по территории страны складывается, с одной стороны, как итог его естественного прироста, с другой стороны – как итог урбанизационных и миграционных процессов».⁵⁸

После распада СССР эта же группа ученых предприняла аналогичную попытку демографического районирования территории Российской Федерации. С помощью метода кластерного анализа регионы были классифицированы по показателям демографического развития. В качестве признаков использовались коэффициенты смертности мужского и женского населения в возрастных интервалах 0-1, 1-4 лет и далее по пятилетиям до интервала 55–59 лет включительно, а также коэффициенты рождаемости в наиболее активных с позиций воспроизводства возрастных группах 20 - 24, 25 - 29, 30 - 34 года. Подобный выбор объясняется авторами тем, что данные показатели непосредственно формируют режим воспроизводства населения. Число кластеров определялось графически методом Торндайка. Вся процедура расчетов осуществлялась с применением компьютерных программ для анализа демографических процессов МОПТРАК и стандартного пакета SPSS. Результаты данного исследования опубликованы в работе «Общие и региональные особенности демографических процессов в современной России».⁵⁹

В монографии «Региональные особенности воспроизводства и миграции населения в СССР»⁶⁰ коллектив других ученых осуществил аналогичное ранжирование союзных республик по уровню демографического развития. В основе данной классификации

58. Размещение населения в СССР. Региональный аспект динамики и политики народонаселения / под ред. Б.С. Хорева. - М.: Мысль, 1986. - С.3.

59. Хорев Б.С., Безнадежных Т.И., Гаврина А.Б. Общие и региональные особенности демографических процессов в современной России. - СПб.: Б.и., 1994. - 75 с.

60. Региональные особенности воспроизводства и миграции населения в СССР. - М.: Изд-во «Наука», 1981. - 267 с.

ученые использовали обширный набор разного рода показателей: индекс индустриального развития; уровень урбанизации; доля женщин занятых умственным трудом; коэффициент интенсивности миграции; средняя величина семьи; ожидаемое число детей у замужних женщин, вступивших в брак в определенном году; уровень смертности; число разводов на 1000 человек; доля лиц старше 60 лет.⁶¹ Обоснование, почему взяты именно эти демографические показатели для районирования территории СССР, и какую выявляют они специфику, учеными не дается. Не указывается авторами и методика, положенная в основу ранжирования.

Попытку районирования территории СССР предпринял и казахстанский ученый М.Б.Татимов, выделивший 4 демографических подрегиона (Евразийская часть, Средняя Азия, Кавказ и Сибирь).⁶² Возможно, это геодемографическое деление. Какие демографические или иные показатели положены в основу данного ранжирования, и к какому «демографическому подрегиону» относится территория Казахстана, автор не указывает.

Если рассматривать теоретическую основу проблемы демографического районирования, то можно выделить выдвинутую российским ученым Г. М. Федоровым концепцию геодемографической обстановки. Автор считает, что «территориальные различия социально-экономических процессов позволяют объяснить и обосновать возникновение качественных региональных особенностей населения, вытекающих из развития самой демографической системы».⁶³

В Казахстане впервые демографическое районирование было осуществлено Ж. С. Аубакировой.⁶⁴

При исследовании специфических проблем использовались также собственно демографические методы, в первую очередь,

61. Региональные особенности воспроизводства и миграции населения в СССР. - М.: Изд-во «Наука», 1981. - С.36.

62. Татимов М.Б. Социальная обусловленность демографических процессов. - Алма-Ата: Наука, 1989. - С.98.

63. Федоров Г. М. Научные основы концепции геодемографической обстановки. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. - С.22.

64. Аубакирова Ж. С. Воспроизводство населения Казахстана: Этнорегиональный аспект. - Усть-Каменогорск, 2010. - 190 с.

методы количественного анализа, которые создали основу для глубокого раскрытия качественной внутренней сущности изучаемых демографических явлений. Наряду со статистическими методами в исследовании был использован картографический метод (в частности, компьютерное картографирование) и IT-инструменты.

Для осуществления демографического районирования был использован один из методов многомерного статистического анализа, в частности, метод кластерного анализа, реализованный в виде компьютерной программы Fuzzy class. Основой метода кластерного анализа является группирование первичных данных, которое производится в соответствии со значениями отобранных признаков. При этом их выбор должен строго исходить из целей и задач исследования и всесторонне характеризовать анализируемую проблему.⁶⁵

Узловым моментом анализа является выбор меры близости, от которого в основном зависит окончательный вариант разбиения объектов на классы. В каждом конкретном случае данный выбор производится в зависимости от целей исследования. Наиболее часто в задачах кластерного анализа используются: расстояние, измеряемое по принципу «ближайшего соседа»; расстояние, измеряемое по принципу «дальнего соседа»; расстояние, измеряемое по «центрам тяжести» групп.⁶⁶ Возможности компьютерной программы «Fuzzy class» позволяют в кластер-процедурах использовать различные меры близости.

Анализ полученных данных позволил осуществить отбор параметров для демографического районирования территории Казахстана и подготовки статистических таблиц для разработки интерактивных демографических карт. Данный отбор был осуществлён по пяти основным демографическим процессам, исследование которых дает комплексное представление об актуальной демографической ситуации и позволит выявить риски и угрозы, которые будут учитываться в системе оценки демографической

65. Дубров А.М., Мхитарян В.С., Трошин Л. И. Многомерные статистические методы. - М.: Финансы и статистика, 1998. - 352 с.

66. Там же. С.248.

безопасности республики в целом и регионов в частности.

Алгоритм отбора параметров:

1) Выбор даты (три точки - годы (1999–2000 гг.; 2009–2010 гг.; 2019–2020 гг.)

2) Параметры – демографические показатели, характеризующие демографические процессы:

I. Плотность населения и динамика этнического состава

II. Процессы урбанизация населения

III. Возрастная структура населения

IV. Процессы воспроизводства населения

V. Миграционные процессы населения.

Демографические показатели, отобранные для кластеризации:

1. Плотность населения.

1.1 плотность населения по областям;

1.2 плотность населения без региональных центров притяжения населения;

1.3 удельный вес казахского населения;

2. Процессы урбанизация населения.

2.1 удельный вес городского населения области относительно всего населения области;

2.2 удельный вес казахов в составе городского населения.

3. Возрастная структура населения.

3.1 удельный вес детей 0–14 лет;

3.2 удельный вес возрастной группы старше 65 лет.

4. Воспроизводство населения.

4.1 общий коэффициент естественного прироста населения;

4.2 суммарный коэффициент рождаемости.

5. Миграционные процессы населения.

5.1 коэффициент интенсивности миграционных процессов.

Таким образом, демографическое районирование будет осуществлено с учетом следующих параметров:

- демографические показатели.

- административное деление Казахстана на 14 областей и два города республиканского значения (Астана, Алматы), г. Шымкент в нашем исследовании будет отнесен к Туркестанской

(бывшей Южно-Казахстанской области) ввиду отсутствия обобщённых статистических данных, позволяющих провести ретроспективный анализ.

- кластеры – группы областей и/или территорий со сходными показателями демографических процессов.

Интерактивные демографические карты (тематические по годам) представлены на сайте «Демография Казахстана» (ссылка: https://demography-kz.shinyapps.io/demography_ru/):

Результаты демографического районирования с помощью программы «Fuzzy class»:

1. Плотность населения и этнический состав.

1.1 Кластерный анализ по плотности населения с региональными центрами притяжения (данные на 2019 г.):

Казахстан - государство с низкой плотностью населения (6,9 человек на 1 кв. км). 184 позиция из 195 стран мира.

В региональном разрезе - неравномерное распределение населения: от 2,7 до 23 человек на 1 кв. км.

Анализ территорий с учетом региональных центров притяжения (2019 г.) выявил четыре кластера в зависимости от плотности населения:

Первый кластер (от 20 человек на 1 кв. км): самый густонаселённый регион Казахстана – Туркестанская область (23 человека на 1 кв. км), что в 3,3 раза больше средней плотности по республике.

Второй кластер (от 5 до 9 человек на 1 кв. км): Алматинская область (8,5), Жамбылская область (7,6), Павлодарская область (7,0), СКО (5,9), Акмолинская область (5,0).

Третий кластер (от 3 до 5 человек на 1 кв. км.): Восточно-Казахстанская область (4,9), Атырауская область (4,8), Костанайская область (4,5), ЗКО (4,1), Мангистауская область (3,6), Карагандинская область (3,5) и Кызылординская область (3,3).

Четвертый кластер - самая малонаселённая территория Казахстана - Актюбинская область (2,7 человека на 1 кв. км).

Кластерный дисбаланс составляет 8,5 раза. Эта кластеризация наиболее ярко выявляет механизмы негативной синергии, когда проблемы, возникающие при разбалансировании отдель-

ных демографических процессов, дают кумулятивный эффект и происходит перерастание рисков в угрозы. Крупные городские агломерации в геометрической прогрессии увеличивают и концентрируют социальное неравенство, обостряют социальное напряжение на одних территориях и оттягивают население с других территорий. Кластерный анализ показал тенденцию роста плотности населения на уже густонаселенных территориях и оголения малонаселенных регионов с целым комплексом неблагоприятных социально-экономических последствий в настоящем и потенциально опасных политических последствий в будущем.

Такая классификация позволяет оценить общие показатели плотности населения, но и не раскрывает влияние фактора ускоренной урбанизации Казахстана. Поэтому предлагается классификация территорий без региональных центров притяжения населения - областных центров, городов республиканского значения и столицы. Данный подход позволяет обозначить и изучить проблемы чрезмерной концентрации населения Казахстана в городах – региональных центрах притяжения и оголения прилегающих и сельских территорий.

1.2 Кластерный анализ по плотности населения без региональных центров притяжения (данные на 2019 г.):

Складывается другая четырех-кластерная классификация территорий без региональных центров притяжения населения.

Первый кластер (от 6 до 10 человек на 1 кв. км.): Алматинская и Туркестанская области по 8,3 человека на 1 кв. км. Исключение - население гг. Алматы, Шымкент, Талдыкорган и Туркестан приводят к снижению плотности населения данных регионов в 2,8 раза, это означает, что четыре города Южного Казахстана «берут на себя» почти 2/3 нагрузки по заселению. Несмотря на это, данная территория остается самой густонаселенной.

Второй кластер (от 3 до 5 человек на 1 кв. км) – Акмолинская (4,0), Жамбылская (5,3), Восточно-Казахстанская (3,7), Северо-Казахстанская (3,4), Костанайская (3,2) и Павлодарская (3,2) области. В этот кластер вошли области, средняя плотность населения которых без региональных центров притяжения (гг. Астана, Тараз, Усть-Каменогорск, Семей, Петропавловск Павло-

дар, Костанай) снижается в 1,8 раза.

Третий кластер (от 2 до 3 человек на 1 кв. км.): Мангистауская (3,0), Атырауская (2,5), Западно-Казахстанская (2,1) и Карагандинская (2,2) и Кызылординская (2,2) области.

В этот кластер вошли области, средняя плотность населения которых без региональных центров притяжения (гг. Актау, Атырау, Уральск, Караганда, Кызылорда) снижается в 1,5 раза.

Четвертый кластер (до 2 человек на 1 кв.км.): самая малонаселенная территория – плотность населения Актюбинской области (1,3) без г. Актобе, снижается в 2,1 раза.

Такие факторы, как динамичная урбанизация, неравномерное развитие территорий и увеличение социально-экономической нагрузки на города, могут привести к возникновению ряда рисков: стихийного формирования «поясов бедности» вокруг городов, безработице населения (в первую очередь молодежи), вероятности возникновения и обострения социальных конфликтов, нарастания социальной напряженности и протестности, оголения сельских и приграничных территорий, потери контроля над приграничными территориями. Государственная политика должна учитывать вероятность возникновения и развития подобных негативных сценариев.

1.3 Кластерный анализ по удельному весу казахского населения (данные на 2019 г.):

Этнический состав населения Казахстана

Общая численность населения Казахстана – 18 631 779 человек.

Численность казахского населения – 12 587,5 человек.

Удельный вес казахского населения – 68,4%.

Предлагаемая классификация по удельному весу казахского населения выявила четыре кластера:

Первый кластер (от 90% до 100%): моноэтнические территории Атырауской (90,1%), Мангистауской (90,3%) и Кызылординской (96,0%) областей. Среднее значение удельного веса казахов по кластеру - 92,1%, превышает средний уровень республики в

1,4 раза.

Второй кластер (от 50% до 70%): территории Актюбинской (81,7%), Западно-Казахстанской (75,2%), Жамбылской (72,6%), Алматинской (70,7%) и Туркестанской (72,9%) областей, тяготеющих к моноэтничности. Удельный вес казахов 74,6% (среднее значение по кластеру), ниже среднереспубликанского уровня в 1,3 раза.

Третий кластер (от 50% до 70%): полиэтничные территории Акмолинской (51,4%), Восточно-Казахстанской (59,4%), Карагандинской (50,4%) и Павлодарской (50,9%) областей. Удельный вес казахов - 52,7% (среднее значение по кластеру), ниже республиканского уровня в 1,3 раза.

Четвертый кластер (от 30% до 50%): территории Костанайской (39,7%) и Северо-Казахстанской (34,6%) областей с низким удельным весом казахского населения. Среднее значение по кластеру составляет 37,2%, что в 3,1 раза меньше, чем в среднем по Казахстану.

Сопоставление полярных по значению кластеров выявляет дисбаланс по удельному весу казахского населения на конкретных территориях в 2,5 раза. Казахстан позиционирует себя как полиэтничное общество, однако кластерный анализ показывает, что такое определение справедливо только для части казахстанской территории. Хотя перспективный прогноз позволяет предполагать постепенное увеличение доли казахского этноса на всей территории страны, сегодня актуальными являются гибкие вариативные подходы не только в демографической, но и этнокультурной, и языковой политике. Такое превентивное реагирование со стороны государства позволит поддерживать социальный и гражданский мир, избегать провокационных ситуаций, поддерживать потенциальную межэтническую конфликтность на контролируемом уровне.

Эти кластеры сформировались под влиянием сложных исторических процессов и факторов, которые оказывали длительное воздействие на этническую структуру населения Казахстана. За годы суверенитета произошел ряд изменений в динамике этнотерриториальных процессов:

- первый и второй кластеры приобрели ярко выраженные характеристики моноэтнических территорий вследствие эмиграционного оттока представителей других этнических групп и высоких показателей естественного прироста казахского населения;

- третий кластер, для которого теперь характерно полиэтничное население, сформировался только в период суверенного развития. В предыдущий период удельный вес казахского населения на этих территориях не превышал 40%;

- четвертый кластер, несмотря на рост абсолютных и относительных показателей в этом регионе, остается территорией с самым низким удельным весом казахского населения;

- изменения этнического состава населения наиболее ярко проявляется в городах.

Новая этническая структура населения повлияла по показателю естественного движения населения.

2. Урбанизация населения

2.1 Кластерный анализ по удельному весу городского населения (данные на 2019 г.):

Удельный вес городского населения Казахстана – 57,8%.

Удельный вес городского казахского населения Казахстана – 64,3%.

Средний уровень по республике – 58,4%.

Первый кластер (от 70% и выше): высокоурбанизированные территории Казахстана: Карагандинская (79,6%), Павлодарская (70,6%) и Актюбинская (70,7%) области. Средний показатель уровня урбанизированности по кластеру составляет 73,6% и превышает уровень республики в 1,3 раза.

Второй кластер (от 50% до 70%): территории со средним удельным весом городского населения по кластеру – 52,9%. Уровень урбанизированности соответствует среднереспубликанским показателям. К этому кластеру относятся Костанайская (54,5%), Атырауская (52,1) и Западно – Казахстанская (52,0%) области.

Третий кластер (от 30% до 50%): регионы с уровнем урбанизации по кластеру - 43,8%: ВКО (45,8%), Акмолинская область (47,2%), СКО (45,6%), Кызылординская область (44,3%).

Мангистауская область (40,0%) и Жамбылская область (39,7%). Меньше половины населения этих областей – горожане.

Четвертый кластер (от 20% до 30%): малоурбанизированные территории: Алматинская (22,4%) и Туркестанская (20,0%) области (после придания г. Шымкент - статуса города республиканского значения). Среднее значение по кластеру – 21,2%. В 2,7 раза меньше среднего уровня урбанизированности по Казахстану.

Процесс урбанизации в целом не показывает значительной динамики – за 20 лет удельный вес городского населения вырос с 56,4% до 57,8%. Кластеризация через призму этнического состава позволяет понять масштаб произошедших изменений. Она выявляет роль и значение в этом процессе казахского населения и позволяет увидеть сущность ускоренной урбанизации:

2.2 Кластерный анализ по удельному весу казахов в составе городского населения (2019 г.):

Классификация по уровню урбанизации казахского населения выявила четыре кластера. Средний удельный вес городского казахского населения Казахстана составляет в 1999 г. – 44,7%, в 2019–64,3%.

Первый кластер (от 70% и выше): регионы, где средний удельный вес казахского городского населения по кластеру составляет 81,0%: г. Астана (79,0%), Мангистауская (71,9%), Алматинская (75,0%), Актюбинская (79,1%), Атырауская (87,7%) и Кызылординская (93,5%) области. Превышает средний уровень республики в 1,3 раза.

Второй кластер (от 50% до 70%): регионы, где средний удельный вес казахского городского населения составляет 66,2% и соответствует среднему показателю республики: гг. Алматы (60,4%), Шымкент (67,1%), Западно-Казахстанская (67,7%), Жамбылская (66,8%) и Туркестанская (69,0%) области.

Третий кластер (от 30% до 50%): регионы, где среднее значение показателя удельного веса казахского городского населения составляет 49,1% - Костанайская (37,0%), Карагандинская (42,5%), Павлодарская (50,1%), Акмолинская (57,6%) и Восточно-Казахстанская (58,5%) области, что в 1,3 раза меньше средне-

го значения по республике.

Четвертый кластер (от 20% до 40%): формирует население Северо-Казахстанской области, удельный вес городских казахов в ней оставляет 29,3%, в 2,2 раза ниже среднереспубликанского значения.

Кластерный дисбаланс по уровню урбанизации в целом составляет 3,5 раза и по уровню урбанизации казахского населения – 2,8 раза. Эти цифры наглядно подтверждают, что основной урбанизационный потенциал в республике составляют и реализуют казахи. Следовательно, именно им и приходится иметь дело с рисками и потенциальными угрозами демографического дисбаланса.

Хотя общая динамика урбанизации за двадцать лет (1999–2019 гг.) демонстрирует рост лишь на 1,4%, рост удельного веса городских казахов за этот же период увеличивается на 20%. Такие темпы свидетельствуют об ускоренной урбанизации и подтверждают, что основное содержание урбанизационных процессов в Казахстане обеспечивает титульный этнос за счет внутренних миграций и естественного прироста. Неготовность городской социальной инфраструктуры и неразвитость рынка труда может привести к нарастанию таких социальных рисков, как массовая молодежная безработица, «пояса бедности», криминогенный фактор, общая социальная дестабилизация и протестность населения.

Взрывной рост численности городского населения, который является логичным завершением процессов внутренней миграции, формирует новый миграционный потенциал, направленный за пределы республики. Дальнейшая урбанизация приведет к росту казахской внешней миграции.

3. Возрастная структура населения

3.1 Кластерный анализ по удельному весу детей 0–14 лет (данные на 2019 г.):

Удельный вес детей 0–14 лет в составе населения Казахстана – 28,1%.

Удельный вес возрастной группы 15–64 года в составе населения Казахстана – 64,3%.

Удельный вес возрастной группы старше 65 лет в составе населения Казахстана – 7,6%.

Применение международной классификации возрастной структуры, принятой ООН, с акцентом на долю молодых и старших возрастов позволяет выявить степень устойчивости возрастной структуры и риски ее дисбаланса.

Классификация возрастной структуры населения Казахстана (по удельному весу детей 0–14 лет) выявила три кластера:

Первый кластер (от 30% и выше): регионы с молодой возрастной структурой, среднее значение удельного веса детей от 0 до 14 лет составляет 34,0%. В эту группу вошли: г. Шымкент (33,1%), Алматинская (31,1%), Атырауская (33,4%), Кызылординская (33,4%), Жамбылская (33,6%), Мангистауская (35,2%) и Туркестанская (37,8%) области. Значения данного кластера выше среднереспубликанского уровня на 5,9%.

Второй кластер (от 25% до 30%): среднее значение по кластеру удельного веса детей от 0 до 14 лет составляет 28,0%, что соответствует среднереспубликанскому значению. В этот кластер входят: г. Астана (29,2%), Западно-Казахстанская (26,1%) и Актыубинская (28,6%) области.

Третий кластер (от 20% до 25%): среднее значение показателя удельного веса детей от 0 до 14 лет находится на уровне 22,4% и ниже уровня по республике на 5,7%. Этот кластер формирует население г. Алматы (22,6%), Акмолинской (23,9%), Карагандинской (23,7%), Павлодарской (22,8%), Северо-Казахстанской (20,9%) и Костанайской (20,2%) областей.

Кластерный дисбаланс составляет 1,5 раза, но важно понимать, что динамика процессов рождаемости предопределяет дальнейший рост этого дисбаланса. Высокие показатели доли детских возрастов в структуре населения уже сформировали риск значительной экономической нагрузки на другие поколения. Инерция этих процессов без немедленных научно обоснованных мер неминуемо приведет к таким социальным проблемам как рост молодежной безработицы, молодежной преступности, распространение радикальных и экстремистских идеологий.

3.2 Кластерный анализ по удельному весу возрастной

группы старше 65 лет (данные на 2019 г.):

Классификация уровня старения населения Казахстана (по удельному весу возрастной группы старше 65 лет) выявила следующие три кластеры:

Первый кластер (от 4% до 6%): среднее значение по данному кластеру 4,8% - ниже среднереспубликанского уровня на 2,8%: гг. Астана (4,7%), Шымкент (4,8%), Мангистауская (4,3%), Туркестанская (4,6%), Атырауская (5,1%) и Кызылординская (5,4%) области. Согласно классификации ООН, население данных регионов считается зрелым (удельный вес возрастной группы старше 65 лет находится в пределах 4–7%).

Второй кластер (от 6% до 10%): среднее значение по данному кластеру - 7,6%, что соответствует среднереспубликанскому уровню: г. Алматы (8,2%), Актюбинская область (6,6%), Алматинская область (6,9%), Жамбылская область (6,4%), ЗКО (8,3%) и Акмолинская (9,7%) область.

Третий кластер (от 10% и выше): регионы с высокой долей старших возрастов. Среднее значение по данному кластеру находится на уровне - 10,9%, что выше республиканского показателя на 3,3%. В него вошли Карагандинская (10,1%), Павлодарская (10,2%), ВКО (11,2%), Костанайская (11,1%), Северо-Казахстанская (12,1%) области. По классификации ООН население данного кластера считается старым, так как показатель превышает 7%.

Анализ возрастной структуры выявляет региональную дифференциацию: старение населения в третьем кластере и превышение доли молодых возрастов в первом кластере. Сопоставление показывает значительный дисбаланс возрастной структуры населения по республике. Этот дисбаланс – фактор нарастания таких социальных рисков как увеличение демографической нагрузки на трудоспособное население за счет высокой доли молодых возрастов в первом кластере и старших возрастов в третьем кластере.

4. Воспроизводство населения

4.1 Кластерный анализ по общему коэффициенту естественного прироста населения (данные на 2019 г.):

Общий коэффициент рождаемости – 21,7%.

Общий коэффициент смертности – 7,2‰

Общий коэффициент естественного прироста – 14,5‰.

Первый кластер (от 20‰ и выше): регионы с высоким уровнем рождаемости и низким уровнем смертности населения. Результирующий эти процессы общий коэффициент естественного прироста (23,22‰), выше среднереспубликанского уровня в 1,6 раза. Этот кластер формируют гг. Шымкент (23,2‰), Астана (24,0‰), Атырауская область (20,9‰), Туркестанская область (22,7‰), Мангистауская область (25,3‰).

Второй кластер (от 5‰ до 10‰): регионы с общим коэффициентом естественного прироста населения, соответствующим среднереспубликанскому значению - 14,2‰. В этот кластер вошли г. Алматы (11,8‰), ЗКО (11,6‰), Актюбинская область (16,9‰), Жамбылская область (17,4‰), Кызылординская область (18,6‰), Алматинская область (18,0‰).

Третий кластер (от 5‰ до 10‰): регионы с низким значением общего коэффициента естественного прироста - 6,9‰, что в 2,1 раза ниже среднереспубликанского уровня. В составе этого кластера ВКО (5,6‰), Павлодарская область (5,5‰), Карагандинская область (7,0‰), Акмолинская область (9,4‰).

Четвертый кластер (от 0,1‰ до 5‰): регионы с критическим уровнем общего коэффициента естественного прироста населения. Среднее значение по кластеру – 3,1‰, что ниже среднереспубликанского уровня в 4,8 раза. Это Северно-Казахстанская (0,3‰), Костанайская область (2,8‰).

В данном случае разница в показателях естественного прироста между полярными кластерами составляет 7,4 раза. Такое диаметрально различие предполагает очень дифференцированную социальную политику, учитывающую разницу в социальных потребностях населения в детских учреждениях, медицинских организациях и других структурах, призванных обеспечить достойное качество жизни разным категориям населения.

Эта классификация дополняет и верифицирует приведенную выше классификацию возрастной структуры населения Казахстана. Еще одним средством верификации выявляемых тенденций становится классификация по суммарному коэффициенту

рождаемости, который показывает, сколько в среднем родила женщина на протяжении репродуктивного периода своей жизни. Этот показатель в демографической науке считается одним из наиболее важных индикаторов процессов воспроизводства населения. Динамику естественного прироста населения предопределили изменения в процессах рождаемости.

4.2 Кластерный анализ по суммарному коэффициенту рождаемости (данные на 2019 г.).

Суммарный коэффициент рождаемости – 2,9.

Классификация воспроизводства населения Казахстана по суммарному коэффициенту рождаемости выявила также четыре кластера. Суммарный коэффициент рождаемости в Казахстане в 2019 году составил – 2,90.

Первый кластер (СКР выше 4): регионы с высокими темпами рождаемости. Среднее значение суммарного коэффициента рождаемости по кластеру – 4,2, что превышает среднереспубликанский уровень в 1,4 раза и обеспечивает расширенный тип воспроизводства населения. В состав данного кластера вошли Мангистауская (4,02) и Туркестанская (4,29) области.

Второй кластер (СКР от 2,5 до 4): среднее значение суммарного коэффициента рождаемости в данном кластере составляет - 3,2 и превышает уровень по республике в 1,1 раза. Этот уровень также обеспечивает расширенный тип воспроизводства населения городов Астана (2,77) и Шымкент (3,32) и областей Западно-Казахстанской (2,75), Актюбинской (2,97), Кызылординской (3,46), Жамбылской (3,31), Атырауской (3,61) и Алматинской (3,66).

Третий кластер (СКР от 2 до 2,5): среднее значение по кластеру – 2,32, что ниже среднереспубликанского значения в 1,25 раза. Это регионы, для которых характерен простой тип воспроизводства: Павлодарская (2,19), Карагандинская (2,30), Восточно-Казахстанская (2,34) и Акмолинская (2,45) области.

Четвёртый кластер (СКР меньше 2): регионы с критически низким уровнем рождаемости, средний суммарный коэффициент - 1,9. Среднее значение по кластеру меньше республиканского в 1,5 раза и реализуется суженный тип воспроизводства. В этот кла-

стер вошли город республиканского значения – Алматы (1,78), Костанайская (1,81) и Северо-Казахстанская (1,98) области.

Кластерный дисбаланс по данному показателю составил 2,2 раза. Колебания в показателях суммарного коэффициента рождаемости имеют очень большой вес с точки зрения демографических и социальных последствий как в ближайшей, так и долгосрочной перспективе. Отсутствие оперативного реагирования на эту ситуацию со стороны общества и государства, низкий уровень социальных инвестиций в младшие возрастные группы оборачивается ежедневными невосполнимыми социальными потерями в области человеческого капитала.

Факторы, которые определяют современное состояние процессов воспроизводства:

- исторически сложившиеся региональные различия в этническом расселении, которые выражаются в численном преобладании казахского населения с традиционно высокими показателями рождаемости;

- асинхронное снижение рождаемости как следствие исторически различных темпов урбанизации по регионам Казахстана;

- дисбаланс в возрастной структуре.

Универсальная демографическая закономерность на длительных промежутках исторического развития фиксирует зависимость процессов рождаемости от процессов смертности. Но в настоящее время в Казахстане сложилась ситуация, когда именно процессы рождаемости задают основные социально-демографические тренды.

5. Миграционные процессы

Кластерный анализ по коэффициенту интенсивности миграционных процессов (сальдо миграции на 1000 населения).

Коэффициент интенсивности миграции населения (на 1000 человек) включает в себя как внешнее, так и внутреннее миграционное движение.

Классификация миграционных процессов по коэффициенту интенсивности миграционных процессов выявила три кластера:

Первый кластер (+ 1 и выше): формируют территории, на

которых фиксируются положительная динамика миграционного обмена: г. Алматы (+142) и Астана (+292), Атырауская (+1) и Мангистауская (+72) области. Среднее значение по кластеру: +169.

Второй кластер (от 0 до – 50): территории, теряющие население в результате миграционного обмена: Туркестанская область (-12), Алматинская область (-14), Актюбинская область (-22), Западно-Казахстанская область (-28), Кызылординская область (-50). Среднее значение по кластеру: -25,5.

Третий кластер (от -50 и выше): территории, активно теряющие население в результате миграционного обмена: Карагандинская область (-51), Костанайская область (-51), Павлодарская область (-58), Акмолинская область (-75), Восточно-Казахстанская область (-81), Жамбылская область (-103), Северо-Казахстанская область (-104).

Среднее значение по кластеру: 74,7.

Естественное и механическое движение населения оказывают важное взаимовлияние и совокупно формируют единую демографическую систему, определяя основные векторы мобильности населения, их количественные и качественные характеристики. Сложившиеся векторы внутренней миграции определяют неравномерность процессов урбанизации по территории республики.

Классификация по векторам миграции выявляет последствия процессов ускоренной урбанизации с ограниченным числом центров притяжения. Эти процессы интенсивно повышают те же социальные риски, которые становятся следствием региональной дифференциации плотности населения, этнического состава, дисбаланса возрастной структуры, неравномерности естественного движения населения.

Каждый тип кластера порождает собственные риски и требует собственной сложной системы воздействия, имеющей целью достижение внутреннего демографического баланса. Только сбалансированная демографическая система обеспечит общество развитым человеческим капиталом и позволит ему более эффективно развиваться. Государственная политика должна учитывать

вероятность возникновения и развития негативных сценариев социально-демографического развития. Новая демографическая политика должна опираться не только на учет показателей рождаемости, но и на сложное взаимодействие разных демографических процессов, формирующих разные демографические кластеры.

Полные результаты кластеризации с аналитическим комментарием отражены на веб-портале «Интерактивная демографическая карта Казахстана» https://demography-kz.shinyapps.io/demography_ru/ (авторское свидетельство Мәуліт А., Нугуманова А.Б., Аубакирова Ж.С., Алексеенко А.Н., Столярова Э.О. Интерактивная демографическая карта. Свидетельство о внесении сведений в государственный реестр прав на объекты, охраняемые авторским правом №21423 от 5 ноября 2021 года).

2. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ, РИСКИ И УГРОЗЫ

2.1 Возрастная структура населения Казахстана и демографические вызовы

Изучение социально-демографических процессов в новых независимых государствах - бывших советских республиках, невозможно начинать лишь со времени получения суверенного статуса. Демографические закономерности не действуют только во временных границах той или иной политической системы. Инерция событий, случившихся в рамках одного политического режима, может определять суть демографических эволюций в другой исторической эпохе. Особенности каждого десятилетия пролонгируются в возрастной структуре населения. Ретроспективный анализ этой структуры позволяет осознать преемственность демографической истории на протяжении длительного времени.

Проблемы эволюций возрастной структуры населения Казахстана в ретроспективе были изучены казахстанским демографом М. Б. Татимовым, чаще всего - в контексте других вопросов демографического развития. И хотя значительная часть работ вышла в советское время, методологическая основа изучения проблемы сохраняет свою актуальность.⁶⁷ Автор делал акцент на особенностях возрастной структуры кочевого казахского общества, влиянии традиций на основные демографические параметры.⁶⁸

Вопросы старения возрастной структуры населения в 1980-90-е гг. Рассматривались в монографии М. Х. Асылбекова и В. В. Козиной.⁶⁹ Этнические особенности изменения возрастной струк-

67. Татимов М.Б. Развитие народонаселения и демографическая политика (социально-философские аспекты системного изучения и комплексной разработки).- Алма-Ата, Казахстан: Наука, 1978. - 143 с.; Татимов М.Б. Социальная обусловленность демографических процессов. - Алма-Ата, Казахстан: Наука, 1989. - 125 с.

68. Татимов М.Б. Половозрастная структура, брачность и размер семьи народов Средней Азии и Казахстана. Проблемы народонаселения. - Москва, Россия, 1970. - С.304-307.

69. Асылбеков М.Х., Козина В. В. Казахи (демографические тенденции 80-90-х годов). - Алматы, Казахстан: Оркениет, 2000. - 102 с.

туры населения Казахстана освещались в статье Г.А. Сарсембаевой.⁷⁰ Была показана взаимосвязь этнической принадлежности и возрастной структуры, выявлены региональные особенности. Необходимо отметить анализ возрастно-половой структуры казахского этноса в контексте событий, происходивших в период между переписями 1999–2009 гг., выявление факторов, более всего повлиявших на эволюции различных возрастных групп.⁷¹

Авторами монографии «Население Казахстана за 100 лет (1897-1997 гг.)» проведен ретроспективный анализ возрастной структуры населения Казахстана по данным, представленным в переписях населения 1897, 1926, 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. Показано, как исторические события XX века отражаются в возрастной структуре населения.⁷² В статье А. Алексеенко представлен сравнительный анализ возрастной структуры населения Казахстана 1989 и 1999 гг. Фиксируется этническая дифференциация процесса старения населения.⁷³

В монографии М. Х. Асылбекова и А. Б. Галиева рассматриваются социально-демографические процессы в Казахстане в длительной ретроспективе (1917–1980 гг.). В ряде случаев авторы обращаются к анализу возрастной структуры населения, связывая ее эволюции с социально-историческими явлениями.⁷⁴

Несмотря на указанные публикации, такие проблемы как

70 Сарсембаева Г. А. Особенности влияния половозрастной структуры наиболее многочисленных этносов Казахстана в период 1989–2006 гг. // Четвертые научные чтения памяти Е. М. Залкинда: материалы международной научной конференции: Сибирь, Центральная Азия и Дальний Восток: актуальные вопросы истории и международных отношений. - Барнаул, Россия: Аз-Бука, 2009. - С.159-165.

71 Сарсембаева Г. А. Возрастная структура казахского этноса в 1999–2009 гг. // Сборник трудов XIV Международной научно - практической конференции: Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. - Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2014. - С.159-165.

72 Алексеенко Н. В., Алексеенко А. Н. Население Казахстана за 100 лет (1897–1997 гг.). - Усть-Каменогорск, Казахстан: Издательство ВКТУ, 1999. - 158 с.

73. Алексеенко А. Н. Первая перепись населения в суверенном Казахстане: некоторые итоги и оценки // Материалы конференции: Миграция в СНГ и Балтии: через различия проблем к общему информационному пространству. - Москва, Россия: Издательское товарищество «АдамантЪ», 2001. - С.82-98.

74. Асылбеков М.Х., Галиев А.Б. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917–1980). - Алма-Ата, Казахстан: Гылым, 1991. - 185 с.

прямая корреляция между возрастной структурой прошлого и современными социально-демографическими процессами, дисбаланс возрастной структуры и демографические вызовы, возникающие как следствие динамики возрастной структуры населения не нашли отражения в казахстанском научном пространстве.

Поэтому важным является анализ динамики возрастной структуры населения Казахстана в конце XX – начале XXI вв. и определение на основе выявленных тенденций потенциала социально-экономического и демографического развития, а также вероятности возникновения рисков.

Материалами для исследования стали данные всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979 и 1989 г., национальных переписей Республики Казахстан 1999 и 2009 гг., данные демографических ежегодников Казахстана (2005, 2017, 2019 гг.), статистических сборников «Народное хозяйство Казахстана», показатели текущей статистики 2019 г. Статистическая информация, на основе которой выполнен анализ республиканских и региональных демографических показателей, взята с сайта www.stat.gov.kz.

Для изучения эволюций возрастной структуры населения использовался метод графического изображения, известной как «возрастная пирамида». Авторами использован метод совмещения в одной пирамиде возрастных данных, представленных в переписях населения разных лет. В этом случае динамика изменения соотношения возрастных групп в десятилетнем диапазоне проявляется более наглядно. Для оценки процессов старения населения использовались классификация Э.Росчета – Божё-Гарнье и международная возрастная классификация ООН. Согласно первой классификации, население считается молодым, если удельный вес лиц старше 60 лет в населении не превышает 8%, преддверие старости – 8–10%, демографическое старение – 10–12%, демографическая старость – более 12%.

По классификации ООН население считается молодым, если удельный вес лиц в возрасте 65 лет и старше не превышает 4%, зрелым – 4–7%, старым – более 7%. Также использовался индекс постарения А. Сови, измеряющийся как отношение численности

населения в возрасте 60 лет и старше к численности населения в возрасте до 20 лет. Если это соотношение составляет меньше 20% - степень постарения считается низкой, от 20 до 30% - средней, более 30% - высокой. Комплексное использование данных методик позволило авторам более достоверно оценить уровень старения населения для оценки перспектив демографического развития Казахстана.

Всесоюзная перепись населения 1989 г. отразила многие события советской истории, повлиявшие на состояние возрастной структуры Казахстана. В первую очередь это относится к демографическим процессам второй половины XX века. Детерминирующим фактором эволюций этнической и возрастной структур, зафиксированных переписью 1989 г., стали события 1950 - 1960-х гг. В этот период в Казахстане началось освоение целинных земель, что вызвало большой миграционный приток из других республик СССР. Как следствие, в 1950-1970-е гг. положительное миграционное сальдо составило для Казахстана 1597,6 тыс. человек.⁷⁵ Таким образом, за 10 лет (1950–1960 гг.) численность населения республики увеличилась на 48,4% и составила, по данным переписи 1959 г., 9294,7 тыс. человек. Удельный вес русских составил 42,7%, а удельный вес казахов снизился до 30,0% (таблица 2.1).⁷⁶

Тенденции демографического развития, сложившиеся в 1950-е гг., продолжились и в следующее десятилетие. Жителей Казахстана в 1970 г. в сравнении с 1959 г. стало больше на 39,9% (таблица 2.1). Высокие темпы роста были характерны для всех этнических групп, но особенно для казахов и русских (увеличение произошло на 51,9% и 39,0% соответственно).

75. Гончарова Е. Г. Демографический ежегодник СССР. - Москва, Россия: Финансы и статистика, 1990. - 639 с.; Хуснитдинова Р. А. Демографический ежегодник Казахстана. - Алматы, Казахстан: Казинформцентр, 1996. - 250 с.

76. Народное хозяйство Казахстана в 1968 году: стат. сб. - Алма-Ата, 1970. - 368 с.

Таблица 2.1. Численность и этнический состав населения Казахстана по данным Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. (тыс. человек).

Этносы	1959		1970		1979		1989	
	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%
Все население	9294,7	100	13008,7	100	14684,3	100	16464,5	100
Казахи	2787,3	30,0	4234,2	32,5	5289,3	36,0	6534,6	39,7
Русские	3972,0	42,7	5521,9	42,4	5991,2	40,8	6227,5	37,8
Украинцы	741,3	8,2	933,5	7,2	898,0	6,1	956,2	5,8
Немцы	659,8	7,1	858,1	6,6	887,4	6,1	957,5	5,8
другие этносы	1134,3	12,2	1461,0	11,2	1618,4	11,0	1788,7	10,9

Источник: Слемзин А.А. Всесоюзная перепись населения 1959 г. - Москва, СССР: Госстатиздат, 1962.; Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. - Алма-Ата, 1991.

Динамика численности казахов объяснялась большим естественным приростом: резко снизилась смертность, рождаемость сохранилась на традиционном уровне. В результате естественный прирост достиг высоких показателей. Казахи переживали состояние демографического взрыва, как части первого демографического перехода. В 1950-1960-е гг. был накоплен демографический потенциал, способный не только продуцировать в перспективе, но и во многом эту перспективу определять.

Демографические эволюции европейских этнических групп в большей мере объяснялись миграционными факторами. Демографический потенциал, приобретаемый в результате миграционных притоков, недолговечен, так как зависит от причин политического, экономического свойства. Изменение политической, социально-экономической конъюнктуры способно привести к миграционному оттоку. Это и произошло в 1970-1980-х гг. Отрицательное сальдо межреспубликанской миграции составило в

этот период 1293,7 тыс. человек⁷⁷ и существенно нейтрализовало миграционный приток 1950-1960-х гг.

В 1970-е гг. тенденции демографического развития Казахстана изменились. Во многом это объясняется исчерпанием инерции факторов, положительно влиявших на процессы в 1950-1960-е гг. Завершается фаза демографического перехода, следствием которой был большой естественный прирост. В это же время набирает силу процесс миграционного оттока из республики. В сумме эти явления привели к замедлению динамики численности населения. Темпы роста в 1970-е гг. были в 3,1 раза ниже темпов 1960-х гг. (таблица 1). В 1980-е гг. инерция действия вышеназванных причин сохранилась, темпы роста численности населения были невелики.

События второй половины XX в. получили отражение в возрастной структуре населения Казахстана, зафиксированной последней советской переписью населения 1989 г. При этом она не только констатирует прошлое. Возрастная структура конца 1980-х гг. оказывает и будет оказывать влияние на демографические процессы уже суверенного Казахстана.

Возрастная структура населения 1989 г. довольно молодая. Показатели старения были выражены слабо и не представляли угрозы в близкой перспективе. Так, согласно классификации Э. Россета – Божё - Гарнье, население находилось в состоянии первого преддверия старости (удельный вес населения в возрасте 60 лет и старше составлял 9,3%). Примерно такое же состояние старения фиксировалось классификацией ООН: удельный вес населения в возрасте 65 лет и старше равнялся 5,7%. Более того, коэффициент постарения А. Сови, равный 23, предполагал, что возрастная структура имела хорошие перспективы омоложения (рисунок 2.1). Во многом этому способствовал рост рождаемости в 1960-1980-е гг., особенно во второй половине 1980-х гг., что в возрастной структуре нашло отражение в многочисленной группе 0–4 года. Удельный вес детских групп (0–14 лет) в возрастной

77. Курганская В., Дунаев В. Стратегические приоритеты и региональные аспекты этнодемографической политики Республики Казахстан // Социальный портрет современного казахстанского общества: сб. ст. / Под ред. А. В. Султангалиева. - Астана-Алматы, Казахстан: ИМЭП, 2016. - С.111-112.

структуре составил 31,8%.

Большое влияние на динамику детских возрастных групп в 1980-е гг. оказала «демографическая волна», вызванная демографическим взрывом 1950-1960-х гг. В конце 1970-х – 1980-е гг. родившиеся в середине XX в. вступили в брачный возраст (в основном представители возрастной группы от 20 до 39 лет в 1989 г.). Демографические следствия событий 1950-1960-х гг. во многом определило ситуацию и в конце 1980-х гг. Более того, инерционный потенциал в виде «демографических волн» будет продолжать воздействовать на возрастную структуру Казахстана и в XXI веке. Частично он будет нейтрализован демографическим кризисом 1990-х гг., что отразится на возрастной структуре населения в конце XX века, зафиксированной переписью 1999 г. (рисунок 2.1).

Кризисные явления в первую очередь были связаны с миграционным оттоком из республики значительного числа представителей европейских этнических групп. В период с 1990 по 1999 гг. из Казахстана выбыло 2872,5 тыс. человек. Иммиграционный приток, в основном представленный казахами, составил 938,7 тыс. человек.⁷⁸ В результате отрицательное сальдо внешней миграции равнялось 1933,8 тыс. человек. Существенно изменился этнический состав (таблица 2.2).

Таблица 2.2 Численность и этнический состав населения Казахстана по данным переписей населения 1999, 2009 гг. и данным текущей статистики 2019 г. (тыс. человек)

Этносы	1999		2009		2019	
	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%
Все население	14953,1	100	16009,6	100	18395,5	100
Казахи	7985,0	53,4	10096,8	63,1	12587,5	68,4

78. Курганская В., Дунаев В. Стратегические приоритеты и региональные аспекты этнодемографической политики Республики Казахстан // Социальный портрет современного казахстанского общества: сб. ст. / под ред. А. В. Султангалиева. - Астана-Алматы, Казахстан: ИМЭП, 2016. - С.111-112.

Продолжение таблицы №2.2						
Русские	4509,6	30,2	3793,8	23,7	3471,0	18,9
Украинцы	547,1	3,7	333,0	2,1	270,9	1,5
Немцы	353,4	2,3	178,4	1,1	178,6	1,0
Другие этносы	1558,0	10,4	1607,6	10,0	1887,5	10,2

Источник: Национальный состав населения РК. Итоги переписи населения 1999 года в РК. – Астана, 2000; Национальный состав, вероисповедание и владение языками в РК. Итоги Национальной переписи населения 2009 г. в РК. - Астана, 2010.

Заметный кризис наметился и в процессах воспроизводства населения. Общий коэффициент рождаемости снизился на 34,4% (с 22,20 промилле в 1990 г. до 14,57 в 1999 г.), общий коэффициент смертности вырос на 24,9% (с 7,90‰ в 1990 г. до 9,87‰ в 1999 г.). Естественный прирост сократился в 3 раза.⁷⁹ Численность возрастной группы 0–9 лет, то есть тех, кто родился в 1990-е годы, уменьшилась на 25,1%. И если в 1989 г. удельный вес этой группы в составе населения составлял 22,1%, то в 1999 г. – 18,7%. Помимо кризисных явлений 1990-х гг. на уменьшение рождаемости повлияло сокращение наиболее репродуктивной возрастной группы (20–34 года). В 1999 г. в сравнении с 1989 г. молодых людей этого возраста стало меньше на 17,5% (рисунок 2.1).

Сравнительный анализ возрастной структуры населения Казахстана по данным переписей населения 1989 и 1999 гг. показывает, что в последнее десятилетие XX в. значительно ускорился процесс старения населения. Он идет как «сверху» (увеличение доли старших групп в возрастной пирамиде), так и «снизу» (уменьшение доли детских возрастов). Количество детей (0–14 лет) сократилось на 18,5%, удельный вес этой группы в составе населения снизился до 28,5%. Число пожилых (65 лет и старше) увеличилось на 9,0%, удельный вес группы в составе населе-

79. Курганская В., Дунаев В. Стратегические приоритеты и региональные аспекты этнодемографической политики Республики Казахстан // Социальный портрет современного казахстанского общества: сб. ст. /под ред. А. В. Султангалиева. - Астана-Алматы, Казахстан: ИМЭП, 2016. - С.111-112.

ния составил 6,7%. Коэффициент постарение А. Сиви равнялся 28. Лиц трудоспособного возраста (15–64 года) стало меньше на 6,1%, хотя удельный вес этой группы несколько увеличился (64,8% в 1999 г.)

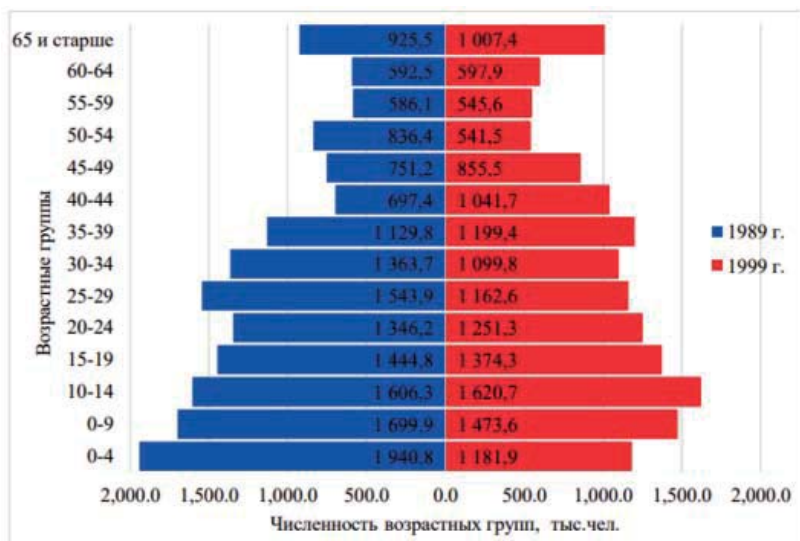

Рисунок 2.1. Возрастная пирамида населения Казахстана по данным переписей населения 1989 г. и 1999 г. (тыс. человек).
 Источник: *Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. – Москва, 1991; Краткие итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан. – Алматы, 1999. – 221 с.*

Последнее десятилетие XX в. – сложный период в демографической истории Казахстана. Массовые внешние миграции (как эмиграция, так и иммиграция), негативные изменения в воспроизводстве населения, повлияли на этническую и возрастную структуры в 1999 г. Влияние европейского компонента на демографические процессы уже не так очевидно. В XXI в. основное и все более нарастающее воздействие на эволюции возрастных групп будут оказывать демографические установки казахского

этноса.

В начале 2000-х гг. стали проявляться позитивные изменения, вызванные стабилизацией этнополитической, социально-экономической ситуации. В первую очередь, это сказалось на сокращении эмиграционного оттока. В 1999–2009 гг. отрицательное сальдо внешней миграции уменьшилось, в сравнении с предыдущим десятилетием, в 6,2 раза и составило 311,9 тыс. человек. Более того, в 2004–2009 гг. число прибывших в Казахстан превысило число выбывших на 78,5 тыс. человек.⁸⁰

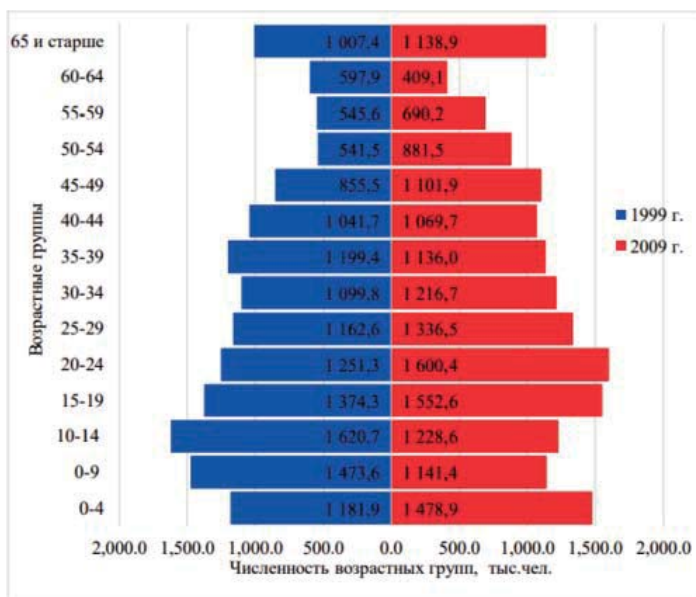

Рисунок 2.2 Возрастная пирамида населения Казахстана по данным переписей населения 1999 г. и 2009 г. (тыс. человек)

Источник: Краткие итоги переписи населения 1999 года в РК. - Алматы, 1999. - 221 с.; Итоги Национальной переписи населения 2009 года в РК: Национальный состав, вероисповедание и владение языками в РК, Астана, 2010.

80. Демографический ежегодник Казахстана // под ред. Ю.К.Шокаманова. - Алма-Ата, 2005; Демографические ежегодники. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.stat.gov.kz/> (дата обращения 12.09.2020).

Увеличились показатели рождаемости, как и естественного прироста в целом. Общий коэффициент рождаемости в 1999–2009 гг. вырос на 63,3% (14,57‰ в 1999 г. и 23,80‰ в 2009 г.), общий коэффициент смертности снизился на 2,7% (с 9,87‰ до 9,60‰). Естественный прирост стал больше в 3 раза (4,70‰ в 1999 г. и 14,20‰ в 2009 г.).⁸¹ Численность населения республики увеличилась на 5,5% (таблица 2.2).

Негативные демографические тенденции, наметившиеся в 1990-е гг., в целом были преодолены. Тем не менее, наследие 1990-х гг. продолжало сказываться на возрастной структуре первого десятилетия XXI века. Так, численность детей (0–14 лет) в 2009 г., в сравнении с 1999 г., сократилась на 10,9%. И если удельный вес этой группы в 1989 г. равнялся 31,8%, в 1999 г. – 28,5%, то в 2009 г. – 24,2% (рисунок 2.1, 2.2). Это объясняется тем, что большинство детей, которым в 2009 г. было от 0 до 14 лет, родились в кризисные 1990-е годы. В то же время, провал в возрастной группе 10–14 лет частично компенсируется увеличением рождаемости в первое десятилетие XXI. При этом заметно ускорение динамики процесса – детей, которым в 2009 г. было от 0 до 4 лет – на 35,3% больше, чем 5–9-летних (таблица 2.2).

Во многом это происходит потому, что в репродуктивный возраст вступило многочисленное поколение, рожденное в 1980-е гг. – «дети» демографического взрыва. Представители «демографической волны» могут в течение длительного времени влиять на увеличение численности и удельного веса в составе населения детских возрастных групп. В то же время, наблюдается все более активное старение населения. В 1999–2009 гг. удельный вес возрастной группы 65 лет и старше увеличился с 6,7% до 7,4%. Число людей в этой группе выросло на 16,6%, коэффициент по-старения Сови стал равен 30. В значительной мере это результат постарения оставшихся в Казахстане представителей «миграционных волн» 1950-60-х гг.

Таким образом, первое десятилетие XXI в. является перелом-

81. Курганская В., Дунаев В. Стратегические приоритеты и региональные аспекты этнодемографической политики Республики Казахстан // Социальный портрет современного казахстанского общества: сб. ст. /под ред. А. В. Султангалиева. - Астана-Алматы, Казахстан: ИМЭП, 2016. - С.111-112.

ным в демографической истории суверенного Казахстана. «Европейский фактор» функционирования демографической системы постепенно уходит. Все более явно возрастная структура населения отражает особенности демографического развития казахского этноса.

Возрастная структура населения к 2019 г. в значительной мере фиксирует уже результат демографического развития Казахстана на автохтонной основе. Влияние внешних миграций на динамику численности населения становится минимальным, суть демографического развития определяют процессы воспроизводства населения. В концентрированном виде эти тенденции проявляются в коэффициенте суммарной рождаемости (СКР). В 2009–2019 гг. он вырос на 13,7% (2,55 в 2009 г. и 2,90 в 2019 гг.).⁸² При этом в городах, вследствие перемещения сюда населения репродуктивных возрастов, интенсивность деторождений становится намного выше, чем в сельской местности.

Во втором десятилетии XXI в. казахское население, сохранившее традиционные ценности, становится мощным демографическим ресурсом государства. В 2009–2019 гг. темпы роста населения Казахстана составили 16,6%, что в 3 раза выше темпов роста в предыдущее десятилетие (таблица 2.2). Возрастная структура 2019 г. в основном отражает особенности демографического развития казахского этноса. Можно предположить, что тенденции, наметившиеся в настоящее время, будут иметь продолжительную инерцию. Это делает возможным прогноз: с одной стороны, вероятен рост рождаемости, увеличение удельного веса детских возрастных групп в составе населения; с другой - возможно возникновение так называемых «наследственных» проблем, развитие которых зависит от возрастной структуры прошлых лет. Их влияние распространяется, в основном, на старшие возрастные группы.

В возрастной структуре 2019 г. удельный вес детских групп (0–14 лет) составляет 28,6%. Это самый высокий показатель в

82. Демографический ежегодник Казахстана / под ред. Н.С.Айдапкелова. - Астана, 2017. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.stat.gov.kz/> (дата обращения 12.09.2020).

постсоветское время. В 2009–2019 гг. число детей увеличилось на 37,9%. Вследствие этого несколько уменьшился удельный вес населения в трудоспособном возрасте, хотя абсолютная численность этой возрастной группы увеличилась на 9,4% (рисунок 2.3).

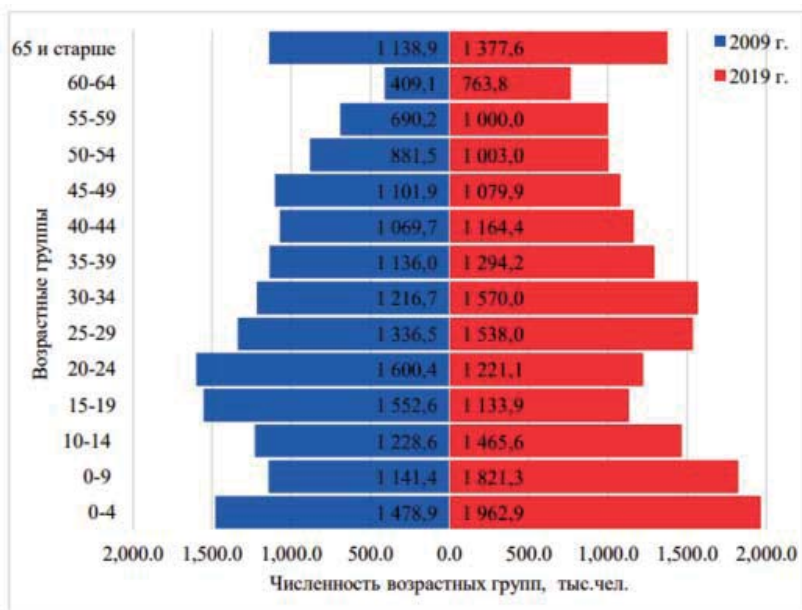

Рисунок 2.3. Возрастная пирамида населения Казахстана по данным переписи населения 2009 г. и текущей статистики 2019 г. (тыс. человек).

Источник: Национальный состав, вероисповедание и владение языками в РК. Итоги Национальной переписи населения 2009 г. в РК: стат. сб. - Астана, 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.stat.gov.kz/> (дата обращения 12.09.2020).

Отличительной чертой возрастной структуры 2019 г. является влияние этнической репатриации на ее изменения. Очень четко это видно на примере возрастной группы, представителям которой в 2009 г. было 5 - 24 года, а через 10 лет, в 2019 г. - 15 – 34 года. За 10 лет, вследствие смертности, численность этой возрастной группы должна была уменьшиться, но иммиграция не только компенсировала естественные потери, но и привела к некоторому росту (на 2,5%). В свою очередь, многочисленность репродуктивной части населения привела к большому росту группы 0–9 лет. В 2019 г. в сравнении с 2009 г. детей в этом возрасте стало больше на 44,2% (рисунок 2.3).

Происходят изменения и в старших возрастах. И хотя вследствие роста населения в детском и трудоспособном возрасте, удельный вес группы 65 лет и старше в 2009–2019 гг. несколько снизился, наблюдается ее абсолютный рост (на 14,0%). Именно изменения в старших возрастных группах содержат серьезные вызовы в довольно близкой перспективе. В первую очередь это касается возрастной группы, представителям которой в 2019 г. было от 50 до 60 лет. В данном возрастном диапазоне в 2019 г. находилось 15,2% населения. Число 50–64-летних в 2019 г. превышает число людей такого же возраста в 2009 г. на 37,8%. В ближайшие годы количество пенсионеров будет быстро расти.

Тенденции демографического развития Казахстана в значительной степени определяются событиями ушедшего времени и имеют ярко выраженную региональную дифференциацию на фоне ускоренной урбанизации. Выделяются два исторических периода, более всего повлиявших на эволюции возрастной структуры населения и во многом определивших вызовы и риски в перспективе. Во-первых, сохраняется значение событий 1950-1960-х гг. Это период демографического взрыва, существенно омолодившего возрастную структуру населения. Но в настоящее время поколения, рожденные в 50-60-е гг. XX века, оказывают все более активное влияние на показатели старения. Быстро стареющей возрастной структурой отличаются северо-восточные области Казахстана. Здесь, помимо названной причины, проживает значительная часть европейского населения, среди которого

много людей старшего возраста. Удельный вес лиц в возрасте 65 лет и старше, в данном регионе больше 10% (Северо-Казахстанская, Восточно-Казахстанская, Павлодарская, Костанайская области). Процесс старения развивается довольно интенсивно.

В то же время, первые два десятилетия XXI в. характеризуются большой рождаемостью и быстрым ростом населения. Удельный вес детей и молодежи в возрастной структуре увеличивается. Возрастная структура 2019 г. свидетельствует, что группа, в ближайшее время входящая в трудоспособный возраст (10–14 лет) в 1,8 раз превышает численность группы, выходящей из этого возраста (60–64 года). Проблема молодежной безработицы, острая уже в настоящее время, станет еще более явной. Более всего она выражена в южных и западных областях Казахстана, населенных преимущественно казахами. Удельный вес детских возрастов здесь превышает отметку в 30% (Алматинская, Атырауская, Жамбылская, Кызылординская, Мангистауская и Туркестанская области). Высокие темпы роста населения старшего возраста перекрывается еще более высоким ростом детских и молодежных возрастных групп.

Таким образом, социально-экономические, политические события конца XX – начала XXI вв. оказали и продолжают оказывать влияние на демографические процессы (динамика численности населения, миграционные процессы, воспроизводство населения) и отражаться в возрастной структуре населения Казахстана.

2.2 Демографические процессы и социально-экономическое развитие Казахстана: противоречия и риски

Этнодемографический фактор в постсоветское время считается одним из важнейших в укреплении национальной безопасности Казахстана. В значительной степени это является реакцией на советский период истории, когда казахи оказались в меньшинстве на своей исторической родине. В настоящее время казахи являются большинством населения республики и определяют динамику демографических процессов. Но демографическая составляющая государственного развития рассматривается вне социально-экономического контекста, лишь как социокультурное достояние. Во многом вследствие этого, поиск национальной идентичности, неотъемлемой частью которой являются и семейно-брачные отношения, идет в «доколониальном прошлом». Стратегия демографического развития современного Казахстана выстраивается из традиций, характерных для аграрного общества и отражающих социально-экономические особенности этого общества. Принимаются меры по увеличению рождаемости, проводится активная политика этнической репатриации. Численность населения растет быстрыми темпами.

С течением времени реализация стратегии модернизации Казахстана на основе традиционных ценностей испытывает все большие затруднения. С одной стороны, социокультурный вектор развития государства направлен в далекое прошлое, с другой - модернизационная стратегия ориентирована на ускоренную урбанизацию, внедрение наукоемких технологий, рост образовательного, профессионального уровня населения. Постепенно выявляется все большее несоответствие между демографическими последствиями идеи «возврата к корням» и социально-экономическими возможностями государства, которые не в состоянии адаптировать растущий демографический потенциал. Сохраняющаяся высокая рождаемость, эволюции возрастной структуры населения приводят к тому, что данное несоответствие становится все более явным, перерастая в противоречие, способное привести к серьезным социальным проблемам.

Изучение демографических процессов в Казахстане во многом связано с проблемами государственной безопасности, что отражается в современной историографии. Большая часть публикаций посвящена вопросам внешнего давления на казахстанскую демографическую систему. Наиболее популярен сюжет миграционной безопасности, рассматриваемый как демографами, так и историками, политологами, социологами, представителями других наук. Особое внимание уделяется миграционным процессам казахстанско-китайского приграничья. Во многом это отражает тот факт, что на бытовом уровне, часто отраженном в СМИ, «китайская угроза» считается основной внешнеполитической проблемой государства.

Исследователи же сходятся во мнении, что опасность «китайской миграции» сильно преувеличена. Давно исследующая тему С. Б. Кожирова убедительно опровергает сложившийся стереотип о «китайской миграционной угрозе».⁸³ Похожую оценку миграционным отношениям Казахстана и Китая дают К.Л. Сыроежкин и Е. Ю. Садовская. В монографии К.Л. Сыроежкина раскрывается алгоритм создания мифов о китайской экспансии, выявляются наиболее распространенные из них (внешнеполитический, приграничный и т. д.). Отдельный подраздел работы посвящен китайской миграции в Казахстан, приведены статистические данные о реальном числе присутствующих в республике китайцев в постсоветской динамике.⁸⁴ Монография Е. Ю. Садовской демонстрирует особенности китайской миграции в контексте экономического развития. Автор приходит к выводу, что проблемы миграции и китайского присутствия в Казахстане во

83. Кожирова С. Б. Китайская миграция в Казахстане: реальность и проблемы // Вестник Евразийского гуманитарного института. - 2006. - №3. - С. 25–32; Кожирова С. Б. Китайская миграция и проблемы безопасности Республики Казахстан // Материалы Международной конференции «Модернизация системы государственного управления в РК: основные приоритеты и механизмы реализации». - Астана, 2006. - С. 29–38; Кожирова С. Б. Китайская миграция как фактор национальной безопасности Республики Казахстан // Материалы республиканской научно-практической конференции «Непрерывное профессиональное образование в условиях дистанционной и кредитной технологии обучения». - Караганда, 2008. - Т. 1. - С. 124–128.

84. Сыроежкин К.Л. Нужно ли Казахстану бояться Китая: мифы и фобии двусторонних отношений. - Астана - Алматы: ИМЭП, 2014. - 431 с.

многим мифологизированы и не несут приписываемых им рисков и угроз.⁸⁵

Некоторые аспекты демографической безопасности Казахстана освещались в публикациях и научных работах Э.О. Кырыкбаевой⁸⁶, А. Королева, М. Мамаева⁸⁷, К.В. Григоричева, Е.П. Зимовиной⁸⁸. В них обозначены такие проблемы, как неконтролируемая трудовая миграция, нелегальная внешняя миграция, стихийная миграция из села в город, беженцы и вынужденные мигранты, рождаемость и репродуктивное здоровье мужчин и женщин, взаимосвязь демографической и религиозной ситуации и т. д.

Основные демографические риски, способные стать угрозами для безопасности государства в начале XXI в., комплексно обозначила Ж. С. Аубакирова: старение населения, гендерный дисбаланс возрастной структуры, высокая смертность трудоспособного населения и т. д. При этом автор фиксирует региональную дифференциацию кризисных вариантов: депопуляционная модель северного Казахстана и юго-западная модель состояния демографического взрыва.⁸⁹

Таким образом, вопрос демографических вызовов для Казахстана большинством авторов рассматривается через изучение миграций населения, в основном международных, способных дестабилизировать межэтническую, социально-экономическую ситуацию. Несколько в тени обозначенных сюжетов остались со-

85. Садовская Е.Ю. Китайская миграция в Республику Казахстан: традиции Шелкового пути и новые векторы сотрудничества. - Алматы: Раритет, 2014. - 444 с.

86. Кырыкбаева Э. О. Демографические и миграционные угрозы для национальной безопасности Казахстана [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://konferencia.com.ua/files/image/konf%2010/konf%2010_1_11.pdf (дата обращения 12.07.2022).

87. Королев А., Мамаев М. Казахстану удалось справиться с демографическими вызовами [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.zakon.kz/4454358-kazakhstan-udalos-spravitsja-s.html> (дата обращения 12.07.2022).

88. Григоричев К.В., Зимовина Е.П. Беженцы и вынужденные мигранты: Международные правовые документы и законодательство Республики Казахстан. - Караганда: Экожан, 2004. - 224 с.

89. Аубакирова Ж. С. Демографическое развитие и безопасность Казахстана (2000–2015 гг.): SWOT - анализ // Вестник НАН РК. - 2016. - №3. - С. 79–88; Аубакирова Ж. С. Анализ демографической безопасности Казахстана: потенциал, риски и угрозы // Отан тарихы. - 2016. - №2 (74). - С. 80–88.

циально-демографические вопросы, имеющиеся в казахстанском социуме. Суть их в том, что динамика социально-экономического развития все более отстает от темпов роста численности населения, что в перспективе способно привести к росту безработицы, кризису социальной сферы.

Источниковой основой проблемы являются нормативно-правовые акты и статистические данные. Нормативно-правовая база включает следующие документы: Постановление Правительства РК от 17 августа 2000 года №1272 «О концепции государственно демографической политики Республики Казахстан»; «Об утверждении Прогнозной схемы территориально-пространственного развития страны до 2020 года». Указ Президента Республики Казахстан от 21 июля 2011 года №118; Указ Президента Республики Казахстан «Об утверждении прогнозной схемы территориально-пространственного развития страны до 2030 года». Постановление Правительства Республики Казахстан от 23 августа 2019 года №652. Статистической основой послужили данные Всесоюзных переписей населения 1959 и 1989 гг., Национальных переписей населения Казахстана 1999 и 2009 гг. Данные текущей статистики, в том числе и в региональном разрезе, имеются на сайте Статистического комитета РК www.stat.gov.kz. Немалое количество статистической информации представлено в Демографических ежегодниках Казахстана 1996, 1998, 2017, 2019 гг. (численность и состав населения, показатели рождаемости, смертности, естественного прироста и т. д.). Следует отметить, что после переписи населения 2009 г. из открытого доступа фактически исчезла демографическая информация в этническом разрезе, что существенно затрудняет исследования по этнодемографической тематике. Тем не менее, имеющийся статистический ряд позволяет выявить суть исследуемой проблемы.

Вторая половина XX в. (1950-е – 1980-е гг.) – особая страница в демографической истории Казахстана, связанная с большим миграционным притоком населения из других советских республик. В 1950–1968 гг. положительное сальдо межреспубликанской миграции составило для Казахстана 1597,6 тыс. человек.⁹⁰

90. Аубакирова Ж. С., Алексеенко А.Н. Казахи в контексте демографической истории. -

Миграционный поток в первую очередь был направлен в города, особенно в 1960-е гг. Значительная часть казахского населения оказалась вне индустриально-промышленного вектора развития республики, концентрируясь в аграрном секторе экономики. По данным переписи населения 1959 г. удельный вес казахов в городах составлял 16,7%, переписи 1970 г. – 17,0%.⁹¹ Демографическая подсистема этноса оказалась в условиях, максимально способствующих быстрому росту численности населения. С одной стороны, вследствие бесплатной медицины, роста ее качества, существенно сократилась смертность, в первую очередь младенческая и детская. Так, если в 1939 г. в целом по Казахстану смертность в возрастной группе 0–4 года равнялась 85,9 промилле, то в 1959 г. – 15,6 промилле.⁹² В то же время сохранились высокие показатели рождаемости, особенно в сельской местности, тем более что государство взяло на себя многие материальные проблемы семьи (бесплатное образование, поддержка многодетных семей и т.д.). Коэффициент суммарной рождаемости в целом по Казахстану составлял в конце 1950-х годов 4,5.⁹³ При этом наибольшая репродуктивная активность в 1950-60-е гг. была присуща женщинам-казашкам. В различных группах репродуктивного возраста среднее число детей у них было в 2,2–2,8 раза выше, чем, например, у русских женщин. Таким образом, концентрация этноса в сельской местности способствовала усилению традиционных демографических установок.

В 1970-80-е гг. в демографическом развитии Казахстана наступает новый период. Теперь, когда паспорта могли иметь уже сельские жители страны, начинается активная миграция сельской казахской молодежи в города. Численность городского казахского населения быстро увеличивается. По данным переписи 1979 г. удельный вес казахского населения в городах составлял 20,8%,

Нур-Султан: ТОО «Шанырак-Медиа», 2020. - 258 с.

91. Статистический сборник по отдельным показателям ВПН 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. - Алма-Ата: Республиканский информационно-издательский центр, 1991. - С. 51, 60.

92. Народное хозяйство Казахстана в 1987 г. Статистический ежегодник. - Алма-Ата, 1988. - С. 189.

93. Там же, С. 190.

1989 г. – 26,7%.⁹⁴ В 1980-е гг. (1979–1989 гг.) темпы роста числа городских казахов в 5,8 раза превышали темпы роста в сельской местности.⁹⁵ Особенность «советской» урбанизации заключалась в том, что покидающая сельскую местность молодежь довольно быстро адаптировалась к новым условиям. Увеличение удельного веса городского казахского населения, изменение социально-экономической среды, вскоре начинают сказываться на процессах воспроизводства, в первую очередь рождаемости. В конце 1970-х гг. коэффициент суммарной рождаемости казашек равнялся 4,8, в конце 1980-х гг. – 3,6.⁹⁶ Наметился переход к современному типу рождаемости. Происходившие процессы свидетельствуют о том, что «традиционность» казахов в значительной мере являлась не чертой национального сознания, а особенностью существования в определенной социально-экономической среде.

Эволюционное развитие наметившейся тенденции было прервано в 1990-е годы. Распад СССР и становление государственного суверенитета привели к новым вариантам демографического развития, являющихся следствием не только социально-экономических, но и политических преобразований. Именно политические потрясения начала 1990-х гг. стали причиной этнически выраженных миграционных перемещений населения. Данные переписи населения 1999 г. показали, что в сравнении с переписью населения 1989 г. численность населения Казахстана сократилась на 9,2% за счет неказахских этносов. Русских стало меньше на 27,6%, украинцев – на 42,8%, немцев – на 63,1%. Уменьшилось представительство и других этнических групп (таблица 2.3).

94. Статистический сборник по отдельным показателям всеобъемлющих переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. - Алма-Ата: Республиканский информационно-издательский центр, 1991. - С. 9.

95. Там же, С. 11.

96. Султанмуратов Н. Процесс урбанизации в вопросе демографического перехода в казахском обществе // Социальный портрет современного казахстанского общества: сб. ст. 2-й выпуск. ИМЭП / под ред. С. М. Акимбекова. - Астана-Алматы, 2016. - С. 88.

Таблица 2.3 Численность и этнический состав населения Казахстана по данным переписей населения 1989 и 1999 гг. (тыс. человек)

Состав населения	1989		1999		1999 к 1989 (%)
	ч-ть	%	ч-ть	%	
Все население	16464,5	100	14953,1	100	90,8
Казахи	6534,6	39,7	7985,0	53,4	122,2
Русские	6227,5	37,8	4509,6	30,2	72,4
Украинцы	956,2	5,8	547,1	3,7	57,2
Немцы	957,5	5,8	353,4	2,3	36,9
Другие этносы	1788,7	10,9	1558,0	10,4	87,1

Источники: Статистический сборник по отдельным показателям всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. Алма-Ата: Информационно-издательский центр. 1991. - с. 9; Национальный состав населения РК. Т.1. Итоги переписи населения 1999 г. в РК. - Алматы, 2000. - С. 6–8.

Этнодемографическая структура населения, сформировавшаяся в советское время, принципиально изменилась. Теперь наибольшее влияние на демографические процессы (воспроизводство, эволюции численности, прирост населения, миграции и прочее) оказывают казахи.

В результате традиционные репродуктивные установки значительной части титульного этноса стали определять государственную демографическую стратегию. Высокая рождаемость, многодетные семьи, все более воспринимались как культурное наследие, как традиция, связывающая поколения.

Падение рождаемости у казахов в 1990-е гг. (в 1999 г. в сравнении с 1989 г. общий коэффициент рождаемости уменьшился у них на 40,9%)⁹⁷, в основе своей было связано с социально-экономическими проблемами и не являлось свидетельством серьезного кризиса традиционных демографических отношений.

97. Демографический ежегодник Казахстана. - Алматы. 1996, - с. 56—58; Этнодемографический ежегодник Казахстана. - Алматы, 2006. - С. 153.

Социокультурная основа демографических установок, имеющая многовековую историю, не могла исчезнуть мгновенно, реагируя на сиюминутные политические, социально-экономические потрясения. Возобновление поддержки семьи со стороны государства должно было реанимировать прежние демографические параметры. Тем более что одной из важнейших задач государственного развития Казахстана становится преодоление демографического провала 1990-х гг. Решение проблемы было отражено в принятой в 2000 г. Концепции демографической политики Казахстана.⁹⁸ Задачи по улучшению демографической ситуации, предложенные Концепцией, сводились к усилению традиционных репродуктивных установок, достижению режима расширенного воспроизводства.

Предусматривались меры морального и материального стимулирования рождаемости, многодетной семьи. Основное внимание было обращено на сельское население, сохранившее традиционно высокую рождаемость.⁹⁹

Одной из важных и имеющих долговременное демографическое влияние политик стала реализация принятой в 1991 г. программы этнической репатриации, направленной на регулирование организованного переселения в республику казахов, проживающих в других странах.

Задачи демографического развития, поставленные Концепцией, в настоящее время решены. Общая численность населения в 2009–2019 гг. увеличилась на 23,0% благодаря высоким темпам роста числа казахов, компенсировавших убыль эмигрировавших представителей европейских этнических групп.

К началу 2021 г. Казахстан принял 1 057 343 этнических мигранта.¹⁰⁰ Удельный вес казахов в составе населения приближает-

98. Постановление Правительства РК от 17 августа 2000 года №1272 «О концепции государственной демографической политики Республики Казахстан» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P000001272> (дата обращения 10.10.2020).

99. Программа демографического развития РК на 2001–2005 годы // Казахстанская правда. 2001, 8 ноября.

100. Ахмет Б. Что заставляет кандасов становиться оралманами - зов крови или нужда? // Qmonitor. 2021, 5 февраля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://qmonitor.kz/politics/800> (дата обращения 10.10.2020).

ся к 70-процентной отметке (таблица 2.4).

Таблица 2.4 Численность и этнический состав населения Казахстана по данным переписи населения 1999 г. и материалам текущей статистики 2019 г. (тыс. человек)

Состав населения	1999		2019		2019 к 1999 (%)
	ч-ть	%	ч-ть	%	
Все население	14953,1	100	18395,6	100	123,0
Казахи	7985,0	53,4	12587,5	68,4	157,6
Русские	4509,3	30,2	3471,0	18,9	77,0
Украинцы	547,1	3,7	270,9	1,5	49,5
Немцы	353,4	2,3	178,6	1,0	50,5
Другие этносы	1558,0	10,4	1887,5	10,2	121,1

Источники: Национальный состав населения РК. Т.1. Итоги переписи населения 1999 г. в РК. – Алматы, 2000. - С. 6 - 8; Численность населения Казахстана по отдельным этносам на начало 2019 г. - Астана, 2019.

Важнейшим государственным приоритетом Казахстана является вхождение в число тридцати наиболее развитых стран мира.¹⁰¹ Произойти это должно благодаря ускоренной модернизации, индустриально-инновационному развитию, повышению качества человеческого капитала и т.д. Алгоритм решения задачи отражен в действующей с 2011 г. стратегии территориально-пространственного развития Казахстана до 2030 г.¹⁰² Согласно стратегии, территориально-пространственное развитие направлено на повышение экономической и демографической плотности за счет концентрации населения, трудовых, финансовых и произ-

101. О концепции по вхождению Казахстана в число 30-ти самых развитых государств мира. Указ Президента РК от 17.01.2014 №732 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000732> (дата обращения 10.10.2020).

102. Прогнозная схема территориально-пространственного развития страны до 2020 года. Указ Президента Республики Казахстан от 21 июля 2011 года №118 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1100000118> (дата обращения 10.10.2020); О проекте Указа Президента Республики Казахстан «Об утверждении прогнозной схемы территориально-пространственного развития страны до 2030 года». Постановление Правительства Республики Казахстан от 23 августа 2019 года №652 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000625> (дата обращения 10.10.2020).

водственных ресурсов в точках роста – агломерациях и крупных городах.¹⁰³ Предполагается стимулирование трудовой мобильности населения, прежде всего сельского, перемещение его в перспективные точки роста.

Исходя из тенденций мирового развития, обозначенная стратегия предполагает, что показатели рождаемости должны постепенно снижаться. Во всяком случае, это происходит в странах, чьи репродуктивные традиции, отчасти определяемые общностью религии – ислама, близки традиционному казахскому обществу. Так, в ОАЭ коэффициент суммарной рождаемости снизился в период с 1990 г. по 2019 г. с 4,41 до 1,42, в Саудовской Аравии – с 5,88 до 2,34, Азербайджане – с 3,06 до 2,08 и т.д.¹⁰⁴ В Казахстане же коэффициент суммарной рождаемости увеличился с 1,86 в 1999 г. до 2,55 в 2009 г. и 3,13 в 2020 г.¹⁰⁵ Число рождений растет все более быстрыми темпами. Если в 2000–2009 гг. в республике родилось 2807,3 тысяч детей, то в 2010–2020 гг. в 1,5 раза больше – 4321,0 тысяч.¹⁰⁶ Модернизационные декларации не отразились на демографических установках, все в большей мере определяемых представителями казахского этноса.

Особенность современной демографической структуры в том, что значительная часть казахов является городскими жителями. В 2019 г. удельный вес казахов в городах с числом жителей более 100 тысяч составил 64,1%. Причем в самых крупных мегаполисах, Алматы и Астанае – 60,4% и 79,0% соответственно.¹⁰⁷ Большинство рождений происходит уже в городах – в 2019 г. 59,5% детей родились в городской местности.¹⁰⁸ Государственные программы «ускоренной урбанизации» еще более интенсифици-

103. Там же.

104. Коэффициент суммарной рождаемости, 1950–2019 // Демоскоп Weekly. – 2021. - № 905—906 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/app/world_tfr.php (дата обращения 15.05.2022).

105. Демографический ежегодник Казахстана 1998. - Алматы, 1998. - С. 43; Демографический ежегодник Казахстана 2017. - Астана, 2017. - С. 175—181, 189—190.

106. Демографический ежегодник 2019. - Нур-Султан, 2020. - С. 93.

107. Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2019 г. - Нур-Султан, 2019. - С. 15.

108. Демографический ежегодник Казахстана 2019. - Нур-Султан, 2020. - С. 94—95.

фицируют движение в города населения с сельским менталитетом. Традиционные демографические установки переносятся на новое место жительства и активно в них реализуются. Так, в течение пяти лет (2015–2019 гг.) коэффициент суммарной рождаемости в городах увеличился на 7,4% (с 2,56 до 2,75). В селах – на 4,2% (с 3,05 до 3,18).¹⁰⁹

Более всего рост рождаемости наблюдается в регионах с высоким удельным весом казахского населения, в первую очередь в южном и западном Казахстане. Так, в городской местности Мангистауской области коэффициент суммарной рождаемости в 2019 г. составил 4,02, Туркестанской – 7,29.¹¹⁰ Судя по всему, ждать скорой перестройки репродуктивных установок, согласно «городским стандартам», не приходится. Для этого вывода есть ряд причин. Мы предполагаем, что идет процесс формирования «новой гомеостатичности», способной результативно функционировать в городской среде. В частности, все большее значение имеют семейно-родственные связи, на основе которых формируются горизонтальные и вертикальные «социальные сети», определяющие вполне самостоятельную демографическую политику. Важно то, что значительная часть переместившихся в города семей проживает в частном секторе, имеет подсобное хозяйство, являющееся существенным источником дохода. При этом «новые горожане» активно контактируют не только с соседями, но и с сельскими родственниками, и этот контакт приносит ощутимые дивиденды и тем, и другим. В результате сельско-городской миграции, в городах постепенно формируется традиционная многопоколенная семья, где проблемой воспитания детей занимаются старшие поколения, позволяя женщинам работать. Многие из этих женщин являются индивидуальными предпринимателями и совмещают трудовую деятельность с воспитанием детей, домашними проблемами. Статус главы многодетной семьи по-прежнему имеет большое значение, особенно для мужчин. Женщинам, в свою очередь, в городе рожать безопаснее, в силу более

109. Там же, с. 143, 145.

110. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.stat.gov.kz> (дата обращения 15.05.2022).

развитой инфраструктуры. Большое значение для семейного бюджета имеют льготы и пособия, выплачиваемые многодетным семьям.¹¹¹ Таким образом, можно предположить, что «городской статус» пока не повлиял на репродуктивные установки, тенденции высокой рождаемости могут сохраняться длительное время.

Вследствие этого возникает вопрос, достаточно ли ресурсов у государства, чтобы превратить нарастающий демографический потенциал в человеческий капитал – движущую силу экономического, интеллектуального развития? Данные социально-экономической статистики свидетельствуют, что присутствуют определенные проблемы. Вследствие того, что достоверность официальной социальной статистики была подвергнута сомнению и резкой критике со стороны президента РК, в статье приводятся материалы, используемые депутатами Мажилиса РК, независимыми экспертами.¹¹²

Одним из следствий роста рождаемости становится увеличение материнской смертности. В 2010 г. показатель составлял 22,7 на 100 тысяч родившихся. Была поставлена задача – снизить его до 14,5 на 100 тысяч, но в 2020 г. показатель составил уже 36,5 на 100 тысяч родившихся. В регионах он доходит до 70 и даже 95. По мнению депутатов Мажилиса РК, по качеству медицинского сопровождения материнства Казахстан опустился на уровень беднейших стран мира.¹¹³ Одной из важных причин подобного положения является архаизация семейно-брачных отношений. Женщины, которым по состоянию здоровья рожать запрещено (около 20% рожениц), рожают под давлением родственников, мужей.¹¹⁴ Попытки медицинских работников вести речь о гигие-

111. Есимова А. Б. Семейно-родственные связи как социальный капитал в реализации репродуктивного поведения // Вестник ПГУ. Серия гуманитарная. Павлодар. - 2010. - №2. - С. 8–14; Есимова А. Б. Социальный капитал и генеративное/репродуктивное поведение женщин: поиск взаимосвязи // Сборник докладов апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. - Москва: НИУ- ВШЭ, 2012. - Кн. 2. - С. 327–336.

112. Глава Бюро нацстатистики освобожден от должности // Kazakhstan today. 2022, 24 января.

113. Ахмат О. Новый рекорд рождаемости в Казахстане будет установлен по итогам 2021 года // NURKZ - 2022, 3 февраля.

114. Иванов Р. Почему материнская смертность зашкаливает? // 365 инфо - 2021, 29 июня.

не, здоровье матери, планировании семьи наталкиваются на обвинения в том, что они хотят уменьшить количество казахского этноса в государстве.¹¹⁵

Высокая рождаемость обнажила проблемы не только системы здравоохранения, но и образования. Эволюции возрастной структуры быстро меняют соотношение возрастных статусов населения. Растет число детей школьного возраста (5–19 лет). В 2020 г. в сравнении с 2015 г. их стало больше на 17,0% (3917,5 тыс. в 2015 г. и 4586,8 тыс. в 2020 г.).¹¹⁶ Динамика процесса нарастает, в 2020 г. в Казахстане родилось рекордное в его истории число детей – почти 427 тыс. человек.¹¹⁷ В 2021 г. рекорд обновился – на свет появилось более 450 тысяч детей.¹¹⁸ В 2020г. в школах учились 3,400 млн. человек, а когда в школу пойдут рожденные в начале 2020-хгг., контингент учащихся возрастет до 4,325 млн. человек. Дополнительно к имеющимся 7471 школам понадобится еще не менее 6000 школ. С учетом того, что в 2020 г. в республике было построено 43 школы, достижение результата вызывает сомнения.¹¹⁹ Ситуация остра уже в настоящее время, в 2020 г. дефицит учебных мест составил 168 тысяч, в 2021 г. – 264,8 тысяч. Казахстан, по мнению Т. Жусупбековой, рискует столкнуться с коллапсом в системе образования.¹²⁰

Ситуация может стать еще более серьезной после окончания школы. Проблема поиска работы актуальна уже сейчас, хотя в 2020 г. в сравнении с 2015 г. число лиц, наиболее активно претендующих на рабочие места (20–29 лет), сократилось на 15,3% (с

115. Мустафина А. «Роди мне ребенка, роди мне сына!» - в Казахстане рожают вопреки запретам // 365 инфо - 2019, 7 ноября.

116. Сейдахметова Б. «Беременная стоит одной ногой в могиле» - факты о материнской смертности в Казахстане // 365 инфо - 2020, 20 февраля.

117. Демографический ежегодник Казахстана. Министерство национальной экономики РК. Комитет по статистике. - Нур-Султан, 2020. - С. 20.

118. Жанузаков А. Рекордная рождаемость зафиксирована в Казахстане в 2020 г. //365 инфо - 2021, 21 февраля.

119. Сарбасова А. На пять мечетей приходится шесть школ. Какое будущее мы строим нашим детям? // Qmonitor - 2021, 30 июня.

120. Жусупбекова Т. Дефицит школ грозит Казахстану после рекорда по рождаемости // Казахстанская правда - 2021, 15 апреля.

3119,1 до 2642,2 тыс. человек).¹²¹ Это представители малочисленного поколения 1990-х гг. рождения. Учитывая, что с начала XXI века наблюдается высокий рост рождаемости, в настоящее время количество людей, вступающих в трудоспособный возраст, быстро увеличивается. Так, согласно прогнозу Министерства труда и социальной защиты, к 2025 году приток молодежи на рынок труда возрастет до 256 тыс. человек в год, а численность трудоспособного населения увеличится к этому времени до 12,1 млн. человек.¹²² При этом курс на цифровизацию экономики подразумевает сокращение десятков тысяч рабочих мест. По мнению казахстанских экономистов, в рамках действующей экономической модели, делающей ставку на рабочие места в городах, половина населения не нужна.¹²³ С учетом того, что самые низкие в Казахстане номинальные денежные доходы на душу населения приходится на сельские регионы с традиционно молодой возрастной структурой, перемещения молодежи в города станут еще более массовым явлением. Концентрация населения в крупных городах уже вызывает вопросы. По мнению президента РК К-Ж. Токаева, большая численность населения городов сегодня стала не гордостью, а проблемой, в стране надо строго контролировать внутреннюю миграцию.¹²⁴

В поисках работы активизируется миграция и в другие государства. Так, только за январь-июнь 2021 г. из Казахстана выехало 14,2 тыс. человек – на 29,3% больше, чем за аналогичный период 2020 г.¹²⁵ Растет качественный состав эмигрантов. При этом, по мнению депутата Мажилиса РК Д.Милютинина, динамика процесса нарастает. Согласно представленных им данных, если

121. Демографический ежегодник Казахстана. Министерство национальной экономики РК. Комитет по статистике. - Нур-Султан, 2020. - С. 20.

122. Кайсар А. Безработицу среди молодежи нельзя назвать низкой, и она будет только расти. Насколько высока безработица среди молодежи, каковы ее особенности и почему она вырастет в ближайшие 10 лет // Власть - 2021, 3 марта.

123. Индустриализация по-казахстански: минус 28 процентов за двадцать лет // Exclusive.kz. - 2021, 9 февраля; Иванов Р. Половине населения в нынешней экономической модели нет места // 365 инфо - 2020, 19 ноября.

124. Вааль Т. Большая численность населения городов не гордость, а проблема // Власть - 2019, 8 октября.

125. 365 инфо - 2021, 25 августа.

в 2019 г. доля высококвалифицированных специалистов в общей статистике эмиграции составила 50,6%, то в 2020 г. – 54,3%. В 2020 г., в сравнении с 2019 г. Казахстан покинуло втрое больше медиков, в четыре раза больше педагогов, в пять раз больше технических специалистов. Масштаб оттока молодежи, в основном в российские вузы, выглядит критическим, при этом все более явное участие в процессе принимают казахи. Налицо обостряющаяся проблема «утечки умов».¹²⁶

Актуализировавшаяся в последние годы задача этнического укрепления североказахстанского приграничья испытывает проблемы. Увеличение численности казахского населения в северном регионе в 2009–2019 гг. на 82,0% происходило за счет столицы – г. Астана. Рост числа казахов в приграничных северных областях, без учета столицы, не смог компенсировать убыль других этносов. Общая численность населения сократилась здесь на 1,5%.¹²⁷ Данная тенденция присуща практически всем регионам Казахстана – население концентрируется в областных центрах, «оголяя» отдаленные территории.

Таким образом, программа ликвидации малых сельских населенных пунктов, растущая урбанизация и концентрация населения в немногочисленных городах, тенденция увеличения международной трудовой миграции нейтрализуют тезис о необходимости роста численности населения, рождаемости с целью заполнения слабозаселенных территорий. Проблема потери контроля над территорией, в том числе и в приграничных регионах, проявляется все более явно.

С середины второго десятилетия XXI в. отношение к демографическим процессам со стороны государства становится несколько неопределенным. С одной стороны, срок действия демографической концепции, принятой в 2000 г., истек в 2011 г.¹²⁸

126. Депутат назвал «критическим» масштаб оттока молодых специалистов из Казахстана // Exclusive. Kz - 2021.

127. Аубакирова Ж.С., Алексеенко А.Н. Казахи в контексте демографической истории. - Нур-Султан: ТОО «Шанырак-Медиа», 2020. - С. 336.

128. Постановление Правительства РК от 30 марта 2011 года №293 «О признании утратившим силу Постановления Правительства РК от 17 августа 2000 г. №1272 «О Концепции государственной демографической политики РК».

Новой концепции, отражающей реалии сегодняшнего дня, до сих пор не существует. В то же время приходит понимание того, что демографическая политика, основанная на призывах к росту рождаемости, многодетности имеет социально-экономическое следствие. В результате, при сохраняющейся риторике поддержки рождаемости, роста численности населения четко проявляется тенденция обвинения населения Казахстана в иждивенчестве, потребительстве.¹²⁹ Во многом это объясняется тем, что растущая рождаемость актуализировала задачу выплаты пособий многодетным матерям. Но в настоящее время объем пособий уже превышает бюджет многих отраслей. На не пенсионные пособия приходится 561 млрд. тенге (1 млрд. 320 млн. долларов). Это больше чем все сельское, водное, речное, лесное хозяйство.¹³⁰ Расходы госбюджета, в том числе за счет дефицита, выросли с 3,1% ВВП в 2020 г. до 3,5% в 2021 г.¹³¹ В итоге, в 2021 г. правительство отклонило очередное предложение депутатов Мажилиса о введении материнского капитала под предлогом того, что рождаемость в Казахстане повышать не надо, она и так высокая, а количество многодетных семей растет быстрыми темпами. В настоящее время 48% казахстанских семей имеют более трех детей.¹³² По мнению сенатора А.Бектаева, у населения стремительно развивается психология потребительства.¹³³ В результате, по всей стране начались митинги многодетных матерей, обвиняющих государство в том, что призывы к росту рождаемости не сопровождаются повышением размера пособий.

Таким образом, демографическая составляющая недостаточно включена в программы государственного развития. С одной стороны, она часто рассматривается вне социально-экономиче-

129. Скибан О. Токаев: не допускать иждивенчества и воспитывать трудолюбие. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.zakon.kz/4984647-tokaev-ne-dopuskat-izhdivenstva-i.htm> (дата обращения 15.05.2022); Науханов Д. Народ стал иждивенцем // 365 инфо - 2021, 28 июня.

130. Науханов Д. Народ стал иждивенцем // 365 инфо - 2021, 28 июня.

131. Рысамбетов Р. «Седые премьеры, лысые акимы». О нищете близ Алматы, Нур-Султана и Туркестана высказался эксперт // 365 инфо - 2021, 6 июня.

132. Тастанова Л. Все лучшее — семьям // Время - 2021, 9 июля.

133. Науханов Д. Народ стал иждивенцем // 365 инфо - 2021, 28 июня.

ского контекста, лишь как социокультурное достояние. Выражается это в призывах к высокой рождаемости, многодетности. С другой, вектор экономического развития предельно прагматичен и не учитывает этнодемографические тенденции, социокультурные предпочтения жителей страны. Такое несоответствие все более обнажает проблемы системы здравоохранения, образования, социально-экономической сферы и других аспектов национальной безопасности Казахстана. Становится все более ясным, что основные социально-демографические риски формируются внутри государства, именно их нейтрализация является в настоящее время наиболее актуальной задачей.

2.3 Репродуктивные и миграционные установки (по результатам социологического исследования)

Казахстан – стратегически важный регион в евразийском пространстве. Имеет огромную территорию при низкой плотности населения и территориально граничит с такими «демографическими тяжеловесами» как Россия, Китай и Узбекистан. Демографическая безопасность определяет уровень защищенности жизненно важных демографических процессов от реальных и потенциальных угроз.

Население, наряду с территорией, – это важнейший существенный признак государства. Количественный и качественный состав населения – это динамическая система, возникающая и изменяющаяся в ходе демографических процессов и под воздействием демографических закономерностей. Таким образом, демографическая безопасность (устойчивость, предсказуемость, регулируемость демографических процессов) является неотъемлемой частью государственной безопасности.

В свою очередь, демографические процессы реализуются в двух основных формах: естественное движение населения или процесс воспроизводства (сочетание субпроцессов смертности и рождаемости) и механического движения или миграций (внешних и внутренних). Соответственно, для каждой формы в отдельности и для их сочетания потенциально возможны как по-

зитивные сценарии развития, так и риски, при определенных обстоятельствах, способные перерасти в угрозы демографической и государственной безопасности.

В современных условиях на демографические процессы в Казахстане оказывают влияние ряд факторов, которые можно условно разделить на две группы:

- универсальные: возрастная структура и состояние здоровья населения;

- специфические, характерные для современного этапа развития: становление суверенной демографической системы на моноэтнической основе, быстрые темпы урбанизации и изменения структуры населения с точки зрения соотношения «сельское-городское», развитие демографических процессов в контексте социально-экономических программ.

Демографические процессы под влиянием различных факторов могут порождать возникновение демографических и социальных рисков. К таким рискам относятся следующие явления:

- слишком низкие или слишком высокие темпы рождаемости, которые в перспективе приводят к дисбалансу возрастной структуры;

- превышение показателей смертности по отношению к показателям рождаемости (ситуация депопуляции);

- нарушение баланса демографической возрастно-половой структуры (значимое превышение численности младших и/или старших возрастных групп по отношению к численности экономически активного населения);

- неконтролируемые миграционные потоки (внутренние и внешние):

- под влиянием социально-экономического фактора идет концентрация населения в нескольких точках роста. В результате чего может произойти потеря контроля над территорией, оголение приграничных регионов.

Современное демографическое развитие Казахстана сопровождается как открытием новых социально-экономических и социокультурных возможностей в условиях урбанизации населения, так и возникновением новых рисков, отражающих влияние

глобальных и региональных факторов.

Операционализация основных понятий исследования:

Репродуктивные установки – это психическое состояние личности, которым обусловлена взаимная согласованность разного рода действий, характеризующихся позитивным или негативным отношением к рождению определенного количества детей.

Типы репродуктивных установок:

- установки детности, которыми регулируется достижение определенного количества детей. Данный класс включает установки на благополучный исход беременностей, на протогенетические (в период между заключением брака и рождением первенца) и интергенетические (периоды между рождением детей) интервалы, установка на определенный пол ребенка, установка на усыновление или удочерение, то есть адаптационные; установки на использование контрацептивов и искусственное прерывание беременности;

- установки на использование контрацептивов и искусственное прерывание беременности.

Миграционные установки – это элемент самосознания личности, определяющий отношение к территориальной мобильности в пределах или за пределы одного государства с разными целями: смена постоянного места жительства, временное (контрактное) трудоустройство, обучение/повышение профессиональной квалификации/стажировка и др.

Типы миграционных установок:

- установка на мобильность;

- установка на отказ от мобильности.

Степень осознанности и сформированности миграционных установок может различаться: потенциальная готовность к мобильности (допускается мысль о мобильности при наличии определенных условий), актуальная готовность к мобильности (предпринимаются конкретные шаги для осуществления мобильности), адаптационная стадия (адаптация к новому месту проживания).

Демографические факторы, риски, угрозы. Факторы – активное состояние, причины, движущая сила какого-либо про-

цесса, определяющие его характер или отдельные его черты, при взаимодействии их между собой возникают риски. При разном сочетании факторов могут возникать новые риски. Катализатор факторов – политический, экономический (программы социально-экономического развития, демографические программы, решения в области миграционной политики и т. д.). Факторы могут соединяться, сочетаться между собой определенным образом и приводить к возникновению рисков, которые при определенных обстоятельствах могут превращаться в угрозы, т. е. при определенных обстоятельствах риски могут обостряться и стать угрозами.

Целью социологического исследования являлся анализ репродуктивных и миграционных установок казахстанской молодежи как факторов, влияющих на потенциальные и реальные демографические угрозы в Казахстане с учетом региональных особенностей.

Задачи:

1. Изучение репродуктивных установок.

1.1 Распространение репродуктивных установок разного типа: традиционных (многочетность), модернизированных (малочетность, среднечетность или отказ от репродукции) и степень их внутренней осознанности респондентами.

1.2 Выявление мотивационной основы репродуктивных установок: объективные причины (влияние внешней среды) и субъективные причины (влияние семьи и ближайшего окружения).

1.3 Степень сформированности запроса на условия социализации детей.

2. Изучение миграционных установок.

2.1 Типы миграционных установок, характерных для казахстанской молодежи с учетом региональных особенностей (готовность к мобильности, отказ от мобильности).

2.2 Векторы миграции (внутренней и внешней).

2.3 Степень сформированности миграционных установок (потенциальная, актуальная).

Объект исследования – репродуктивные и миграционные установки казахстанской молодежи. **Предмет исследования** -

региональные различия в репродуктивных и миграционных установках казахстанской молодежи.

Гипотеза 1. Репродуктивные и миграционные установки казахской молодежи уже оказывают и будут оказывать в ближайшие годы значительное влияние на уровень демографической безопасности РК.

1.1 На уровень демографической безопасности современного Казахстана значительное влияние оказывают специфические факторы.

1.2 Демографические процессы реализуют как объективный количественный потенциал, так и субъективные ценностные установки репродуктивно-активного населения. Основной количественный потенциал репродуктивной и миграционной активности в настоящее время составляет казахстанская молодежь.

1.3 Казахстанская молодежь формирует основной внутренний миграционный поток (урбанизация), а в ближайшем будущем станет формировать основной внешний миграционный поток (эмиграция).

Гипотеза 2. Репродуктивные и миграционные установки казахстанской молодежи имеют значимые регионально-территориальные различия в силу разных причин.

2.1 Исторически сложившиеся различия в экономической структуре регионов.

2.2 Исторически сложившиеся различия в возрастной и этнической структуре регионов.

2.3. Региональные различия в формах и содержании урбанизационных процессов.

2.4 Социокультурные различия между регионами, проявляющиеся, в том числе, через языковые предпочтения.

Методологическая основа исследования. Основной метод – опрос в различных формах:

- массовый анкетный опрос в онлайн-режиме (500 представителей казахской молодежи в возрасте 17–25 лет, проживающей в южном, западном, северном и восточном регионах РК);

- по 3 фокус-группы в каждом регионе по 10–12 человек. Все фокус-группы будут проведены в онлайн-режиме;

- индивидуальные онлайн-интервью в качестве возможного дополнительного варианта.

Вспомогательный метод – наблюдение:

- самопрезентация респондентов фокус-групп и/или интервью (внешний вид, лексика, эмоциональные реакции на вопросы, характер взаимодействия с другими участниками и т. д.).

Полевой этап прошел в период с 7 по 20 мая 2021 г. Состоялось 13 фокус-групп в режиме онлайн-конференции. В социологическом опросе приняли участие 515 респондентов – представители всех регионов Казахстана.

Выборочная совокупность была задана следующим образом: 500 респондентов в возрасте от 17 до 25 лет, жителей областных центров четырех регионов Казахстана – юг (г. Тараз (90% казахского населения, 10% - представителей других этносов)/г. Кызылорда (90% казахского населения, 10% - представителей других этносов) и города республиканского значения Шымкент (70% казахского населения, 30% - представителей других этносов), север (г. Павлодар (50% казахского населения, 50% - представителей других этносов)/г. Костанай (50% казахского населения, 50% - представителей других этносов)/г. Петропавловск (50% казахского населения, 50% - представителей других этносов), восток (г. Усть-Каменогорск (50% казахского населения, 50% - представителей других этносов)/г. Семей (70% казахского населения, 30% - представителей других этносов) и запад (г. Актобе (90% казахского населения, 10% - представителей других этносов)/г. Атырау (90% казахского населения, 10% - представителей других этносов)/г. Уральск (70% казахского населения, 30% - представителей других этносов), а также г. Астана (70% казахского населения, 30% - представителей других этносов) и г. Алматы (70% казахского населения, 30% - представителей других этносов), соблюдая следующие параметры выборки (таблица 2.5):

- в каждом регионе по 100 человек (всего – 400 человек);
- в гг. Астана и Алматы – по 50 человек (всего – 100 человек).

Таблица 2.5 Фактическая выборочная совокупность

	Регионы	Частота	Процент
Валидные	Тараз	35	6,8
	Кызылорда	35	6,8
	Шымкент	35	6,8
	Павлодар	35	6,8
	Костанай	35	6,8
	Петропавловск	35	6,8
	Усть-Каменогорск	50	9,7
	Семей	50	9,7
	Актобе	35	6,8
	Атырау	35	6,8
	Уральск	35	6,8
	Астана	50	9,7
	Алматы	50	9,7
	Итого	515	100,0

Представленность по возрастным категориям отображена на рисунке 2.4. Хотя актуальное соотношение представителей мужского и женского пола в возрастной группе 17–29 лет примерно равное, авторы исследования посчитали необходимым привлечь в качестве респондентов в большей степени женщин. Это обусловлено объектом исследования в части репродуктивных установок молодежи, так как именно репродуктивные установки женщин оказывают определяющее влияние на процессы рождаемости. В тоже время, вопрос миграционных установок также содержит репродуктивно-гендерный подтекст, так как миграция женщин формирует приводит к перемещению основного репродуктивного потенциала казахстанского социума. В данном случае соотношение представителей полов составило 72,0% (женщины) и 28,0% (мужчины). Тем не менее, анализ полученных данных через призму гендерной принадлежности позволяет достаточно

адекватно сопоставить позиции респондентов по всем заданным вопросам.

Основная часть респондентов – молодежь в возрасте от 17 лет до 21 года, поэтому основной род занятий подавляющего большинства (78,8%) – учебная деятельность, пятая часть опрошенных (21,2%) – в качестве основного рода занятий указали работу.

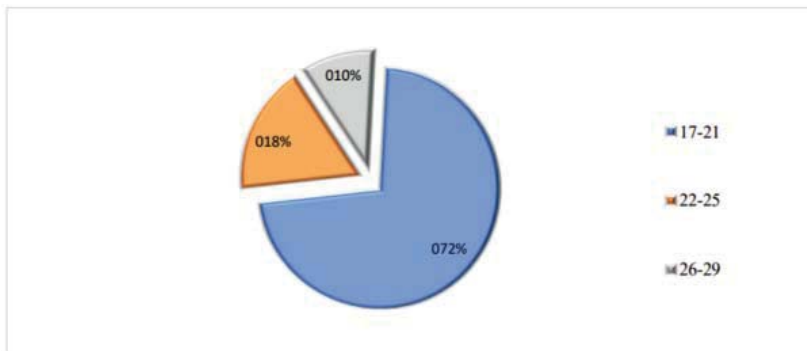

Рисунок 2.4 Представленность по возрастным группам

Уровень формального образования респондентов на момент опроса достаточно высок (рисунок 2.5).

Рисунок 2.5 Уровень образования респондентов

Соответственно, 21,2% работающих респондентов распределены по следующим секторам рынка труда (таблица 2.6).

Таблица 2.6 Распределение работающих респондентов по секторам рынка труда

№	Сфера занятости	Удельный вес
1	Государственная служба	2,1%
2	Область администрирования (менеджмент)	5,0%
3	Банковская и финансовая деятельность	2,9%
4	Сфера услуг и продаж	4,3%
5	Фермерство, сельское и лесное хозяйство, рыбоводство/рыболовство	0,4%
6	Промышленность, строительство, транспорт	2,3%
7	Образовательная деятельность	3,5%
8	Здравоохранение	0,6%

Как видно из данных, приведенных в таблице 2.6, большая часть работающих участников опроса занята в сферах оказания различных услуг, что соответствует типу современной городской экономики.

Подводя итог общей характеристики респондентов, можно сказать, что участники опроса – типичные представители современной казахстанской городской молодежи с точки зрения уровня образования и профессионально-экономической направленности. Авторы исследования сознательно не делают акцент на этнической принадлежности участников опроса – задача состоит в том, чтобы определить основные тренды в области репродуктивных и миграционных установок исходя из региона проживания

ния, а не этнической идентичности.

Репродуктивные установки казахстанской молодежи

Одной из важных отличительных черт современного демографического развития Казахстана является устойчивый рост рождаемости, который фиксируется с начала 2000-х годов. Если рассматривать этот процесс в контексте мировых трендов, то он выглядит как «аномалия», ведь во всем мире активная урбанизация приводит к достаточно быстрым снижениям показателей рождаемости. Определение причин этого феномена не входит в число задач настоящего исследования, но изучение вопросов демографической безопасности предполагает анализ репродуктивных установок современной казахстанской молодежи. Исходя из предположения, что людям свойственно соотносить свои личные жизненные планы с неким идеализированным образом того общества, частью которого они себя считают, респондентам был задан вопрос «Какое число детей Вы считаете подходящим для любой семьи в современном Казахстане?». Формулируя вопрос таким образом, авторы исследования стремились достичь нескольких целей:

1) Распространение репродуктивных установок разного типа: традиционных (многодетность), модернизированных (малодетность, среднететность или отказ от репродукции) и степень их внутренней осознанности респондентами.

2) Выявление мотивационной основы репродуктивных установок: объективные причины (влияние внешней среды) и субъективные причины (влияние семьи и ближайшего окружения).

3) Степень сформированности запроса на условия социализации детей.

Первый вопрос «Какое число детей Вы считаете подходящим для любой семьи в современном Казахстане?» преследовал несколько целей:

- Настроить респондентов на разговор в определенной тематике;

- Задать достаточно общий вопрос, не имеющий прямой свя-

зи с личной жизнью респондентов, тем самым обеспечив комфортный психологический настрой;

- Получив ответы на последующие, более личные вопросы, проследить, насколько респонденты способны к объективности. То есть, насколько они способны отделить проекцию собственных планов и желаний от реальных условий, в которых находятся другие семьи страны. По сути ответы на этот вопрос позволяют увидеть, какой видят респонденты типичную, по их мнению, казахстанскую семью.

Исходя из этих соображений, полученные результаты представлены в виде сравнения трех позиций: 1) число детей, по мнению респондентов, подходящее для любой семьи в Казахстане, 2) число детей, которое желали бы иметь респонденты в идеальных условиях, и 3) число детей, реально планируемое респондентами (рисунок 2.6).

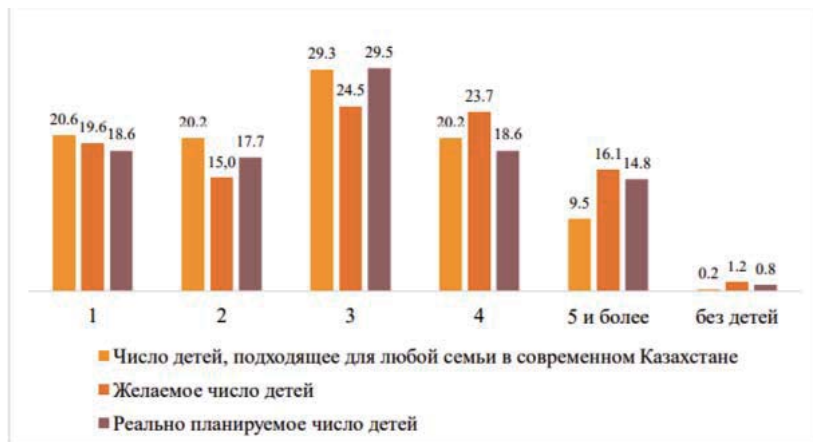

Рисунок 2.6 Соотношение репродуктивных представлений и установок

Первое, что необходимо отметить, респонденты действительно достаточно четко отделяют свои планы и желания от обобщенного представления о потребностях казахстанских семей в детях и возможностях этих детей иметь.

Во-вторых, вариант бездетности является абсолютно миноритарным для всех трех позиций сравнения.

В-третьих, самый выбираем вариант по всем трем позициям – три ребенка. На него приходится от 24,5% (желаемое число детей) до 29,5% (реально планируемое число детей).

Представления о казахстанской семье, как о многодетной (четыре, пять и более детей) придерживается 29,7% респондентов суммарно, в то время как о малодетной (один-два ребенка – 40,8%) или среднететной (3 ребенка – 29,3%) семье говорят 70,1% респондентов суммарно.

Представленные выше данные отразили общие результаты опроса. По регионам мы увидим другую картину (рисунок 2.7). В таблицах после диаграмм приведены данные, сгруппированные по принципу: 1-2 ребенка (зона малодетности), 3 ребенка (зона среднететности), 4 и более ребенка (зона многодетности).

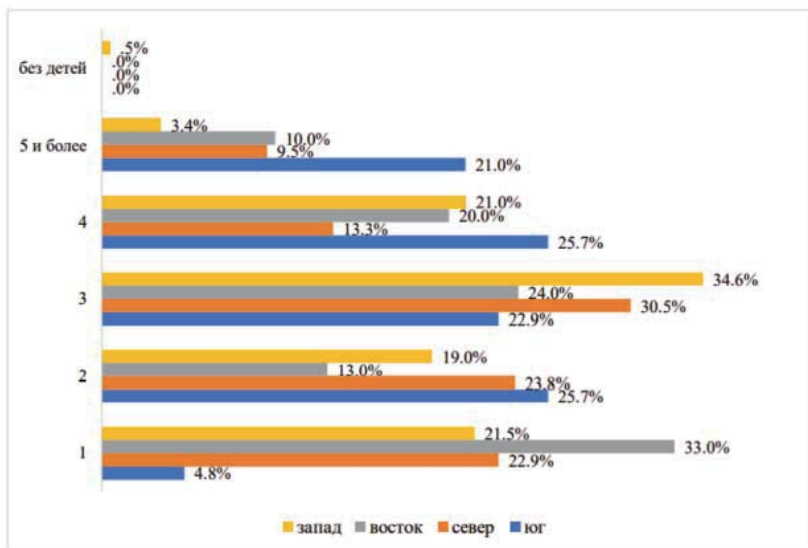

Рисунок 2.7 Число детей, подходящее любой казахстанской семье. Региональный аспект

В разных регионах страны представление о средней казах-

станской семье заметно отличаются (таблица 2.7).

Таблица 2.7. Число детей, подходящее любой казахстанской семье. Региональный аспект

Регионы	Малодетность	Среднедетность	Многодетность
Юг	30,5%	22,9%	46,7%
Север	46,7%	30,5%	22,8%
Восток	46,0%	24,0%	30,0%
Запад	40,5%	34,6%	24,4%
Астана	18,0%	44,0%	38,0%
Алматы	50,0%	28,0%	22,0%

По суммарным данным, приведенным в таблице 2.7 видно, что многодетность считают нормой для современной казахстанской семьи в два раза больше респондентов на юге, чем на севере и даже на западе. Интересно, что, когда речь заходит о таких городах, как Астана и Алматы, общие региональные тенденции перестают оказывать влияние. По результатам опроса молодые жители Астаны (географический север) в гораздо большей степени проявляют установки на многодетность, чем молодые жители Алматы (географический юг).

Вполне предсказуемо, что представление о среднем числе детей в казахстанской семье четко коррелируется с собственными желаниями респондентов, это видно на рисунке 2.8. Желаемая многодетность гораздо заметнее у участников опроса из южного региона, а менее всего она характерна для респондентов с запада.

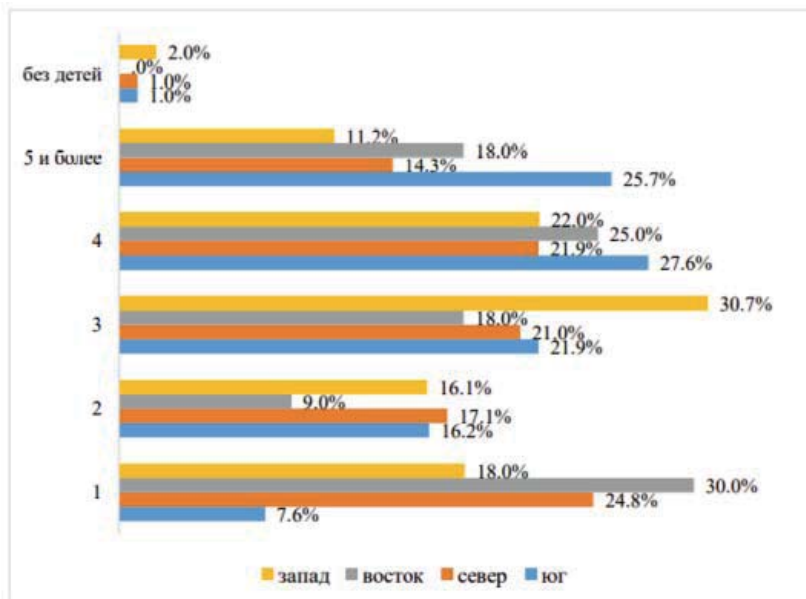

Рисунок 2.8. Желаемое число детей. Региональный аспект

Таблица 2.8. Желаемое число детей. Региональный аспект

Регионы	Малодетность	Средне-детность	Много-детность
Юг	23,8%	21,9%	53,3%
Север	41,9%	21,0%	36,2%
Восток	39,0%	18,0%	43,0%
Запад	34,1%	30,7%	33,2%
Астана	22,0%	34,0%	42,0%
Алматы	42,0%	24,0%	32,0%

Отмеченные выше тенденции сохраняются и при ответе на вопрос о желаемом числе детей.

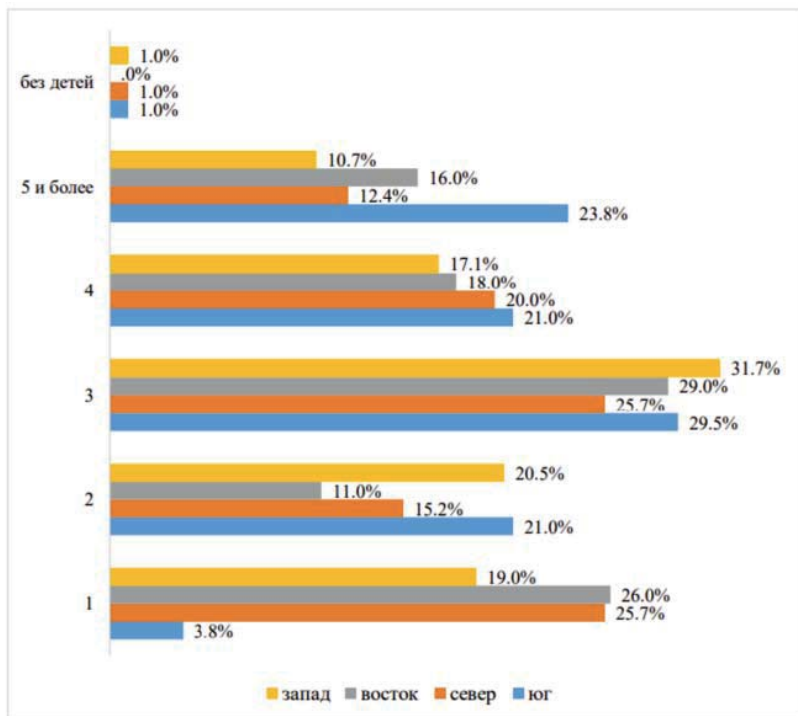

Рисунок 2.9. Реально планируемое число детей.
Региональный аспект

На представленных выше диаграммах хорошо видны различия между ответами, полученными от респондентов из разных регионов.

Таблица 2.9. Реально планируемое число детей. Региональный аспект

Регионы	Малодетность	Среднедетность	Многодетность
Юг	24,8%	29,5%	44,8%
Север	40,9%	25,7%	32,4%

Продолжение таблицы № 2.9			
Восток	37,0%	29,0%	34,0%
Запад	39,5%	31,7%	27,8%
Астана	22,0%	46,0%	30,0%
Алматы	44,0%	20,0%	36,0%

Как уже отмечалось выше, по всем трем позициям установки на многодетность заметно выше в южном регионе, а установки на малодетную семью в большей степени прослеживаются в северном регионе. Еще раз отметим, что репродуктивные установки в гг. Алматы и Астана не соответствуют их географическому окружению.

Являются ли зафиксированные репродуктивные установки влиянием родительских семей, общих социорепродуктивных различий, сформировавшихся в регионах на предыдущих этапах развития, социально-экономических условий или иных факторов – задача не одного исследования.

Еще одним, помимо регионального, важным аспектом при анализе репродуктивных установок, является гендерная принадлежность респондентов. Как видно из диаграммы (рисунок 2.10), самые заметные различия между взглядами мужчин и женщин – участников опроса на количество детей в современной казахстанской семье, приходятся на вариант «Один ребенок». Женщины почти в три раза чаще указывали этот вариант, как подходящий для любой современной казахстанской семьи, чем мужчины – 25,1% и 9,0% соответственно. Мужчины же, заметно чаще чем женщины (в два раза), отмечали вариант «Два ребенка» - 31,3% и 15,9% соответственно. Но, эти колебания и различия фиксируются только в секторе установки на малодетность. В остальных случаях респонденты проявляют схожесть позиций.

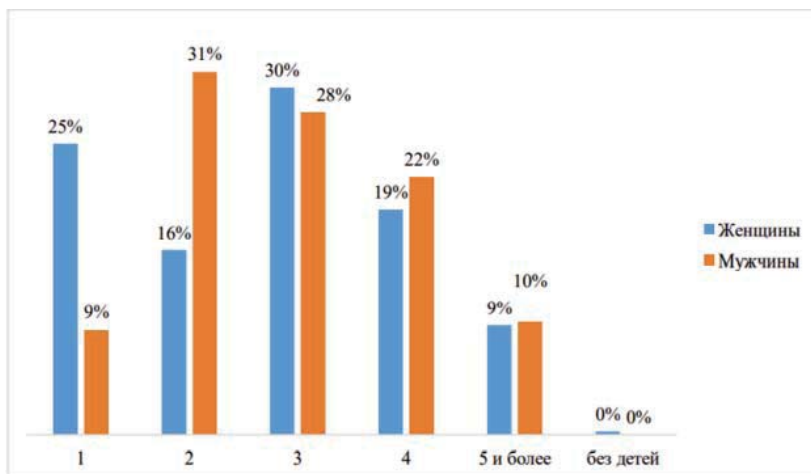

Рисунок 2.10. Представление о числе детей в современной казахстанской семье. Гендерный аспект

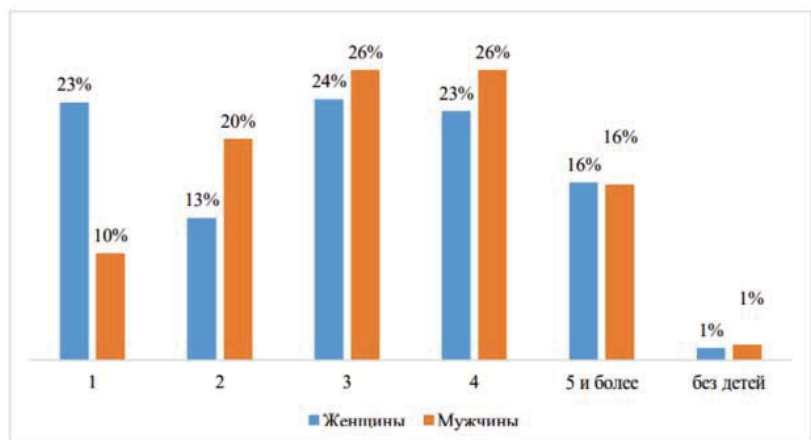

Рисунок 2.11. Желаемое число детей. Гендерный аспект

На рисунке 2.11 проявляются несколько иные мнения, хотя общие тенденции сохраняются. Немного сближаются позиции мужчин и женщин по вариантам один или два ребенка. По сравнению с предыдущей диаграммой снижается число респондентов,

желающих иметь трех детей. Причем, у женщин это снижение более заметно (с 29,9% до 23,7%). То есть, среди женщин меньше тех, кто желал бы иметь трех детей, по сравнению с числом тех, кто считает это количество детей наиболее подходящим для казахстанской семьи. За счет этого заметно растет суммарное число респондентов, которые в идеальных условиях выбрали бы многодетность. У женщин этот рост составляет 6,4% (38,8% и 32,4%), у мужчин – 10,5% (42,4% и 31,9%). Нельзя не отметить и тот факт, что, когда речь зашла о личном выборе, более явно проявилась установка на бездетность: в первом случае (число детей, подходящее любой казахстанской семье) вариант «без детей» отметили 0,3% женщин, но не отметил ни один мужчина. Во втором случае (желаемое число детей для респондентов) этот показатель составил уже 1,1% у женщин и 1,4% у мужчин. Вариант «без детей» по-прежнему остался миноритарным, но сам факт его выбора даже таким незначительным числом респондентов обращает на себя внимание.

Третий вопрос в этом блоке «Какое число детей Вы реально планируете иметь?». Ответы на него интересны сами по себе как проекция репродуктивных установок респондентов (рисунок 2.12).

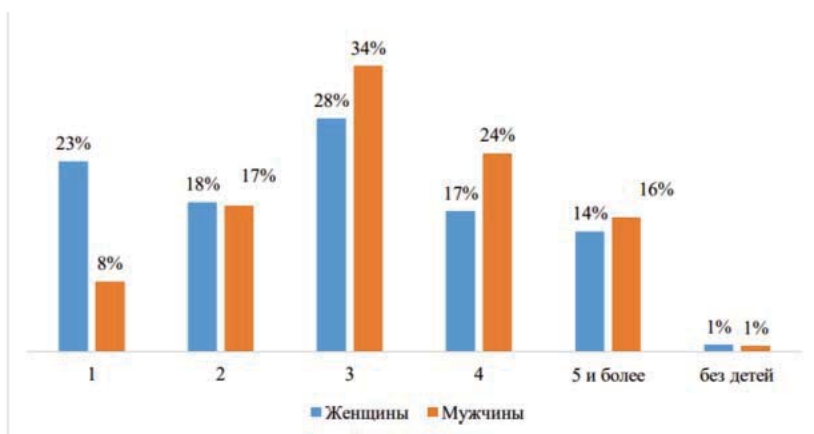

Рисунок 2.12. Реально планируемое число детей.
Гендерный аспект

В позиции «один ребенок» число респондентов-женщин почти в три раза выше числа респондентов-мужчин. В то же время мужчины заметно чаще чем женщины указывали, что планируют иметь трех или четырех детей. То есть, у женщин в большей степени выражена установка на малодетность, а у мужчин – на среднететность и даже многодетность. Как в реальности реализуются эти установки – покажет демографическая статистика в будущем, но в данный момент мы фиксируем расхождение в репродуктивных планах в зависимости от пола респондентов.

Кроме того, сопоставление этих результатов с ответами на другие вопросы позволяет выявить:

1) Как число планируемых детей соотносится с числом желаемых (рисунок 2.13 и рисунок 2.14);

2) Насколько число планируемых детей совпадает или не совпадает с числом детей у родителей респондентов. То есть, можно ли говорить о сохранении и транслировании между поколениями репродуктивных установок (рисунки 2.12, 2.13, 2.14).

Когда речь идет о двоих или троих детях, диаграмма демонстрирует превышение числа планируемых детей над числом желаемых. Если рассматривать эти данные отдельно, то может возникнуть впечатление, что респонденты будут вынуждены рожать больше, чем им бы хотелось. По всей видимости, причина в том, что в «секторе многодетности» (четыре, пять и более детей) опрос выявляет обратную ситуацию – число желаемых детей меньше, чем число планируемых.

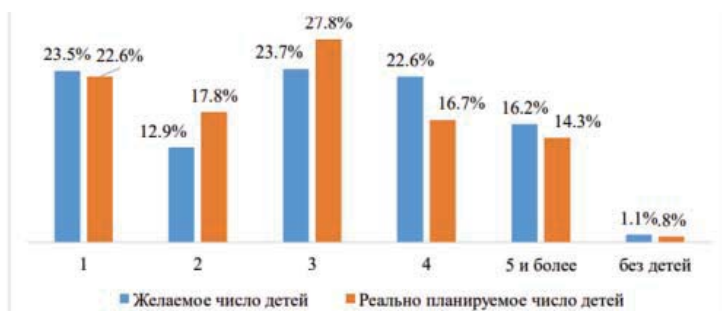

Рисунок 2.13. Соотношение желаемого и реально планируемого числа детей. Женщины

Эта зеркальная разница отражает тех респондентов, которые учитывают вероятность не реализовать свои репродуктивные желания в полной мере. Но, это описание установок респондентов-женщин. У мужчин мы наблюдаем иную картину (рисунок 2.14).

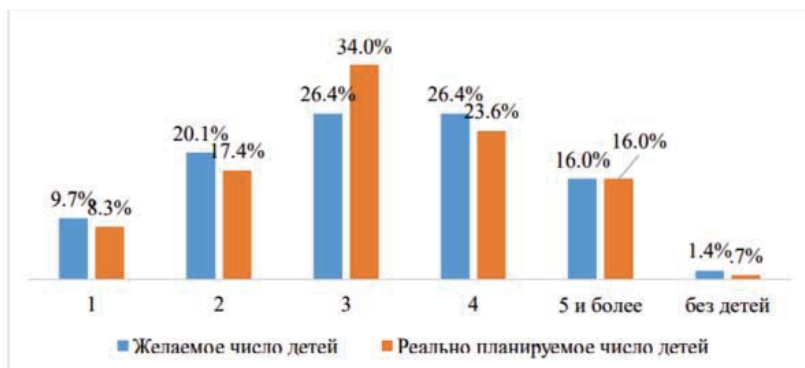

Рисунок 2.14. Соотношение желаемого и реально планируемого числа детей. Мужчины

Только в одной позиции – «три ребенка» - число желаемых детей значительно меньше числа планируемых. В позициях «один ребенок», «два ребенка» и «четыре ребенка» число желаемых детей выше числа планируемых. Сложно утверждать определенно, что именно это означает. Возможно, такая ситуация демонстрирует более прагматичный подход респондентов-мужчин. Отдельно стоят ответы, отражающие установку на многодетность – «пять и более детей» - у мужчин число желаемых и планируемых детей в этой позиции полностью совпали.

Какое влияние на репродуктивные установки оказывает родительские семьи респондентов? Этот вопрос уже возникал выше, когда речь шла о региональных различиях. Общеизвестно, что семья, в которой происходит формирование личности ребенка, оказывает самое сильное воздействие на его последующую жизнь, закладывает базовые ценности, формирует представление о социальной норме. В тоже время, каждое поколение не является полной копией поколения предыдущего, вносит какие-то со-

циальные инновации, делает свой выбор. Таким образом, через социальную преемственность и социальную изменчивость, сохраняется стабильность и обеспечивается развитие социума.

Рисунок 2.15. Влияние родительской семьи на репродуктивные установки. Общие данные

На основе обобщенных данных можно предположить, что суммарные установки на многодетность у современной молодежи несколько ниже, чем те, которые были реализованы в поколении родителей (39,0% и 33,4% соответственно, разница 5,2%). Происходит постепенное смещение в сторону среднетной семьи – число респондентов, планирующих иметь трех детей, выше, чем число трехдетных семей в родительском поколении – 29,5% и 24,3% соответственно, разница 5,6%.

Влияние этого фактора в региональном аспекте представлено в таблице 2.10.

Таблица 2.10. Репродуктивное поведение (родительское поколение) и репродуктивные установки (респонденты). Региональный аспект

Вопросы для респондентов	Малодетность (1-2 ребенка)	Среднедетность (3 ребенка)	Многдетность (4 и более ребенка)
Юг			
Число детей у родителей респондентов	18,1%	22,9%	59,1%
Число детей, планируемых респондентами	24,8%	29,5%	44,8%
Север			
Число детей у родителей респондентов	44,8%	22,9%	32,4%
Число детей, планируемых респондентами	40,9%	25,7%	32,4%
Восток			
Число детей у родителей респондентов	47,0%	16,0%	37,0%
Число детей, планируемых респондентами	37,0%	29,0%	34,0%
Запад			
Число детей у родителей респондентов	37,1%	29,8%	33,2%
Число детей, планируемых респондентами	39,5%	31,7%	27,8%

Данные, приведенные в таблице 2.10, показывают следующие изменения в установках на рождаемость в сравнении с репродуктивным поведением родительского поколения:

- установки на многдетность снижаются практически во всех регионах (только на востоке они остаются неизменными); на юге, где фиксируется самая большая реализованная многдет-

ность (59,1%) отмечается и самое большое снижение установок на будущую многодетность (на 14,35);

- во всех регионах растут установки на среднететность, особенно это заметно в восточном регионе (на 13,0%);

- установки на малодетность снижаются на востоке и севере (на 10,0% и 3,9% соответственно), но растут на юге и западе (на 6,7% и 2,4% соответственно).

Схожие тенденции мы видим и при анализе результатов опроса через призму гендерной принадлежности респондентов.

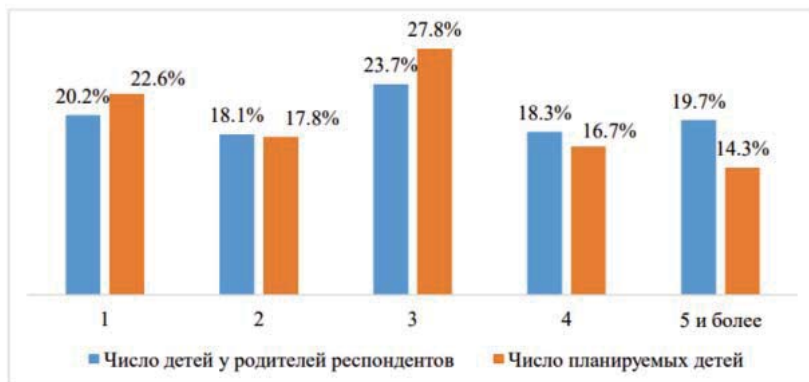

Рисунок 2.16. Влияние родительской семьи на репродуктивные установки. Женщины

На соответствующем рисунке-диаграмме (рисунок 2.16) видно, что основные различия между числом детей в родительских семьях и числом планируемых детей у женщин имеют два основных вектора.

Первый вектор – увеличение числа планируемых детей в позициях один и три ребенка. Второй вектор – уменьшение числа планируемых детей в сравнении с числом детей в родительских семьях в позициях четыре ребенка, пять и более детей. То есть, происходит смещение из зоны многодетности в зоны среднететности и малодетности. Зафиксированные различия невелики, пока нет оснований считать, что эти изменения приобрели характер тенденции, но заслуживают дальнейшего наблюдения.

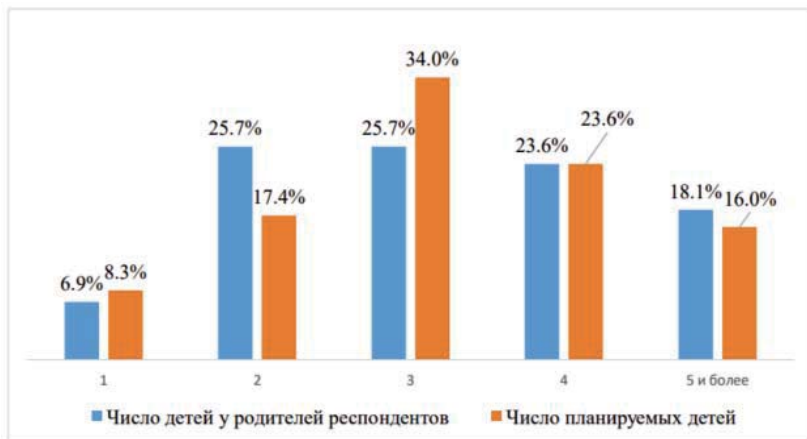

Рисунок 2.17. Влияние родительской семьи на репродуктивные установки. Мужчины

У мужчин наблюдаются несколько иные показатели, смещение от многодетности к малодетности не выражено. Однако, нужно помнить, что реальные результаты рождаемости определяются, в первую очередь, установками женщин, а не мужчин.

Репродуктивные установки входят в число базовых представлений, которые дети, растущие в семье, усваивают с детства. Но, в современном мире с его глобальным информационным пространством на социализацию оказывают значительное влияние и внешние факторы. К таким факторам относится и урбанизация, которая в свою очередь, формирует новые запросы на условия жизни. Участникам опроса – жителям крупных городов было предложено указать пять причин, по которым они могут отложить рождение ребенка или даже отказаться от него. Результаты ответов на этот вопрос через призму региональной принадлежности респондентов представлены на рисунке 2.18. Опрошенные могли выбрать до пяти вариантов ответа, поэтому общая сумма процентов превышает 100 пунктов.

На рисунке 2.18 хорошо заметны значительные расхождения в ответах представителей разных регионов. Действительно ли их

позиции настолько отличны друг от друга, поможет понять сопоставительная таблица 2.11. В эту таблицу включены три первых и три последних по выбираемости респондентами варианта ответа. В этих рейтингах не учитывается вариант «Другое», так как его отметили только два респондента, которые в качестве важной причины указали плохое финансовое состояние. Тот факт, что больше никто из опрошенных не дал такого ответа, позволяет предположить, что экономические вопросы содержания детей не находятся в фокусе внимания участников опроса, подавляющее большинство которых сами не являются независимыми экономическими акторами, продолжая обучение. Косвенно этот вывод подтверждается и другими результатами, о которых будет сказано ниже.

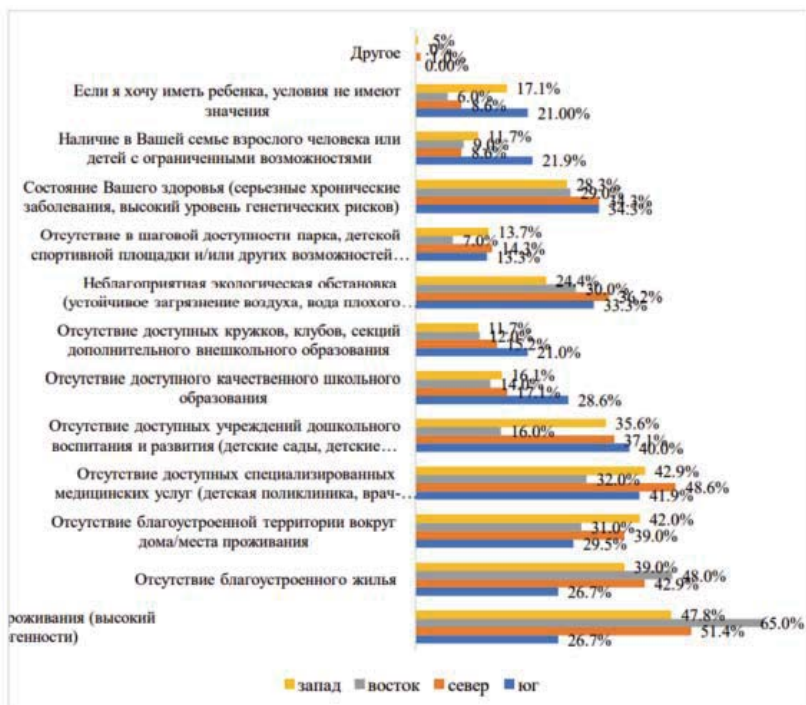

Рисунок 2.18. Причины, по которым респонденты могут отложить рождение ребенка или отказаться от него

Таблица 2.11. Причины, способные повлиять на решение о рождении ребенка. Региональный аспект

Регионы	1 место	2 место	3 место
Юг	Отсутствие доступных специализированных медицинских услуг (детская поликлиника, врач-педиатр) – 41,9%	Отсутствие доступных учреждений дошкольного воспитания и развития (детские сады, детские центры раннего развития) – 40,0%	Состояние Вашего здоровья (серьезные хронические заболевания, высокий уровень генетических рисков) – 34,3%
Север	Неблагополучный района проживания (высокий уровень криминогенности) – 51,4%	Отсутствие доступных специализированных медицинских услуг (детская поликлиника, врач-педиатр) – 48,6%	Отсутствие благоустроенного жилья – 42,9%
Восток	Неблагополучный района проживания (высокий уровень криминогенности) – 65,0%	Отсутствие благоустроенного жилья – 48,0%	Отсутствие доступных специализированных медицинских услуг (детская поликлиника, врач-педиатр) – 32,0%
Запад	Неблагополучный района проживания (высокий уровень криминогенности) – 47,8%	Отсутствие доступных специализированных медицинских услуг (детская поликлиника, врач-педиатр) – 42,9%	Отсутствие благоустроенной территории вокруг дома/места проживания – 42,0%
Регионы	10 место	11 место	12 место
Юг	Отсутствие доступных кружков, клубов, секций дополнительного внешкольного образования – 21,0%		Отсутствие в шаговой доступности парка, детской спортивной площадки и/или других возможностей для прогулок/занятий с детьми на открытом воздухе) – 13,3%
	Если я хочу иметь ребенка, условия не имеют значения – 21,0%		
Север	Отсутствие в шаговой доступности парка, детской спортивной площадки и/или других возможностей для прогулок/занятий с детьми на открытом воздухе) – 14,3%	Наличие в Вашей семье взрослого человека или детей с ограниченными возможностями – 8,6%	
		Если я хочу иметь ребенка, условия не имеют значения – 8,6%	

Продолжение таблицы №2.11			
Восток	Наличие в Вашей семье взрослого человека или детей с ограниченными возможностями – 9,0%	Отсутствие в шаговой доступности парка, детской спортивной площадки и/или других возможностей для прогулок/занятий с детьми на открытом воздухе) – 7,0%	Если я хочу иметь ребенка, условия не имеют значения – 6,0%
Запад	Отсутствие в шаговой доступности парка, детской спортивной площадки и/или других возможностей для прогулок/занятий с детьми на открытом воздухе) – 13,7%	Отсутствии доступных кружков, клубов, секций дополнительного внешкольного образования – 11,7%	Наличие в Вашей семье взрослого человека или детей с ограниченными возможностями – 11,7%

Сравнительная таблица 2.11 демонстрирует, что, судя по результатам опроса, приоритеты респондентов южного региона отличаются от приоритетов респондентов других регионов: первые позиции у них занимают вопросы медицины и здоровья, а также доступности дошкольных развивающих учреждений. Для представителей других регионов на первый план выходят вопросы безопасности района проживания, благоустроенное жилье и придомовая территория, совпадение возникает только в вопросе доступности специализированных медицинских услуг для детей.

В нижней части таблицы представлены позиции, которые имеют для респондентов наименьшее значение с точки зрения влияния на решение о рождении ребенка. Здесь наблюдается большее единодушие между респондентами из разных регионов – практически все указали условия, связанные с дополнительными формами развития ребенка (места для прогулок, кружки, секции и т. д.). Кроме того, в трех регионах в конце списка причин, которые могут повлиять на решение о рождении ребенка, указали наличие в семье детей или взрослых с ограниченными возможностями. И это тот факт, который косвенно подтверждает предположение, что экономические аспекты семейных реалий зачастую выпадают из фокуса внимания респондентов: присутствие

в семье тяжело больного человека – это серьезная нагрузка на бюджет, помимо других трудностей эмоционально-психологического и бытового характера.

Отдельно необходимо отметить, что в конце общего списка представителей трех регионов (юг, север и восток) оказался и пункт «Если я хочу иметь ребенка, условия не имеют значения», но число респондентов, указавших его, очень различно – от 6,0% на востоке до 21,0% на юге.

На систему приоритетов респондентов также оказывает определенное влияние их гендерная принадлежность. Эти результаты представлены в таблице 2.12.

Таблица 2.12. Причины, способные повлиять на решение о рождении ребенка. Гендерный аспект

Женщины		Мужчины	
Неблагополучный района проживания (высокий уровень криминогенности)	51,8%	Отсутствие доступных специализированных медицинских услуг (детская поликлиника, врач-педиатр)	45,1%
Отсутствие доступных специализированных медицинских услуг (детская поликлиника, врач-педиатр)	40,4%	Отсутствие доступных учреждений дошкольного воспитания и развития (детские сады, детские центры раннего развития)	45,1%
Отсутствие благоустроенного жилья	39,1%	Отсутствие благоустроенной территории вокруг дома/места проживания	42,4%
Отсутствие благоустроенной территории вокруг дома/места проживания	34,5%	Отсутствие благоустроенного жилья	38,9%
Состояние Вашего здоровья (серьезные хронические заболевания, высокий уровень генетических рисков)	32,6%	Неблагополучный района проживания (высокий уровень криминогенности)	36,8%
Неблагоприятная экологическая обстановка (устойчивое загрязнение воздуха, вода плохого качества, повышенный радиоактивный фон и т.д.)	29,6%	Неблагоприятная экологическая обстановка (устойчивое загрязнение воздуха, вода плохого качества, повышенный радиоактивный фон и т.д.)	29,9%

Продолжение таблицы № 2.12			
Отсутствие доступных учреждений дошкольного воспитания и развития (детские сады, детские центры раннего развития)	28,3%	Состояние Вашего здоровья (серьезные хронические заболевания, высокий уровень генетических рисков)	26,4%
Отсутствие доступного качественного образования	16,2%	Отсутствие доступного качественного образования	24,3%
Если я хочу иметь ребенка, условия не имеют значения	12,9%	Отсутствие доступных кружков, клубов, секций дополнительного внешкольного образования	20,1%
Наличие в Вашей семье взрослого человека или детей с ограниченными возможностями	12,4%	Если я хочу иметь ребенка, условия не имеют значения	16,7%
Отсутствие доступных кружков, клубов, секций дополнительного внешкольного образования	12,1%	Отсутствие в шаговой доступности парка, детской спортивной площадки и/или других возможностей для прогулок/занятий с детьми на открытом воздухе)	16,0%
Отсутствие в шаговой доступности парка, детской спортивной площадки и/или других возможностей для прогулок/занятий с детьми на открытом воздухе)	11,1%	Наличие в Вашей семье взрослого человека или детей с ограниченными возможностями	13,2%
Другое	0,5%	Другое	0%

Как видно из таблицы 2.12, первые три места по частоте выбора у женщин и мужчин совпадают только в одном пункте – «Отсутствие доступных специализированных медицинских услуг (детская поликлиника, врач-педиатр)». В нижней части рейтинга причин, способных оказать значимое влияние на женщин и мужчин в вопросах решения о рождении ребенка, видно совпадение двух позиций – «Отсутствие в шаговой доступности парка, детской спортивной площадки и/или других возможностей для прогулок/занятий с детьми на открытом воздухе)» и «Наличие в Вашей семье взрослого человека или детей с ограниченными возможностями». Таким образом, доступность специальных ме-

дицинских услуг можно отнести к числу приоритетных для всех респондентов, независимо от пола, а наличие в семье людей с ограниченными возможностями и отсутствие мест для прогулок с детьми – к числу факторов, наименее значимых. Два последних пункта несопоставимы по степени влияния на благополучие семьи и, возможно респондентами, в силу отсутствия собственного опыта, не осознается то, с какими трудностями приходится сталкиваться тем, чьи близкие страдают от тяжелых травм или хронических заболеваний.

Итак, рассмотренные выше данные позволяют получить представление о значимости для участников опроса тех или иных условий, в которых они бы хотели рожать и воспитывать детей. Далее поднимается очень важный вопрос: а кто, по мнению опрошенных, несет основную ответственность за создание этих условий? Свою позицию респонденты могли выразить, выбирая из трех вариантов: государство, родители ребенка/детей, родственники родителей.

Отметим сразу, что во всех случаях основную ответственность за условия рождения и воспитания детей респонденты возлагают на государство.

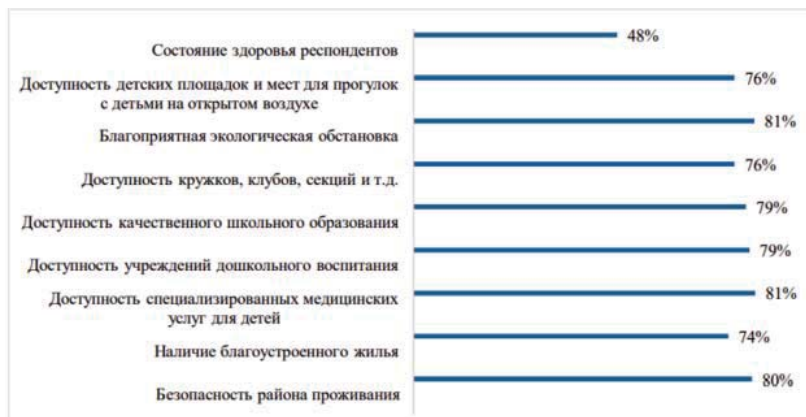

Рисунок 2.19 Основная ответственность за создание условий – Государство. Общие данные

Анализ через призму региональной принадлежности участников опроса выявляет некоторые колебания:

- Наличие благоустроенного жилья – от 76,3% (запад) до 83,2% (юг).

- Доступность специализированных медицинских услуг для детей – от 83,2% (юг) до 88,4% (запад).

- Доступность учреждений дошкольного воспитания и развития детей – от 79,2% (восток) до 87,4% (запад).

- Доступность качественного школьного образования - от 81,3% (восток) до 85,3% (запад).

- Доступность кружков, клубов, секций и т.д. – от 79,8% (север) до 82,0% (запад).

- Благоприятная экологическая обстановка – от 83,3% (восток) до 87,9% (юг).

- Доступность детских площадок и мест для прогулок с детьми на открытом воздухе – от 76,8% (север) до 83,8% (юг).

- Состояние здоровья респондентов – от 27,3% (юг) до 64,6% (восток).

Единственное значимое различие фиксируется в позиции «Состояние здоровья респондента» - здесь мы видим, что амплитуда колебания мнений составляет 37,3%.

Подробнее различия и сходства между мнением респондентов из разных регионов можно проследить по данным, представленным в таблице 2.13. Пожалуй, наиболее показательны различия между мнениями, высказанными молодежью Астаны и Алматы. При их сравнении становится видно, что уровень ответственности, возлагаемой жителями столицы на государство, значительно ниже, чем эти показатели у жителей столицы южной. Свидетельствует ли это о постепенном формировании более рациональных и прагматичных оценок реальной ситуации, говорить пока трудно.

Таблица 2.13. Ответственность за создание условий (государство). Региональный аспект

Условие для рождения и воспитания детей	Юг	Север	Восток	Запад	Астана	Алматы
Безопасность района проживания	85,1%	84,8%	83,3%	84,8%	72,1%	87,5%
Наличие благоустроенного жилья	83,2%	80,8%	77,1%	76,3%	71,4%	87,5%
Доступность специализированных медицинских услуг	83,2%	84,8%	83,3%	88,4%	81,0%	87,5%
Доступность учреждений дошкольного воспитания и развития	84,0%	83,8%	79,2%	87,4%	81,0%	87,5%
Доступность качественного школьного образования	82,8%	83,8%	81,3%	85,3%	81,0%	87,5%
Доступность кружков, клубов, секций и т.д.	80,8%	79,8%	80,2%	82,0%	71,4%	87,5%
Благоприятная экологическая обстановка	87,9%	84,8%	83,3%	86,3%	76,2%	87,5%
Наличие в шаговой доступности детских площадок, мест для прогулок с детьми на открытом воздухе	83,8%	76,8%	79,2%	82,1%	69,0%	87,5%
Состояние здоровья респондентов	27,3%	55,6%	64,6%	55,0%	34,9%	58,3%

Несмотря на отмеченные отклонения, общая картина не меняется – респонденты возлагают на государство практически всю ответственность за создание условий для рождения и воспитания их будущих детей. Такие результаты не могут не вызывать тревогу: при растущих установках на среднететность и сохраняющихся высоких установках на многодетность явно прослеживаются патерналистские ожидания. У кого они выше – у женщин или мужчин? Ответ на этот вопрос представлен на рисунке 2.20.

В этом случае мы видим, что женщины подвержены не только

воздействию патерналистского влияния, но и в патриархальных традициях перекаладывают ответственность за создание условий для своих детей на внешнюю силу. В такой позиции скрывается глубинное противоречие: традиционное разделение гендерных ролей возлагает на женщину заботу о детях, более того, именно ее решение определяет факт появления на свет ребенка. В тоже время, условия для этих детей должен создать кто-то другой. Даже ответственность за состояние своего здоровья более половины женщин-респондентов возложили на государство.

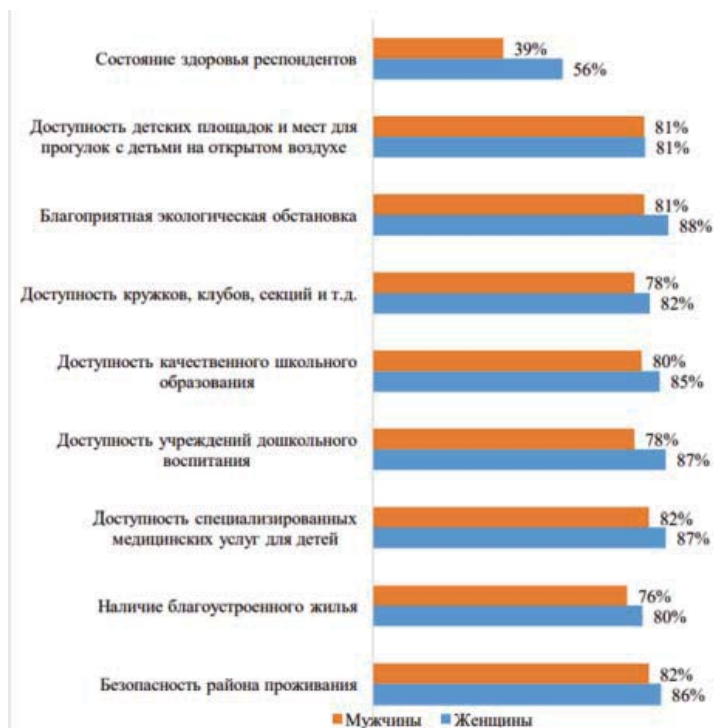

Рисунок 2.20. Основная ответственность за создание условий (государство). Гендерный аспект

В последнем вопросе этого блока было предложено оценить свое согласие или несогласие с рядом утверждений. Эти утверж-

дения характеризуют различные аспекты отношения к детям, их значения в жизни семьи и общества. На рисунке 2.21 представлены общие результаты опроса.

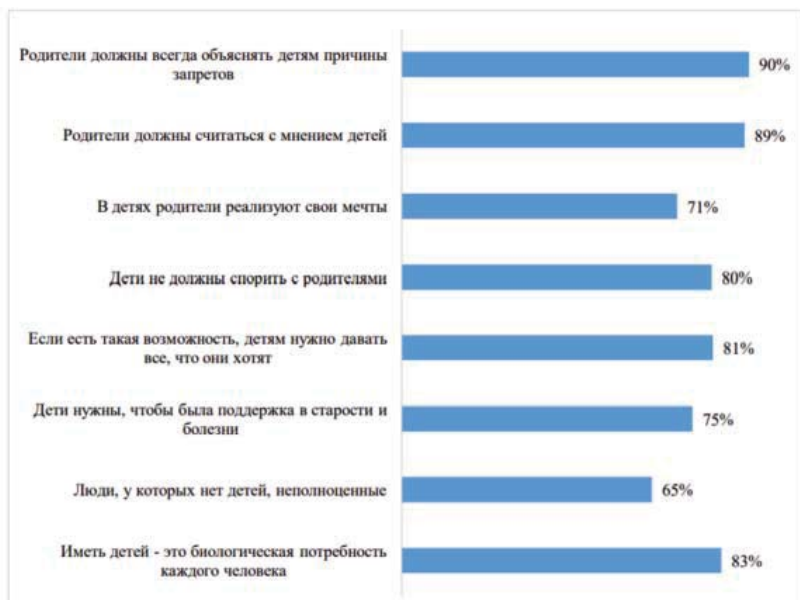

Рисунок 2.21. Согласие с утверждениями об отношении к детям (суммарное число утвердительных ответов)

В первую очередь, необходимо отметить, что подавляющее большинство респондентов выразили согласие с предложенными утверждениями. Суммарное число утвердительных ответов колеблется от 64,8% («Люди, у которых нет детей, неполноценные») до 89,9% («Родители должны всегда объяснять детям причины запретов»).

Утверждения «Иметь детей – это биологическая потребность каждого человека» и «Люди, у которых нет детей, неполноценные» определяют безусловную, даже иррационально сакральную, ценность детей. Согласие с этими утверждениями подтверждает высокую значимость детей для участников опроса. Однако, видна разница в оценке двух этих утверждений – с тем, что отсутствие

детей делает человека неполноценным, согласилось значительно меньше опрошенных, чем со всеми другими утверждениями, хотя и в этом случае сумма утвердительных ответов выше, чем сумма отрицательных.

Утверждение «Дети нужны, чтобы была поддержка в старости и болезни» выявляет, в определенном смысле, утилитарное значение детей. Но, кроме того, высокий уровень согласия с этим утверждением косвенно свидетельствует о недостаточном уровне развития в казахстанском обществе других социальных институтов, призванных при необходимости гарантировать любому человеку заботу и уход, независимо от наличия или отсутствия у него детей. Это – одна из важных социальных проблем, с которыми сегодня сталкиваются многие общества на фоне старения населения и перехода к малодетности. В данном случае сохранение традиционных практик поддержки членов семьи представителями младших поколений выполняет функции социального страхования, с которыми не в полной мере справляется государство.

Следующее утверждение «Если есть такая возможность, детям нужно давать все, что они хотят», было направлено на выявление уровня ответственности респондентов за привитие детям норм разумного потребления. Можно сказать, что респонденты с этим экзаменом не справились – 80,6% согласились с этим утверждением. Это свидетельствует об отсутствии у опрошенных понимания того, как важно прививать детям разумную оценку своих желаний и объективных возможностей семьи и общества, рациональный подход к собственным потребностям. В конечном счете речь идет о том, что респонденты демонстрируют свою неготовность воспитывать в следующем поколении экологическое и социально ответственное поведение.

Четыре утверждения:

- Дети не должны спорить с родителями;
- В детях родители реализуют свои мечты;
- Родители должны считаться с мнением детей;
- Родители должны всегда объяснять детям причины запретов

тов

определяют два противоположных подхода к личности ре-

бенка. Первые два утверждения – это отражение отношения к детям как к объектам. В этом случае ребенок обладает ценностью в качестве инструмента самореализации родителей. Как объект воздействия, дети не имеют собственного мнения и выбора, они должны слушаться старших, как будто принадлежат им, являются объектом права собственности родителей. Такое отношение не противоречит высокой ценности детей в рамках традиционного мировоззрения.

Но, следующие два утверждения выражают противоположную позицию – дети выступают как субъекты взаимодействия с родителями. И поэтому с их мнением необходимо считаться, а все запреты должны каким-то образом рационально обосновываться, чтобы ребенок мог опереться на собственное понимание норм, мог наполнить их своим смыслом. Это очень важно, так как на этом строится критическое мышление, необходимое во взаимодействии с внешним миром. Особую значимость такой подход в воспитании приобретает в условиях противоречивого информационного разнообразия, характеризующего современное глобальное пространство. Именно эти два утверждения получили наибольшую поддержку респондентов: суммарное число утвердительных ответов по первым двум позициям – 151,5, суммарное число утвердительных ответов по вторым двум позициям – 178,6.

Сопоставительная таблица 2.14 позволяет увидеть мнение респондентов через призму их региональной принадлежности. Можно сделать ряд замечаний:

- Судя по полученным ответам, утилитарная ценность детей осознается в большей степени на востоке страны и в г. Алматы;

- Во всех регионах и городах суммарное согласие с двумя последними утверждениями выше, чем суммарное согласие с двумя предыдущими. То есть, субъектно-субъектное отношение к детям (влияние модернизации) преобладает по отношению к субъектно-объектному (традиционное). Это является одним из признаков трансформаций общественного сознания, происходящих в казахстанском обществе. Очень показательно, что такое преобладание особенно ярко проявляется у респондентов из г. Астана

– политического и идеологического центра модернизации.

Таблица 2.14. Согласие с утверждениями о значении, месте и роли детей в современной казахстанской семье

Утверждения для оценивания	Юг	Север	Восток	Запад	Астана	Алматы
Иметь детей – это биологическая потребность каждого человека	78,1%	74,3%	82,0%	87,8%	84,0%	98,0%
Люди, у которых нет детей, неполноценные	74,3%	49,5%	69,0%	65,8%	48,0%	78,0%
Дети нужны, чтобы была поддержка в старости и болезни	71,4%	73,4%	87,0%	72,7%	56,0%	90,0%
Если есть такая возможность, детям нужно давать все, что они хотят	81,9%	83,8%	84,0%	76,6%	70,0%	86,0%
Дети не должны спорить с родителями	82,8%	83,8%	89,0%	72,6%	54,0%	86,0%
В детях родители реализуют свои мечты	78,1%	67,6%	76,0%	67,3%	50,0%	78,0%
Родители должны считаться с мнением детей	80,9%	92,4%	94,0%	88,3%	84,0%	90,0%
Родители должны всегда объяснять детям причины запретов	92,4%	91,4%	92,0%	86,9%	86,0%	92,0%

Следовательно, мы видим, что в сознании участников опроса – молодых жителей казахстанских городов присутствует микст из противоречивых установок на роль и место детей в жизни современной семьи: установки традиционные и установки модернизационные, причем модернизационные установки значимо преобладают.

Таким образом, можно сделать следующие выводы о репродуктивных установках:

1. Обобщенное представление респондентов о современной казахстанской семье – в большей степени как о семье малолетней

(1-2 ребенка) и среднедетной (3 ребенка). Менее 30% участников опроса считают, что многодетность (4 и более ребенка) подходит любой казахстанской семье. При этом заметно большее число ответивших (на 10%) сами хотели бы стать многодетными родителями или планируют ими стать (почти на 4%). То есть, некоторая часть респондентов считает, что желаемое и планируемое ими число детей выше, чем это подходит для других казахстанцев.

2. В целом репродуктивные установки респондентов из южного региона в значительно большей степени склоняются к многодетности, чем репродуктивные установки других опрошенных. «Аномальными», с точки зрения их географического окружения, выглядят ответы респондентов из гг. Астана и Алматы. Судя по их ответам, молодые жители Алматы гораздо ближе по своим репродуктивным проекциям к жителям таких регионов, как север и восток. Участники опроса, проживающие в столице, демонстрируют позиции, близкие к представителям разных регионов, что вероятно объясняется смешанным характером населения Астаны. Можно предполагать, что именно здесь в ближайшее время будет реализовываться некий усредненный сценарий репродуктивного поведения, вбирающий в себя тенденции всего Казахстана.

3. С точки зрения гендерной принадлежности, респонденты-женщины в заметно большей степени, чем респонденты-мужчины ориентированы на малодетность, а не многодетность. Можно предполагать, что процессы второго демографического перехода затронули некоторую часть женского населения городов сильнее, чем проживающих там же мужчин. Пока это не оказывает принципиального влияния на репродуктивное поведение, но возможно некоторое смещение акцентов если не в зону малодетности как таковой, то в зону среднедетности, как минимум.

4. В сравнении с родительским поколением, уже реализовавшим в большей степени свой репродуктивный потенциал, установки на многодетность снижаются во всех регионах, кроме северного, где многодетность и ранее была распространена меньше, чем в Казахстане в целом. Особенно эти изменения заметны там, где традиционные установки на многодетность реализовывались более широко – южный регион. Однако, снижение установок на

многодетность не ведет к росту установок на малодетность (за исключением не больших изменений на юге и очень небольших изменений на западе) – фокус репродуктивных установок смещается в зону среднететности. Причем, данные анонимного опроса демонстрируют это гораздо заметнее, чем ответы, полученные в ходе фокус-групп. По всей видимости, здесь сработал хорошо известный психологический эффект – озвучивания «ожидаемых» или «одобряемых» ответов.

Гендерный анализ ответов показал, что основные отличия между репродуктивным поведением родителей и репродуктивными установками респондентов проявляется именно у женщин, модернизирующее влияние на которых, видимо происходит быстрее.

5. Влияние факторов, способных оказывать воздействие на решение о рождении ребенка, имеет ряд заметных региональных отличий: для жителей южного региона на первом месте по значимости стоят вопросы медицины и здоровья, а также доступности дошкольных развивающих учреждений. Для жителей других регионов приоритетами выступают вопросы безопасности района проживания, наличия благоустроенного жилья и придомовой территории. Обратную сторону медали демонстрируют факторы, оказавшиеся на последних местах по их значимости и влиянию на решение о рождении ребенка. К их числу респондентами были отнесены условия, связанные с дополнительными формами развития ребенка (места для прогулок, кружки, секции и т.д.). По мнению опрошенных, наличие в семье детей или взрослых с ограниченными возможностями не окажет на их репродуктивные решения значимого влияния. И это тот факт, который косвенно подтверждает предположение, что экономические аспекты семейных реалий зачастую выпадают из фокуса внимания респондентов: присутствие в семье тяжело больного человека – это серьезная нагрузка на бюджет, помимо других трудностей эмоционально-психологического и бытового характера.

Для респондентов-женщин вопросы безопасности района проживания, наличия благоустроенного жилья и доступность специальных медицинских услуг для детей являются приоритет-

ными. Мнение мужчин совпало только по вопросу о медицинских услугах. Для респондентов-мужчин важнее оказалась степень доступности учреждений дошкольного воспитания и развития, а также проблемы благоустройства придомовой территории.

6. Дети воспринимаются участниками опроса как безусловная ценность, на уровне реализации биологической потребности, в тоже время каждый третий респондент не согласен с тем, что отсутствие детей делает человека неполноценным. Следовательно, для значительной части молодежи (в столице и в северном регионе – более половины опрошенных) дети уже не являются обязательным атрибутом социальной значимости личности.

Практически во всех регионах дети обладают и высокой утилитарной ценностью в качестве социальной страховки по старости и болезни. Это характерно для обществ, где другие институты социальной поддержки не в полной мере справляются с подобными функциями.

В сознании участников опроса происходит сложное взаимодействие двух противоположных подходов в восприятии места и роли детей в семье: традиционный подход – дети как объект воздействия взрослых и инструмент реализации их планов и жизненных проекций. Это делает детей очень ценными, но не превращает их в субъектов с собственными планами и проекциями. Второй подход в большей степени отражает современное модернизированное общество, где дети выступают субъектами, а отношения с родителями и другими взрослыми приобретают характер взаимовлияния. Данные опроса свидетельствуют, что второй подход находит большую поддержку у респондентов.

Миграционные установки казахстанской молодежи

По данным Международной организации по миграции (МОМ) на 2020 год за последние двадцать лет число мигрантов в мире выросло в 1,8 раза и превысило 270 млн человек.¹³⁴

134. Первый вектор – увеличение числа планируемых детей в позициях один и три ребенка. Второй вектор – уменьшение числа планируемых детей в сравнении с числом детей в родительских семьях в позициях четыре ребенка, пять и более детей. То есть, происходит смещение из зоны многодетности в зоны среднететности и малодетности. Зафиксирован

Свой вклад в эти процессы вносит и Казахстан. Современная казахстанская молодежь, по сравнению с предыдущими поколениями, обладает новыми широкими возможностями реальной и виртуальной мобильности, мир для них открыт в гораздо большей степени, чем это было ранее. И, хотя ситуация пандемии внесла значительные коррективы в процессы глобальной и региональной подвижности, общие мировые и локально-государственные тенденции свидетельствуют о высокой активности населения, в первую очередь – молодежи. В Казахстане мы наблюдаем два основных типа миграций – внутренние и внешние. Причем, внутренние миграции имеют явно выраженный вектор урбанизации, переселения из сельской местности в города. Этот вектор еще более конкретизируется в последнее десятилетие: центрами притяжения являются мегаполисы и областные центры. Именно поэтому, миграционные и репродуктивные установки казахстанской молодежи, проживающей в крупных городах, уже определяют и будут определять в будущем основные демографические процессы в стране. Нельзя не отметить, что некоторой части казахстанской молодежи крупные городские агломерации являются не конечным пунктом миграции, а стартовыми позициями для включения во внешние миграционные потоки – отъезд за пределы республики.

Новое поколение молодежи, которое родилось и выросло в суверенном Казахстане, обладает широкими возможностями пространственно-географической мобильности, которая неразрывно связана с мобильностью социальной. Насколько такие установки сформированы у респондентов, позволяют судить ответы на вопросы следующего блока.

Сначала участникам опроса предложили дать ответы, характеризующие уровень сформированности установок на внешнюю миграцию.

В первом вопросе речь идет об обдумывании возможности отъезда из Казахстана, о том, насколько участники опроса допускают такую мысль (рисунок 2.22).

ные различия невелики, пока нет оснований считать, что эти изменения приобрели характер тенденции, но заслуживают дальнейшего наблюдения.

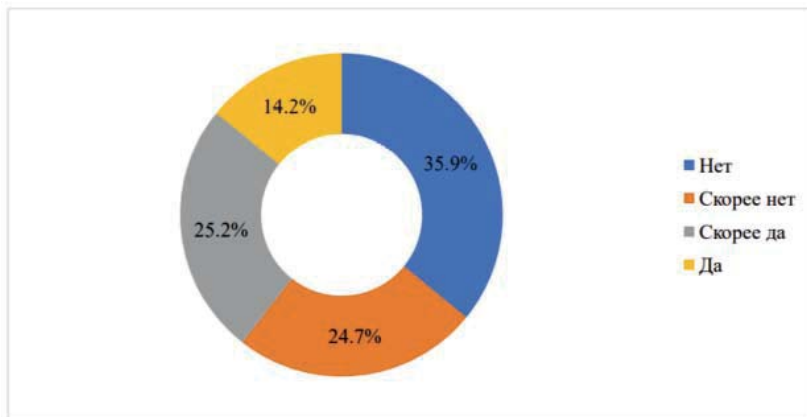

Рисунок 2.22. Рассматриваете ли Вы возможность переезда в другую страну?

Как видно на рисунке 2.22, утвердительные ответы дали 39,4% респондентов (суммарно). Это высокий показатель (более трети опрошенных). Он не означает, что все, кто ответил подобным образом, станут эмигрантами. Но, эта цифра свидетельствует о высоком уровне миграционного потенциала. В возрастной группе 22–25 лет этот показатель еще выше – 45,5%. Возможно, это связано с тем, что в этом возрасте большинство молодежи уже завершают профессиональное образование, но еще не достигли значимых карьерных успехов. А с учетом более позднего вступления в брак, все более характерного для казахстанской молодежи, и более позднего возраста рождения первого ребенка возникает специфическая социальная страта – значительное число юношей и девушек, которые обрели достаточную независимость от родительской семьи и еще не сформировали собственные сильные социальные связи. Таким образом, относительная социальная свобода, наличие профессиональной и языковой подготовки создают возможности попробовать свои силы на новом месте. Пол респондентов также оказывает определенное влияние на внешние миграционные установки: у мужчин они выше, чем у женщин (43,1% и 38,0% соответственно), эти различия в целом

соответствуют общемировым закономерностям - 52 % международных мигрантов составляли мужчины; 48 % - женщины.¹³⁵

Гораздо более значительными выглядят различия в сравнении по городам. В этом случае данные колеблются от 58,0% (Астана) до 24,0% (Усть-Каменогорск) (рисунок 2.23).

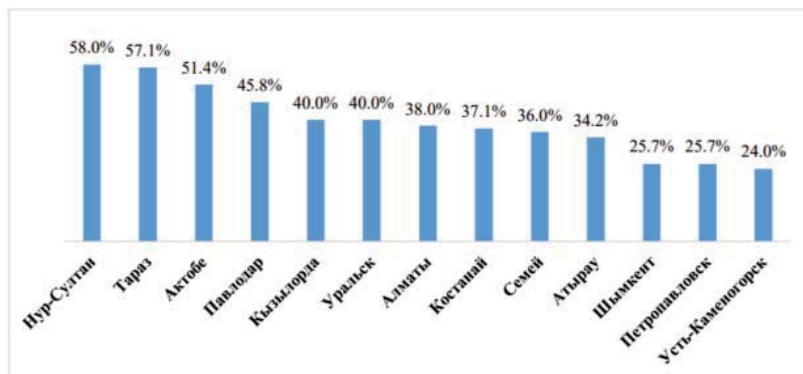

Рисунок 2.23. Рассматриваете ли Вы возможность переезда в другую страну? (сумма утвердительных ответов)

После группировки городов по регионам (рисунок 2.24) мы получаем наглядное подтверждение, что проживание в таких мегаполисах, как Астана и Алматы, в большей степени, чем проживание в других городах республики, влияет на формирование внешних миграционных установок. Это может быть связано с тем, что такие центры аккумулируют молодежь с более высокими амбициями, более высоким уровнем профессиональной квалификации и языковой подготовки.

В разрезе регионов также можно отметить заметное расхождение – сумма утвердительных ответов, то есть число респондентов ответивших, что они рассматривают возможность отъезда за пределы Казахстана, на западе и юге республики выше, чем на севере и востоке.

135. Доклад о миграции в мире.2020 год. Международная организация по миграции (МОМ). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://publications.iom.int › pdf › final-wmr_2020-ru (дата обращения 10.05.2022).

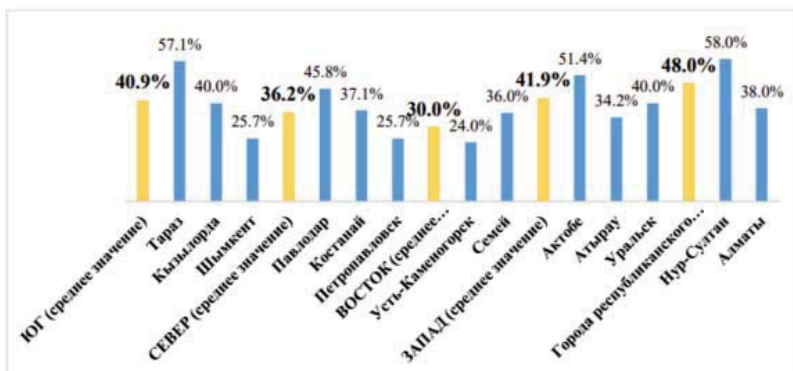

Рисунок 2.24. Рассматриваете ли Вы возможность переезда в другую страну? Регионы (сумма утвердительных ответов)

Пожалуй, еще более показательными стали ответы на вопрос «Если Вы рассматриваете возможность переезда в другую страну, то куда?». Формулировка вопроса предполагала, что ответы на него дадут те респонденты, которые в предыдущем вопросе подтвердили, что они рассматривают возможность отъезда за границу. Для тех респондентов, кто ответил на предыдущий вопрос отрицательно, был предусмотрен вариант «Другое», в котором они могли указать, что не думают о возможности переезда из Казахстана. И такие ответы были даны. Но, если в первом вопросе суммарное число отрицательных ответов составило 60,6%, то при ответе на второй вопрос свою позицию подтвердили только 5,6% (!). Еще несколько человек (суммарно 0,6%) указали, что «пока не знают» или «еще не решили». Эти 5,6% распределились по регионам следующим образом: юг – 2,9%, запад – 1,9%, север и восток – по 0,4%.

Остальные 93,8% выбрали конкретные направления и страны, которые они рассматривают в качестве возможного варианта внешней миграции (рисунок 2.24). Это означает, что, когда респондентам предоставили выбор конкретных направлений, фактически число утвердительных ответов выросло на 54,4%.

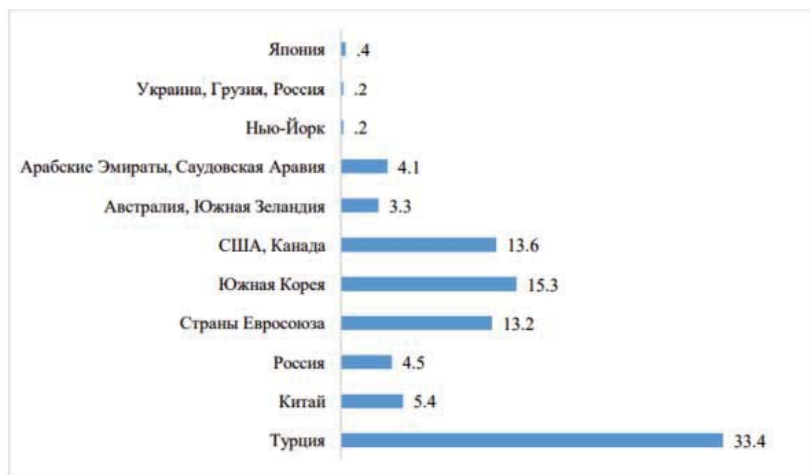

Рисунок 2.25. Возможные направления внешней миграции

Общие данные, приведенные на рисунке 2.25, позволяют определить наиболее часто отмечаемые направления потенциальной внешней миграции – Турция (33,4%, безусловный лидер), Южная Корея (15,3%), США и Канада (13,6%), страны Евросоюза (13,2%). Если популярность Турции можно объяснить социокультурным сходством – общая языковая группа, общие религиозные ценности и традиции, то выбор Южной Кореи или стран Евросоюза и Северной Америки этими аргументами объяснить нельзя. Видимо, здесь вступают в силу социально-экономические факторы, ведь для этих стран и регионов характерен более высокий уровень социально-экономического развития, чем существующий в настоящий момент в Казахстане. Отметим, что условно англоязычные страны в сумме дают 26,8% ответов респондентов, что ставит это направление на второе место по популярности. В региональном аспекте можно видеть, что популярность предложенных направлений колеблется, особенно это заметно по выбору такого варианта, как Турция: от 45,0% (восток) до 26,3% (запад), хотя по всех регионах именно Турция чаще всего отмечается как наиболее привлекательное направление внешней миграции.

При этом, ближайшие государства-соседи Казахстана, такие как Россия и Китай, оцениваются респондентами в качестве возможного направления внешней миграции примерно одинаково невысоко (Россия – среднее значение 4,35%, Китай – среднее значение 5,95%).

Очень заметны различия между выбором, который делают респонденты из г. Астана и г. Алматы (рисунок 2.26). Если для Алматы сохраняется лидирующая позиция Турции (38,0%), то в Астане на первое место выходят страны Северной Америки (32,0%). Возможно, одним из факторов, влияющим на это, выступает большее распространение в столице образования на английском языке.

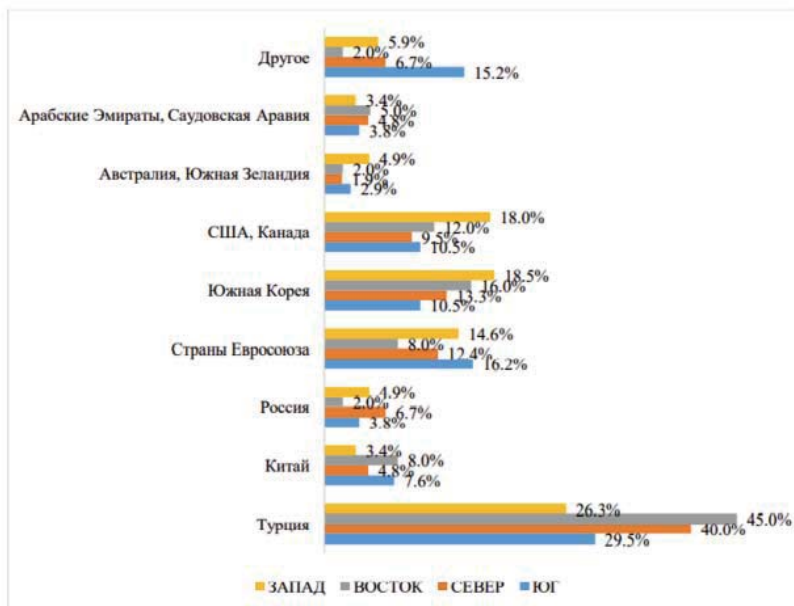

Рисунок 2.26 Возможные направления внешней миграции.
Регионы

Значимые различия в выборе направления потенциальной внешней миграции выявляет анализ ответов с точки зрения ген-

дерной принадлежности респондентов. У женщин, безусловно, лидирует Турция – 40,2%, у мужчин на первом месте страны Евросоюза – 22,2%, а Турцию отмечает только 16,0%.

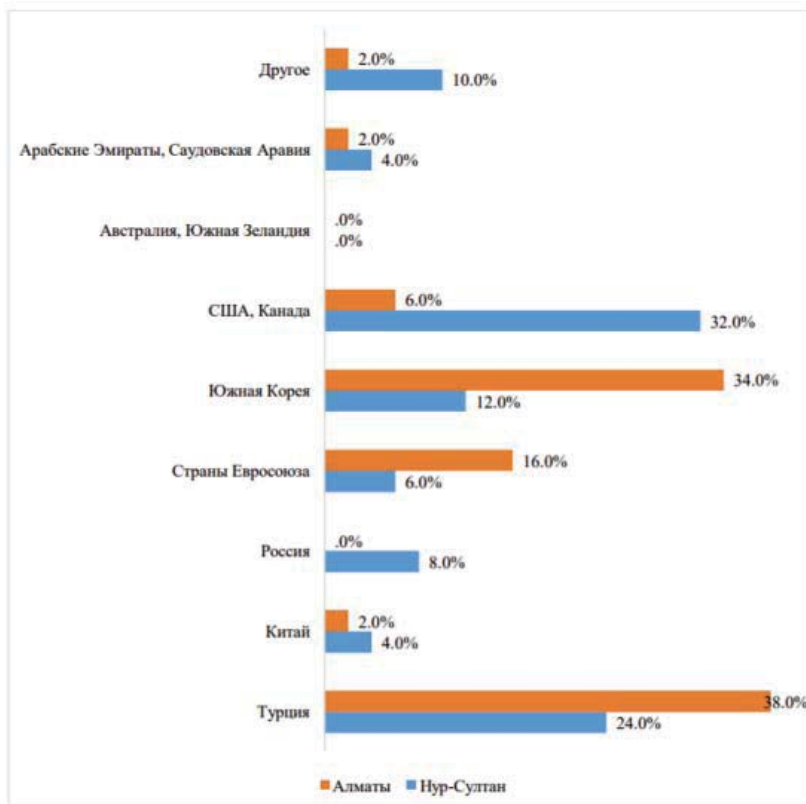

Рисунок 2.27 Возможные направления внешней миграции.
гг. Астана и Алматы

Целью следующего вопроса было определить, какие причины или условия могут побудить молодежь к отъезду в другую страну (рисунок 2.28). Так как участники опроса могли отметить больше одного варианта, сумма процентов превышает 100.

- Если бы представилась возможность хорошо зарабатывать
- Если бы представилась возможность получить хорошее образование
- Если бы представилась возможность значительно улучшить свои жилищные условия
- Если бы я или мои близкие подверглись преследованию по политическим, религиозным, этническим или другим причинам
- Если не смогу реализовать себя в своей стране
- Если в другой стране я смогу добиться большего успеха
- Я не уеду из своей страны, ни при каких обстоятельствах
- Другое

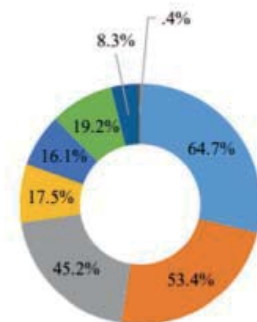

Рисунок 2.28 Возможные условия отъезда в другую страну

Респондентам в третий раз была предоставлена возможность подтвердить, что их намерения остаться жить в Казахстане имеют прочную основу. Для этого им был предложен вариант «Я не уеду из своей страны ни при каких обстоятельствах». Число тех, кто дал такой ответ – 8,3%. Между регионами эти ответы распределились так: юг – 3,3%, запад 3,1%, север и восток по 0,9%. Скачкообразный рост числа ответов, свидетельствующих о потенциально рассматриваемой возможности отъезда в другую страну, приводит к мысли, что латентные установки на внешнюю миграцию очень высоки.

Основными условиями, которые могут сподвигнуть к отъезду, респонденты называли три – возможность высоких заработков, возможность получить хорошее образование (и, предположительно, повысить шансы на высокие доходы) и возможность значительно улучшить жилищные условия. Все эти причины, прямо или косвенно, указывают на социально-экономическую мотивацию миграционной активности. Более абстрактные формулировки – «Если не смогу реализовать себя в своей стране» и

«Если в другой стране я смогу добиться большего успеха», которые не были конкретизированы респондентами в варианте «другое», выбрали соответственно 16,1% и 19,2% опрошенных. Два этих варианты, по сути, являются двумя сторонами одной медали, и связаны обобщенным понятием «успеха». Такой выбор может косвенно подтверждать, что эти респонденты действительно всерьез не задумывались о возможности отъезда.

Отдельно необходимо охарактеризовать выбор варианта «Если я или мои близкие подверглись бы преследованию по политическим, религиозным, этническим или иным причинам». Этот вариант отметили 17,5%, что может указывать на наличие некоторой степени тревожности, связанной с социально-политическими условиями в стране. Причем, проявление этой тревожности очень разнится по регионам (от 6,0% на востоке до 30,5% на юге) и в зависимости от гендерной принадлежности (от 12,9% у женщин до 29,2% у мужчин).

В следующем вопросе акцент делался не на вероятных причинах отъезда, а на целях и долговременных последствиях такого выбора (рисунок 2.29).

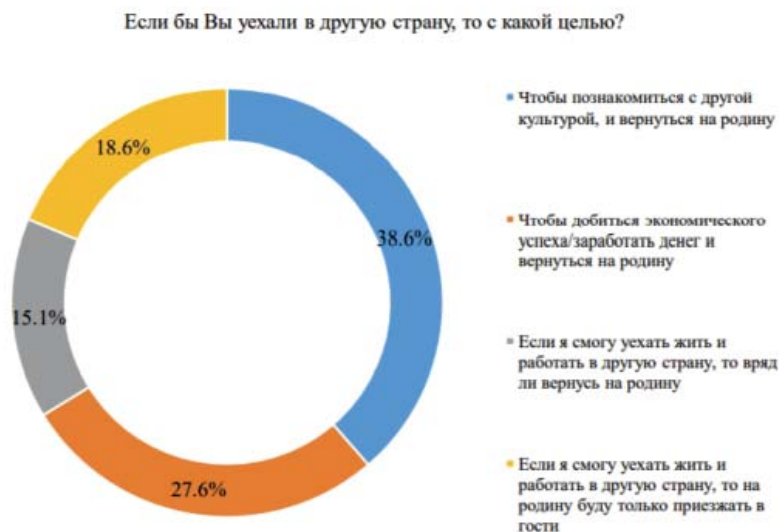

Рисунок 2.29 Возможные цели отъезда в другую страну

Предложенные варианты ответа, при заметном отличие в формулировках, фактически подразумевали две модели миграционного поведения. Первая модель – уехать, добиться успеха и/или достичь личностного роста, а затем вернуться на родину. Вторая модель – уехать и остаться на постоянное место жительства за пределами Казахстана. Поэтому, при анализе ответы респондентов были сгруппированы в соответствии с этими моделями (рисунок 2.30).

Полученные результаты указывают на то, что при высоком уровне латентных установок на внешнюю миграцию, две трети опрошенных предполагают последующее возвращение в Казахстан: 66,2% суммарно.

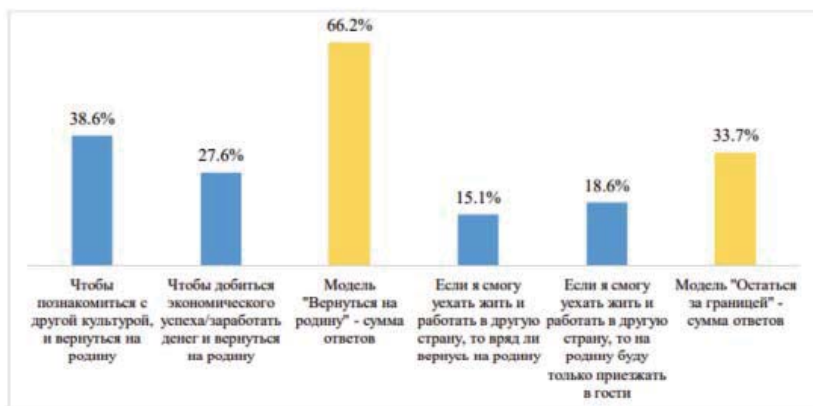

Рисунок 2.30 Модели потенциальной внешней миграции

Используя метод логической группировки ответов, примененный выше, рассмотрим ситуацию по регионам (рисунок 2.31).

Как видно на рисунке 2.31, позиция респондентов восточного региона значительно отличается от других – выбор модели потенциальной внешней миграции «Остаться за границей» в два раза меньше, чем на юге и западе, в полтора раза меньше, чем на севере. Таким образом, среди участников опроса из восточного региона страны отмечается не только самый низкий показатель утвердительных ответов на вопрос «Рассматриваете ли Вы возможность переезда в другую страну?» (30,0% при среднем

39,4%), но и самый низкий показатель установок на потенциально безвозвратную миграцию (19,0% при среднем 33,7%). В разрезе конкретных городов самые высокие показатели выбора модели безвозвратной миграции отмечаются в Кызылорде (51,4%), Астанае (46,0%) и Костанае (42,0%).

Рисунок 2.31 Модели потенциальной внешней миграции.
Регионы

В свою очередь, анализ ответов на этот вопрос через призму гендерной принадлежности не фиксирует таких значимых различий: выбор модели «Остаться за границей» для женщин составил 32,0%, для мужчин – 38,2%. Это колебания показателей вполне соотносится с тем, что женщины в целом проявляют меньший интерес к внешней миграции, о чем уже говорилось выше.

В начале этого раздела говорилось о больших миграционных, в том числе и эмиграционных, возможностях, которые открылись перед современной казахстанской молодежью. Как участники опроса оценивают свою конкурентоспособность – уровень профессиональной и языковой подготовки?

У респондентов спросили: Как Вы считаете, в случае переезда в другую страну Вашей профессиональной и языковой подготовки будет достаточно, чтобы быстро устроится на хорошо оплачиваемую работу? Полученные ответы представлены на ри-

сунке 2.32.

Рисунок 2.32 Оценка респондентами своего уровня языковой и профессиональной подготовки.

Интересно, что южном регионе, где отмечается самый высокий уровень потенциальной внешней миграции, показатели самооценивания респондентов их языковой и профессиональной подготовки самые низкие – на 13,3% ниже среднего уровня. В тоже время, самые высокие показатели фиксируются в восточном регионе – почти на 7% выше среднего значения, при этом респонденты с востока страны в значительно меньшей степени демонстрируют вероятность отъезда за рубеж.

Выше отмечалось, что каждый третий респондент, рассматривая гипотетическую возможность отъезда за пределы Казахстана, предположил, что он не вернется на родину. Следовательно, он рассчитывает, что сможет комфортно устроиться на новом месте. Кто, по мнению респондентов, должен нести основную ответственность за благополучие мигранта на новом месте жительства? Ответы на этот вопрос представлены на рисунке 2.33.

При анализе полученных ответов выясняется, что основную ответственность за благоустройство мигрантов в чужой стране, по мнению подавляющего большинства респондентов, должно взять на себя государство. Лишь пятая часть опрошенных указали, что главная ответственность лежит на самом мигранте.

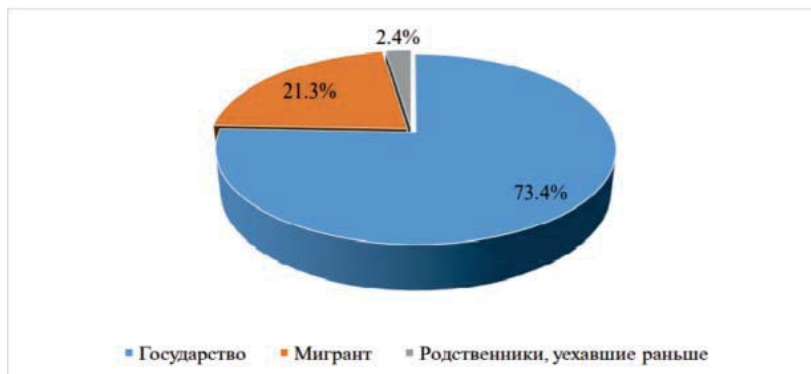

Рисунок 2.33. Кто несет главную ответственность за благоприятные условия для мигрантов, прибывающих в чужую страну?

Интересно, что ответы на этот вопрос не выявляют серьезных различий между респондентами в зависимости от их пола, но фиксируют заметные расхождения в зависимости от региона проживания (таблица 2.15).

Таблица 2.15. Кто несет главную ответственность за благоустройство мигранта в чужой стране, при переезде на постоянное место жительства?

Регионы	Государство	Мигрант	Родственники, уехавшие раньше
Юг	67,3%	23,1%	2,9%
Север	73,5%	18,6%	5,9%
Восток	78,6%	18,4%	2,0%
Запад	73,9%	23,1%	0,5%
Астана	62,5%	27,1%	2,1%
Алматы	93,8%	6,3%	0,0%

Респонденты во всех регионах на первое место ставят государство в качестве основного субъекта ответственности за благо-

получие прибывающих мигрантов. Возможно, на такие представления оказала влияние информация о программе. В тоже время, нельзя не заметить, что самые большие расхождения по этому показателю приходятся на два самых значимых города страны – Астана и Алматы. Участники опроса из этих мегаполисов демонстрируют совершенно полярные подходы – в Астане самый низкий показатель ответственности государства (62,5%), в Алматы – самый высокий (93,8%).

Вариант ответа «Родственники, уехавшие раньше» был предложен респондентам не случайно. Известно, что миграция на постоянное место жительства в другую страну часто носит семейный, в некоторых случаях даже клановый, характер. Более того, воссоединение семьи является частым основанием для получения вида на жительство или гражданства, признается законным большинством государств мира на уровне международных документов и национальных законодательств.

Для жителей Центральной Азии характерно сохранение прочных и разветвленных семейных связей. Оказывает ли это влияние на миграционные установки участников опроса, позволяют судить ответы, полученные на вопрос «Если бы Вы уехали в другую страну, то приложили бы усилия в перспективе перевезти своих родителей или других родственников?». Респонденты могли выбрать один из трех вариантов ответа: «Да, обязательно», «Возможно» и «Нет, не думаю». Остановим внимание на третьем варианте, так как он, гипотетически, является отрицанием традиционной модели поведения (рисунок 2.34).

Среднее значение этого показателя составило 14,4% и это самый редко выбираемый вариант. Однако, нельзя не отметить, что мужчины отмечали этот вариант в полтора раза реже, чем женщины (10,4% и 15,9% соответственно). Но, еще заметнее становятся различия между регионами: на считающемся более традиционном юге число тех, кто ответил на данный вопрос отрицательно, составило 31,4%. То есть, практически каждый третий респондент в случае отъезда за границу предпочел бы жить не только вдали от родины, но и вдали от родных (в г. Кызылорда – 48,0%). Ближе всего к среднему показателю (14,4%) ответы

опрошенных из западного и северного регионов – 11,2% и 10,5%. Число отрицательных ответов на востоке самое низкое – 7,0%. В городах Астана и Алматы, в которых до этого часто фиксировались отклонения от средних значений, этот показатель составил 14,0% и 12,0%.

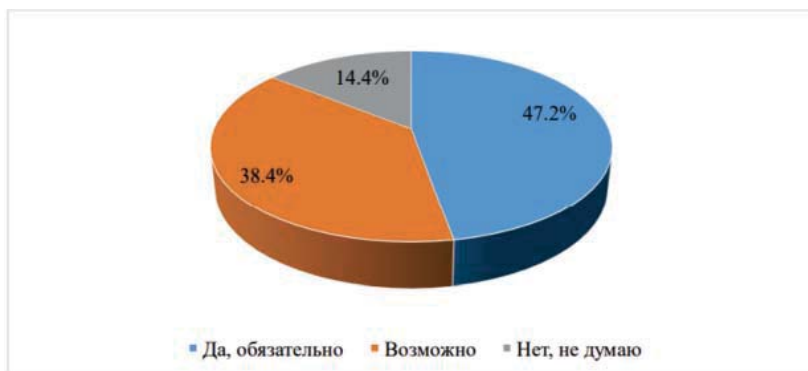

Рисунок 2.34. Если бы Вы уехали в другую страну, то приложили бы усилия в перспективе перевезти своих родителей или других родственников?

Внутренние миграции населения. В последние десятилетия в Казахстане фиксируется значительный объем внутренних миграций, характерной чертой которых является урбанизационный вектор. Подобные процессы с разной степенью интенсивности отмечаются во многих странах мира, так как урбанизация выступает одним из основных трендов современности. Особенностью Казахстана является то, что в суверенный период активные урбанизационные процессы охватили именно казахское население и в первую очередь это коснулось молодежи. Такая миграционная подвижность может принимать разные формы, но для молодых возрастных групп наиболее характерна учебная миграция как первая стадия превращения сельских жителей в горожан. Несмотря на такие государственные программы, как например, «с дипломом в село», завершив профессиональное образование, молодежь стремится остаться в городах и видит свое будущее в городском пространстве. Это подтверждают и результаты опроса

(рисунок 2.35).

Рисунок 2.35. Потенциальная внутренняя миграция

Участники опроса уже проживают в областных центрах, этим объясняется то, что три четверти опрошенных не высказывают желание менять место жительства, но из оставшейся части только 1,2% хотели бы переехать в сельскую местность, а почти 20,0% указали в качестве желаемого места жительства другие города Казахстана. Чаще всего заявляли о своем желании сменить город респонденты из Костаная (54,3% от общего числа выбравших этот вариант), Тараза (39,4%) и Кызылорда (29,4%). Реже всего о своем желании переехать говорили респонденты из Уральска (2,9%), Алматы (4,0%) и Павлодара (9,1%).

Назвали конкретный город 15,3% опрошенных. В целом выбор городов – потенциальных мест переезда, выглядит следующим образом (рисунок 2.36). На диаграмме представлены доли от числа тех, кто указал название городов.

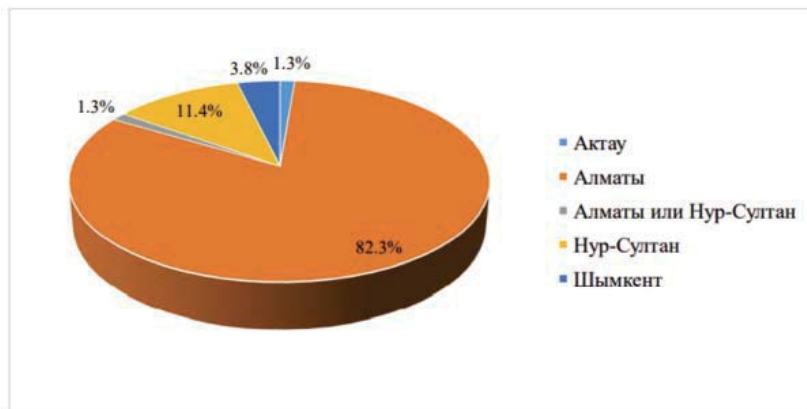

Рисунок 2.36. Выбор городов для потенциальной внутренней миграции

Безусловным городом-лидером, наиболее привлекательным в качестве места жительства, участники опроса назвали Алматы – 63,7% от числа тех, кто выбрал вариант ответа «в другой город Казахстана» и 82,3% от числа респондентов, давших конкретный ответ. То есть, г. Алматы – это наиболее привлекательный вариант смены места жительства для тех, кто хотел бы переехать в пределах Казахстана. Данный выбор характерен для представителей всех регионов.

Ранее респондентам был задан вопрос «Если бы Вы уехали в другую страну, то приложили бы усилия в перспективе перевезти своих родителей или других родственников?» на него было дано 14,4% отрицательных ответов (рисунок 2.34). Подобный вопрос был задан и в связи с возможностью переезда на территории Казахстана, сумма отрицательных ответов в этом случае составила 15,9% (рисунок 37). Выше отмечалось, что такой вариант ответа менее характерен для мужчин, чем для женщин. Эта тенденция сохранилась и при ответе на данный вопрос (женщины – 17,0%, мужчины 13,2%).

Наиболее заметные различия ранее отмечались при анализе ответов через призму региональной принадлежности респондентов – диапазон колебания отрицательных ответов тогда составил

24,4% (восток – 7,0%, юг – 31,4). Отвечая на вопрос «Если бы Вы переехали в другую местность в Казахстане, то приложили бы усилия в перспективе перевезти своих родителей или других родственников?» представители разных регионов также продемонстрировали разные позиции: число отрицательных ответов составило от 8,0% на востоке до 26,7% на юге. Получается, что для молодежи южного региона в значительно большей степени, чем для их ровесников из других частей Казахстана, характерно стремление начать самостоятельную, отдельную от родителей и других родственников, жизнь. Эти настроения не зависят от того, будет ли эта жизнь проходить в республике или за ее пределами.

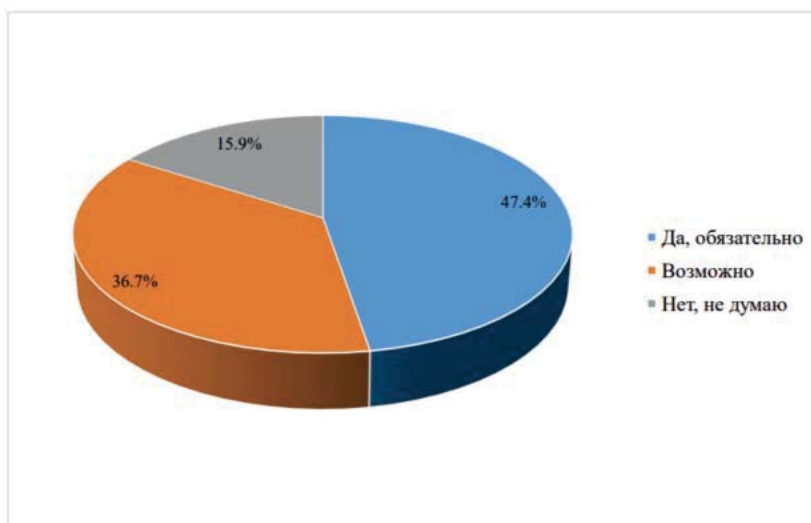

Рисунок 2.37. Если бы Вы переехали в другую местность в Казахстане, то приложили бы усилия в перспективе перевезти своих родителей или других родственников?

Проведенный опрос нацелен на выявление миграционных и репродуктивных установок, свойственных современной казахстанской молодежи. Как эти установки реализуются или не реализуются на практике - покажет будущее. Но, говоря о миграционных установках можно уже сейчас оценить, насколько

готовность к мобильности является латентной, потенциальной (допускается мысль о мобильности при наличии определенных условий) или уже актуализируется в конкретные шаги и действия.

Напомним, что на прямые вопросы «Рассматриваете ли Вы возможность переезда в другую страну?» и «Хотели бы Вы переехать на постоянное место жительства в сельскую местность или другой город Казахстана?» респонденты дали следующее число утвердительных ответов – 39,4% и 19,8% соответственно.

Это свидетельствует, во-первых, что потенциальная готовность к внешней мобильности значительно выше, чем потенциальная готовность к мобильности внутренней. В этом случае важно то, что все респонденты на момент опроса уже проживали в областных или республиканских центрах. То есть, с точки зрения внутренних урбанизационных процессов, цель уже достигнута. Вероятно, при опросе молодежи, проживающей в сельской местности, результаты были бы совсем другими, но важно понимать, что именно городская молодежь будет определять основные тренды миграционных процессов (как и многих других) в последующие годы. Во-вторых, что суммарный показатель потенциальной готовности к миграционной активности составляет 59,2%.

Помимо потенциальной готовности к миграции существует и актуальная, то есть та, которая уже реализуется в конкретных подготовительных действиях. В этом случае вероятность осуществления переезда значительно возрастает. Каков уровень актуальной готовности к миграционному движению, зафиксированный опросом, можно увидеть на рисунке 2.38.

Чтобы оценить значение утвердительных ответов на этот вопрос, сопоставим показатели потенциальной миграционной активности и актуальной готовности к переезду в разрезе регионов (таблица 2.16).

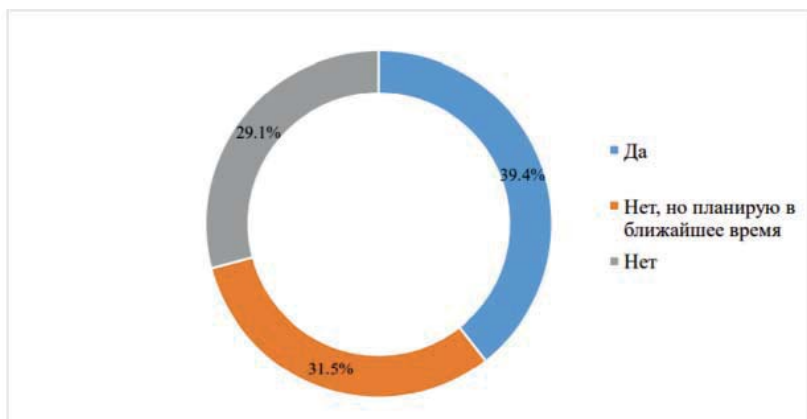

Рисунок 2.38. Вы уже предпринимаете какие-то практические шаги по организации переезда (Оформление необходимых документов, поиск работы на новом месте жительства, поиск жилья и т.д.)?

Таблица 2.16. Показатели потенциальной и актуальной миграционной активности. Регионы

Регионы	Потенциальная внешняя миграционная активность	Потенциальная внутренняя миграционная активность	Актуальная миграционная активность
Юг	40,9%	35,0%	22,9%
Север	36,2%	32,0%	41,9%
Восток	30,0%	20,2%	51,0%
Запад	41,9%	10,7%	41,0%
Астана	58,0%	15,6%	16,0%
Алматы	38,0%	4,0%	60,0%

Полученные данные демонстрируют очень противоречивую картину: самые высокие показатели потенциальной миграционной активности фиксируются в г. Астана, при этом здесь

самый низкий уровень актуальной миграционной активности. Еще больший интерес вызывают ответы, полученные от респондентов из г. Алматы, где уровень актуальной миграционной активности значительно выше, чем показательный потенциальной миграционной активности. Возможно, для определенной части респондентов смена места жительства – явление вынужденное, а не желательное. Если этот результат не является следствием погрешности конкретного исследования, то эта проблема требует дальнейшего изучения.

Подводя итог этого блока исследования, остановимся на сравнении позиции респондентов по вопросу ответственности за создание условий для мигрантов на новом месте. Выше уже приводились данные, которые отражали мнение участников опроса касательно внешней миграции. Теперь есть возможность сравнить их с отношением к ответственности за создание условий для внутренних мигрантов (таблица 2.17).

Таблица 2.17. Кто несет главную ответственность за благоустройство мигранта при переезде на постоянное место жительства?

Регионы	Государство		Мигрант		Родственники, уехавшие раньше	
	Внешняя миграция	Внутренняя миграция	Внешняя миграция	Внутренняя миграция	Внешняя миграция	Внутренняя миграция
Юг	67,3%	69,2%	23,1%	24,0%	2,9%	1,0%
Север	73,5%	82,4%	18,6%	9,8%	5,9%	3,9%
Восток	78,6%	83,7%	18,4%	15,3%	2,0%	0%
Запад	73,9%	77,9%	23,1%	17,6%	0,5%	0%
Астана	62,5%	68,8%	27,1%	16,7%	2,1%	0%
Алматы	93,8%	91,7%	6,3%	6,3%	0%	0%

Сравнение ответов на два вопроса показывает, что подавляющая часть респондентов фактически снимает с мигранта ответственность за его благополучие на новом месте жительства, перекладывая этот груз на плечи государства. И не важно, идет

ли речь о миграции внешней или внутренней. Все это свидетельствует о сильнейших патерналистских установках, продолжающих определять отношение молодежи к сфере миграционной активности. По-видимому, этот аспект мышления еще не подвергся значимой модернизации.

Таким образом, можно сделать следующие выводы о миграционных установках казахстанской молодежи:

1. Данные опроса фиксируют, что более трети опрошенных как минимум рассматривают возможность переезда в другую страну. Уже этот результат позволяет говорить о высоком потенциале внешней миграции. Однако, результаты фокус-групп и ответы на косвенные вопросы анкеты свидетельствуют, что этот потенциал значительно выше и, возможно, охватывает две трети представителей молодого поколения казахстанцев, проживающих в областных центрах и городах республиканского значения.

Особенно это характерно для возрастной группы 22–25 лет, когда профессиональная подготовка уже получена, а собственные семьи есть не у многих. Дополнительным подтверждением этого вывода может служить тот факт, что уровень потенциальной эмиграционной активности выше у мужчин, чем у женщин, так как возраст создания семьи у мужчин также выше. Кроме того, эти данные соответствуют общемировым гендерным тенденциям миграционной активности.

Также необходимо отметить заметно более высокий уровень потенциальной внешней миграционной активности в южном и западном регионах республики и таких городах, как Астана, Тараз и Актобе – где суммарное число утвердительных ответов превышает 50%. (много молодежи! – в заключение).

2. Практически все респонденты не затруднились указать конкретное направление потенциальной эмиграции, что дополнительно указывает на очень высокий уровень латентной миграционной активности, о чем говорилось выше. Среди всех названных респондентами направлений безусловно лидирует Турция – более трети ответов участников опроса и почти половина участников групповых интервью. Однако, надо понимать, что это указание на желания респондентов. Возможно, исходя из реальных

условий, преобладать на практике будут другие направления, более доступные для переезда. (там, где гранты – в заключение). Для Астаны характерны иные векторы потенциальной внешней миграции – Южная Корея, США и Канада. То есть, для столичных студентов меньшее значение имеют такие факторы, как языковая и культурно-религиозная близость, большее влияние приобретает высокий уровень социально-экономического развития принимающих территорий и (судя по результатам фокус-групп) их общая «продвинутость». В этом случае проявляется желание попасть в высоко модернизированную социальную среду, что возможно, говорит об неудовлетворенности (в том числе, хорошо осознаваемой респондентами) темпами модернизации казахстанского общества.

3. Основные причины возможного отъезда, которые указывали респонденты, носят определенно экономический (высокие доходы), социально-экономический (комфортные жилищные условия) и культурно-экономический ((хорошее профессиональное образование) характер.

Называя цели потенциальной эмиграции, участники опроса позволили определить, на какую модель миграционной активности у них присутствует установка: возвратную или невозвратную. Судя по полученным данным, превалирует первая модель «Уехать, чтобы потом вернуться на родину». То есть, для большинства респондентов отъезд за рубеж – это способ достичь успеха и вернуться домой в более высоком социальном, экономическом, образовательном статусе, либо, на основе полученных в другой стране знаний и опыта, достигать успеха уже на родине. Такая модель преобладает во всех регионах, но особенно ярко она выражена у респондентов из восточной части страны. В то же время в трех городах – Кызылорда, Астана и Костанай – число респондентов, выбравших модель безвозвратной эмиграции превышает средний показатель по стране более, чем на 10%.

4. Потенциальная установка на внешнюю миграцию имеет тем больше шансов реализоваться в реальное миграционное поведение, чем в большей степени человек уверен в своей языковой и профессиональной готовности к адаптации в другой стране,

в первую очередь – адаптации экономической. То есть, если он убежден, что его языковых и профессиональных знаний будет достаточно, чтобы быстро найти хорошо оплачиваемую работу. Такую уверенность продемонстрировали более трети респондентов, а этот факт повышает вероятность, что они могут от намерений перейти к практическим действиям. При этом, еще почти 17,0% опрошенных заявили, что, хотя на данный момент их подготовки недостаточно, но они рассчитывают получить необходимые знания уже в другой стране. Несколько снижает риски эмиграции тот факт, что южных регионах, где фиксируются наиболее высокие установки на внешнюю миграцию, одновременно отмечается и самый низкий показатель готовности к ней с точки зрения оценки респондентами своих языковых навыков и профессиональной подготовки.

5. Важным индикатором трансформации традиционных семейных связей в условиях чрезвычайно активной внешней и внутренней миграции становится стремление или его отсутствие «собирать» родственников на новом месте жительства. В этом отношении очень показательным, что около половины респондентов утверждают, что они готовы приложить усилия, чтобы обеспечить переезд своих родителей или других родных в случае, если сами мигрируют за рубеж. Одновременно с этим более трети предположили, что это возможно, но не смогли ответить с полной убежденностью, а еще почти 15% ответили на этот вопрос отрицательно. Таким образом, мы можем видеть сочетание разных позиций, отражающих неоднозначность процессов эволюции семейных связей и ценностей на фоне высокой миграционной активности. Особенно это заметно в ответах респондентов из южного региона, где контраст между сохранением традиционных устоев и модернизацией проявляется наиболее интенсивно.

6. Еще более важной характеристикой миграционных процессов в Казахстане, чем потенциальная эмиграционная активность, является внутренняя подвижность населения. Неопровержимым фактом является то, что главным и доминирующим вектором этой подвижности выступает урбанизация – стремление казахстанцев, и особенно молодежи, переехать из сельской

местности в города. Участники опроса уже живут в областных центрах и городах республиканского значения, а это значит, что основная цель урбанизационного движения ими достигнута. Как это отражается на их установках на внутреннюю миграцию? Три четверти опрошенных указали, что в пределах Казахстана они не хотят никуда переезжать. То есть, сделанный выше вывод подтверждается. Центрами притяжения внутренней миграции для представителей молодежи всех регионов выступают города Алматы и Астана, Алматы намного превосходит столицу по миграционной привлекательности.

7. Выше уже отмечалось, что, судя по ответам участников опроса, заметная часть молодежи не стремится при переезде за рубеж обеспечить совместное проживание со своими родителями или другими родственниками на новом месте. Эта тенденция проявляется и в случае смены места жительства в пределах страны и, как и в первом случае, более характерна для южных регионов. Можно предполагать, что одним из проявлений урбанистической модернизации является стремление поддерживать несколько большую социальную дистанцию, чем это принято в традиционной расширенной семье.

8. Для казахстанской молодежи, проживающей в крупных городах, характерен более высокий уровень потенциальной внешней мобильности, чем мобильности внутриказахстанской (по результатам опроса – в два раза). Причина этого различия в том, что основная задача внутренней миграции – урбанизация – для большинства респондентов уже решена. Это вывод, со всей очевидностью, не может быть распространен на сельскую молодежь, но учитывая перетекание молодежи в города и постепенное старение населения в сельской местности, именно этот тренд будет приобретать все большее значение в ближайшие годы. То есть, чем больше молодежи будет концентрироваться в городах Казахстана, тем выше будет потенциал внешней миграции.

9. Потенциал внешней миграционной активности не обязательно реализуется в активность реальную. Особенно заметны расхождения в типе миграционных установок в южном регионе и г. Астана – число респондентов, предпринимающих практиче-

ские шаги к переезду значительно ниже, чем число респондентов, указывающих на потенциальную возможность переезда. Напротив, высокий уровень актуальной миграционной активности демонстрируют респонденты восточного, северного и западного регионов. Особую ситуацию фиксируют ответы участников опроса из Алматы, где число тех, кто указал, что уже предпринимает практические шаги к переезду значительно выше, числа тех, кто заявлял лишь о потенциальной возможности миграции.

10. Делая выводы по разделу «Миграционные установки» нужно отметить, что одним из важных критериев фактической готовности к миграции и последующей адаптации после переезда является то, на кого потенциальный мигрант возлагает основную ответственность за свое благополучие на новом месте жительства. Почти три четверти респондентов убеждены, что эти вопросы должно решать государство, и лишь пятая часть опрошенных считают, что основная ответственность лежит на самом мигранте. Причем, такая позиция проявляется не только в вопросе о внутренних миграциях, но и в вопросе о внешней миграции. Такое распределение мнений свидетельствует о глубоких патерналистских воззрениях, приходящих в противоречие с современной реальностью. Ярче всего эти настроения проявляются у респондентов из восточного региона. В аспекте конкретных городов самый высокий показатель фиксируется в г. Алматы – более 90% респондентов возложили ответственность за благополучие мигрантов на государство. Самый низкий такой показатель отмечается в столице, но и здесь он превышает 60%. В целом это говорит о завышенных ожиданиях потенциальных мигрантов и может приводить к росту социальной напряженности, открытому выражению недовольства «недостаточными» действиями властей, предъявлению претензий государственным структурам.

Подводя итоги исследования репродуктивных и миграционных установок представителей казахстанской молодежи, проживающей в крупных городах (областных центрах и городах республиканского значения) необходимо отметить следующее:

1. Репродуктивные установки находятся в стадии трансформации – хотя многодетность еще представляется трети ре-

спондентов привлекательной личной перспективой и нормой для казахстанских семей, заметно преобладают установки на среднедетность и малодетность, особенно явно это проявляется в сравнении с уже реализованным репродуктивным поведением родительского поколения.

Наиболее остро эти процессы протекают у представителей южного региона: с одной стороны, их установки на многодетность выше, чем в других регионах, с другой – и снижение этих установок по сравнению с предыдущим поколением более заметно.

Определенный рост установок на среднедетность наблюдается во всех регионах – если они реализуются в репродуктивном поведении, то возможно некоторое выравнивание показателей рождаемости по республике – небольшое снижение на юге, рост на севере и востоке. Однако, учитывая инерционный характер демографических процессов, вряд ли эти изменения в ближайшем будущем снизят риски, которые уже актуализировались.

Отдельно отметим специфику репродуктивных установок в гг. Астана и Алматы. В этих городских агломерациях концентрируется все большее количество населения, в первую очередь – они выступают центрами притяжения для казахстанской молодежи. При этом репродуктивные установки молодых жителей этих городов значительно отличаются от репродуктивных установок респондентов из других городов прилегающих регионов. То есть, многие репродуктивные установки и связанные с этим ценностные воззрения жителей Алматы по своему типу ближе не к южному региону, а к регионам восточному и северному. В свою очередь, репродуктивные установки молодых жителей Астаны представляют собой сложный микст позиций, характерных для разных регионов – это дополнительно указывает на связь между репродуктивными установками и миграционным поведением. В то же время жители Астаны в отдельных вопросах демонстрируют более прагматичный подход к вопросам воспроизводства и воспитания детей, чем представители других регионов.

Респонденты-женщины более подвержены влиянию процессов урбанизации в своих репродуктивных установках, они в боль-

шей степени, чем мужчины, ориентированы на малодетность, а установки на многодетность у них в целом ниже, чем у мужчин. На первый план среди факторов, влияющих на принятие решения о рождении ребенка у женщин выходят безопасность района проживания (что не всегда можно обеспечить в больших городах) и наличие благоустроенного жилья (что также может стать проблемой для молодой семьи в современных условиях).

В то же время респонденты обоих полов не склонны принимать во внимание проблемы, связанные с наличием в семье людей с ограниченными физическими возможностями, утверждая, что это не является причиной откладывать рождение детей. Такая позиция усиливает риски социальной уязвимости. Это особенно важно, учитывая тот факт, что основную ответственность за создание условий для рождения и воспитания детей все респонденты перекладывают на государство и женщины это делают даже в большей степени, чем мужчины.

Отношение к детям, их ценность и значимость – это безусловный приоритет представителей всех регионов. Но, в этой сфере наблюдается сложное и противоречивое сочетание установок, характерных для традиционного мышления: ребенок - ценность как объект воспитания и социальная гарантия будущего родителей; и установок, более соответствующих модернизированным воззрениям на место и роль детей в семье и обществе: ребенок - ценность как субъект взаимоотношений и относительно автономная личность с собственными взглядами, мнениями и позициями, с которыми необходимо считаться. У всех участников опроса второй подход преобладает в большей или меньшей степени, но наиболее выражено это фиксируется в ответах жителей столицы.

В современных казахстанских городах среди молодежи распространены разные типы репродуктивных установок: традиционные (многодетность), модернизированные (малодетность, среднететность). Наблюдается прирост из зон многодетности и малодетности в зону среднететности. Этот вектор характерен для всех регионов, но его начальные точки разные – на юге и западе за счет снижения установок на многодетность, на севере и востоке за счет снижения установок на малодетность.

Мотивами репродуктивных установок является безусловная ценность детей. В эту ценность включается фактор социальных гарантий, которые должны обеспечить дети в будущем, на случай болезни и старости родителей. Такая мотивация косвенно указывает на низкий уровень доверия к специализированным социальным институтам и является характерной для традиционного общества, где государство не решало вопросов социального обеспечения населения. Сохранение подобной мотивации у современной молодежи – свидетельство серьезных дисфункций государственной системы социального обеспечения.

Степень сформированности запроса на условия социализации детей не высока – четыре фактора, способных оказать значимое влияние на принятие решения о рождении ребенка указали респонденты: неблагополучный район проживания (высокий уровень криминогенности); отсутствие доступных специализированных медицинских услуг (детская поликлиника, врач-педиатр); отсутствие благоустроенного жилья; отсутствие доступных учреждений дошкольного воспитания и развития (детские сады, детские центры раннего развития).

Но, даже они набрали лишь 40–50%. А такое базовое условие как доступность качественного школьного образования (право, гарантированное Конституцией РК) указали только треть респондентов. То есть, по результатам опроса, даже отсутствие этих условий, определяющих возможности трансформации социальных ресурсов в развитый социальный капитал страны, не будет оказывать значимого влияния на репродуктивное поведение опрошенных.

В том, что касается миграционных установок респондентов, также необходимо сделать ряд замечаний. Для участников опроса характерны более высокие установки на внешнюю миграцию, чем на внутреннюю. Это объясняется тем, что все респонденты уже проживают в крупных городах, то есть урбанизационная задача ими уже решена, на повестке дня может стоять вопрос только переезда за границу. Три четверти опрошенных не хотели бы менять место жительства внутри Казахстана. Этот показатель колеблется от 65% на юге до 90% на западе. В тех случаях, когда

речь заходит о потенциальной внутренней миграции, из нее практически исключается сельская местность, а среди возможных целей чаще всего называется г. Алматы.

В западном регионе фиксируется самый низкий показатель потенциальной внутренней миграции (около 11%), но самый высокий показатель потенциальной внешней миграции (почти 45%). Самые высокие показатели потенциальной внешней миграции отмечаются не столько в регионах, сколько в конкретных городах – Астана, Тараз, Актобе. В качестве гипотезы можно предположить, что эти показатели каким-то образом коррелируются с процессами концентрации молодежи и уровнем полученной ими профессиональной и языковой подготовки.

На основе полученных данных можно также предположить, что основные направления, в которых потенциальная миграционная активность может трансформироваться в актуальное миграционное поведение в ближайшие годы, будут определять международными грантовыми образовательными программами. Молодежь поедет учиться за границу не только, и возможно, не столько потому, что считает образование за рубежом лучше, чем в Казахстане, сколько потому, что это наиболее доступный легальный способ расширить свои горизонты. Те государства, которые предложат наиболее привлекательные условия для обучения казахстанской молодежи, имеют все шансы приобрести их в качестве будущего социального капитала.

Сегодня для представителей практически всех регионов наиболее популярной страной для потенциальной внешней миграции выступает Турция, что можно объяснить близостью, языка, культуры и религии. Исключение составляют респонденты из Астаны, которые более ориентированы на Южную Корею, США и Канаду. Большая часть респондентов не рассматривают модель безвозвратной эмиграции, они предполагают последующее возвращение на родину.

Весьма вероятно, что та часть молодежи, которая решит реализовать отмеченный потенциал внешней миграции, столкнется с рядом серьезных проблем – их ожидания весьма завышены, так как они возлагают основную ответственность за благоустройство

на новом месте на принимающее государство. Важно сказать, что и в случае внутренней миграции именно государство, по мнению респондентов, должно взять на себя основную заботу по созданию комфортных условий проживания для внутренних переселенцев.

Подводя общие итоги исследования необходимо отметить следующее.

Основным риском, способным перерасти уже краткосрочной и среднесрочной перспективе в реальные угрозы, видится противоречие между высокими темпами роста рождаемости (особенно в южных регионах) и отставанием условий трансформации человеческих ресурсов в человеческий капитал.

Как показывают результаты опроса, в сознании значительной части молодежи родительство имеет как сакральную ценность – этническая идентичность, связь с идеализированным и мифологизированным традиционным прошлым (некий «золотой век», весьма далекий от исторической реальности), так и рационально-утилитарную – в условиях низкого уровня доверия институтам социального обеспечения дети воспринимаются как гарантия старости более надежная, чем государственная пенсионная система. Сегодня в Казахстане одни из самых высоких пенсий на постсоветском пространстве, но это касается тех, кто в предыдущие десятилетия получил профессиональное образование и работал на достаточно квалифицированных работах несколько десятилетий. Для сельской местности, с высоким числом самозанятых (что особенно характерно для южных регионов, но не только) преимущества институализированных форм социальной поддержки не очевидны.

Однако, стать опорой старшего поколения выросшие дети могут только в том случае, если они смогут эффективно адаптироваться к новым экономическим условиям постиндустриального города. Это значит, что уже сегодня все дети должны получить доступ к таким условиям социализации, которые позволят сформироваться хорошо образованной личности, обрести «открытое сознание» (один из приоритетов программы Рухани жаңғыру). В то же время в стране наблюдается не только рост рождаемо-

сти, но и рост дефицита мест в общеобразовательных школах, а нехватка учителей младших классов стала насущной проблемой. В этой связи тревожным выглядит результат, когда только треть респондентов назвали отсутствие доступа к качественному школьному образованию в числе причин, способных повлиять на решение о рождении ребенка. То есть, сегодняшняя казахстанская молодежь, выражая различные репродуктивные установки, не просчитывает необходимые условия социализации для своих будущих детей.

В краткосрочной перспективе (3–5 лет) страна рискует столкнуться с ситуацией «обманутых надежд» многочисленного молодого поколения. Такая ситуация в среднесрочной (5–7 лет) и долгосрочной (7–10 лет) перспективе может реализовываться одновременно в несколько негативных сценариев: а) нарастание социальной напряженности в крупных городах, которые были призваны стать «точками роста», рост числа молодежи, чей уровень образования не позволил им обрести конкурентоспособность; б) объективное снижение социальных запросов, как способ избегания социального давления собственной «неуспешности»; в) усиление внешне миграционного оттока наиболее конкурентоспособной молодежи.

Рассмотрим разные сценарии.

Сценарий первый. Ускоренная урбанизация – то есть массовое и быстрое перемещение сельского населения в города, приводит к взрывному росту численности городского населения. Во всем мире основную часть миграционных потоков, как внешних, так и внутренних, составляет молодежь. В Казахстане это для этого явления характерна форма учебной миграции, что вполне логично – город предоставляет такие условия получения профессиональной подготовки, которые не может предложить село. Городское пространство быстро наполняется «новыми горожанами», чья социализация в значительной мере опирается на опыт жизни в сельской местности. Сохраняя сильные связи с традиционной средой, эта молодежь оказывается вне привычной для них системы общественного контроля.

Далее происходит разделение на две очень различные груп-

пы – одна группа – это те, кто прикладывает значительные усилия, чтобы повысить свой образовательный уровень. Они понимают – чтобы добиться успеха в городе, нужно учиться лучше, чем коренные горожане. Другая группа – это те, кто не готов к новым интеллектуальным нагрузкам, обладает слабым самоконтролем, а отсутствие старших родственников буквально кружит головы иллюзией вседозволенности.

Конечно, описываемая ситуация не в полной мере отражает сложность процесса адаптации к городской среде, акценты сделаны на его полярных проявлениях. Но, проблема заключается в том, что представители обеих групп в равной степени подвержены риску не получить достойной и перспективной работы. Одним из важных отличий постиндустриальной экономики XXI века от индустриальной экономики XX века является снижение потребности в рабочих руках. Востребованы интеллект и социально ответственная креативность, для развития которых важнейшее значение имеет качественное образование. Но, как отмечалось выше, система среднего образования уже проявляет явные признаки дисфункции, которые усугубляются с ростом рождаемости. Даже те, кто хотел и старался учиться не всегда имеют возможность стать по-настоящему образованными людьми, что не позволяет поднять уровень конкурентоспособности. Следствием становится радикализация взглядов, рост криминальной составляющей в молодежной среде. Показатели динамики молодежной преступности в ближайшие годы – это один из важных индикаторов, позволяющих отслеживать развитие этого сценария.

Сценарий второй. По счастью, большинство людей склонны к конформному и законопослушному поведению, а значит, большинство молодежи избежит участия в деструктивных объединениях и не станет на путь бунтарства. Способствовать этому будет семейное воспитание, традиции миролюбия и толерантности, открытое информационное пространство и другие позитивные факторы. Но, социальное разочарование, недоступность карьерного роста, творческой профессиональной самореализации, острое имущественное расслоение, которое особенно заметно в городском пространстве – все это будет приводить к формиро-

ванию защитной реакции, выраженной в снижении жизненных запросов. Этот социальный механизм работает по формуле: если нельзя достичь высокого успеха, значит можно снизить само это понятие. Уже сегодня слышны высказывания молодежи, рассуждающей о своих будущих детях – «как-нибудь прокормим», «как-нибудь вырастут» и т.д. По данным исследования наличие в шаговой доступности специально оборудованных детских площадок, мест для прогулок с детьми, различных форм дополнительного развития и образования не входят в число обязательных условий для рождения детей для большинства респондентов.

Снижение уровня социальных запросов – это негативное явление для социума, так как именно рост осознаваемых потребностей является главным стимулом к общественному развитию, к прогрессу всей социальной системы. Стремление к росту к конкурентоспособности неразрывно связано с уровнем социальных запросов как на микроуровне личности, так и на макроуровне общества в целом. Этот показатель сложно зафиксировать статистически (хотя косвенно его можно отслеживать по структуре и динамике потребления), но есть достаточно эффективные социологические инструменты, которые позволяют вести мониторинг этого сценария.

Сценарий третий. Сочетание двух разных по содержанию, но схожих по интенсивности процессов – высоких показателей рождаемости и ускоренной урбанизации – в свою очередь, создают условия для реализации третьего сценария, который не является чем-то уникальным, характерным именно для Казахстана. Миграционный отток наиболее конкурентоспособной, активной и адаптивной части молодежи – это проблема очень многих стран. Но, в Казахстане этот процесс дополнительно стимулируется целым рядом факторов. Эти факторы, рассматриваемые отдельно от обозначенной проблемы, могут оцениваться как с негативной, так и с позитивной позиции:

1) Быстрая концентрация большого числа молодежи в нескольких крупных городах. Происходит стремительное изменение не только численности городского населения, но и возрастной структуры – города «молодеют», а сельская местность немину-

емо «стареет». Действующие государственные программы, призванные вернуть получившую в городах образование молодежь в село, не дают желаемого эффекта.

2) Острое отставание городской инфраструктуры и городской экономики (число рабочих мест, привлекательных для молодежи, возможности карьерного роста). В городах и пригородах интенсивно формируются социально неблагополучные районы, где зачастую отсутствуют элементарные условия для жизни и развития.

3) Сосуществование различных моделей ценностей, которые условно можно обозначить как «модернизационные» и «традиционные», что порождает внутреннюю социальную напряженность, способную перерасти в открытые конфликты.

4) Низкий уровень доверия социальным институтам, государственным структурам в сочетании с сильными патерналистскими настроениями.

5) Исторически короткий период урбанизации не достаточен для формирования зрелого гражданского общества, способного отразить общественные интересы и проблемы и принять организованное участие в их решении.

6) Открытость, экономическая и культурная интегрированность современного глобального мира, информационная насыщенность социального пространства.

7) Полиязычие, свойственное большому числу современной казахстанской молодежи.

8) Благоприятная внешнеполитическая конъюнктура, статус Казахстана как миролюбивого государства, не представляющего угрозы. Это отношение трансформируется в доброжелательное восприятие казахстанцев за рубежом.

Вероятно, названные выше факторы – это далеко не все условия, которые так или иначе способствуют формированию внешних миграционных настроений среди современной казахстанской (в значительной степени, казахской) молодежи. Фактически, можно говорить о двух формах миграционной активности: внутренняя, имеющая четко выраженный урбанизационный вектор, и внешняя, которая реализуется как уже привычная для

многих учебная миграция. Опыт, приобретаемый при переезде в город из сельской местности, позволяет молодежи рассчитывать на успешность следующего шага – продолжения образования за пределами Казахстана. Пройдя первые стадии городской социализации и столкнувшись со все возрастающей конкуренцией, которую далеко не всегда удастся смягчить с помощью традиционных инструментов в виде родственных или клановых связей, наиболее активная часть молодежи проектирует новый вариант достижения успеха: получить образование за рубежом, достичь более высокого профессионального и материального статуса, а затем вернуться на родину «на белом коне» победителя. То есть, в качестве внешней миграционной установки сейчас превалирует возвратная миграция, но будет ли она реализована на практике зависит от условий, которые Казахстан сможет предложить этой продвинутой молодежи. Высоки риски того, что сумевшие добиться успеха в других странах, а значит действительно конкурентоспособные представители нашей молодежи, предпочтут остаться на более развитых территориях. Результат: казахстанские человеческие ресурсы все-таки трансформируются в человеческий капитал, но социальные и экономические дивиденды от этого получают другие страны. Отслеживать реализацию этого сценария можно на основе статистических данных о миграции.

Описанные сценарии были поименованы как «первый», «второй» и «третий», но реализовываться они могут и, скорее всего, будут одновременно, тем самым усиливая негативную синергию своего воздействия. Элементы этих сценариев актуальны уже сегодня, их игнорирование чревато перерастанием рисков в реальные угрозы демографической и национальной безопасности Казахстана.

3. ОЦЕНКА УРОВНЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ РИСКОВ И УГРОЗ

3.1 Анализ факторов, влияющих на возникновение потенциальных рисков и реальных демографических угроз

Обеспечение демографической безопасности – основа национальной безопасности государства. Демографическая составляющая является одним из наиболее объективных индикаторов эффективности функционирования государственных институтов.

Вопросы демографической безопасности актуальны во всем мире. Мировой опыт показывает, что решение проблемы выстраивается исходя из доминирующих тенденций демографического развития в том или ином государстве. С одной стороны, в ряде стран ситуация анализируется с точки зрения негативного влияния на демографическую ситуацию стареющей возрастной структуры, роста смертности, снижения рождаемости (большинство европейских стран, США, Канада, Япония и другие развитые государства). Выводы, следующие из подобной постановки проблемы, сводятся к мерам стимулирования рождаемости, увеличения потенциала трудовых ресурсов, повышению динамики численности населения. В то же время, в большинстве развивающихся стран демографическая ситуация характеризуется высокой рождаемостью, молодой возрастной структурой, динамичным ростом населения, что приводит к проблемам социально-экономического свойства. Вследствие этого проблема демографической безопасности решается, в основе своей, мерами по снижению рождаемости, многодетности (Индонезия, Египет, государства Юго-Восточной Азии).

Особенность Республики Казахстан в том, что здесь, в силу выраженной региональной дифференциации этнодемографического, социально-экономического, социокультурного развития, не может быть однозначного выбора демографической стратегии, способствующей решению проблемы демографической безопасности. Фактически, на территории государства функционируют разные демографические системы – депопуляционная

демографическая модель Северо-Восточного региона и не менее кризисная модель состояния «демографического взрыва» Юго-Западного Казахстана. Данные различия являются отражением социокультурных, социально-экономических факторов, складывавшихся в течение длительного времени и обладающих большим инерционным потенциалом. Все эти объективные факторы актуализируют региональный подход к проблеме. Оценка демографической безопасности должна учитывать особенности каждого региона республики, «среднестатистический» казахстанский показатель здесь неприемлем.

Для анализа актуального состояния демографических процессов в Казахстане и их прогнозирования необходимо разработать систему критериев, адекватно отражающих сложившуюся ситуацию. Единый казахстанский тренд может быть представлен как сумма региональных кластеров, имеющих сходные демографические характеристики. В рамках каждого кластера демографические показатели должны быть унифицированы и сопоставимы. Только после этого появится возможность сравнения демографических процессов в масштабе государства, на основе единой системы критериев. С учетом инерционности параметров региональной этнодемографической ситуации актуализируется проблема ретроспективного анализа по унифицированным показателям. Ретроспективный метод позволит более полно изучить алгоритм эволюции демографической системы Казахстана и его регионов.

Действующие за рубежом системы оценки в основном базируются на демографических показателях. С учетом зависимости демографических явлений от социокультурной, социально-экономической, геополитической ситуации, регионально отличающихся, целесообразно погрузить демографические процессы в более широкий контекст. Это позволит получить не только демографические показатели, основанные на статистических показателях, но и причины их появления.

Вследствие признания регионального фактора одним из важных составляющих демографической безопасности, представляется актуальным выявление региональных особенностей

динамики численности населения, его воспроизводства и миграционного движения. Большое значение имеет демографическое районирование территории Казахстана с помощью многомерной классификации регионов по сходному типу демографического развития и сходным индикаторам демографической безопасности на основе программы Fuzzy class, создание интерактивной демографической карты районирования Казахстана.

На основе анализа актуальной демографической ситуации в Казахстане, выявленных региональных различий в динамике численности населения и его структуре; в процессах естественного воспроизводства и миграционного движения были определены зоны рисков и угроз (внутренних и внешних). В ходе исследования авторы выделили два региона – Юго-Западный и Северо-Восточный, демографические риски в которых носят противоположный характер. Демографические риски Юго-Западного региона, на наш взгляд, в первую очередь, связаны с расширенным воспроизводством населения: самые высокие в стране показатели общих коэффициентов рождаемости, суммарного коэффициента рождаемости (среднее число детей, рожденных женщиной за всю жизнь). Так, например, у городских женщин Туркестанской области суммарный коэффициент рождаемости превышает 7. Вследствие этого, распространенные в регионе многодетные семьи, требуют отдельного внимания государственных структур. Возрастно-половая структура отличается повышенной концентрацией населения в молодых возрастных группах. Поэтому, в регионе актуальны проблемы безработицы, социально-экономического развития молодежи. Нерешенность социальных проблем вызывает массовую урбанизацию, в первую очередь в города Алматы, Шымкент, Астана.

Усугубляет демографическую ситуацию и то, что основная масса этнических репатриантов направляется именно в южные районы Казахстана. Таким образом, демографические риски Юго-Западного региона характеризуются высокими показателями рождаемости, естественного прироста. В регионе фактически присутствует проблема аграрного перенаселения, ведущая к неуправляемой урбанизации, обострению социально-экономических

проблем и противоречий.

В Северо-Восточном регионе сложилась депопуляционная демографическая модель. Общий коэффициент смертности в отдельные годы перекрывает общий коэффициент рождаемости, в результате чего численность населения сокращается. Суммарный коэффициент рождаемости в регионе меньше двух, что свидетельствует об обострении демографических проблем в перспективе. Большое влияние на процесс сокращения численности населения оказывает отрицательное сальдо внешней миграции. Помимо прямых потерь населения - в основном молодого, репродуктивного возраста, - имеются потери косвенные. В первую очередь — это нарастающий процесс старения населения, повышение удельного веса людей пенсионного возраста.

Отдельную группу зон демографического риска представляют крупные города Казахстана: Астана, Алматы, Шымкент. Именно сюда направлен урбанизационный поток из всех регионов Казахстана, что приводит к серьезным проблемам социально-экономического, криминогенного свойства.

Таким образом, особенности демографического развития Казахстана способны привести, по нашему мнению, к возникновению рисков и угроз не только непосредственно демографических, но и социально-экономических. Основная проблема заключается в том, что причины этих угроз в региональном аспекте носят диаметрально противоположный характер, что максимально затрудняет выработку единой демографической политики SWOT-анализ факторов, влияющих на потенциальные и реальные демографические риски и угрозы представлен в таблице 3.1.

Таблица 3.1. SWOT-анализ факторов, влияющих на потенциальные и реальные демографические риски и угрозы

STRENGTHS (СИЛЬНЫЕ СТОРОНЫ)	WEAKNESSES (СЛАБЫЕ СТОРОНЫ)
Рост ВВП	Доминирование добывающего сектора экономики, снижение уровня социально-экономического состояния населения
Потенциал моноэтничности (стабильное состояние межэтнической, межкультурной, межконфессиональной ситуации)	Возможно обострение социально-экономических противоречий и социально-политических противоречий в моноэтничном социуме
Увеличение численности и удельного веса населения с высшим образованием	Снижение качества образования, нехватка квалифицированных кадров
Увеличение средней продолжительности жизни населения	Гендерная диспропорция в средней продолжительности мужчин и женщин
Уменьшение экзогенных факторов смертности	Рост квазиэндогенных факторов смертности (онкологические заболевания)
Уменьшение коэффициента младенческой смертности	Рост материнской смертности населения
Стабильные показатели межгосударственной миграции	Уменьшение количественных показателей миграции на фоне нарастания качественных показателей (интеллектуальная миграция)
Рост мегаполисов, концентрация экономического потенциала	Концентрация экономического потенциала ведет к росту безработицы

Продолжение таблицы №3.1	
Рост городского населения	Оголение территории, стихийная неуправляемая внутренняя миграция с вытекающими негативными социальными последствиями
Положительная эволюция возрастной структуры населения (омоложение)	Рост молодежной безработицы, неустроенность молодёжи в городах, региональная диспропорция в динамике роста численности молодёжи
Рост рождаемости населения	На фоне ухудшения репродуктивного здоровья населения и качества жизни происходит рост рождаемости Региональный дисбаланс в показателях рождаемости
OPPORTUNITIES (ВОЗМОЖНОСТИ)	THREATS (УГРОЗЫ)
Рост ВВП за счет переработки в уже существующей промышленности, развития цифровой экономики	Вероятность роста безработицы вследствие сокращения рабочих мест, усиление конкуренции на рынке труда
Усиление роли и статуса государствообразующего этноса	Социально-экономические, внутриэтнические конфликты
Рост человеческого капитала, улучшение качества населения	Рост социального неравенства, резкое ухудшение качества человеческого капитала
Снижение смертности населения в трудоспособном возрасте, улучшение качества жизни населения в возрасте 65+	Старение население, увеличение демографической нагрузки на трудоспособное население
Улучшение качества здравоохранения	Рост младенческой, детской и материнской смертности
Сокращение качественной миграции	Актуализация проблемы «утечки умов»

Продолжение таблицы № 3.1	
Создание рациональной системы расселения	Экономическая дестабилизация, оголение территорий, потеря контроля над территориями
Улучшение социальной инфраструктуры мегаполисов и городов	Рост «поясов бедности» вокруг городов
Эффективное использование потенциала «демографического окна»	Изменение социального поведения населения, маргинализация, криминализация, потеря социального контроля над молодежью, радикализация общества
Если рост рождаемости будет сопровождаться улучшением качества здравоохранения, образования, социально-экономического развития, то у Казахстана появляется возможность модернизационного рывка.	Рост количества больных детей, показателей инвалидизации населения в целом и детей в частности, нарастание проблем многодетных семей, рост патернализма, нагрузки на бюджет.

Выявленные риски можно классифицировать следующим образом:

1) Общие риски:

- Снижение качества человеческих ресурсов (демографический аспект) в результате роста заболеваемости и ухудшения репродуктивного здоровья, снижения уровня образования, проблемы молодежной безработицы, снижения качества трудовых ресурсов.

- Ухудшение здоровья трудоспособного населения, рост хронических и врожденных заболеваний, в том числе у детей, распространение наркомании и алкоголизма, рост смертности (трудоспособного населения, младенческой, детской, материнской).

- Рост хронических заболеваний и травматизма в детских возрастах, рост показателей инвалидизации населения в целом и детей в частности.

2) Региональные риски:

- Южный регион. Сохранение инерции высокой рождаемости в регионах с высокой демографической нагрузкой на фоне дефицита мест в учебных заведениях и квалифицированных педагогических кадров. Аграрное перенаселение, ускоренная урбанизация, недостаточные сроки адаптации к городской среде, рост безработицы, в том числе среди квалифицированных работников. Распространение патерналистской идеологии, проявляющейся в росте социально-иживенческих настроений и пассивно/агрессивных ожиданий безусловной государственной поддержки в сфере социального обеспечения.

- Западный регион. Нагрузка на монопрофильные города, сокращение рабочих мест как следствие дальнейшей модернизации нефтегазового комплекса на фоне высокой динамики роста числа населения трудоспособного возраста.

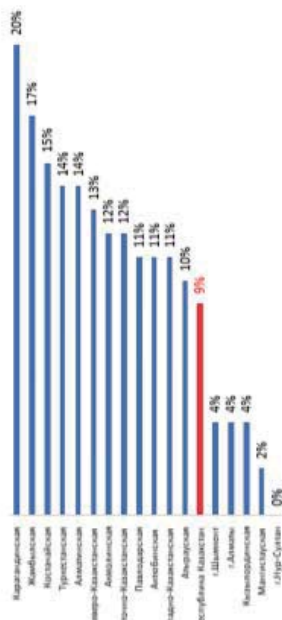
- Северный и Восточный регионы. Перспектива нарастающего старения населения, дальнейшее снижение показателей рождаемости, снижение плотности населения за счет миграционного оттока и потенциальная потеря контроля над приграничными территориями.

3) Отложенные риски. Возникновение в нескольких крупных городах «демографического навеса» - особой социальной группы, состоящей из большого количества молодых возрастов, необеспеченных достаточным уровнем профессиональной подготовки, не имеющих возможностей полноценной экономической самореализации, что может привести к возникновению в будущем риска распространения радикальных политических и религиозных идеологий, деструктивных культов и общей социально-политической дестабилизации.

В таблице 3.2 представлены статистические и фактические данные, подтверждающие наличие факторов, влияющих на возникновение потенциальных рисков и реальных демографических угроз в Казахстане.

Таблица 3.2 Факторы, влияющие на возникновение потенциальных рисков и реальных социально-демографических угроз

№	Факторы, влияющие на возникновение потенциальных рисков и реальных демографических угроз	Статистические и фактические данные
1	<p>-Рост ВВП; -Доминирование добывающего сектора экономики, снижение уровня социально-экономического состояния населения.</p>	<p>В 2000 г. ВВП (номинал) составлял – 18,29 млрд. \$; в 2010 г. – 148,05 млрд. \$; в 2020 г. – 171,1 млрд. \$; в 2021 г.- 190,8 млрд.\$ (Источник: https://svsrb.net/danmark/vvr-stran-na-dishu-naselelja-wb.php).</p> <p>В целом идет рост ВВП, однако существенно сокращаются темпы его прироста. За первое 10-летие XXI века (2000–2010 гг.) ВВП вырос в 8,1 раза; в то время как за 2 десятилетие (2010–2020 гг.) всего в 1,1 раза. На 2019 год Казахстан занимает 43 место в мире по ВВП по ППС с объёмом \$508 млрд. Объём ВВП на душу населения за 2020 год в Казахстане равен 8800 \$ на человека (77-е место в мире). Темп роста ВВП в 2020 году стал отрицательным: -11,2%.</p> <p>Можно выделить три региона: города Алматы, Атырау и Астана, занимающих лидирующие позиции по валовому внутреннему продукту, на них приходится больше половины ВРП РК. За 2021 год ситуация немного изменилась в пользу других регионов (без учета Алматы, Атырау и Астана) — их общая доля выросла с 56% (с начала 2020 г.) до 59,4 % (в 2021 г.).</p> <p>В 2021 году в производстве валового регионального продукта наибольшую долю занимает Алматы - 18,2%, а наименьшую Северо-Казахстанская область - 2,2%. Высокие темпы роста ВРП наблюдаются в Алматинской (7,6%), Жамбылской (6,6%) областях и в городе Алматы (5,8%).</p> <p>Начиная с 2010 года, быстрее всех растёт экономика Атырауской области и города Шымкент. Их среднегодовой рост за последние 10 лет составил 18%. (Источник: https://marketingcenter.kz/20/economy-kazakhstan-2021.html#gdrp).</p>

		<p>Прирост ВРП на душу населения в 2021 году*</p> <p>Источники: Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан *принято среднее значение прироста по сравнению с последними 3 годами (2018, 2019, 2020)</p>
<p>2</p>	<p>-Рост мегаполисов, концентрация экономического потенциала в мегаполисах; -Концентрация экономического потенциала в мегаполисах ведет к росту безработицы.</p>	<p>Основными полюсами притяжения внутренних мигрантов являются мегаполисы, города Астана, Алматы и Шымкент, численность которых вследствие притока мигрантов по состоянию на 2021 год возросла соответственно до 1,2 млн. чел. (в 2009 году – 605,3 тыс.), 2,0 млн. чел. (в 2009 году – 1361,9 тыс.) и 1,1 млн. чел. (в 2009 году – 602,3 тыс.).</p> <p>Прирост численности населения этих городов опережают остальные регионы и составляют по сравнению с началом 2021 года 3,75%, 1,97% и 3,04% соответственно, а их доля в общей численности населения страны увеличилась с 14% в 2000 году до 22,8% в 2021 году.</p> <p>Население, прибывающее в города Астана, Шымкент и Мангистаускую область, попадает на несбалансированный рынок труда. Сложившиеся миграционные тенденции усиливают профицит труда и уровень безработицы в данных регионах.</p>

<p>Продолжение таблицы № 3.2</p>	<p>3</p>	<p>-Рост городского населения; -Отоление сельских территорий, стихийная неуправляемая внутренняя миграция.</p>	<p>Неравномерное распределение населения по территории Казахстана в совокупности с низкой плотностью населения при больших территориях является одним из геополитических вызовов Казахстана. Это подтверждают следующие данные: средняя плотность населения составляет 6,8 человек км², высокая амплитуда региональных колебаний – от 2,9 человек на 1 км² в Актюбинской области до 17,4 человек на 1 км² в Туркестанской области.</p> <p>Наибольшая численность населения сконцентрирована в Алматинской области 2 055,7 тысяч человек (11%), Туркестанской области 2 018,1 тысяч человек (10,8%), в г. Алматы 1 916,8 тысяч человек (10,2%), Карагандинской области 1 376,8 тысяч человек (7,3%), Восточно-Казахстанской области 1 369,6 тысяч человек (7,3%) и столице г. Астана с численностью населения 1 136 тысяч человек (6%), (Источник: https://strategy2050.kz/ru/news/demografiya-i-migratsiya-kazakhstanu-vuzrov-i-vozmozhnosti-dlya-strany/).</p> <p>Численность городского населения с 2009 по 2021 год увеличилась на 28,7% и составила 11 151 тыс. человек. Активный рост численности населения городов связан с межрегиональной миграцией, в которой положительное сальдо имеют города Астана, Алматы и Шымкент, а также Мангистауская область. Во всех остальных областях, фиксируется отрицательное сальдо межрегиональной миграции. Наибольший отток населения зафиксирован в Алматинской, Туркестанской и Жамбылской областях, наименьший – в Восточно-Казахстанской и Карагандинской областях.</p> <p>Благодаря естественному и миграционному движению наблюдается значительный прирост населения: в Мангистауской области численность населения с 2009 года по 2021 год выросла на 49%, в Атырауской области – на 29,1%, Кызылординской области – на 20,2%, Алматинской области – на 15,2%, Актюбинской области – на 18,2%. Доля населения этих областей в общей численности населения Республики Казахстан возросла с 26,5% до 27,4% с 2009 по 2021 год. В то же время в центральных, северных и восточных регионах страны, в силу низкого естественного демографического прироста, не обеспечивающего восполнение численности населения и покрытия</p>
----------------------------------	----------	--	---

		<p>миграционного оттока, в этот период произошло сокращение численности населения. Наиболее значительное - в Северо-Казахстанской области (- 24,5%), в Костанайской области (-13,1%) и Восточно-Казахстанской области (- 10,5%). Численность населения Акмолинской области сократилась на 8,1%, Павлодарской — на 5,4%, Карагандинской — на 1,3%. Доля населения этих шести областей в общей численности населения Республики Казахстан, сократилась с 41,6% в 2000 году до 22,4% в 2021 году.</p> <p>С точки зрения перспектив развития Республики Казахстан, сложившиеся тенденции внутренней миграции неблагоприятны. Растущая численность населения крупных городов и отдельных регионов на фоне нерегулируемого оттока населения из других регионов усиливает демографические и трудовые дисбалансы. В результате для северных регионов характерно снижение экономической активности, в южных областях наблюдается избыток трудовых ресурсов, а инфраструктура крупных городов не справляется с нерегулируемым притоком населения.</p> <p>По прогнозам Министерства труда и социальной защиты населения Республики Казахстан, при сохранении существующих тенденций демографического и миграционного развития, население северных областей Казахстана к 2050 году сократится, в общей сложности на 0,6 миллиона человек, а население южных областей (без городов Алматы и Шымкент) возрастет на 1,6 миллиона человек. В результате к 2050 году плотность населения в южных регионах будет в 4 раза превышать аналогичный показатель северных регионов (Источник: https://legalsalts.egov.kz/pr/view?id=13920313#_ftn6)</p>
4	<p>- Наличие потенциала моноэтничности (стабильное состояние межэтнической, межкультурной, межконфессиональной ситуации);</p> <p>- Возможность обострения социально-экономических и социально-политических противоречий в моноэтничном социуме.</p>	<p>В 1999 г. удельный вес казахов в этнической структуре составил – 53,4%, в 2009 г. – 63,1%; в 2021 г. - 69%. Можно выделить три моноэтнические области, где численность казахов составляет более 90%: Атырауская (92,12%), Мангистауская (90,26%) и Кызыл-Ординская (95,98%). Исторически эти регионы были населены казахами. Регионы, где удельный вес казахов составляет 2/3 населения: Актобинская (81,68%), Алматинская (70,71%), Туркестанская (72,93%), Жамбылская (72,55%) и Западно-Казахстанская (75,16%) области, которые географич-</p>

		<p>чески находится в юго-западной части Казахстана. Регионы, где удельный вес казахов составляет от 50% до 60%: Акмолинская (50,40%), ВКО (59,37%), Карагандинская (50,35%), Павлодарская (50,87%) области. И две области, где численность казахов остаётся низкой - менее 40%: Костанайская (39,71%) и Северо-Казахстанская (34,62%) области.</p> <p>У моноэтнической структуры населения есть важный потенциал, который заключается в достаточно стабильном состоянии межэтнической, межкультурной, межконфессиональной ситуации. Однако это не исключает социального расслоения, рисков социальной напряженности, внутриаэтнических конфликтов, возникновения и нарастание протестных настроений. Возможно обострение социально-экономических противоречий и социально-политических противоречий в моноэтническом социуме. Монотипичность может скрывать сущность внутренних общественных противоречий, их социально-экономическую основу, длительное время замаскированных проблемами межэтнического взаимодействия.</p>
5	<p>-Омоложение возрастной структуры населения за счет региональной диспропорции в динамике роста численности молодёжи; -Рост молодежной безработицы, неустроенность молодёжи в городах.</p>	<p>Высокая доля детей и молодежи в возрасте 0–19 лет является одной из особенностей возрастной структуры населения Казахстана. В 2009 году этот показатель составил 33,8%, в 2020 году он вырос до 35,1%, фактически каждый третий житель республики — это ребенок.</p> <p>Численность молодежи от 14 до 29 лет в 2021 года составила 3 765, 8 тыс. человек (19,8%), при этом, по сравнению с 2020 годом сократилась на 25 тысяч человек (в 2009 - 4,5 миллиона 28,2%). Преобладание в структуре населения возраста 14-29 лет формирует высокий потенциал социальной конфликтности, когда активный трудоспособный возраст вступает молодежные возрастные группы, претендующие на рабочие места, социальную обеспеченность (жильем, квалифицированным медицинским обслуживанием, качественным образованием и т.д.). При этом дисбалансы в региональном развитии, а также стихийная миграция из сельской местности в города, усугубляют молодежную безработицу. В четырех южных регионах – Туркестанской, Алматинской, Жамбылской и Кызылординской областях, а также в городах Алматы и Шымкенте, прожигает больше половины всей казахстанской молодежи. Это обостряет социальные проблемы в этих регионах.</p>

Продолжение таблицы № 3.2

	<p>-Гендерная диспропорция в средней ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин</p>	<p>В 2020 году безработных молодых людей насчитывается 84,7 тысячи - на 3,4% больше, чем в 2019 году (2018 год - 81,9 тысячи человек). Уровень молодежной безработицы в городской местности за год увеличился с 4,2% до 4,3 %, а в сельской местности, наоборот, сократился с 3,4 % до 3,2 %. Больше всего безработных девушек и юношей живет в Алматы и Алматинской области: 16,8 тысячи и 8,9 тысячи человек соответственно, меньше всего в Туркестанской области (7,3 тысячи человек), Восточно-Казахстанской области (7,1 тысячи человек) и город Астана (6 тысяч человек). (Источник: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/iroven-bezrabotitsyi-sredi-molodeji-vyitgos-388567/).</p>
<p>6</p>		<p>В гендерном разрезе ожидаемая продолжительность жизни при рождении составляла: у мужчин – 67,09 года, у женщин –75,53 года. Разница составила 8,44 лет. В рейтинге стран Казахстан занял 105 место из 202 стран. В 2020 году ожидаемая продолжительность жизни населения мира в среднем составила 73,2 года: 75,6 года - для женщин и 70,8 года – для мужчин. Казахстан входит в десятку стран с наибольшей разницей в сроках жизни в зависимости от гендера.</p> <p>В 2009 году гендерная асимметрия в Казахстане начинала фиксироваться в возрастной группе 25–29 лет, и это минимальный показатель гендерного дисбаланса – на 4 202 мужчины меньше, чем женщин. Если принимать за трудоспособное и экономически активное население возрастные группы 20–64 года, то численное преимущество мужчин приходится только на пять лет – 20–24 года. На протяжении всего последующего периода экономически активной женщины численно превосходят мужчин, и это тенденция нарастает в старших возрастных группах. В 2020 году гендерный дисбаланс в трудоспособных возрастных группах по республике составил 1,6% (превышение численности женского населения). В абсолютном большинстве регионов, а также в городах республиканского значения женщин в трудоспособном возрасте больше, чем мужчин. В возрастных группах 65 лет и старше, гендерная асимметрия приобретает однозначный характер во всех регионах страны – пожилых женщин больше, чем мужчин. В 2020 году численность женщин в старших возрастных группах (65+) по республике на 28,2% превышала численность мужчин. Этот показатель еще выше в большинстве регионов: Павлодарская, Карагандинская, Северо-Казахстанская, Западно-Казах</p>

Продолжение таблицы № 3.2																																																																																																						
7	<p>-Рост рождаемости населения; -Региональные особенности рождаемости населения.</p>	<p>станская, Костанайская, Акмолинская, Восточно-Казахстанская, Атырауская, Актюбинская области и г. Алматы – практически все центральные, северные, восточные и частично западные области Казахстана. Исключением в этой группе является южная столица.</p> <p>В 2020 году родились 426,8 тыс. детей. В 2021 году - 446,5 тыс. детей (+ 4,6%). Общий коэффициент рождаемости в 2021 году -23,5. Для сравнения: в 2009 году коэффициент составлял -22,14. Коэффициент суммарной рождаемости достиг 3,96. Для сравнения: в 2009 году коэффициент составлял 2,55. Следует отметить, что 125,1 тыс. детей, или 28% от общей численности новорожденных в 2021 году, были рождены в многодетных семьях, то есть стали четвертыми и более по очередности рождения.</p>																																																																																																				
<table border="1"> <caption>Динамика показателей рождаемости в Республике Казахстан (2000-2023 гг.)</caption> <thead> <tr> <th>Год</th> <th>Численность рождающихся малышей (тыс. чел.)</th> <th>Коэффициент рождаемости (летей на 1000 чел.)</th> <th>Коэффициент суммарной рождаемости (детей на 1 женщину)</th> </tr> </thead> <tbody> <tr><td>2000</td><td>148,7</td><td>14,82</td><td>1,49</td></tr> <tr><td>2001</td><td>149,1</td><td>14,91</td><td>1,50</td></tr> <tr><td>2002</td><td>152,9</td><td>15,29</td><td>1,52</td></tr> <tr><td>2003</td><td>163,8</td><td>16,38</td><td>1,56</td></tr> <tr><td>2004</td><td>177,0</td><td>17,70</td><td>1,61</td></tr> <tr><td>2005</td><td>184,2</td><td>18,42</td><td>1,64</td></tr> <tr><td>2006</td><td>197,1</td><td>19,71</td><td>1,69</td></tr> <tr><td>2007</td><td>207,9</td><td>20,79</td><td>1,73</td></tr> <tr><td>2008</td><td>221,8</td><td>22,18</td><td>1,78</td></tr> <tr><td>2009</td><td>225,6</td><td>22,56</td><td>1,80</td></tr> <tr><td>2010</td><td>225,7</td><td>22,57</td><td>1,80</td></tr> <tr><td>2011</td><td>225,8</td><td>22,58</td><td>1,80</td></tr> <tr><td>2012</td><td>227,0</td><td>22,70</td><td>1,81</td></tr> <tr><td>2013</td><td>227,3</td><td>22,73</td><td>1,81</td></tr> <tr><td>2014</td><td>227,3</td><td>22,73</td><td>1,81</td></tr> <tr><td>2015</td><td>227,3</td><td>22,73</td><td>1,81</td></tr> <tr><td>2016</td><td>227,3</td><td>22,73</td><td>1,81</td></tr> <tr><td>2017</td><td>227,3</td><td>22,73</td><td>1,81</td></tr> <tr><td>2018</td><td>227,3</td><td>22,73</td><td>1,81</td></tr> <tr><td>2019</td><td>227,3</td><td>22,73</td><td>1,81</td></tr> <tr><td>2020</td><td>426,8</td><td>42,68</td><td>3,96</td></tr> <tr><td>2021</td><td>446,5</td><td>44,65</td><td>3,96</td></tr> <tr><td>2022</td><td>426,8</td><td>42,68</td><td>3,96</td></tr> <tr><td>2023</td><td>426,8</td><td>42,68</td><td>3,96</td></tr> </tbody> </table>			Год	Численность рождающихся малышей (тыс. чел.)	Коэффициент рождаемости (летей на 1000 чел.)	Коэффициент суммарной рождаемости (детей на 1 женщину)	2000	148,7	14,82	1,49	2001	149,1	14,91	1,50	2002	152,9	15,29	1,52	2003	163,8	16,38	1,56	2004	177,0	17,70	1,61	2005	184,2	18,42	1,64	2006	197,1	19,71	1,69	2007	207,9	20,79	1,73	2008	221,8	22,18	1,78	2009	225,6	22,56	1,80	2010	225,7	22,57	1,80	2011	225,8	22,58	1,80	2012	227,0	22,70	1,81	2013	227,3	22,73	1,81	2014	227,3	22,73	1,81	2015	227,3	22,73	1,81	2016	227,3	22,73	1,81	2017	227,3	22,73	1,81	2018	227,3	22,73	1,81	2019	227,3	22,73	1,81	2020	426,8	42,68	3,96	2021	446,5	44,65	3,96	2022	426,8	42,68	3,96	2023	426,8	42,68	3,96
Год	Численность рождающихся малышей (тыс. чел.)	Коэффициент рождаемости (летей на 1000 чел.)	Коэффициент суммарной рождаемости (детей на 1 женщину)																																																																																																			
2000	148,7	14,82	1,49																																																																																																			
2001	149,1	14,91	1,50																																																																																																			
2002	152,9	15,29	1,52																																																																																																			
2003	163,8	16,38	1,56																																																																																																			
2004	177,0	17,70	1,61																																																																																																			
2005	184,2	18,42	1,64																																																																																																			
2006	197,1	19,71	1,69																																																																																																			
2007	207,9	20,79	1,73																																																																																																			
2008	221,8	22,18	1,78																																																																																																			
2009	225,6	22,56	1,80																																																																																																			
2010	225,7	22,57	1,80																																																																																																			
2011	225,8	22,58	1,80																																																																																																			
2012	227,0	22,70	1,81																																																																																																			
2013	227,3	22,73	1,81																																																																																																			
2014	227,3	22,73	1,81																																																																																																			
2015	227,3	22,73	1,81																																																																																																			
2016	227,3	22,73	1,81																																																																																																			
2017	227,3	22,73	1,81																																																																																																			
2018	227,3	22,73	1,81																																																																																																			
2019	227,3	22,73	1,81																																																																																																			
2020	426,8	42,68	3,96																																																																																																			
2021	446,5	44,65	3,96																																																																																																			
2022	426,8	42,68	3,96																																																																																																			
2023	426,8	42,68	3,96																																																																																																			
<p>Источник: https://365info.kz/2022/05/karantimnyj-bebi-bum-stavit-novyye-rekordy-v-kazakhstan</p>																																																																																																						

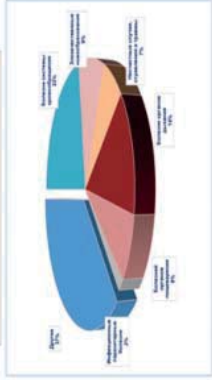
Продолжение таблицы № 3.2

		<p>В 2021 году среди регионов Казахстана в наиболее высокий уровень рождаемости наблюдался в городе Шымкент – 32,35 родившихся на 1 000 человек, Мангистауской области – 31,98, Туркестанской области - 31,58, г. Астана – 25,90. Низкий уровень рождаемости сложился в Северо-Казахстанской области - 12,01, Костанайской области – 12,97, Павлодарской области - 15,58 и Восточно-Казахстанской области – 16,98.</p> <p>Наиболее высокий уровень СКР зафиксирован в Туркестанской области – 5,10, Мангистауской области – 4,57, Кызылординской области – 4,36, наиболее низкий уровень - в Алматы - 1,99, Северо-Казахстанской области – 1,97 и Костанайской области - 1,88.</p> <p>Отложенный риск: неосознанный выбор рождения большого количества детей может привести к социальному иждивенчеству и конфликту с государственными структурами, росту протестных настроений.</p>
8	<p>-Уменьшение экзогенных факторов смертности; -Рост квазиэндогенных факторов смертности (онкологические заболевания).</p>	<p>Количество экзогенных причин смерти (внешние воздействия, несчастные случаи, травмы и отравления, инфекционные и паразитарные болезни, острые заболевания органов дыхания и пищеварения и некоторые другие) в общей структуре причин смертности составляет менее 10%. В общих показателях фиксируется уменьшение: в 2009 году умерших - 126,2‰, в 2015 году – 91,6‰, 2020 - 73,1‰.</p> <p>Наблюдаются высокие показатели квазиэндогенных факторов смертности, в частности от болезней системы кровообращения в 2009 году – 428‰, в 2015 году – 194,4‰, 2020 - 193,8‰; от болезней органов дыхания в 2009 году – 58,2‰, в 2015 году – 104,9‰, 2020 - 122,9‰; от новообразований в 2009 году – 110,7‰, 2015 году – 92,3‰, 2020 - 78,7‰.</p> <p>В Казахстане в 2021 году умерли 182,4 тыс. человек, что на 12,8% больше, чем в 2020 году. По сравнению с показателями 2009 года, численность умерших увеличилась на 27,7%. Чаще всего умирали от болезней системы кровообращения: 43,4 тыс. человек (+ 18,6%), болезни органов дыхания: 20,8 тыс. человек (- 11,1%), от новообразований: 14,5 тыс. человек (Источник https://stat.gov.kz, http://www.rcz.kz/files/nauka/MZ/Гиният%20А..pdf).</p>

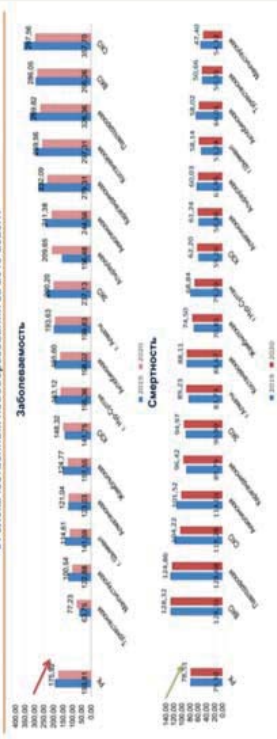
ОБЩАЯ СМЕРТНОСТЬ НА 1000 НАСЕЛЕНИЯ ЗА 2019 И 2020ГГ.

Наименование области	Общая смертность		Динамика, %
	2019	2020	
Республика	7,21	8,56	+18,72
Алматинская	9,96	11,77	+18,27
Актюбинская	6,48	7,76	+19,75
Атырауская	5,67	7,17	+26,46
ВКО	8,41	9,99	+19,98
Жамбылская	6,58	8,03	+22,04
Жезказганская	9,76	11,56	+18,44
Костанайская	10,34	13,35	+29,10
Кызылординская	5,48	7,33	+33,58
Мангистауская	4,48	5,78	+29,00
Павлодарская	9,97	11,91	+19,95
СКО	13,17	15,00	+13,82
Туранская	9,21	8,32	-9,78
Туркестанская	10,39	12,64	+21,71
ВКО	3,92	5,14	+31,12
г. Нур-Султан	4,19	5,21	+24,34
г. Шымкент	4,79	6,21	+30,46

Динамика смертности в сравнении с 2019 годом

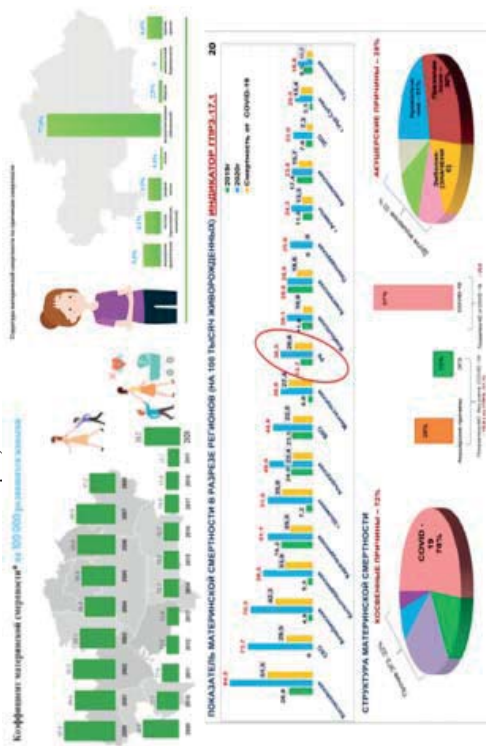
ПОКАЗАТЕЛИ ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ И СМЕРТНОСТИ ОТ ДИФТЕРИИ, ВОСПАЛЕНИЯ ГОРЛО И СМЕРТНОСТИ ОТ ДИФТЕРИИ И ВОСПАЛЕНИЯ ГОРЛО ЗА 2019-2020ГГ.

В региональном разрезе наибольшая численность умерших в 2021 году пришла на Восточно-Казахстанскую область (18,8 тыс. человек — на 13,1% больше, чем в 2020 году), Алматинскую область (18,7 тыс. человек, +15,3%) и город Алматы (18,4 тыс. человек, +25,6%). Наименьшая численность умерших зафиксирована в Мангистауской области: 4,5 тыс. человек.

<p>Продолжение таблицы № 3.2</p>	<p>9</p>	<p>Наибольший рост численности умерших наблюдается в Алматы, наименьший — в Туркестанской области (на 4,3% за год до 13,6 тыс. человек). Из 17 регионов только в одном — Кызылординской области — численность умерших за год сократилась — на 4,2%, до 5,8 тыс. человек.</p> <p>За период с 2009 года уменьшается общий коэффициент младенческой смертности в РК. В 2009 году он составлял 18,3‰, в 2015 году 9,41‰, в 2019 году – 8,37‰, в 2020 году – 7,7‰. Наиболее распространённые причины младенческой смертности: от состояния, возникающих в перинатальном периоде – 42,95 %, от врожденных аномалий – 16,17%; болезней органов дыхания – 6,18%.</p> <p>При этом, отмечаются высокие показатели младенческой смертности в г. Алматы (10,48‰), Актюбинской (10,35‰), Костанайской (10,33‰) и Северо-Казахстанской (10,10‰) областях.</p> <p>Младенческая смертность увеличивается в регионах с высокой рождаемостью: г. Шымкент (9,55‰), Кызылординская область (9,72‰), сохраняются высокие показатели в Мангыстауская (9,27‰), Атырауская (8,8‰) областях (Источник: https://stat.gov.kz).</p>
	<p>9</p> <p>- Увеличение младенческой смертности в регионах с высокой рождаемостью; - Рост материнской смертности населения.</p>	

В 2020 году в РК увеличился показатель материнской смертности населения и составили – 36,5% (в 2019 году -13,7%). По региону, высокий процент материнской и младенческой смертности в Костанайской (показатели МС в течении 5 лет, МЛС более 10 лет выше по стране), СКО, Актюбинской, Карагандинской, Атырауской областях и г. Шымкент. Основные причины создавшейся ситуации определяются низким уровнем медицинских услуг: недостаточной укомплектованностью квалифицированными кадрами, оснащенностью медицинским оборудованием, доступностью медицинской помощи беременным и детям в отдаленных районах (Источник: <http://www.tczr.kz/files/auka/MZ/Гиният%20А..pdf>)

<p>Продолжение таблицы № 3.2</p>	<p>10</p> <p>-Стабильные показатели межгосударственной миграции; -Уменьшение количественных показателей миграции на фоне нарастания качественных показателей (интеллектуальная миграция); -Программы для этнических репатриантов</p> <p>В 2020 году 847,3 тыс. человек участвовали в миграционных процессах в Республике Казахстан со сменой постоянного места жительства, в том числе 845,2 тыс. человек переселились внутри страны, 29,1 тыс. человек стали международными мигрантами, что означает увеличение по сравнению с 2009 годом числа внутренних мигрантов в 4,9 раза и уменьшение числа международных мигрантов. Основной миграционный обмен Казахстана происходит с постсоветскими государствами. 85,3% составила доля прибывших из стран СНГ, а выбывших — 80,1% от общего числа мигрантов (Источник: https://stat.gov.kz, https://the-steppe.com/povosy/s-nachala-goda-bolee-semi-tyasch-kazahstancsev-pokiniul-stranu)</p> <p>Казахстан имеет отрицательное saldo миграции с Российской Федерацией, Республикой Беларусь, Молдовой, а с другими странами СНГ saldo миграции населения положительное.</p> <p>Основной поток эмигрантов отмечается в пяти регионах: Восточно-Казахстанской, Костанайской, Павлодарской, Северо-Казахстанской и Карагандинской областях. В то же время наиболее привлекательными регионами Казахстана для внешних иммигрантов в 2020 году были Мангистауская и Алмагинская области, а также город Алматы. Данная тенденция еще более обостряет диспропорции в распределении населения и экономическом потенциале северных и южных регионов страны.</p> <p>Самые высокие показатели интенсивности отрицательного saldo внешней миграции – в Павлодарской области и ВКО, что подтверждает определяющее влияние на процесс этнического фактора.</p> <p>Низкие показатели интенсивности отрицательного saldo внешней миграции в Алмагинской, Атырауской, Жамбылской и Кызылординской областях, где численно доминирует казахское население с невыраженными эмиграционными настроениями. Также, эти регионы более привлекательны для расселения кандасов. Положительное saldo внешней миграции сложилось в трех регионах. В Мангистауской области явление объясняется влиянием «нефтяного фактора», притягивающего население из-за пределов Казахстана. Положительное saldo в</p>
----------------------------------	--

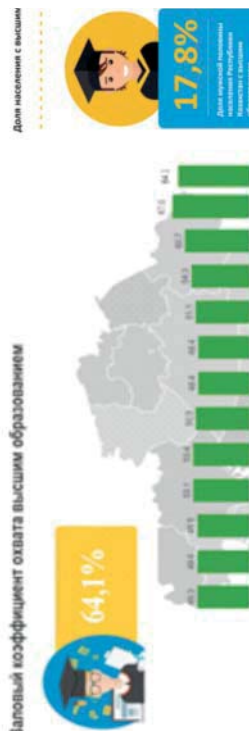
Туркестанской области и г. Шымкент – следствие иммиграционной политики РК. Особенности интеллектуальной миграции показательны для РК. Так, в 2009–2020 годы в составе уезжающих в другие государства доминировали лица с высшим (123,8 тыс. чел. или 31,3%) и техническо-профессиональным (111,4 тыс. чел. или 28,2%) образованием. Их ежегодная численность, в общем количестве эмигрировавших достигала 60% и более. При этом отток населения в высшим образованием возрастает наиболее быстрыми темпами по сравнению с другими образовательными группами. Это свидетельствует о том, что эмиграция в значительной степени охватывает образованную молодежь и квалифицированных специалистов, что влияет на качество человеческого капитала Республики Казахстан. Сокращается встречный приток в страну высокообразованных иммигрантов: число въехавших в Казахстан лиц с высшим образованием сократилось более чем вдвое за последние 10 лет и составило 2,1 тыс. чел. в 2019 году и 1,9 тыс. чел. в 2020 году.

Выросла доля въехавших высококвалифицированных специалистов. За 2020 год из страны уехало около 11,4 тыс. специалистов, чей стаж превышает 15 лет (представители технических специалистов, педагоги, медики и др.) (Источник: <https://www.nur.kz/nurfin/economy/1899388-utecka-mozgov-skolko-specialistov-uehalo-iz-kazahstana-v-2020-godu>).

В рамках программы возвращения этнических репатриантов с 1991 года по 2021 года на историческую родину вернулись и получили статус кандаас 1 93,5 тыс. этнических казахов, преимущественно из Республики Узбекистан, КНР, Республики Туркменистан, Монголии (Источник: <https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/>).

Наибольшее количество кандаасов расселились в Алматинской (28,1%), Туркестанской (19,9%), Мангистауской (14,7%) и Жамбылской (8,4%) областях. За последние пять лет в связи с социально-экономическими факторами численность прибывающих казахов снижалась. Если в 2016 году прибыло 33,7 тыс. кандаасов, в 2019 году. – 17,7 тыс., а в 2020 году – более 13 тыс. человек.

Продолжение таблицы № 3.2

11	<p>- Снижение качества образования, нехватка квалифицированных кадров на фоне увеличения численности населения с высшим образованием. -качество человеческого капитала</p>	<p>Увеличение валового коэффициента охвата высшим образованием в Казахстане, в 2020 году он составил – 64,1%. В период с 2009 г. по 2020 г. прирост составил 14,5%.</p> <p>Валовой коэффициент охвата высшим образованием</p> <p>Доля населения с высшим образованием</p> <p>17,8%</p> <p>64,1%</p> <p>Источник: https://gender.stat.gov.kz/page/frontend/detail?id=43&slug=-37&catid=8&lang=ru</p> <p>В то же время актуализируется проблема несоответствия образования потребностям рынка, растущий дефицит новых востребованных специальностей и нарастающая нехватка специалистов в традиционных сферах профессиональной деятельности. Дефицит педагогических и медицинских кадров имеет особо негативные последствия для общества, ставя под угрозу условия рождения и социализации детей.</p> <p>В 2021 году по данным Министерство труда Республики Казахстан в казахстанской системе образования насчитывалось 18 тысяч свободных вакансий (Источник: https://forbes.kz/news/2021/10/11/newsid_260692). При этом, в соответствии с данными Национальной образовательной базы данных в 2021 году потребность в педагогах составляет лишь 3733 человек, в том числе в городской местности – 1632, в сельской местности – 2101 (Источник: https://bilimnews.kz/?p=170499).</p>
----	--	---

В региональном разрезе в сфере образования зафиксирован наибольший спрос в Алматинской (3,6 тыс. вакансий), Актюбинской (2,7 тыс.), Карагандинской (2,3 тыс.) областях и в городе Астана (2,3 тыс.). (Источник: https://forbes.kz/news/2021/10/11/newsid_260692).

Особо остро стоит проблема нехватки квалифицированных педагогических кадров в Атырауской, Алматинской и Туркестанской областях: от 600 до 400 вакансий.

За последние пять лет (с 2017 по 2021 гг.) дефицит медицинских кадров увеличился в два раза – с 10 тыс. до 23 тыс. единиц. Покрытие дефицита на сегодняшний день осуществляется путем совмещения должностей. Общий коэффициент совместительства на сегодня варьируется от полутора до двух ставок. На сегодня профессионально активное количество врачей предпенсионного возраста достигло порядка 30%. (Источник: <https://www.zakon.kz/6016993-defisit-medtrabotnikov-velichilsia-v-kazakhstanе.html>). Наибольший дефицит кадров отмечается в Костанайской, ЗКО, Акмолинской и Алматинской областях. (Источник: https://total.kz/ru/news/vnutrennyaya_politika/v_kakih_regionah_kazahstana_nabludaetsya_defisit_vrachei_date_2022_03_27_22_03_23).

Качество человеческого капитала оценивается через Индекс человеческого развития (Human Development Index). По данным Всемирного Банка в Казахстане ИЧР составляет 0,63 (сводный показатель для оценки долгосрочных достижений по трем основным измерениям человеческого развития: здоровье и долголетие, доступ к образованию и достойный уровень жизни). Отмечается, что в Казахстане при удовлетворительном уровне образования в целом, большая разница в доступности к качественному образованию в центральных областях и регионах. Риск составляет более 70% школ находящихся в регионах и селах, где обслуживают более 50% населения (по данным Всемирного Банка) (Источник: <https://kapital.kz/economic/90351/vsemimyyu-bank-predstavil-indeks-chelovecheskogo-kapitala-za-2020-god.html>)

Продолжение таблицы № 3.2

		<p>Подтверждением стали результаты PISA программы международного исследования образовательных достижений обучающихся. В 2018 году 15-летние казахстанцы заняли 69 место из 79. Так, разница между казахстанскими учениками от среднего показателя по ОЭСР по математике составила 66 балла (средний показатель по ОЭСР 489 балла, по Казахстану – 423 балла), по естественному 92 балла (489 против 397) и по читательской грамотности 100 балла (487 против 387).</p>
--	--	--

Также одним из предварительных результатов комплексного анализа актуальной демографической ситуации стал разработанный макет индикативной системы оценки уровня демографической безопасности (таблица 3.3).

Таблица 3.3 Макет индикативной системы оценки уровня демографической безопасности

№	Показатели уровня демографической безопасности	Показатели направления и скорости изменения уровня демографической безопасности	Показатели последствий изменения уровня демографической безопасности (демографических потерь)
1	ОКР и абсолютная численность		
2	ОКС и абсолютная численность		
3	Коэффициент естественного прироста и абсолютная численность	Относительное изменение уровня показателей естественного прироста по сравнению с их предельнокритическими значениями	Ежегодная убыль или увеличение естественного прироста населения
4	Возрастная структура по 5-летним интервалам – общая численность и удельный вес	Относительное изменение уровня показателей старения по сравнению с их предельнокритическими значениями и др.	Увеличение доли пожилых в структуре населения
5	Коэффициент старения населения (удельный вес 65+)		
6	Удельный вес трудоспособного населения 15-64		
7	Удельный вес детей 0-14 лет		

Продолжение таблицы № 3.3			
8	Возрастные коэффициенты рождаемости	Абсолютное и относительное изменения уровня рождаемости по сравнению с их предельнокритическими значениями и др.	Увеличение или уменьшение доли расходов государства на социальные выплаты
9	Суммарный коэффициент рождаемости		
10	Повозрастные коэффициенты смертности		
11	Коэффициент младенческой смертности	Относительное изменение уровня младенческой смертности по сравнению с их предельнокритическими значениями и др.	Изменения значений индекса человеческого развития
12	Удельный вес младенческой смертности в общей смертности		
13	Коэффициент интенсивности внутренней миграции населения	Относительное изменение уровня интенсивности миграции по сравнению с их предельнокритическими значениями и др.	Изменения значений социально-демографических индикаторов
14	Средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении (с разбивкой для мужчин и женщин)	Относительное изменение средней ожидаемой продолжительности жизни по сравнению с их предельнокритическими значениями и др.	Изменения значений индекса человеческого развития

Продолжение таблицы № 3.3			
15	Нетто-коэффициент воспроизводства населения	Относительное изменение уровня воспроизводства населения по сравнению с их предельнокритическими значениями и др.	Изменение уровня рождаемости населения

На основе обозначенных параметров рассчитаны индикативные показатели оценки демографических рисков (таблица 3.4).

Таблица 3.4. Индикативные показатели демографических рисков регионов Казахстана (2019 г.)

Области	Коэфф. старения (60+)	КЕП	СКР	Коэфф. млад. смертности	Интен-ть миграции	Средн. прод-ть жизни	Нетто-коэфф. воспр-ва
Акмолинская	9.7	9.44	2.45	7.25 (0.82)	-6807 (0.90)	О.п.-71.43 М.-66.52 Ж.-76.39 (0.93)	1.18
Актюбинская	6.6	16.92	2.97	8.80 (0.67)	-2804 (0.32)	О.п.-73.58 М.-69.70 Ж.-77.05 (0.96)	1.43
Алматинская	6.9	18.04	3.66	7.61 (0.78)	-20135 (0.98)	О.п.-73.41 М.-69.63 Ж.-77.21 (0.95)	1.76
Атырауская	5.1	20.92	3.61	11.13 (0.53)	-1890 (0.29)	О.п.-73.27 М.-68.66 Ж.-77.71 (0.95)	1.73
ВКО	11.2	5.61	2.34	8.24 (0.72)	-16543 (1.20)	О.п.-72.02 М.-66.52 Ж.-77.04 (0.94)	1.12
Жамбылская	6.4	17.43	3.61	8.87 (0.67)	-14995 (1.33)	О.п.-76.23 М.-68.34 Ж.76.81 (0.99)	1.73

Продолжение таблицы № 3.4							
ЗКО	8.3	11.61	2.75	7.01 (0.84)	-3079 (0.47)	О.п.-72.81 М.-67.89 Ж.-77.57 (0.95)	1.32
К а р а г а н - динская	10.1	6.98	2.30	8.51 (0.70)	-11270 (0.82)	О.п.-71.69 М.-66.95 Ж.-76.12 (0.93)	1.10
Костанайская	11.1	2.84	1.81	9.58 (0.62)	-6716 (0.77)	О.п.-72.42 М.-67.70 Ж.-76.98 (0.94)	0.87
К ы з ы л - ординская	5.4	18.55	3.46	9.37 (0.63)	-5624 (0.70)	О.п.-72.79 М.-68.93 Ж.-76.68 (0.95)	1.66
М а н г и с - тауская	4.3	25.28	4.02	9.22 (0.64)	+3192 (+0.46)	О.п.-74.14 М.-70.25 Ж.-77.85 (0.96)	1.93
Павлодарская	10.2	5.55	2.19	6.80 (0.87)	-5865 (0.78)	О.п.-72.33 М.-67.22 Ж.-77.14 (0.94)	1.05
СКО	12.1	0.36	1.98	9.43 (0.63)	-5943 (1.08)	О.п.-70.70. М.-65.63 Ж.-75.92 (0.92)	0.95
Туркестанская	4.6	22.70	4.29	8.52 (0.70)	-13325 (0.67)	О.п.-72.73 М.-69.36 Ж.-76.19 (0.95)	2.06
г. Алматы	8.2	11.70	1.78	8.05 (0.74)	+40098 (+2.13)	Оп.-75.45 М.-71.30 Ж.-78.88 (0.98) 1	0.85
г. Астана	4.7	24.04	2.77	5.93	+33366 (+3.01)	Оп.-76.75 М.-72.64 Ж.-80.15 (1.00)	1.33
г. Шымкент	4.8	23.15	3.32	9.59 (0.62)	+5370 (+0.52)	О.п.-74.41 М.- 70.71 Ж.-77.68 (0.97)	1.59

Подбор индикативных показателей осуществлён на системной основе. Возрастная структура выступает детерминирующим фактором, через призму которого выстраиваются составные части системы, вбирает в себе все потенциальные риски.

Индикаторы рассчитывались с помощью разных методик. Области РК, в зависимости от показателей, оценивались определенным количеством баллов. Итоговая сумма баллов по всем индикаторам составила «рейтинг» той или иной области. Наименьшее количество суммы баллов означает, что данный регион более всего подвержен проблемам, возникших в ходе социально-демографического развития.

Первый блок индикаторов в большей мере детерминирован демографическими явлениями.

1) Коэффициент старения населения.

1.1 Данный коэффициент используется для выявления риска демографического постарения населения и выявления его последствий. Чем выше удельный вес возрастной группы 65+, тем выше уровень смертности населения, возникает риск гендерного разрыва старших возрастных групп населения. Следствие – ухудшение социально-экономического положения одиноких женщин.

Фактор: Старение

Следствие: увеличение общего коэффициента смертности.

1) Удельный вес возрастной группы 65+ по стандартам ООН показывает проблему сегодняшнего дня.

2) Общий коэффициент смертности.

3) Гендерный разрыв в возрастной группе 65+ (на 1000 женщин сколько мужчин приходится).

Коэффициент старения населения рассчитан по методу Э.Россета – Божё-Гарнье. Метод основан на учете удельного веса населения в возрасте 60 лет и старше в составе населения регионов. Регионы, где удельный вес возрастной группы 60 лет и старше колебался в диапазоне от 0 до 10% (демографическая молодость и первое преддверие старости) оценивался двумя баллами. Области, в которых удельный вес возрастной группы 60 лет и старше составлял более 10% (демографическая старость) оценивались одним баллом.

В результате, области Казахстана были сгруппированы и оценены следующим образом:

2 балла получили Акмолинская, Актюбинская, Алматинская, Атырауская, Жамбылская области, Западно-Казахстанская область, Кызылординская, Мангистауская, Туркестанская области, города Астана, Алматы и Шымкент.

1 балл получили Восточно-Казахстанская, Карагандинская, Костанайская, Павлодарская, Северо-Казахстанская области.

Определяющее влияние на эволюции возрастной структуры оказывает этнический состав населения регионов. В группе «старяющегося населения» находятся области с высоким удельным весом населения европейской группы. Данную группу отличает повышенная концентрация в старших возрастах и невысокий удельный вес молодых возрастных групп. Проблема усугубляется и миграционными процессами, в которых более активное участие принимает молодежь.

1.3 Для анализа замещения трудовых ресурсов и поколений.

В значительной мере нетрудоспособным можно считать населения в возрасте 0–19 лет и 60 лет и старше. Давление на население от 20 до 59 лет (население в трудоспособном возрасте) возрастных групп от 0-19 (давление «снизу») и 60+ (давление «сверху»).

1) Коэффициент демографической нагрузки.

- соотношение 20–59 лет на возрастную группу 0–19 лет на 1000 человек;

- соотношение 20–59 на возрастную группу 60+ лет;

- суммарный коэффициент возрастных групп (сумма возрастных групп 0–19 + 60+).

2) Коэффициент естественного прироста.

Коэффициент естественного прироста (разница между общим коэффициентом рождаемости и общим коэффициентом смертности) оценивается следующим образом.

1. Коэффициент естественного прироста менее 10 промилле определяется как показатель, близкий к депопуляции. Оценивается одним баллом.

2. Коэффициент естественного прироста в диапазоне от 11 до

19 промилле определяется как стабильный показатель. Оценивается двумя баллами.

3. Коэффициент естественного прироста более 20 промилле определяется как показатель, близкий к демографическому взрыву. Оценивается одним баллом.

В результате двумя баллами оценены следующие области: Актюбинская, Алматинская, Жамбылская, Западно-Казахстанская, Кызылординская и г. Алматы.

Регионы, оцененные одним баллом, делятся на две группы: на пороге депопуляции – Акмолинская, Восточно-Казахстанская, Карагандинская, Костанайская, Павлодарская, Северо-Казахстанская. На пороге демографического взрыва – Атырауская, Мангистауская, Туркестанская, г. Астана, г. Шымкент. Особое место в этой группе занимают города Шымкент и Астана, в которых, в результате миграции, наблюдается концентрация населения репродуктивного возраста. В первую очередь это касается столицы РК г. Астана.

Полюса кризисных регионов составляют, с одной стороны Мангистауская область, где коэффициент естественного прироста равняется 25, 28 промилле, с другой – Северо-Казахстанская область, где коэффициент естественного прироста равняется 0,36 промилле.

3) Суммарный коэффициент рождаемости.

Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) наиболее точный показатель уровня рождаемости, так как не зависит от эволюций возрастной структуры населения и показывает среднее число детей, рожденных одной среднестатистической женщиной в течение жизни.

Оценка регионов по данному показателю произведена по двух балльной системе. Кризисная ситуация оценивается одним баллом. Кризисными считаются случаи, когда СКР меньше двух (признак депопуляции) и больше трех (признак демографического взрыва). Стабильным считается показатель в диапазоне от двух до трех. Оценивается двумя баллами.

Два балла заслужили: Акмолинская, Актюбинская, Восточно-Казахстанская, Западно-Казахстанская, Карагандинская, Пав-

лодарская области, г. Астана.

Регионы, оцененные одним баллом, делятся на две группы: на грани депопуляции – Костанайская, Северо-Казахстанская области, г. Алматы. На пороге демографического взрыва – Алма-тинская, Атырауская, Жамбылская, Кызылординская, Мангиста-уская, Туркестанская области, г. Шымкент. Полюса кризисных регионов составляют – с одной стороны, Туркестанская область, где СКР равняется 4,29, с другой – г. Алматы – 1,78.

4) Нетто-коэффициент воспроизводства.

Нетто-коэффициент воспроизводства (среднее число девочек, рожденных одной женщиной и доживших до возраста матери) имеет большое значение для прогнозирования рождаемости. Показатель дает представление об уровне рождаемости примерно через одно поколение, когда рожденные в 2019 г. девочки сами могут стать матерями. В мировой практике показатель нетто-воспроизводства меньше 1 свидетельствует о суженном воспроизводстве, так как число будущих мам будет меньше числа матерей в настоящее время. Нетто-коэффициент равный 1 говорит о простом воспроизводстве, то есть уровень рождаемости в перспективе будет равен современному уровню рождаемости. Нетто-коэффициент превышающий 1 свидетельствует о расширенном типе воспроизводства. Например, в Туркестанской области нетто-коэффициент равен 2,06. Это значит, что через 20-25 лет число женщин в активном репродуктивном возрасте (20-25 лет) будет более чем в два раза больше, чем в настоящее время. Если рождаемость сохранится на сегодняшнем уровне, то в перспективе он увеличится в два раза.

Критерии оценки, следующие:

1. Нетто-коэффициент меньше единицы – кризисный (депопуляционный) показатель. Оценивается одним баллом;
2. Нетто-коэффициент колеблется в диапазоне от 1 до 1.5 – стабильный показатель, оценивается двумя баллами;
3. Нетто-коэффициент больше 1.5 – кризисный (демографический взрыв) показатель, оценивается одним баллом.

В результате регионы Казахстана получили следующие баллы: два балла заслужили Акмолинская, Актюбинская, Восточно-

Казахстанская, Западно-Казахстанская, Карагандинская, Павлодарская области, г. Астана.

Кризисный (депопуляционный) показатель, оцененный одним баллом: Костанайская, Северо-Казахстанская области, г. Алматы. Кризисный (демографический взрыв) показатель, также оцененный одним баллом: Алматинская, Атырауская, Жамбылская, Кызылординская, Мангистауская и Туркестанская области, г. Шымкент.

Таким образом, проблемы региональной рождаемости, явно обозначившиеся в настоящее время, еще более обострятся в будущем.

Второй блок индикаторов в большей мере детерминирован социальными явлениями.

5) Коэффициент младенческой смертности.

Коэффициент младенческой смертности (КМС) имеет ведущее значение при определении состояния региональной медицины, социальной сферы в целом. В развитых странах КМС не превышает 3 промилле. То есть. Из 1000 рожденных до 12 месяцев доживают 997 младенцев, 3 – умирают. В РК лучший результат зафиксирован в столице, г. Астана. Данный показатель определен как идеальный для РК – 100% или 1. Таким образом, оценка регионов произведена по степени их приближенности к 1. Стопроцентный показатель (г. Астана) получает **4 балла**. Показатель в диапазоне 0.70 – 0.99 – **3 балла**, 0.60 – 0.69 – **2 балла**, менее 0.6 – **1 балл**.

Таким образом, регионы оценены следующим образом: **4 балла** – г. Астана; **3 балла** – Акмолинская, Алматинская, Западно-Казахстанская, Восточно-Казахстанская, Павлодарская, Туркестанская, Карагандинская области, г. Алматы; **2 балла** – Актюбинская, Жамбылская, Костанайская, Кызылординская, Мангистауская, Северо-Казахстанская области и г. Шымкент; **1 балл** – Атырауская область.

Ближе всех к «идеальному» показателю расположились Павлодарская, Западно-Казахстанская, Акмолинская области. Наиболее неблагоприятная ситуация сложилась в Атырауской, Костанайской областях, г. Шымкент.

6) Средняя продолжительность жизни при рождении.

Состояние социальной сферы в значительной мере влияет на среднюю продолжительность жизни, являющейся одним из наиболее важных критериев оценки уровня жизни. Самая высокая продолжительность жизни зафиксирована в г.Астана. Показатель столицы берется за 100% или 1. Чем ближе к 1 региональный показатель, тем выше балл. Высший показатель (Астана) оценивается баллом 4. Показатель в диапазоне от 0,97–0,99–**3 балла**. Показатель 0,95–0,96–**2 балла**. Показатель 0,94 и ниже – **1 балл**.

В результате 4 балла получает г. Астана. Жамбылская область, г. Алматы, г. Шымкент – **3 балла**. Актюбинская, Алматинская, Атырауская, Западно-Казахстанская, Кызылординская, Мангистауская, Туркестанская области – **2 балла**. Акмолинская, Восточно-Казахстанская, Карагандинская, Костанайская, Павлодарская, Северо-Казахстанская области – **1 балл**.

Таким образом, наиболее благоприятная ситуация сложилась в городах Астана, Алматы, Шымкент и Жамбылской области. Наименьшая средняя продолжительность жизни на Северо-Востоке Казахстана. Помимо социальных проблем, во многом это объясняется «старой» возрастной структурой, невысокой рождаемостью, оттоком молодежи за пределы регионов.

7) Коэффициент интенсивности миграции.

Интенсивность миграционных перемещений зависит от сочетания многих факторов (социально-экономических, демографических, этнических и т.д.). Отрицательное сальдо миграции свидетельствует об определенных проблемах в одной или нескольких из этих сфер.

Метод определения состояния регионов через призму миграционных процессов основан на показателе интенсивности миграции (соотношение сальдо миграции в определенном году (положительного или отрицательного) к численности населения в этом же году). Выявляется удельный вес населения, потерянного или приобретенного в результате миграционного обмена с другими регионами. Регионы с положительным сальдо миграции оценены наиболее высоко (5 и 6 баллов). Регионы, где потери составили менее 0,5% населения, получили 4 балла, от 0,5 до 0,69%

- **3 балла**, от 0,7 до 0,99 – **2 балла**. Регионы, теряющие в год в результате отрицательного сальдо миграции более 1% населения, получили **1 балл**.

В итоге 6 баллов набрали города Астана и Алматы, **5 баллов** – г. Шымкент и Мангистауская область. У всех других регионов РК сложилось отрицательное сальдо миграции. По **4 балла** набрали западноказахстанские области – Актюбинская, Атырауская, Западно-Казахстанская. **3 балла** – Туркестанская область. **2 балла** – Акмолинская, Карагандинская, Алматинская, Костанайская, Кызылординская, Павлодарская. **1 балл** – Жамбылская, Восточно-Казахстанская, Северо-Казахстанская.

Население концентрируется в крупных городах (Астана, Алматы, Шымкент), покидая другие регионы РК. Положительное сальдо миграции в Мангистауской области вызвано нефтедобывающей спецификой региона. Таким образом, анализ миграционной ситуации свидетельствует о социально-экономическом неравенстве регионов РК (таблица 3.4 и 3.5).

Таблица 3.5. Количество итоговых баллов по индикаторам демографических рисков.

Области	Коэфф-т старения населения	Коэфф-т естеств. прироста	СКР	Коэфф Млад. смертности	Ср. продолжительность жизни	Коэфф. интенс. миграции	Нетто-коэфф-т воспр-ва	Итоговый балл
Акмолинская	2	1	2	3	1	2	2	13
Актюбинская	2	2	2	2	2	4	2	16
Алматинская	2	2	1	3	2	2	1	13
Атырауская	2	1	1	1	2	4	1	12
ВКО	1	1	2	3	1	1	2	11
Жамбылская	2	2	1	2	3	1	1	12
ЗКО	2	2	2	3	2	4	2	17
Карагандинская	1	1	2	3	1	2	2	12
Костанайская	1	1	1	2	1	2	1	9

Продолжение таблицы № 3.5								
Кызылординская	2	2	1	2	2	2	1	12
Мангистауская	2	1	1	2	2	5	1	16
Павлодарская	1	1	2	3	1	2	2	12
СКО	1	1	1	2	1	1	1	8
Туркестанская	2	1	1	3	2	3	1	13
Алматы	2	2	1	3	3	6	1	18
Астана	2	1	2	4	4	6	2	21
Шымкент	2	1	1	2	3	5	1	15

Данные разработанной таблицы 3.5 «Количество итоговых баллов по индикаторам демографических рисков» свидетельствуют о существенной региональной дифференциации показателей, ведущих к тем или иным демографическим рискам. Для Юго-Западных регионов Казахстана актуален риск повышенной рождаемости, способной привести к проблеме молодежной безработицы, социальной сферы в целом. В значительной мере данное предположение подтверждается высокой миграционной активностью населения, в поисках работы выбывающего в другие регионы РК, в первую очередь Астана, Алматы, Шымкент. В свою очередь, прибытие в города республиканского значения способно также привести обострению социально-экономических проблем.

Особенности развития Северо-Восточного региона во многом противоположны демографическому развитию Южного и Западного Казахстана. Здесь все более явно проявляется ситуация депопуляции, вызванная как низкой рождаемостью, так и высоким уровнем старения населения. Самое важное заключается в том, что обозначенные проблемы имеют дальнейшее продолжение. В первую очередь данное предположение подтверждается показателем нетто-коэффициентом воспроизводства, демонстрирующим перспективные варианты развития демографической ситуации.

ВСЕ БЛОКИ ВКЛЮЧАЮТ РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ.
ДИНАМИКА ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
(2000–2020 гг.)

I. ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ.

Параметры:

- динамика численности населения;
- интенсивность внутренней миграции;
- размещение населения (город/село);
- плотность населения.

Потенциальные риски блока:

- региональные диспропорции динамики численности населения - свидетельство неравномерности регионального развития, социально-экономических преимуществ того или иного региона/города;
- чрезмерная концентрация населения в одних регионах/городах (как следствие – рост безработицы, социального напряжения);
- опустынивание регионов, теряющих население (вследствие отсутствия работы, социальной инфраструктуры, растущей бедности и т.д.), опустынивание приграничных регионов.

II. ВОЗРАСТНО-ПОЛОВАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ.

Параметры.

Возрастные группы, численность и удельный вес в составе населения следующих возрастных групп:

- 0–14 лет;
- 15–19 лет;
- 20–29 лет;
- 30–49 лет;
- 50–59 лет;
- 65 лет и старше.

Потенциальные риски блока (социально-экономический аспект)

- динамика роста количества детей (0-14 лет) и динамика социальной инфраструктуры (наличие детских садов, школ, медицинских учреждений и т.д.). Несовпадение в динамических ря-

дах (быстрый рост числа детей, низкие темпы роста социальной инфраструктуры) приводит к социальным рискам

- 15-19 лет – возраст начальной стадии социальной активности (завершение среднего образования и активизации миграционных процессов в поисках места учебы, работы). Возраст социальной мобильности. Активизация внутренней и внешней миграции.

- 20–29 лет. Возраст социальной мобильности людей, имеющих образование. Социально-экономические ожидания выше, чем в возрастной группе 15–19 лет.

- 30–64 года. Возраст объективной социальной стабильности (наличие работы, жилья, семьи). Снижение темпов внутренней миграции.

- 65 лет и старше. Старение населения (по классификации ООН и коэффициенту старения А.Сови). Сокращение рынка потребления. Проблемы малого и среднего бизнеса. Изменение социальной структуры, давление на систему здравоохранения. Сокращение доли трудоспособного населения.

III. ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ.

Параметры

А) Возрастные группы, влияющие на процессы воспроизводства

-15-19 лет;

- 20–29 лет;

- 30–49 лет;

- 50–59 лет;

- 60 лет и старше.

Б) Система коэффициентов воспроизводства населения:

- общие коэффициенты рождаемости;

- общие коэффициенты смертности;

- коэффициенты естественного прироста;

- возрастные коэффициенты рождаемости;

- возрастные коэффициенты смертности;

- коэффициенты младенческой смертности;

- суммарные коэффициенты рождаемости;

- нетто-коэффициенты воспроизводства.

Потенциальные риски блока

А).

- в возрасте 15–19 лет;
- в возрасте 20–29 лет происходит около 70% рождений детей. Количество женщин в этой возрастной группе показывает возможное количество рождений;
- в возрасте 30–49 лет идет становление многодетности. Обострение проблем многодетных семей, пособий и т. п.;
- в возрасте 50–59 лет стабильное не дающее кризисных моментов;
- возраст 60 лет и старше дает повышенные коэффициенты смертности населения.

Б).

- общие коэффициенты рождаемости, смертности, естественного прироста зависят от возрастной структуры населения, демонстрируют общие тенденции развития демографической ситуации.
- возрастные коэффициенты рождаемости демонстрируют возрастные предпочтения женщин в рождении детей. Высокий удельный вес рождений в возрастных группах старше 30 лет свидетельствует о становлении тенденции многодетности.
- возрастные коэффициенты смертности демонстрируют состояние системы здравоохранения. Чем выше удельный вес умерших в старших возрастных группах, тем выше уровень здравоохранения.
- коэффициент младенческой смертности свидетельствует о состоянии медицины на текущий год. Идеальный показатель КМС – около 3 промилле.
- суммарный коэффициент рождаемости – кумулятивный эффект системы коэффициентов (идеал – 2,2–2,5).
- нетто-коэффициент воспроизводства (количество рожденных девочек, будущих матерей). Прогнозный показатель, показывающий примерные параметры рождаемости через 20–25 лет.

3.2 Индикативная система оценки уровня демографической безопасности, рисков и угроз (2009–2020 гг.)

Разработанная авторами проекта индикативная система оценки уровня демографической безопасности Казахстана состоит из трех взаимосвязанных блоков (учитывает три взаимосвязанных компонента): демографического, социально-экономического и политического. Данная система отражает высокую взаимообусловленность демографических, социальных, экономических и политических процессов. В основе системного подхода лежат демографические процессы. Это детерминирующий фактор, который выступает одновременно и сигналом, предупреждающим о происходящих в обществе процессах, и катализатором ускорения или замедления этих процессов, определяя их векторы, характер и темп. В то же время демографические процессы сами испытывают воздействие происходящих социально-экономических и/или политических изменений. Поэтому в основе разработки и реализации эффективной государственной политики в различных сферах должны лежать демографические показатели и их социально-экономические, общественно-политические интерпретации, которые могут быть использованы для своевременного определения вызовов, оценки рисков и предотвращения угроз различного происхождения.

Индикативная система сфокусирована на определении и оценке динамики следующих демографических процессов, связанных с актуальной ситуацией внутри страны и за ее пределами:

- 1) эволюции половозрастной структуры населения;
- 2) динамика численности и размещения населения;
- 3) процессы воспроизводства населения;
- 4) динамика миграционных процессов.

Данная индикативная система позволяет рассматривать риски с точки зрения оценки вероятности возникновения и развития негативных сценариев для Казахстана или его отдельных регионов, а также устанавливать возможные социальные последствия, в том числе, несущие угрозу безопасности государства.

По отобранным двадцати индикаторам разработаны шкалы

безопасности и определены уровни демографических рисков и угроз. Индикативными показателями оценки стали:

- удельный вес возрастной группы 60 лет и старше к числу лиц до 20 лет в общей структуре населения (индекс постарения по А. Сови);

- удельный вес возрастной группы 65+ лет (коэффициент старения населения по международной классификации ООН);

- удельный вес возрастной группы старше 60 лет (классификация старения населения по Боже-Гарнье-Россету);

- отношение численности населения в возрасте 65 лет и старше к численности населения в возрасте от 0 до 15 лет (индекс старения РК);

- удельный вес детей 0–14 лет и молодой возрастной группы 15–19 лет;

- удельный вес поколения NEET к общей численности молодежи (не включенные в легальную трудовую деятельность и не получающие образования по дневной форме обучения);

- демографическая нагрузка детьми: коэффициент потенциального замещения (сколько детей в возрасте 0–19 лет приходится на 1000 человек в возрасте 20–64 года);

- коэффициент пенсионной нагрузки: соотношение числа людей возраста старше 65 лет к числу людей трудоспособного возраста 20–64 года на 1000 человек (нагрузка пожилыми людьми);

- коэффициент гендерного разрыва (отношение гендерного разрыва к численности населения трудоспособного возраста);

- коэффициент гендерного разрыва (отношение гендерного разрыва к численности населения трудоспособного возраста);

- темпы прироста и потерь численности населения 2009–2020 гг.;

- темпы прироста и потерь численности городского населения 2009–2020 гг.;

- темпы прироста и потерь численности сельского населения 2009–2020 гг.;

- общий коэффициент рождаемости;

- общий коэффициент смертности;

- общий коэффициент естественного прироста;
- суммарный коэффициент рождаемости;
- нетто-коэффициент воспроизводства населения;
- коэффициент интенсивности внешней миграции населения;
- коэффициент интенсивности внутренней миграции населения.

Все показатели рассмотрены в сравнительном анализе 2020 года с 2009 годом, дана оценка динамики возрастной структуры, численности и размещения населения, процессам естественного и миграционного движения населения. Выявлены риски и возможные негативные последствия: демографические, социально-экономические и политические, осуществлена их типологизация и выявлена степень проявления данных рисков с присвоением кодовых обозначений. Опираясь на международные стандарты и среднереспубликанские значения, установлены предельно-критические значения каждого индикативного показателя, отражающего состояние демографической безопасности. Исходя из установленных значений все области Казахстана и города республиканского значения были ранжированы на три зоны (таблица 3.6):

- Зона безопасности (зеленая зона).
- Зона рисков (желтая зона).
- Зона угроз (красная зона).

Разработанная авторами индикативная система оценки уровня демографической безопасности Казахстана представлена в таблице 3.6.

Таблица 3.6 Индикативная система оценки уровня демографической безопасности Казахстана (2009–2020 гг.)

Блоки	Индикативные показатели оценки демографической безопасности	Риски и возможные негативные демографические, социально-экономические и политические последствия / угрозы безопасности	Шкала демографической безопасности, рисков и угроз	Оценка демографической безопасности, рисков и угроз: (зеленая зона (безопасность), желтая зона (риски), красная зона (угрозы))
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ БЛОК	Удельный вес возрастной группы старше 60 лет и старше к числу лиц до 20 лет в общей структуре населения (индекс старения по А.Сови)	<p>Комплекс рисков, рисков и социальных запросов, связанных со старением населения:</p> <p>Демографические риски:</p> <ul style="list-style-type: none"> - сужение репродуктивной база населения; - формирование потенциально более широкой базы смертности; - сокращение ожидаемой средней продолжительности жизни; - нарастание регионального дисбаланса возрастной структуры. <p>Социально-экономические риски:</p> <ul style="list-style-type: none"> - увеличение демографической нагрузки пожилыми людьми на трудоспособное население; - увеличение специфической нагрузки на системы здравоохранения и социального обеспечения/социальной защиты населения старших возрастных групп; - низкий уровень использования остающегося нереализованным социально-экономического потенциала, - рост возрастной конкуренции на рынке труда и «выдавливание» пенсионеров; - социальная заброшенность пожилых людей (феномен «одинокости»), разрыв социальных связей, снижение качества жизни старших возрастных групп; - рост бюджетных расходов на государственное пенсионное обеспечение. <p>Политические (геополитические, внутривнутриполитические) риски:</p>	<p>*среднереспубликанский уровень удельного веса возрастной группы старше 60 лет – 34,1%.</p> <p>✓ удельный вес возрастной группы старше 60 лет: до 20% – зеленая зона (безопасность) – до нижней границы;</p> <p>✓ удельный вес возрастной группы старше 60 лет: от 20% до 30% – желтая зона (риски) – до верхней границы;</p> <p>✓ удельный вес возрастной группы старше 60 лет: выше 30% – красная зона (угрозы).</p>	<p>Оценка демографической безопасности, рисков и угроз: (зеленая зона (безопасность), желтая зона (риски), красная зона (угрозы))</p> <p>Замер 2020 Г.</p> <p>Зона безопасности: Мангистауская и Туркестанская области.</p> <p>Зона рисков: Алматынская, Жамбылская, Атырауская и Кызылординская области, г. Астана.</p> <p>Зона угроз: Восточно-Казахстанская, Северо-Казахстанская, Костанайская, Павлодарская, Акмолинская, Карагандинская, Западнo-Казахстанская области, г. Алматы.</p>

Продолжение таблицы № 3.6

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ БЛОК				
	Удельный вес возрастной группы 65+ (коэффициент старения населения по международной классификации ООН)		<p>- потеря контроля над территориями;</p> <p>- угроза государственному суверенитету и территориальной целостности РК.</p>	
	Удельный вес возрастной группы старше 60 лет (классификация старения населения по Бже-Гарнье-Россету)		<p>Комплекс рисков, рисков и социальных запросов, связанных со старением населения.</p>	<p>Замер 2020 г.</p> <p>Зона безопасности: Жамбылская, Атырауская, Кызылординская, Мангистауская и Туркестанская области г. Астана, г. Шымкент.</p> <p>Зона рисков: Алматынская, Западно-Казахстанская области, г. Алматы.</p> <p>Зона угрозы: Восточно-Северо-Казахстанская, Костанайская, Павлодарская, Акмолинская, Карагандинская области.</p>
	Удельный вес возрастной группы старше 60 лет (классификация старения населения по Бже-Гарнье-Россету)	<p>*среднереспубликанский уровень удельного веса возрастной группы старше 65 лет – 7,3%.</p> <p>✓ удельный вес возрастной группы старше 65 лет до 7% – зеленая зона (безопасность) – до нижней границы;</p> <p>✓ удельный вес возрастной группы старше 65 лет: от 7% до 10% – желтая зона (риски) – до верхней границы;</p> <p>✓ удельный вес возрастной группы старше 60 лет: выше 10% – красная зона (угрозы).</p>	<p>Комплекс рисков, рисков и социальных запросов, связанных со старением населения.</p>	<p>Замер 2020 г.</p> <p>Зона безопасности: Актыобинская, Алматынская, Жамбылская, Атырауская, Кызылординская, Мангистауская и Туркестанская области, г. Астана,</p>

Продолжение таблицы № 3.6

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ БЛОК	
<p>Отношение численности населения в возрасте 65 лет и старше к численности населения в возрасте от 0 до 15 лет. (индекс старения РК)</p>	<p>Комплексе рисков, рисков и социальных запросов, связанных со старением населения.</p>
<p>Удельный вес детей 0–14 лет и молодой возрастной группы 15–19 лет.</p>	<p>Комплексе рисков, рисков и социальных запросов, связанных с омоложением населения. Демографические риски: - рост младенческой и детской смертности;</p>
<p>нижней границы; ✓ удельный вес возрастной группы старше 60 лет: от 12% до 18% – желтая зона (риски) – до верхней границы; ✓ удельный вес возрастной группы старше 60 лет: выше 18% – красная зона (угрозы).</p>	<p>*среднереспубликанский уровень численности населения в возрасте 65 лет и старше к численности населения в возрасте от 0 до 15 лет – 30 человек. ✓ до 30 человек пожилого возраста старше 65 лет на 100 детей – зеленая зона (безопасность) – до нижней границы; ✓ от 30 до 60 человек пожилого возраста старше 65 лет на 100 детей – желтая зона (риски) – до верхней границы; ✓ выше 30 человек пожилого возраста старше 65 лет на 100 детей – красная зона (угрозы).</p>
<p>г. Алматы, г. Шымкент.</p>	<p>Зона рисков: Западно-Казахстанская, Восточно-Казахстанская, Павлодарская, Костанайская, Карагандинская области. Зона угроз: Северо-Казахстанская область.</p>
<p>Замер 2020 г.</p>	<p>Зона безопасности: Актобинская, Алматинская, Жамбылская, Атырауская, Кызылординская, Мангистауская и Туркестанская области. г. Астана, г. Шымкент.</p>
<p>Зона рисков: Восточно-Казахстанская, Павлодарская, Акмолинская, Карагандинская, Западно-Казахстанская, и Костанайская области, г. Алматы.</p>	<p>Зона угроз: Северо-Казахстанская область.</p>
<p>Зона безопасности: Восточно-Казахстанская,</p>	<p>Замер 2020 г.</p>

Продолжение таблицы № 3.6

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ БЛОК	
<p>- нарастание регионального дисбаланса возрастной структуры.</p> <p>Социально-экономические риски:</p> <ul style="list-style-type: none"> - увеличение демографической нагрузки детьми на трудоспособное население; - дефицит квалифицированных кадров: дошкольных педагогов, учителей, преподавателей, социальных педагогов, специалистов дополнительного образования, детских врачей, медицинского и другого дополнительного персонала; - нехватка учреждений дошкольного, среднего и среднего профессионального образования, учреждений, оказывающих услуги дополнительного образования и летнего отдыха, медицинских и специализированных социальных учреждений; - рост заболеваемости и инвалидизации в младших возрастных группах; - снижение доступности и качества образования, недостаточность спортивной инфраструктуры, зон отдыха и развития детей; - недостаточность потребительных товаров и услуг для детей, а также снижение их качества; - в перспективе рост молодежной безработицы; - недостаточный уровень удовлетворения потребностей физического и умственного развития детей, социальное сиротство и беспризорность; - рост нагрузки на бюджет в форме пособий и других социальных выплат на содержание и воспитание детей. <p>Политические (геополитические, внутривитальные) риски:</p> <ul style="list-style-type: none"> - рост насилия по отношению к детям и подросткам и вовлечение их в противоправную деятельность; - увеличение доли поколения NEET, низкий уровень социализации, рост протестной активности и радикализация общественных настроений; 	<p>✓ удельный вес возрастной группы 0–19 лет: до 35,1% – зеленая зона (безопасность) – до нижней границы;</p> <p>✓ удельный вес возрастной группы 0–19 лет: от 35,1% до 45% – желтая зона (риски) – до верхней границы;</p> <p>✓ удельный вес возрастной группы 0–19 лет: выше 45% – красная зона (угрозы).</p>
	<p>Павлодарская, Акмолинская, Карагандинская, Северо-Казахстанская и Костанайская, г. Астана, г. Алматы.</p> <p>Зона рисков: Западно-Казахстанская, Актыобинская, Алмагитинская, Жамбылская, Атырауская, Кызылординская, Мангистауская области.</p> <p>Зона угрозы: Туркестанская область, г. Шымкент.</p>

Продолжение таблицы № 3.6

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ БЛОК		- угроза внутривнутриполитической стабильности на региональном и республиканском уровне.	- угроза внутривнутриполитической стабильности на региональном и республиканском уровне.	*среднереспубликанский уровень поколения NEET – 7,1%. ✓ удельный вес поколения NEET: до 7,1% – зеленая зона (безопасность) – до нижней границы; ✓ поколения NEET: от 7,1% до 14,2% – желтая зона (риски) – до верхней границы; удельный вес поколения NEET: выше 14,2% – красная зона (угрозы).	Замер 2020 г. Зона безопасности: Северо-Казахстанская, Павлодарская, Костанайская, Кызылординская, Восточно-Казахстанская, Атырауская, Западно-Казахстанская, Жамбылская области, г. Астана г. Алматы.
Удельный вес поколения NEET в % к общей численности молодежи (не включенные в легальную трудовую деятельность и не получающие образования по дневной форме обучения)	Увеличение удельного веса не работающей и не обучающейся молодежи Социально-экономические риски: - рост молодежной безработицы; - рост криминализации и радикализации молодежи; - снижение качества человеческого капитала; - снижение уровень социализации; - рост социальной апатии. Политические (геополитические, внутривнутриполитические) риски: - рост протестной активности и радикализация общественных настроений; - угроза внутривнутриполитической стабильности на региональном и республиканском уровне.	Удельный вес поколения NEET в % к общей численности молодежи (не включенные в легальную трудовую деятельность и не получающие образования по дневной форме обучения)	Увеличение удельного веса не работающей и не обучающейся молодежи Социально-экономические риски: - рост молодежной безработицы; - рост криминализации и радикализации молодежи; - снижение качества человеческого капитала; - снижение уровень социализации; - рост социальной апатии. Политические (геополитические, внутривнутриполитические) риски: - рост протестной активности и радикализация общественных настроений; - угроза внутривнутриполитической стабильности на региональном и республиканском уровне.	*среднереспубликанский уровень поколения NEET – 7,1%. ✓ удельный вес поколения NEET: до 7,1% – зеленая зона (безопасность) – до нижней границы; ✓ поколения NEET: от 7,1% до 14,2% – желтая зона (риски) – до верхней границы; удельный вес поколения NEET: выше 14,2% – красная зона (угрозы).	Замер 2020 г. Зона безопасности: Северо-Казахстанская, Павлодарская, Костанайская, Кызылординская, Восточно-Казахстанская, Атырауская, Западно-Казахстанская, Жамбылская области, г. Астана г. Алматы.
Демографическая нагрузка детьми.	Демографические риски: - нарастание дисбаланса возрастной структуры;	Демографическая нагрузка детьми.	Демографические риски: - нарастание дисбаланса возрастной структуры;	*среднереспубликанский уровень демографической	Замер 2020 г. Зона угроз: Нет

Продолжение таблицы № 3.6

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ БЛОК	
<p>коэффициент потенциального замещения (сколько детей в возрасте 0–19 лет приходится на 1000 человек в возрасте 20–64 года).</p>	<p>- рост поляризации региональных различий в демографической нагрузке детьми; Социально-экономические риски: - увеличение нагрузки на бюджет в форме пособий и других социальных выплат на содержание и воспитание детей; - большой удельный вес «ожививцев» влияет на повышение налоговой нагрузки на трудоспособное население. - снижение доступности и качества образования; - низкий уровень социализации; - рост насилия по отношению к детям и подросткам и вовлечение их в противоправную деятельность; -рост заболеваемости и инвалидизации в младших возрастных группах; - радикализация сознания в среде; - недостаточный уровень удовлетворения потребностей физического и умственного развития детей, социальное сиротство и беспризорность; - увеличение специфических расходов, связанных с постройкой и содержанием образовательных учреждений и учреждений здравоохранения, ориентированных на детские возрасты, а увеличение расходов на подготовку подростков, соответствующих специалистов; - в перспективе рост молодежной безработицы.</p>
<p>- Коэффициент пенсионной нагрузки: число людей в возрасте старше 65 лет к</p>	<p>Демографические риски: - увеличение демографической нагрузки на трудоспособное население возрастной группы 65+ и суммарной нагрузки (0–19 лет и 65+); - увеличение темпов суммарной демографической нагрузки.</p>
<p>нагрузки детьми – 616 человек. ✓ демографическая нагрузка детьми: до 616 – зеленая зона (безопасность) – до нижней границы; ✓ демографическая нагрузка детьми: от 616 до 924 – желтая зона (риски) – до верхней границы; ✓ демографическая нагрузка детьми: выше 924 – красная зона (угрозы).</p>	<p>Зона безопасности: Северо-Казахстанская, Павлодарская, Костанайская, Восточно-Казахстанская, Акмолинская, Западно-Казахстанская, Актюбинская, Карагандинская области, г. Алматы.</p> <p>Зона рисков: Мангистауская, Кызылординская, Алмагитнская, Жамбылская, Атырауская, г. Астана</p> <p>Зона угрозы: Туркестанская область, г. Шымкент.</p>
<p>*среднереспубликанский уровень демографической нагрузки пожилыми людьми – 135 человек. ✓ демографическая нагрузка пожилыми: до 135</p>	<p>Замер 2020 г.</p> <p>Зона безопасности: Актюбинская, Алмагитнская, Жамбылская, Атырауская, Кызылординская,</p>

Продолжение таблицы № 3.6

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ БЛОК	
<p>числу людей трудоспособного возраста 20–64 года на 1000 человек (нагрузка пожилыми людьми);</p> <p>- Суммарный коэффициент - сумма веса пожилых людей 65 + к числу детей 0-19 лет.</p>	<p>Социально-экономические риски:</p> <ul style="list-style-type: none"> - дополнительное давление на бюджет с целью финансирования пенсионных выплат и финансирования определенных направлений в системе здравоохранения. - увеличение специфических расходов, связанных с социальных и медицинских услуг, увеличение расходов на подготовку соответствующих специалистов; - социальная заброшенность пожилых; - сокращение ожидаемой средней продолжительности жизни; - снижение качества жизни старших возрастных групп; - увеличение разрыва социальных связей; - низкий уровень использования остающегося нерализованного потенциала; - рост возрастной конкуренции на рынке труда и «выдавливание» пенсионеров и др.
<p>- Количество мужчин на 1000 женщин в трудоспособном возрасте.</p> <p>- Коэффициент гендерного разрыва (отношение гендерного разрыва к численности населения трудоспособного возраста).</p>	<p>Демографические риски:</p> <ul style="list-style-type: none"> - нарастание половой диспропорции в возрастной структуре населения; - искажение семейно-брачной структуры и репродуктивной самореализации населения; - нарастание гендерной асимметрии, уменьшение возраста наступления гендерного разрыва в трудоспособном возрасте и возраста «максимального гендерного разрыва». <p>Социально-экономические риски:</p> <ul style="list-style-type: none"> - дисбаланс ретнальных гендерных рынков труда; - неиспользование трудового потенциала женщин; - увеличение специфической нагрузки на систему
	<p>- зеленая зона (безопасность) – до нижней границы;</p> <p>✓ демографическая нагрузка пожилыми: от 135 до 203 – желтая зона (риски) – до верхней границы;</p> <p>✓ демографическая нагрузка пожилыми: выше 203 – красная зона (угрозы).</p>
	<p>Мангистауская, Туркестанская области.</p> <p>Зона риска:</p> <p>Восточно-Казахстанская, Павлодарская, Акмолинская, Карагандинская, Костанайская, Западно-Казахстанская области, г. Шымкент, г. Астана.</p> <p>Зона угрозы:</p> <p>Северо-Казахстанская область, город Алматы.</p>
	<p style="text-align: center;">Замер 2020 г.</p> <p>Зона безопасности:</p> <p>Акмолинская, Алматинская, Атырауская, Западно-Казахстанская, Жамбылская, Мангистауская, Северо-Казахстанская, Восточно-Казахстанская области.</p> <p>Зона риска:</p> <p>Актыобинская, Карагандинская, Костанайская, Павлодарская области.</p>
	<p>*среднерееспубликанский уровень гендерного разрыва в трудоспособном возрасте – 32 женщины на 1000 мужчин.</p> <p>✓ отрицательное значение соотношения: менее 0% – красная зона (угрозы);</p> <p>✓ положительное значение: от 0 до 32 – зеленая зона (безопасность) – до нижней границы;</p> <p>✓ положительное</p>

Продолжение таблицы № 3.6

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ БЛОК	
<p>- Количество мужчин на 1000 женщин в возрасте 65+ лет.</p> <p>- Коэффициент гендерного разрыва (отношение гендерного разрыва к численности населения пожилых возрастов).</p>	<p>зравоохранения и социального обеспечения;</p> <p>Политические (геополитические, внутривнутриполитические) риски:</p> <ul style="list-style-type: none"> - при нерациональном планировании развития территорий может произойти ухудшение социально-экономической ситуации и рост недовольства нетрудоустроенной части населения, активизация протестных настроений в обществе. <p>Демографические риски:</p> <ul style="list-style-type: none"> - увеличение гендерного разрыва в старших возрастных группах населения (65+). - нарастание половой диспропорции в возрастной структуре населения; - уменьшение возраста наступления гендерного разрыва в пожилом возрасте и возраста «максимального гендерного разрыва». <p>Социально-экономические риски:</p> <ul style="list-style-type: none"> - ухудшение социально-экономического положения одиноких людей; - необходимость социальной поддержки, эффективного использования потенциала «третьего» возраста; - увеличение специфической медицинской нагрузки; <p>Политические (геополитические, внутривнутриполитические) риски:</p> <ul style="list-style-type: none"> - рост протестных настроений среди пожилой части населения.
<p>значение: от 32 до 48 женщин на 1000 мужчин трудоспособного возраста</p> <p>– желтая зона (риски) – до верхней границы;</p> <p>✓ положительное значение: от 48 человек и выше – красная зона (угрозы).</p>	<p>Зона уязв:</p> <p>Кызылординская, Туркестанская области, г. Шымкент, г. Астана, г. Алматы.</p>
<p>*среднереспубликанский уровень гендерного разрыва населения пожилых возрастов – 282 женщины на 1000 мужчин.</p> <p>✓ гендерный разрыв пожилых населения возрастов: до 282 женщин на 1000 мужчин пожилая зона – зеленая зона (безопасность) – до нижней границы;</p> <p>✓ гендерный разрыв пожилых населения возрастов: от 282 до 423 женщин на 1000 мужчин – желтая зона (риски) – до верхней границы;</p> <p>✓ положительное значение: от 48 человек и выше – красная зона (угрозы).</p>	<p>Замер 2020 г.</p> <p>Зона безопасности:</p> <p>Алматинская, Жамбылская, Кызылординская, Мангистауская, Туркестанская области, г. Шымкент, г. Астана.</p> <p>Зона рисков:</p> <p>Акмолинская, Актюбинская, Атырауская, Западно-Казахстанская, Карагандинская, Костанайская, Павлодарская, Северо-Казахстанская, Восточно-Казахстанская области, г. Алматы.</p> <p>Зона уязв:</p> <p>-</p>
<p>Темпы прироста и потерь численности населения:</p>	<p>1) Отрицательные темпы прироста численности населения:</p>
	<p>*среднереспубликанский уровень прироста общей численности населения:</p> <p>Замер 2020 г.</p>

Продолжение таблицы № 3.6

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ БЛОК	населения в 2020 г. к 2009 г.	<p>Демографические риски:</p> <ul style="list-style-type: none"> - нарастание региональной демографической поляризации; - дальнейшее снижение темпов естественного прироста в регионах с невысокой плотностью населения; - закрепление депопуляционных тенденций. <p>Социально-экономические риски:</p> <ul style="list-style-type: none"> - увеличение демографической нагрузки на трудоспособное население; - рост дефицита рабочей силы; - снижение конкуренции и деградация рынка труда; - снижение эффективности общественного производства; - сужение потребительской и налоговой базы. <p>Политические (геополитические, внутривиталистические) риски:</p> <ul style="list-style-type: none"> - отложение территорий; - потеря контроля над территориями; - угроза государственному суверенитету и территориальной целостности РК. <p>2) Высокие и сверхвысокие темпы прироста численности населения:</p> <p>Демографические риски:</p> <ul style="list-style-type: none"> - нарастание региональной демографической поляризации; - дальнейшее увеличение темпов естественного прироста в регионах с высокой плотностью населения; - повышение смертности в молодых возрастных группах; - высокая смертность населения в трудоспособном возрасте; - смертность мужчин, значительное увеличение смертности населения от экзотенных факторов. - ухудшение показателей здоровья населения, - уменьшение средней продолжительности жизни. 	<p>численности населения – 16,6%. ✓ отрицательные темпы прироста: менее 0% – красная зона (угрозы); ✓ показатели прироста: от 0% до 16,6% – зеленая зона (безопасность) - до нижней границы; ✓ положительные показатели прироста: от 16,6% до 32,2% – желтая зона (риски) – до верхней границы; ✓ положительные показатели прироста: от 32,2% и выше – красная зона (угрозы).</p>	<p>Зона безопасности: Павлодарская, Карагандинская, Актобинская, Жамбылская, Западно-Казахстанская, Туркестанская и Алматинская области.</p> <p>Зона рисков: Кызылординская и Атырауская области.</p> <p>Зона угрозы: Сверхвысокие темпы: Мангистауская область, Г. Астана, Г. Шымкент и Г. Алматы.</p> <p>Отрицательные темпы: Акмолинская, Костанайская, Восточно-Казахстанская, Северо-Казахстанской области.</p>
------------------------------	-------------------------------	---	---	--

Продолжение таблицы № 3.6

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ БЛОК	
<p>Темпы прироста и потеря численности городского населения в 2020 г. к 2009 г.</p>	<p>Социально-экономические риски: - перенаселенность территорий; - рост нагрузки на бюджет и социального иждивенчества; рост социального и имущественного расслоения; - дефицит жилья и инфраструктуры; - дисфункции институтов здравоохранения и образования; - безработица (особенно молодежная); - увеличение доли поколения NEET; - низкие темпы роста производительности труда; - ухудшение условий человеческого развития и снижение показателей социального капитала. Политические (Геополитические, внутривалитические) риски: - рост социальной напряженности и протестных настроений; - радикализация общественного сознания; - криминализация социального пространства; - рост домашнего насилия; - кризисы и дестабилизация общественно-политической обстановки</p>
<p>Темпы прироста и потеря численности городского населения в 2020 г. к 2009 г.</p>	<p>Демографические риски: - нарастание региональной демографической поляризации; - дальнейшее увеличение численности населения в городах, особенно в крупных; - сверхконцентрация населения в Астане, Алматы и Шымкенте. Социально-экономические риски: - перенаселенность городских территорий; - рост «полюсов бедности» вокруг городов, рост преступности. - рост социального иждивенчества и нагрузки на бюджет; рост социального и имущественного расслоения;</p>
	<p>*среднереспубликанский уровень прироста городского населения – 26,3%. ✓ показатели прироста: от 0% до 26,3% – зеленая зона (безопасность) - до нижней границы; ✓ показатели прироста: от 26,3% до 52,6% – желтая зона (риски) – до верхней границы; ✓ показатели прироста: от 52,6% и выше – красная</p>
	<p>Замер 2020 г. Зона безопасности: Акмолинская, Павлодарская, Мангистауская, Восточно-Казахстанская, Алматинская, Северо-Казахстанская, Жамбылская, Туркестанская, Костанайская, Западно-Казахстанская, Кызылординская области.</p>
	<p>Зона рисков:</p>

Продолжение таблицы № 3.6

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ БЛОК	
<p>Темпы прироста и потеря численности сельского населения в 2020 г. к 2009 году</p>	<p>- дефицит жилья и социальной инфраструктуры в городах; - дисфункции институтов здравоохранения и образования; - безработица (особенно молодежная); - увеличение доли поколения NEET в городах; - ухудшение условий человеческого развития и снижение показателей социального капитала. Политические (геополитические, внутривитальные) риски: - рост социальной напряженности и протестных настроений в городах; - радикализация общественного сознания; - криминализация социального пространства; - кризисы и дестабилизация общественно-политической обстановки.</p>
<p>Актыобинской, Атырауской области, г. Алматы.</p>	<p>зона (угрозы).</p>
<p>Зона уязв.: г. Астана и г. Шымкент.</p>	<p>зона (угрозы).</p>
<p>Темпы прироста и потеря численности сельского населения в 2020 г. к 2009 году</p>	<p>Демографические риски: - нарастание региональной демографической поляризации; - дальнейшее снижение темпов естественного прироста; - высокая внутренняя миграция; - дальнейшее падение темпов прироста сельского населения. - уменьшение доли молодых возрастов сельского населения, увеличение доли пожилых возрастов сельского населения. Социально-экономические риски: - рост дефицита рабочей силы на селе; - снижение конкуренции и деградация сельского рынка труда; - снижение эффективности общественного производства на селе. Политические (геополитические, внутривитальные) риски: - оттоление сельских территорий, в том числе</p>
<p>Замер 2020 г.</p>	<p>*среднереспубликанский уровень прироста сельского населения – 5,1%. ✓ отрицательные темпы прироста: менее 0% – красная зона (угрозы); ✓ положительные показатели прироста: от 0% до 10,2% – зеленая зона (безопасность) – до нижней границы; ✓ положительные показатели прироста: от 10,2% до 20,4% – желтая зона (риски) – до верхней границы; ✓ положительные показатели прироста: от 20,4% и выше – красная зона (риски) – до верхней границы;</p>
<p>Зона безопасност.: Атырауская и Туркестанская области.</p>	<p>Зона рисков: Алматынская, Кызылординская и Жамбылская области.</p>
<p>Зона уязв.: Сверхвысокие Мангыстауская область. Отрицательные темпы: Восточно-Казахстанская, Северо-Казахстанская, Костанайская, Карагандинская, Павлодарская, Западно-Казахстанская и Актюбинская области.</p>	<p>Зона уязв.: Сверхвысокие Мангыстауская область. Отрицательные темпы: Восточно-Казахстанская, Северо-Казахстанская, Костанайская, Карагандинская, Павлодарская, Западно-Казахстанская и Актюбинская области.</p>

Продолжение таблицы № 3.6

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ БЛОК		приграничных территориях; - потеря контроля над территориями; - угроза государственному суверенитету и территориальной целостности РК.	зона (угрозы).	Замер 2020 г.
Общий коэффициент рождаемости	<p>приграничных территорий; - потеря контроля над территориями; - угроза государственному суверенитету и территориальной целостности РК.</p> <p>Комплекс рисков, угроз и социальных запросов, связанных с неравномерностью процессов рождаемости:</p> <p>Демографические риски:</p> <ul style="list-style-type: none"> - деформация возрастной структуры населения; - увеличение численности городского населения; - «постарение» рождаемости, увеличение доли детей, рожденных женщинами возраста 30 лет и старше. <p>Социально-экономические риски:</p> <ul style="list-style-type: none"> -ухудшение репродуктивного здоровья женщин; -увеличение младенческой и материнской смертности; -проблема перенаселения «одних регионов и опустынивание других территорий; - рост демографической нагрузки детьми, особенно в городах; -увеличение специфической нагрузки на систему здравоохранения, образования и социального обеспечения; - социальная напряженность, рост социального изживденчества и нагрузки на бюджет, социальное и имущественное расслоение. - снижение доступности и качества здравоохранения, образования и интеллектуального потенциала страны. <p>Политические (геополитические, внутривиталические) риски:</p> <ul style="list-style-type: none"> -увеличение уровня протестности населения; - кризисы и дестабилизация общественно-политической обстановки. -потеря контроля над территориями. 	<p>* среднереспубликанский уровень ОКР – 22,76‰, красная зона (угрозы): ✓ ОКР: до 15,17‰ до 22,76‰ – зеленая зона (безопасность) – до нижней границы; ✓ ОКР: от 22,76‰ до 34,14‰ – желтая зона (риски) – до верхней границы; ✓ ОКР: от 34,14‰ и выше – красная зона (угрозы).</p>	<p>Зона безопасности: Восточно-Казахстанская, Павлодарская, Акмолинская, Карагандинская, Западно-Казахстанская области, Г. Алматы.</p> <p>Зона рисков: Актыбынская, Алматинская, Жамбылская, Атырауская, Кызылординская, Мангистауская и Туркестанская области, г. Астана, Г. Шымкент</p>	
Общий коэффициент	<p>Демографические риски:</p> <ul style="list-style-type: none"> - кризисы и дестабилизация общественно-политической обстановки. -потеря контроля над территориями. <p>Демографические риски:</p>	<p>* среднереспубликанский</p>	<p>Зона рисков: Нижкий уровень рождаемости: Костанайская и Северо-Казахстанская области.</p>	
			Замер 2020 г.	

Продолжение таблицы № 3.6

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ БЛОК	
<p>смертности</p>	<p>- повышение младенческой, детской и материнской смертности; - повышение смертности в молодых возрастных группах; - высокая смертность населения в трудоспособном возрасте; - сверхсмертность мужчин, значительное увеличение смертности населения от экзотических факторов. - ухудшение показателей здоровья населения, - уменьшение средней продолжительности жизни. Социально-экономические риски: - снижение качества человеческого капитала; - увеличение специфической нагрузки на систему здравоохранения и социального обеспечения; - рост дефицита рабочей силы на рынке труда; Политические (геополитические, внутривнутриполитические) риски: - снижение качества человеческого капитала; - опустынивание приграничных территорий.</p>
<p>Общий коэффициент естественного прироста</p>	<p>Демографические риски: - нарастание региональной социальной демографической поляризации; сокращение или чрезмерное увеличение естественного прироста населения как устойчивые тренды. - дальнейшее снижение темпов естественного прироста в регионах с невысокой плотностью населения; - закрепление депопуляционных тенденций; - нарастание перенаселенности территорий. Социально-экономические риски: -увеличение темпов естественного прироста населения в регионах с высокой плотностью на фоне снижения естественного прироста населения в регионах с невысокой плотностью может привести к переселению одних и оголению других территорий; - рост бюджетных расходов как результат увеличения</p>
<p>уровень ОКС – 8,6%. ✓ ОКС: до 8,6% – зеленая зона (безопасность) – до нижней границы; ✓ ОКС: от 8,6% до 12,9% – желтая зона (риски) – до верхней границы; ✓ ОКС: от 12,9% и выше – красная зона (угрозы).</p>	<p><i>Зона безопасности:</i> Актыобинская, Алматинская, Жамбылская, Атырауская, Кызылординская, Мангистауская и Туркестанская области, г. Шымкент, Г. Астана и Г. Алматы. <i>Зона рисков:</i> Восточно-Казахстанская, Павлодарская, Акмолинская, Карагандинская, Костанайская, Западно-Казахстанская области. <i>Зона угрозы:</i> Северо-Казахстанская область.</p>
<p>*среднереспубликанский уровень ОКЕП – 14,16%. ✓ ОКЕП: до 9,44% – красная зона (угрозы); ✓ ОКЕП: от 9,44% до 14,16% – зеленая зона (безопасность) – до нижней границы; ✓ ОКЕП: от 14,16% до 21,24% – желтая зона (риски) – до верхней границы; ✓ ОКЕП: от 24,14% и выше – красная зона (угрозы).</p>	<p style="text-align: center;">Замер 2020 г.</p> <p><i>Зона безопасности:</i> Западно-Казахстанская область, г. Алматы. <i>Зона рисков:</i> Актыобинская, Алматинская, Жамбылская, Атырауская и Кызылординская области, г. Астана. <i>Зона угрозы:</i> сверхвысокие пологительные показатели: г. Шымкент Туркестанская и Мангистауская области.</p>

Продолжение таблицы № 3.6

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ БЛОК	
<p>демографической нагрузки;</p> <p>- снижение уровня и качества здравоохранения, образования и интеллектуального потенциала страны;</p> <p>-ухудшение демографической ситуации и здоровья населения.</p> <p>Политические (геополитические, внутривеликие) риски:</p> <p>- избыточность населения и перенаселённость территорий в одних регионах, демографическая депопуляция и оголение территорий в других регионах.</p> <p>- возможная потеря контроля над территориями.</p>	<p>отрицательные и низкие показатели: Северо-Казахстанская, Карагандинская, Акмолинская область, Восточно-Казахстанская область, Павлодарская, Костанайская области.</p>
<p>Суммарный коэффициент рождаемости</p>	<p>*средней республиканский уровень СКР – 3,13. По международным стандартам – 2,2. ✓ СКР: до 2,2 – красная зона (угрозы); ✓ СКР: от 2,22 до 3,0 – зеленая зона (безопасность) – до нижней границы; ✓ СКР: от 3,0 до 4,0 – желтая зона (риски) – до верхней границы; ✓ СКР: от 4,0 и выше – красная зона (угрозы).</p>
<p>Нетто-коэффициент воспроизводства населения</p>	<p>*средней республиканский уровень нетто-коэффициента воспроизводства – 1,502.</p>
<p>Суммарный коэффициент рождаемости</p>	<p>Зона безопасности: Восточно-Казахстанская, Акмолинская, Павлодарская, Карагандинская и Западно-Казахстанская области, г. Астана.</p> <p>Зона рисков: Атырауская, Кызылординская, Жамбылская, Актобинская области, г. Шымкент.</p> <p>Зона уроз: ниже 2,22: Костанайская, Северо-Казахстанская области, г. Алматы. Выше 4,0: Туркестанская, Мангистауская и Алматинская области.</p>
<p>Нетто-коэффициент воспроизводства населения</p>	<p>Зона безопасности: Восточно-Казахстанская,</p>
<p>Суммарный коэффициент рождаемости</p>	<p>Зона безопасности: Восточно-Казахстанская,</p>

Продолжение таблицы № 3.6

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ БЛОК		<p>поколение;</p> <ul style="list-style-type: none"> - нарастание регионального дисбаланса в процессах воспроизводства населения; - закрепление демографических тенденций в одних слабозаселенных регионах на фоне сверхвысоких темпов естественного движения населения в других густозаселенных регионах. <p>Социально-экономические риски:</p> <ul style="list-style-type: none"> -увеличение проблемы несоответствия социально-экономической инфраструктуры регионов темпам естественного прироста населения; -увеличение или уменьшение доли расходов государства на социальные выплаты; - снижение уровня и качества здравоохранения, образования и интеллектуального потенциала страны; -ухудшение демографической ситуации и здоровья населения. <p>Политические (геополитические, внутривнутриполитические) риски:</p> <ul style="list-style-type: none"> - избыточность населения и перенаселённость территорий в одних регионах, демографическая депопуляция и оголение территорий в других регионах. - кризисы и дестабилизация общественно-политической обстановки; - возможная потеря контроля над территориями. 	<p>По международным стандартам – 1,5.</p> <ul style="list-style-type: none"> ✓ нетто-коэффициент воспроизводства: до 1,0 – красная зона (угрозы); ✓ нетто-коэффициент воспроизводства: от 1,0 до 1,5 – зеленая зона (безопасность) - до нижней границы; ✓ нетто-коэффициент воспроизводства: от 1,5 до 2,0 – желтая зона (риски) – до верхней границы; ✓ нетто-коэффициент воспроизводства: от 2,0 и выше – красная зона (угрозы). 	<p>Акмолинская, Павлодарская, Карагандинская и Западно-Казахстанская области, г. Астана.</p> <p><i>Зона рисков:</i></p> <p>Атырауская, Кызылординская, Жамбылская, Атырауская, Актюбинская область, г. Шымкент.</p> <p><i>Зона уязв:</i></p> <p>Ниже 1,0: Костанайская, Северо-Казахстанская области, г. Алматы</p> <p>Выше 2,0: Туркестанская, Мангистауская область, Алматинская области.</p>
1	Коэффициент	<i>Демографические риски:</i>	*средней республиканский	Замер 2020 г.

Продолжение таблицы № 3.6

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ БЛОК		интенсивности внешней миграции населения	<ul style="list-style-type: none"> - эмиграционные потери репродуктивной части населения; - деформация возрастной структуры за счет снижения численности молодых и трудоспособных возрастных групп. <p>Социально-экономические риски:</p> <ul style="list-style-type: none"> - увеличение демографической нагрузки на трудоспособное население; - снижение показателей социального капитала; - снижение конкуренции на рынке труда; - потенциальные потери в области инновационного развития экономики и культуры. <p>Политические (геополитические и внутриполитические риски):</p> <ul style="list-style-type: none"> - снижение международного имиджа страны, ее миграционной привлекательности; - формирование тренда на непрерывный однонаправленный транзит на трансграничных территориях. - возможная потеря контроля над территорией. 	уровень – (-0,95). <ul style="list-style-type: none"> ✓ Все положительные значения сальдо внешней миграции – зеленая зона (безопасность) - до нижней границы; сальдо внешней миграции: от 0 до -3,0‰ – желтая зона (риски) – до верхней границы; ✓ сальдо внешней миграции: от -3,0‰ и выше – красная зона (угрозы). 	<p>Зона безопасности: Мангистауская и Туркестанская области, г. Шымкент.</p> <p>Зона рисков: Алматинская, Атырауская, Жамбылская, Кызылординская, Акмолинская, Актюбинская, ЗКО, Карагандинская, ВКО, Костанайская области, г. Астана, г. Алматы.</p> <p>Зона угроз: Павлодарская и Северо-Казахстанская области.</p>
Коэффициент интенсивности внутренней миграции населения	<p>Демографические риски:</p> <ul style="list-style-type: none"> - нарастание региональной демографической поляризации; - рост плотности и сверхконцентрация населения в отдельных «точках роста» - дальнейшее снижение плотности населения в малонаселенных регионах <p>Социально-экономические риски:</p> <ul style="list-style-type: none"> - острый дефицит жилья и инфраструктуры в густонаселенных регионах; - нарастание дисфункций базовых социальных 	<ul style="list-style-type: none"> ✓ минимальные отрицательные значения сальдо внутренней миграции: от 0 до -3,5‰, зеленая зона (безопасность) – до нижней границы; ✓ сальдо внутренней миграции: от -3,5‰ и выше, желтая зона (риски) – до верхней границы; ✓ все положительные значения сальдо внутренней миграции – зеленая зона (безопасность) – до нижней границы. 	<p>Замер 2020 г.</p> <p>Зона безопасности: ЗКО, Костанайская и Павлодарская, Актюбинская и Атырауская области.</p> <p>Зона рисков: Кызылординская, ВКО, Туркестанская, СКО, Жамбылская, Акмолинская, Карагандинская и Алматинская области.</p>		

Продолжение таблицы № 3.6

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ БЛОК		<p>институтов здравоохранения и образования;</p> <ul style="list-style-type: none"> - отставание темпов экономического роста от роста численности населения; - рост безработицы, в том числе молодежной; - рост социального неравенства и снижение качества жизни; - формирование социокультурных этнических анклавов. <p>Политические (геополитические и внутривополитические риски):</p> <ul style="list-style-type: none"> - нарастание внутренних социокультурных противоречий; - поляризация цивилизационных сценариев; - превалирование социокультурной/этнической идентичности над гражданской; - межкультурные конфликты и радикализация молодежи; - конфликты на почве экономического неравенства, перерастающие в политические акции; - дестабилизация общественно-политической ситуации; - возможная потеря контроля над территориями. 	<p>значения внутренней митрации, красная зона (угрозы).</p>	<p><i>Зона угроз:</i> Г. Алматы, Г. Шымкент, Г. Астана и Мангистауская область.</p>
----------------------	--	---	---	---

3.3 Анализ индикативной системы оценки уровня демографической безопасности, рисков и угроз (2009–2020 гг.)

Предлагаемая индикативная система оценки демографической безопасности Казахстана предназначена для определения степени демографических вызовов, рисков и угроз, как на республиканском, так и на региональном уровнях. Система сформирована на основе специальных индикаторов, при конструировании которых были учтены как демографические, так и социально-экономические данные. Это позволило выявить сильные и слабые стороны демографической системы Республики Казахстан и выработать научно обоснованные рекомендации для дальнейшего развития демографической политики государства. Следует отметить, что зарубежный опыт подобных оценок, главным образом, основан на демографических данных. Данная индикативная система оценки, кроме собственно демографических показателей, учитывает влияние социально-экономического и геополитического факторов. Это позволяет рассматривать и оценивать демографическую безопасность страны как комплексный феномен и принимать во внимание особое географическое положение и внутреннюю региональную дифференциацию Казахстана.

Актуальность проблемы, требующей научно-практического решения, заключается в необходимости анализа динамики демографических процессов в контексте социально-экономического развития страны, а также внутренних и внешних политических факторов, оказывающих непосредственное влияние на количественные и качественные характеристики населения. Предлагаемое решение нацелено на установление и обоснование общих предельно-критических демографических значений с учетом международных стандартов. Настоящая индикативная система критериев оценки демографической безопасности была апробирована для каждого региона в сопоставлении со среднереспубликанскими средними показателями и показателями других регионов. Результатом стали шкалы оценки состояния демографических процессов, которые сопровождаются аналитическими комментариями по существу происходящих демографических

изменений и их социально-экономических последствий.

Таким образом, шкалы оценки демографической безопасности Казахстана, разработанные и обоснованные в рамках проекта, являются совершенно новым научным результатом, не имеющим аналогов ни в Казахстане, ни в других государствах. Они имеют практическую значимость для обеспечения безопасности государства, объективной оценки демографической ситуации и построения прогнозов социально-демографического развития страны и могут применяться для разработки и экспертизы государственных программ различной направленности и программ развития территорий.

Основные понятия: «демографические риски», «демографические угрозы» и «демографическая безопасность»

Демографические риски. В широком смысле понятие «риск» рассматривается как ситуация, имеющая неопределенный исход при обязательном наличии неблагоприятных последствий. При сочетании определенных обстоятельств риск содержит в себе и потенциал благополучного исхода, однако в первую очередь анализ рисков предпринимается для того, чтобы снизить вероятность наступления потерь, убытков, ущерба. В условиях модернизации – ускорения общественных процессов и социально значимых изменений, – увеличивается пространство неопределённости. Как следствие, рост неопределенности влечет за собой рост вероятности «старых» рисков, о которых уже сформировано определенное представление, и возникновение «новых», еще неизвестных рисков. Фактически, любые риски следует рассматривать как возможность реализации разных сценариев, при этом часть сценариев оценивается как негативная.

Демографические риски – это вероятность возникновения неблагоприятных событий, исходящих из определенного сочетания демографических, социальных и экономических тенденций, условий, факторов. Откладывание решений существующей проблемы влечет за собой увеличение вероятности наступления негативных, кризисных, катастрофических последствий, которые

необходимо рассматривать как форму опасности – угрозу.

Демографические угрозы. Демографические угрозы — это явления и тенденции, вследствие возникновения и развития которых происходят негативные количественные и качественные изменения в состоянии населения, оказывающие отрицательное воздействие на устойчивое развитие страны. Демографическая угроза представляет собой состояние крайнего обострения противоречий, которое может нести угрозу жизненно важным интересам личности, общества, страны, а в критической ситуации способно повлечь за собой нарушение территориальной целостности государства.

Демографическая безопасность. В целом, понятие «демографическая безопасность» рассматривают как неотъемлемую составную часть национальной безопасности, как защищенность социально-экономического развития страны от демографических угроз, обеспечивающую, как минимум, сохранение геополитического, экономического, этнического и иного status- quo государства. Демографическая безопасность – понятие относительно новое, оно стало объектом изучения лишь в последние десятилетия и непосредственно связывается с понятием устойчивого развития - sustainable development. Наряду с ориентацией на научно-технический прогресс, рациональное использование природных ресурсов, инвестирование в социальный капитал, демографическая безопасность входит в число стратегических приоритетов глобального, метарегионального и национального развития.

Таким образом, разработка и применение индикативной системы оценки уровня демографической безопасности РК (иначе – система оценки демографических рисков) является ответом на актуальный запрос по обеспечению устойчивого развития как Республики Казахстан, так и региона Центральной Азии и глобального мира.

ВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ

Состояние возрастной структуры населения – один из важнейших демографических индикаторов, в котором отражаются

не только актуальные проблемы, но и события прошлого. На основе анализа этого показателя строятся прогнозы будущего развития. Возрастная структура современного Казахстана несет на себе отпечаток социальных, экономических и политических событий XX века и позволяет проецировать демографические перспективы на XXI век.

Объективный характер возрастной структуры заключается в том, что действие демографических закономерностей и последовательностей выходит за рамки исторических периодов или времени существования той или иной политической системы. Инерция событий, случившихся в рамках одного политического режима, может определять суть демографических эволюций в другой исторической эпохе. Особенности каждого десятилетия пролонгируются в возрастной структуре населения. Ретроспективный анализ этой структуры позволяет осознать преемственность демографической истории на протяжении длительного времени. Сквозь призму возрастной структуры населения выявляются не только процессы естественного движения, но и миграционная динамика. Кроме того, возрастная структура тесно связана с этническим составом населения, так как разные этносы на разных этапах своего развития могут демонстрировать различное демографическое поведение.

При оценке уровня демографической безопасности возрастную структуру населения необходимо рассматривать как детерминирующий фактор, через призму которого выстраиваются все составные части демографической системы. Фактически, возрастная структура хранит в себе не только инерцию всех предыдущих демографических процессов, но и вбирает в себя все потенциальные риски.

В демографической науке возрастную структуру населения рассматривают как совокупное распределение населения по возрастным группам (однолетним, пятилетним, десятилетним), что во взаимосвязи с другими демографическими процессами дает

возможность диагностировать возникновение различных негативных явлений в социально-экономических процессах.

В базе данных, являющейся статистической основой индикативной системы, возрастная структура представлена как по одноплетним, так и по пятилетним группам: численность и удельный вес в составе населения возрастных групп: 0-4 года; 5-9 лет; 10-14 лет; 15-19 лет; 20-24 года; 25-29 лет; 30-34 года; 35-39 лет; 40-44 года; 45-49 лет; 50-54 года; 55-59 лет; 60-64 года; 65-69 лет; 70-74 года; 75 лет и старше.

Статистическая информация, сформировавшая настоящую базу данных, и на основе которой выполнен анализ республиканских и региональных демографических показателей, получена из открытых официальных источников.

Для оценки процессов старения населения использовались такие исследовательские инструменты, как классификация Э. Роскета - Ж. Боже-Гарнье и международная возрастная классификация ООН. Согласно первой классификации, население считается молодым, если удельный вес лиц старше 60 лет в структуре населения не превышает 8%. Если этот показатель составляет 8-10%, то такое состояние определяется как преддверие старости. В случае, когда удельный вес старшего поколения достигает 10-12% уже говорят о демографическом старении, а более 12% - о демографической старости общества. В соответствии с классификацией ООН население считается молодым, если удельный вес лиц в возрасте 65 лет и старше не превышает 4%, зрелым - 4-7%, старым - более 7%.

Еще один инструмент, который был использован авторами, - индекс постарения А. Сови, измеряющийся как отношение удельного веса населения в возрасте 60 лет и старше к удельному весу населения в возрасте до 20 лет. Если это соотношение составляет меньше 20% - степень постарения считается низкой, от 20% до 30% - средней, если индекс А. Сови превышает 30%, то степень постарения населения оценивается как высокая. Комплексное использование разных аналитических инструментов позволило авторам более объективно оценить состояние возрастной структуры населения и более достоверно определять перспективы де-

мографического развития Казахстана.

Необходимо отметить, что универсальные методики не предполагают учет специфических особенностей протекания демографических процессов в конкретных странах и регионах. Еще одним ограничением использования данных методов является тот факт, что индекс старения А. Сови в момент создания отражал реалии средней продолжительности жизни, характерной для 1960–1970 гг. в развитых странах. Несмотря на указанные ограничения методов, авторы считают, что общие результаты исследования обладают достаточной степенью достоверности, так как позволяют выявлять «демографический мейнстрим» - основные направления и тенденции долговременного развития.

В исследовании были использованы и индексы старения, рассчитанные статистическими органами Казахстана. Это показатель возрастного состава населения, характеризующий число лиц пожилого возраста на 100 детей. Рассчитывается как отношение численности населения в возрасте 65 лет и старше к численности населения в возрасте от 0 до 15 лет. Если соотношение числа лиц пожилого возраста на 100 детей составляет, например, 25%, то это означает, что на 100 детей приходится 25 лиц старше 65 лет, т.е. соотношение составляет 1:4 (на 1 человека пожилого возраста приходится 4 детей). Такая возрастная структура населения характеризуется большой долей детей.

Иллюстрацией к тезису о том, что возрастная структура несет в себе отпечаток прошлого и прообраз будущего может служить возрастно-половая пирамида населения Казахстана по данным на 2009 год. В ней прослеживается наследие негативных демографических тенденций, наметившихся в 1990-е гг., и сохранявших инерцию в первое десятилетие XXI века (рисунок 3.1). Так, число детей (0–14 лет) в 2009 г. в сравнении с 1999 г. сократилось на 10,9%. И если удельный вес этой группы в 1989 г. равнялся 31,8%, а в 1999 г. – 28,5%, то в 2009 г. он снизился уже до 24,2%. Это объясняется тем, что большинство детей, чей возраст в 2009 г. составлял от 0 до 14 лет, родились в кризисные 1990-е годы, для которых было характерно значительное снижение рождаемости всех этносов. В то же время, провал в возрастной группе

10–14 лет частично компенсируется увеличением рождаемости в первое десятилетие XXI века. При этом заметно нарастание динамики процесса – детей, которым в 2009 гг. было от 0 до 4 лет – на 35,3% больше, чем 5–9-летних¹³⁶.

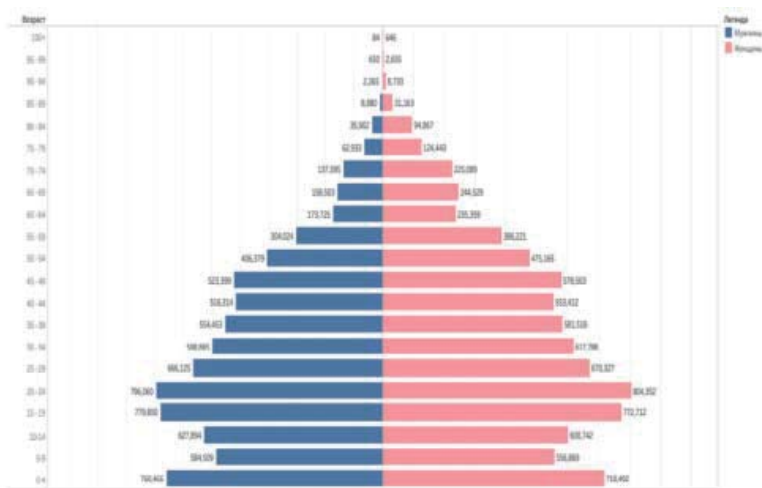

Рисунок 3.1. Возрастно-половая пирамида Казахстана, 2009 г.
 Источник: база демографических данных <https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/-2009-2020>

Во многом это произошло потому, что в репродуктивный возраст вступило многочисленное поколение «детей демографического взрыва», рожденных в 1980-е годы. Они сформировали «демографическую волну», которая может в течение длительного времени влиять на увеличение численности и удельного веса в составе населения детских возрастных групп.

В это же время наблюдается все более активное старение населения. В 1999–2009 гг. удельный вес возрастной группы 65 лет и старше увеличился с 6,7% до 7,4%. Число людей в этой группе выросло на 16,6%, коэффициент постарения А. Сови достиг

136. Демографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник. Министерство Национальной экономики Республики Казахстан. Комитет по статистике. Нур-Султан. 2020

30%. В значительной мере это результат постарения оставшихся в Казахстане представителей «миграционных волн» 1950-1960-х гг. В настоящий момент наблюдается как «европейский этнический фактор» функционирования демографической системы постепенно уходит в прошлое. Все более явно возрастная структура населения отражает особенности демографического развития казахского этноса. Один из главных рисков – нарастание старения населения уже с учетом растущей доли казахов, выходящих в старшие возрастные группы.

Возрастная структура населения 2020 года во все большей степени фиксирует результат демографического развития Казахстана на автохтонной основе. Влияние внешних миграций на динамику численности населения становится минимальным, суть демографического развития определяют процессы естественного воспроизводства населения. В концентрированном виде эти тенденции проявляются в динамике суммарного коэффициента рождаемости (СКР). В этот период он вырос с 2,55 в 2009 г. до 3,17 в 2020 гг.¹³⁷ При этом в городах, вследствие перемещения сюда населения репродуктивных возрастов, интенсивность деторождений становится намного выше, чем в сельской местности.

Во втором десятилетии XXI века казахское население, в значительной степени сохранившее традиционные ценности, становится основным демографическим ресурсом государства. В 2009–2020 гг. темпы роста населения Казахстана составили 16,6%, что в 3 раза выше темпов роста в предыдущее десятилетие. Возрастная структура 2020 г. отражает особенности демографического развития в первую очередь казахского этноса. Можно предположить, что тенденции, наметившиеся в настоящее время, будут иметь продолжительную инерцию.

В возрастной структуре 2020 г. удельный вес детских групп (0–14 лет) в Казахстане составляет 28,8%. В 2009–2020 гг. число детей увеличилось на 40,1%. Это самый высокий показатель за весь постсоветский период. Вследствие этого удельный вес насе-

137. Коэффициент суммарной рождаемости в Республике Казахстан. – Демографическая статистика. Динамические таблицы. 13.06.2022. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/61/statistic/8>.

ления в трудоспособном возрасте уменьшился с 68,8% до 65,5%, хотя абсолютная численность этой возрастной группы увеличилась на 11,3% (рисунки 3.1 и 3.2).

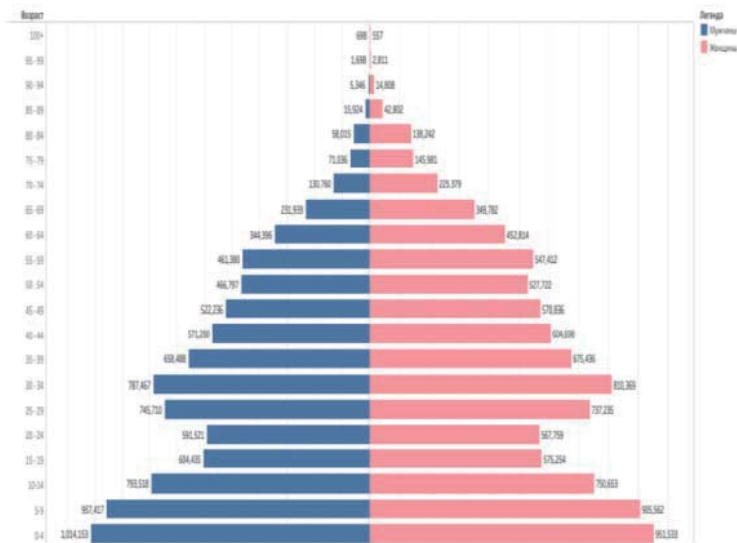

Рисунок 3.2. Возрастно-половая пирамида Казахстана, 2020 г.
 Источник: база демографических данных <https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/-2009-2020>

Характерной чертой возрастной структуры 2020 г. является влияние этнической репатриации на ее изменения. Очень четко это видно на примере возрастной группы, представителям которой в 2009 г. было 5 - 24 года, а через 11 лет, в 2020 г. - 15 - 34 года. За 11 лет, вследствие смертности, численность этой возрастной группы должна была уменьшиться, но иммиграция не только компенсировала естественные потери, но и привела к некоторому росту (на 2,7%). В свою очередь, многочисленность репродуктивной части населения привела к большому росту группы 0-9 лет. В 2020 г. в сравнении с 2009 г. детей в этом возрасте стало больше на 31,6% (рисунок 3.2).

Происходят изменения и в старших возрастах: удельный вес

группы 65 лет и старше в 2009–2019 гг. несколько снизился, однако уже на следующий год он увеличивается по сравнению с 2009 годом с 7,1% до 7,7%, наблюдается абсолютный рост численности этой группы на 20,7%. Именно изменения в старших возрастных группах содержат серьезные вызовы в довольно близкой перспективе. В первую очередь это касается возрастной группы, представителям которой в 2020 г. было от 50 до 60 лет. В данном возрастном диапазоне в 2020 г. находилось 10,8% населения. Число 50–64-летних в 2020 г. превысило число людей такого же возраста в 2009 г. на 20,9%. И в ближайшие годы количество пенсионеров будет быстро расти.

Как уже отмечалось ранее, тенденции демографического развития Казахстана в значительной степени определяются событиями ушедшего времени и имеют ярко выраженную региональную дифференциацию на фоне ускоренной урбанизации. Далее мы рассмотрим половозрастную структуру населения Казахстана с точки зрения географического расположения регионов и с учетом новых геополитических рисков и вызовов.

В возрастной структуре Казахстана содержатся тенденции, представленные в регионах с разной степенью выраженности. Проявляется это в различных сочетаниях численности населения в определенном возрасте. В свою очередь, возраст в значительной мере определяет положение человека в обществе, его социальный статус. Изменения социальных статусов отдельных групп населения, вызванные естественным возрастным смещением, способны привести к появлению не только демографических, но и социально-экономических, социально-политических рисков. По мнению авторов проекта, социально-демографические риски можно достаточно адекватно проследить через ряд критериев:

1. Динамика численности отдельных возрастных групп в 2009–2020 гг.
2. Замещение репродуктивных поколений.
3. Миграционная активность молодежи.

Рассмотрим первый критерий - динамику численности отдельных возрастных групп в 2009–2020 гг. Неравномерность этой динамики способна оказать негативное влияние на показатели и характер демографической нагрузки (таблица 3.7).

Таблица 3.7. Динамика численности возрастных групп населения Казахстана (2009–2020 гг.), тыс. человек

Возраст	2009		2020		2020 к 2009 (%)
	Численность	%	Численность	%	
Все население	15982,4	100	18631,8	100	116,8
0-19	5401,4	33,8	6582,5	35,3	121,9
20-59	9033,0	56,5	9816,3	52,7	108,7
60 и старше	1548,0	9,7	2233,0	12,0	144,3

Общей тенденцией для Казахстана является быстрая динамика роста младших (0–19 лет) и старших (более 60 лет) возрастных групп. Высокая динамика старшей возрастной группы объясняется следствием демографического взрыва, произошедшего у казахов в 1950-60-е гг. В настоящее время рожденные в этот период вступают в возраст старения. При этом динамика процесса будет нарастать, так как в ближайшие десять лет в возраст 60 лет и старше будут вступать представители возрастной группы 50–59 лет, численность которой превышает два миллиона человек (10,8% населения Казахстана в 2020 г.).

Динамика роста возрастной группы 0–19 лет является следствием высокой рождаемости уже в XXI веке. Демографическая нагрузка на трудоспособное население будет расти. Помимо этого, в активный трудоспособный возраст все более активно будут вступать молодежные возрастные группы, претендующие на рабочие места, социальную обеспеченность и т. д. Таким образом, возрастная структура Казахстана развивается под влиянием факторов, неблагоприятно сказывающихся на перспективах социально-экономического развития.

Второй критерий - замещение репродуктивных поколений

- показывает перспективы возрастной структуры с точки зрения возобновления поколений. Критерий основан на сопоставлении возрастных групп 0–19 лет (условное поколение детей) и 20–39 лет (условное поколение родителей). Это сопоставление позволяет сформулировать следующие условия. Если:

- младшее поколение (0–19 лет) превышает по численности старшее (20–39 лет) – это свидетельство прогрессивной модели возрастной структуры, то есть число условных детей больше числа условных родителей. Следует ожидать, что уровень рождаемости может быть выше, чем в настоящее время;

- численность поколений равна – это свидетельство стационарной модели возрастной структуры. Показатели рождаемости способны сохраниться на стабильном уровне;

- старшее поколение превышает по численности младшее – это свидетельство регрессивной модели возрастной структуры (число условных родителей больше числа условных детей). В перспективе возможна депопуляция (большое значение имеет верхняя часть возрастной пирамиды, то есть численность населения в старших возрастных группах, наиболее подверженных смертности).

В Казахстане в 2009 г. на 1000 представителей старшей возрастной группы (20–39 лет) приходилось 1021 представитель младшей группы (0–19 лет). В 2020 г. – 1181. Таким образом, мы наблюдаем возрастную структуру прогрессивного типа. Эволюции возрастной структуры предполагают, что вероятно уровень рождаемости способен увеличиться (в случае, если рождаемость в молодежной группе будет такой же, как и в старшей группе в настоящее время).

Третий критерий - миграционная активность молодежи - измеряется методом передвижки возрастных групп. То есть, если в 2009 г. это была возрастная группа 10–19 лет, то через 10 лет ее представителям будет 20–29 лет. Именно в данном возрастном диапазоне происходят важнейшие социально-экономические события (завершение обучения в школе, вузе, выбор вариантов дальнейшего образования/трудоустройства и т. д.). Возрастные коэффициенты смертности в данном возрастном диапазоне не-

велики, поэтому определяющее влияние на изменение численности оказывает миграция. Рост численности представителей этой группы в 2020 г. в сравнении с 2009 г. означает, что в данном регионе наблюдается положительное сальдо миграции (причинами могут послужить рабочие места, учебные заведения, лучшие социальные условия и т. д.). Если численность представителей группы в период «взросления» сокращается, то регион непривлекателен, наблюдается отрицательное сальдо миграции.

В Казахстане численность возрастной группы 10–19 лет в 2009 г. за время ее смещения к возрасту 20–29 лет в 2020 г. сократилась на 5,0%. Для РК в целом это эмиграционные потери. В региональном аспекте это могут быть потери/приобретения в результате сальдо как внешней, так и внутренней миграции.

В соответствии с предложенной методикой, основанной на анализе трех критериев (Динамика численности отдельных возрастных групп в 2009–2020 гг.; Замещение репродуктивных поколений и Миграционная активность молодежи) рассмотрим региональные изменения возрастной структуры населения. Региональный подход основан на экономическом районировании территории Казахстана. Ниже представлен краткий обзор по всем областям, сгруппированным по экономическим регионам.

Региональные особенности изменений возрастной структуры населения

СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН

(области: Северо-Казахстанская, Костанайская, Акмолинская, Павлодарская)

Северо-Казахстанская область

Критерий 1 - Динамика численности трех возрастных групп - 0–19 лет, 20–59 лет, 60 и старше лет за период 2009–2020 гг. (таблица 3.8)

Таблица 3.8. Численность отдельных возрастных групп (2009–2020 гг.), тыс. человек

возраст	2009		2020		2020 к 2009 (%)
	Численность	%	Численность	%	
Все население	597,5	100	548,8	100	91,8
0-19	160,3	26,8	147,6	26,9	92,1
20-59	351,6	58,8	295,1	53,8	83,9
60 и старше	85,6	14,4	106,1	19,3	123,9

Критерий 2 - Замещение репродуктивных поколений: в 2009 г. на 1000 человек населения в возрасте 20–39 лет приходилось 890 человек в возрасте 0–19 лет, в 2020 г. Этот показатель составил – 1010.

Критерий 3 - Миграционная активность молодежи: в 2009–2020 гг. молодежная возрастная группа в области сократилась на 20,3%.

Костанайская область

Критерий 1 – Динамика численности трех возрастных групп - 0–19 лет, 20–59 лет, 60 и старше лет за период 2009–2020 гг. (таблица 3.9)

Таблица 3.9. Численность отдельных возрастных групп (2009–2020 гг.), тыс. человек

возраст	2009		2020		2020 к 2009 (%)
	Численность	%	Численность	%	
Все население	886,3	100	868,5	100	98,0
0-19	246,4	27,8	226,0	26,0	91,7
20-59	521,5	58,8	491,3	56,6	94,2
60 и старше	118,4	13,4	151,2	17,4	127,7

Критерий 2 - Замещение репродуктивных поколений: в 2009 г. на 1000 человек населения в возрасте 20–39 лет приходился 871 человек в возрасте 0–19 лет, в 2020 г. – этот показатель составил 860.

Критерий 3 - Миграционная активность молодежи: 2009–2020 гг. молодежная возрастная группа области сократилась на 13,2%.

Акмолинская область

Критерий 1. Динамика численности трех возрастных групп - 0–19 лет, 20–59 лет, 60 и старше лет за период 2009–2020 гг. (таблица 3.10)

Таблица 3.10. Численность отдельных возрастных групп (2009–2020 гг.), тыс. человек

возраст	2009		2020		2020 к 2009 (%)
		%	Численность	%	
Все население	738,8	100	736,7	100	99,7
0-19	225,6	30,5	222,6	30,2	98,7
20-59	423,5	57,7	400,2	54,3	94,5
60 и старше	89,7	11,8	113,9	15,5	127,0

Критерий 2 - Замещение репродуктивных поколений: в 2009 г. на 1000 населения в возрасте 20–39 лет приходилось 992 человека в возрасте 0–19 лет. В 2020 г. – 1075.

Критерий 3 - Миграционная активность молодежи

В 2009–2020 гг. молодежная возрастная группа сократилась на 18,7%.

Павлодарская область

Критерий 1 – Динамика численности трех возрастных групп - 0–19 лет, 20–59 лет, 60 и старше лет за период 2009–2020 гг.

(таблица 3.11)

Таблица 3.11. Численность отдельных возрастных групп (2009–2020 гг.), тыс. человек

возраст	2009		2020		2020 к 2009 (%)
	Численность	%	Численность	%	
Все население	742,3	100	752,2	100	101,3
0-19	206,5	27,8	214,6	28,5	103,9
20-59	444,5	59,9	416,6	55,4	93,7
60 и старше	91,3	12,3	121,0	16,1	132,5

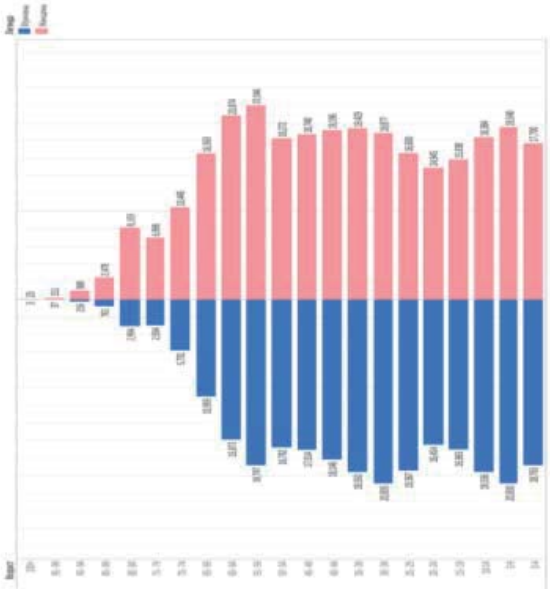
Критерий 2 - Замещение репродуктивных поколений: 2009 г. на 1000 человек населения в возрасте 20–39 лет приходилось 844 человека в возрасте 0–19 лет, в 2020 г. – 1001.

Критерий 3 - Миграционная активность молодежи: в 2009–2020 гг. молодежная возрастная группа области сократилась на 13,6%.

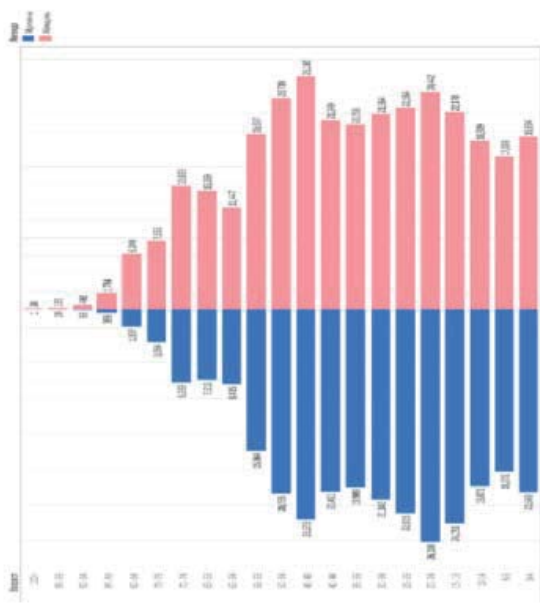
Возрастная структура всех четырех областей Северного Казахстана характеризуется снижением молодых и средних возрастов и увеличением возрастной группы старше 60 лет на одну четверть и больше.

Фактор внутренней миграции негативно сказывается на численности населения и его возрастной структуре - молодежь покидает эти территории, что подтверждается сокращением молодежной возрастной группы от 13,6% в Павлодарской области до 20,3% в Северо-Казахстанской области.

На рисунках 3.3–3.6 представлены возрастно-половые пирамиды Северо-Казахстанской, Костанайской, Акмолинской и Павлодарской областей.

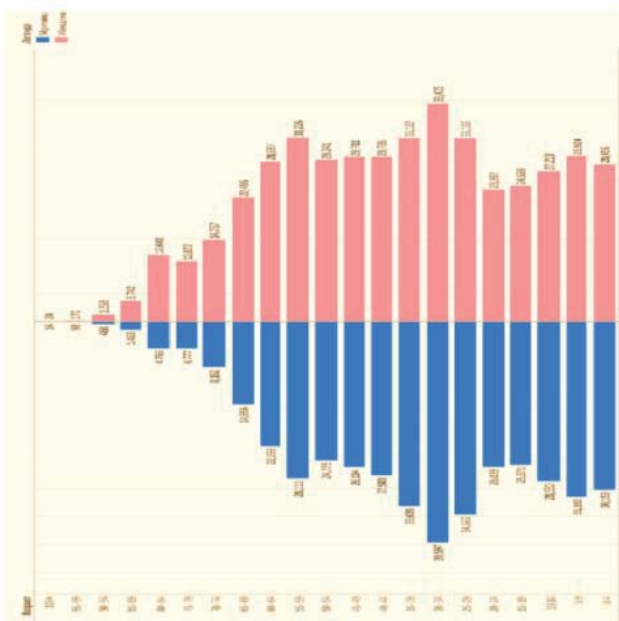

2020 г.

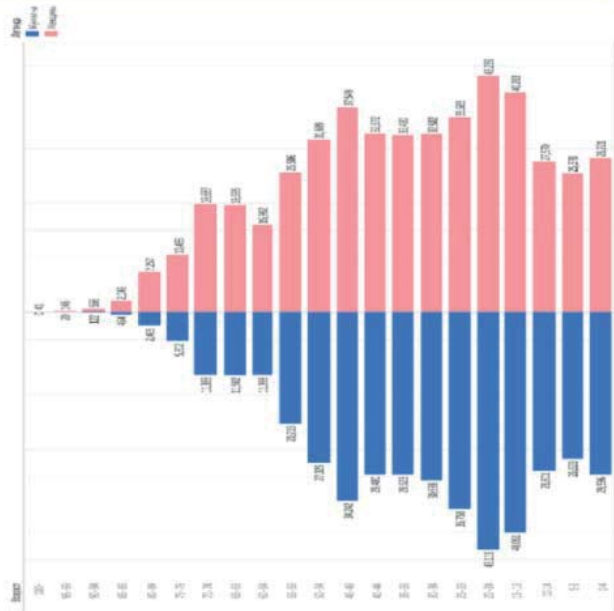

2009 г.

Рисунок 3.3 Половозрастная пирамида населения Северо-Казахстанской области, 2009 и 2020 гг.
 Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/-2009-2020_-/

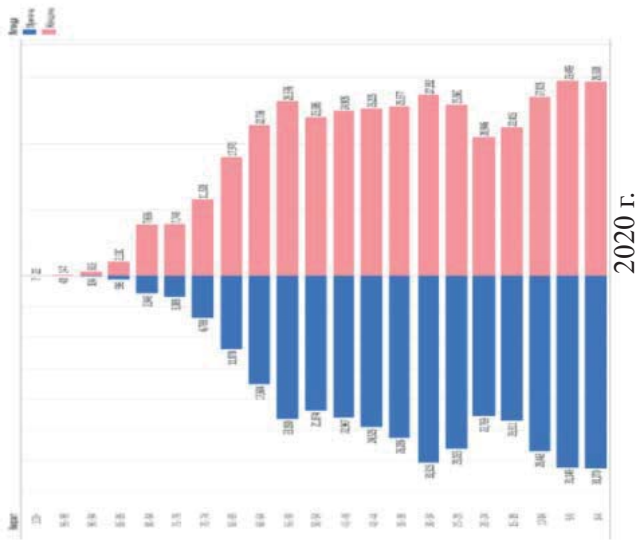

2020 г.

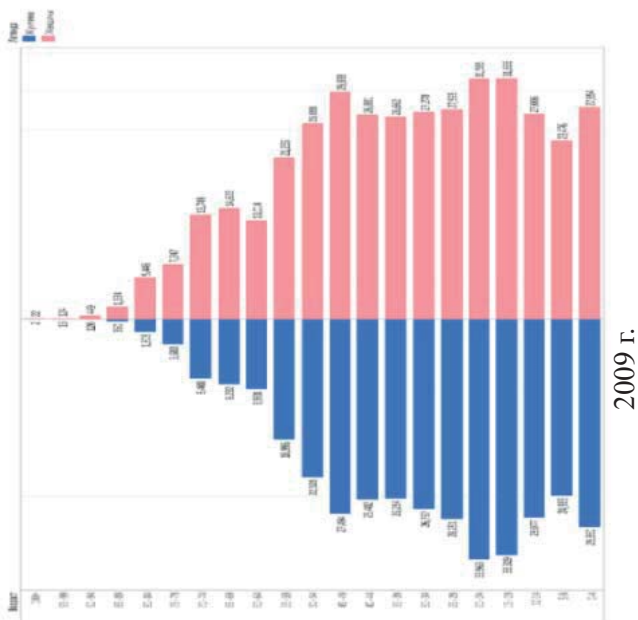

2009 г.

Рисунок 3.4 Половозрастная пирамида населения Костанайской области, 2009 и 2020 гг.
 Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/_/2009-2020_/

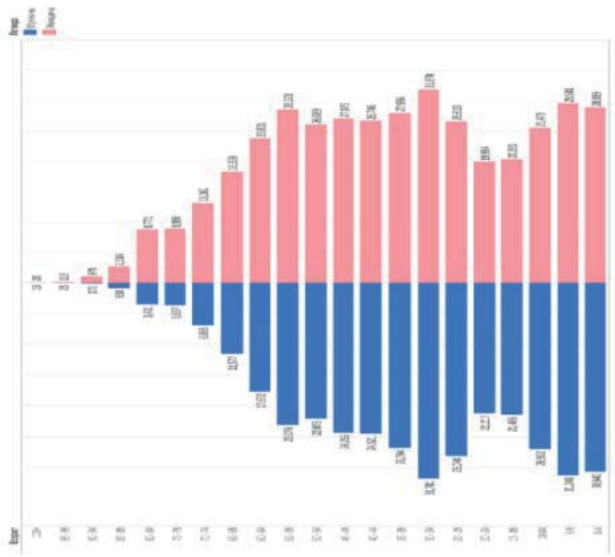

2020 г.

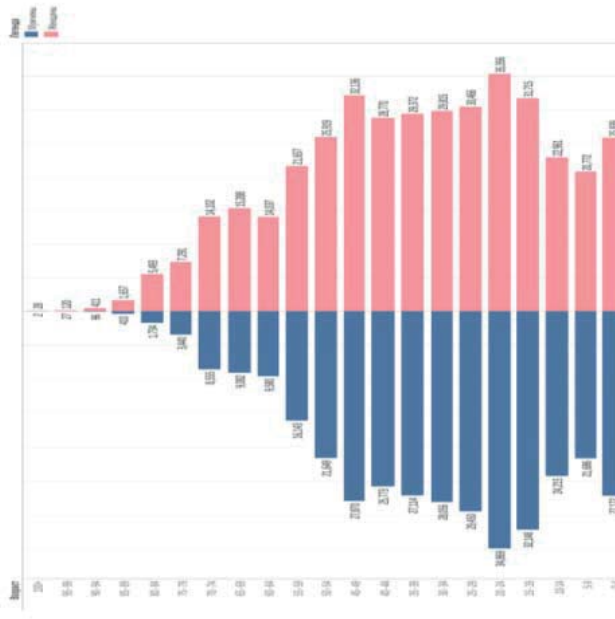

2009 г.

Рисунок 3.5 Половозрастная пирамида населения Акмолинской области, 2009 и 2020 гг.
 Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/-2009-2020_-/

2009 г.

2020 г.

Рисунок 3.6 Половозрастная пирамида населения Павлодарской области, 2009 и 2020 гг.
 Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/-/2009-2020_-/

ВОСТОЧНЫЙ КАЗАХСТАН (Восточно-Казахстанская область)

Критерий 1 – Динамика численности трех возрастных групп - 0–19 лет, 20–59 лет, 60 и старше лет за период 2009–2020 гг. (таблица 3.12)

Таблица 3.12 Численность отдельных возрастных групп (2009–2020 гг.), тыс. человек

возраст	2009		2020		2020 к 2009 (%)
	Численность	%	Численность	%	
Все население	1396,9	100	1369,6	100	98,0
0-19	394,3	28,2	392,8	28,7	99,6
20-59	818,2	58,6	737,0	53,8	90,1
60 и старше	184,4	13,2	239,8	17,5	130,0

Критерий 2 - Замещение репродуктивных поколений: в 2009 г. на 1000 человек населения в возрасте 20–39 лет приходилось 893 человека в возрасте 0–19 лет, в 2020 г. – этот показатель составил 1026.

Критерий 3 - Миграционная активность молодежи: в 2009–2020 гг. молодежная возрастная группа сократилась на 19,3%.

Восточно-Казахстанская область относится к регионам, где уже длительное время численность населения сокращается. В 2009–2020 гг. – на 2,0%. В первую очередь это происходит вследствие уменьшения численности трудоспособного населения: в 2020 г., в сравнении с 2009 г., возрастная группа 20–59 лет стала меньше на 9,9%. Несколько меньшая динамика потерь наблюдалась в возрастной группе 0–19 лет (-0,4%). Большое влияние на эволюции возрастных групп 0–19 лет и 20–59 лет оказали миграционные процессы. В результате отрицательного сальдо миграции (как внешней, так и внутренней) численность молодежи в 2009–2020 гг. уменьшилась на 19,3%. В то же время, в 2020 г., в сравнении с 2009 г., число людей старшего возраста (60+) увеличилось на 30,0%. Это один из наиболее низких показателей роста населения старшего возраста в Казахстане. Данное явление характерно для Северо-Восточного и Центрального Казахстана. Сравнительно (с Юго-Западным регионом) невысокая динамика объясняется тем, что здесь достаточно давно сложилась «старая» возрастная структура. Период массового перемещения в старшие возрастные группы остался в прошлом.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАЗАХСТАН **(Карагандинская область)**

Критерий 1 - Динамика численности трех возрастных групп - 0–19 лет, 20–59 лет, 60 и старше лет за период 2009–2020 гг. (таблица 3.13)

Таблица 3.13 Численность отдельных возрастных групп (2009–2020 гг.), тыс. человек

возраст	2009		2020		2020 к 2009 (%)
	Численность	%	Численность	%	
Все население	1341,2	100	1376,9	100	102,7
0-19	394,7	29,4	410,2	29,8	103,9

Продолжение таблицы № 3.13					
20-59	782,4	58,3	753,2	54,7	96,3
60 и старше	164,1	12,3	213,5	15,5	130,1

Критерий 2 - Замещение репродуктивных поколений: в 2009 г. на 1000 человек населения в возрасте 20–39 лет приходилось 904 человека в возрасте 0–19 лет, в 2020 г. этот показатель составил 1013.

Критерий 3 - Миграционная активность молодежи: в 2009–2020 гг. молодежная возрастная группа сократилась на 9,8%.

В 2009–2020 гг. численность населения Центрального Казахстана выросла на 2,7%. Увеличение произошло за счет возрастных групп 0–19 лет (на 3,9%) и 60 лет и старше (на 30,1%). Динамика роста старшей группы в 7,7 раза превышала темпы роста в младшей группе. В результате удельный вес составе населения младшей группы увеличился на 0,4 пункта (29,4% в 2009 г., 29,8% в 2020 г.), старшей – на 3,2 пункта (12,3% в 2009 г., 15,5% в 2020 г.). Численность трудоспособного населения сократилась на 3,7%, удельный вес в составе населения – на 3,6 пункта (58,3% в 2009 г., 54,7 % в 2020 г.). Произошло это как вследствие движения возрастнополовой структуры, так и в результате миграционных потерь представителей наиболее активной части трудоспособного населения – в 2009–2020 гг. молодая возрастная группа сократилась почти на 10%.

На рисунках 3.7, 3.8 представлены половозрастные пирамиды Восточно-Казахстанской и Карагандинской областей.

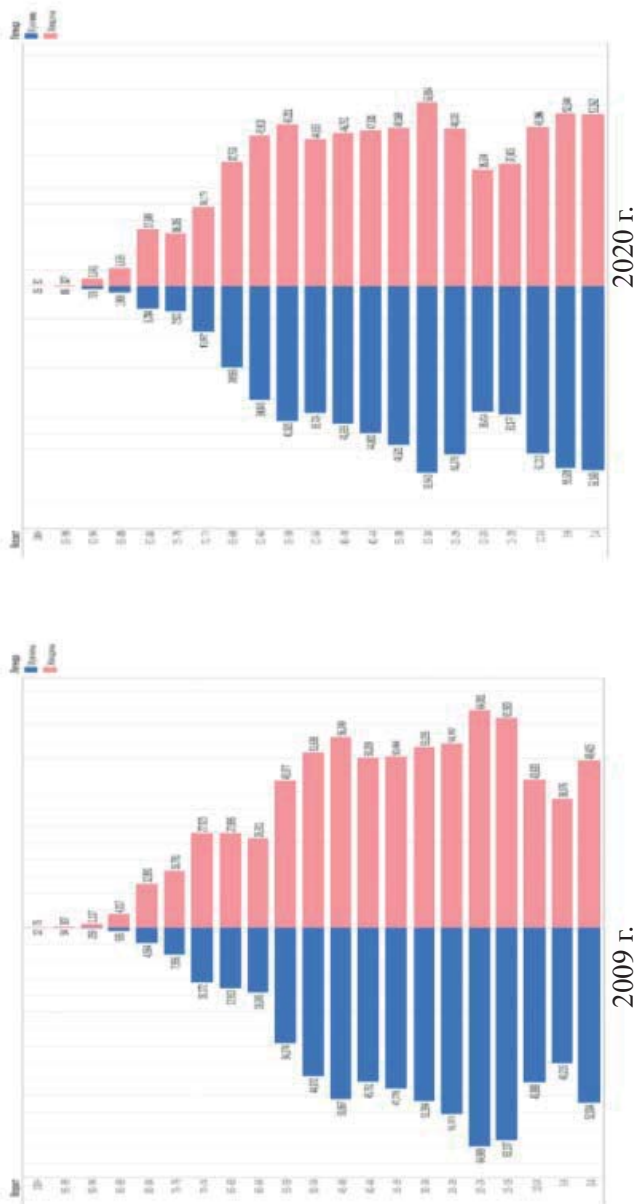
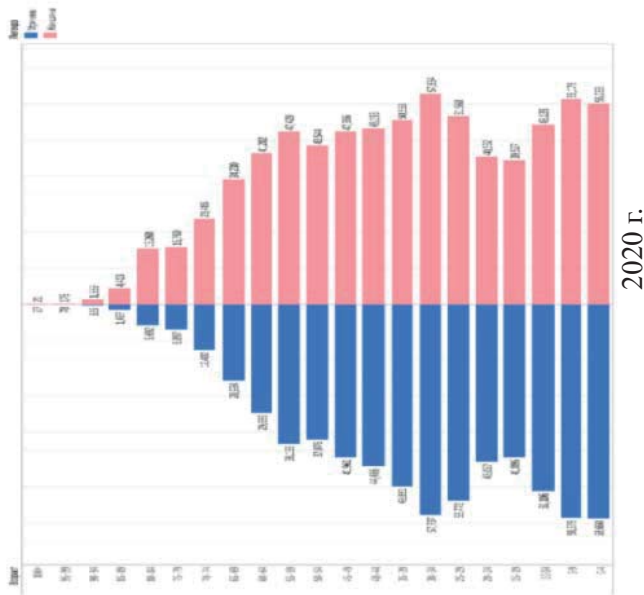
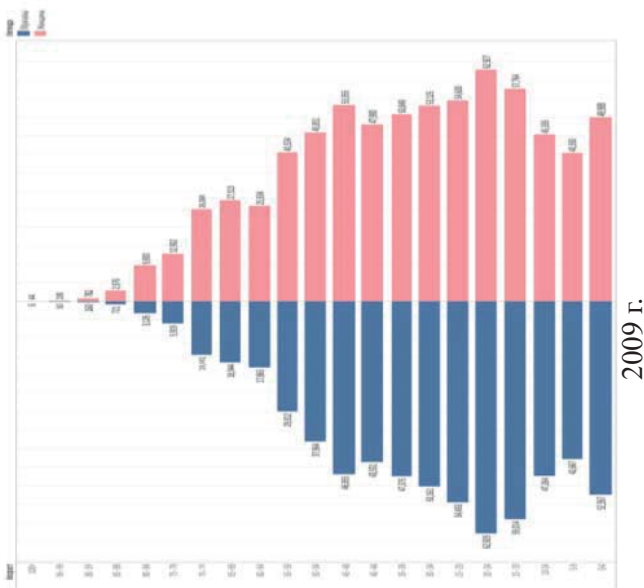

Рисунок 3.7 Половозрастная пирамида населения Восточно-Казахстанской области, 2009 и 2020 гг.
 Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/-2009-2020_-/

2020 г.

2009 г.

Рисунок 3.8 Половозрастная пирамида населения Карагандинской области, 2009 и 2020 гг.
 Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/-2009-2020_-/

ЗАПАДНЫЙ КАЗАХСТАН
(области: Актюбинская, Западно-Казахстанская,
Атырауская, Мангистауская)

Актюбинская область

Критерий 1 - Динамика численности трех возрастных групп - 0–19 лет, 20–59 лет, 60 и старше лет за период 2009–2020 гг. (таблица 3.14)

Таблица 3.14 Численность отдельных возрастных групп (2009–2020 гг.), тыс. человек

возраст	2009		2020		2020 к 2009 (%)
	Численность	%	Численность	%	
Все население	756,8	100	881,6	100	116,5
0-19	262,5	34,7	308,6	35,0	117,6
20-59	432,1	57,1	476,9	54,1	110,4
60 и старше	62,2	8,2	96,1	10,9	154,5

Критерий 2 - Замещение репродуктивных поколений: в 2009 г. на 1000 человек населения в возрасте 20–39 лет приходился 1021 человек в возрасте 0–19 лет, в 2020 г. этот показатель составил 1122.

Критерий 3 - Миграционная активность молодежи: в 2009–2020 гг. молодежная возрастная группа сократилась на 8,1%.

Западно-Казахстанская область

Критерий 1 - Динамика численности трех возрастных групп - 0–19 лет, 20–59 лет, 60 и старше лет за период 2009–2020 гг. (таблица 3.15).

Таблица 3.15 Численность отдельных возрастных групп (2009–2020 гг.), тыс. человек

возраст	2009		2020		2020 к 2009 (%)
	Численность	%	Численность	%	
Все население	598,3	100	656,8	100	109,8
0-19	188,3	31,5	212,8	32,4	113,0
20-59	344,4	57,6	355,0	54,0	103,1
60 и старше	65,6	10,9	89,0	13,6	135,7

Критерий 2 - Замещение репродуктивных поколений: в 2009 г. на 1000 человек населения в возрасте 20–39 лет приходилось 983 человека в возрасте 0–19 лет, в 2020 г. этот показатель составил 1099.

Критерий 3 - Миграционная активность молодежи: в 2009–2020 гг. молодежная возрастная группа сократилась на 10,8%.

Атырауская область

Критерий 1 - Динамика численности трех возрастных групп - 0–19 лет, 20–59 лет, 60 и старше лет за период 2009–2020 гг. (таблица 3.16)

Таблица 3.16 Численность отдельных возрастных групп (2009–2020 гг.), тыс. человек

возраст	2009		2020		2020 к 2009 (%)
	Численность	%	Численность	%	
Все население	509,1	100	645,3	100	126,7
0-19	193,3	38,0	260,6	40,4	134,8
20-59	279,6	54,9	327,6	50,8	117,2
60 и старше	36,2	7,1	57,1	8,8	157,7

Критерий 2 - Замещение репродуктивных поколений: в 2009

г. на 1000 человек населения в возрасте 20–39 лет приходилось 1149 человек в возрасте 0–19 лет, в 2020 г. этот показатель составил 1362.

Критерий 3 - Миграционная активность молодежи: в 2009–2020 гг. молодежная возрастная группа сократилась на 6,3%.

Мангистауская область

Критерий 1 - Динамика численности трех возрастных групп - 0–19 лет, 20–59 лет, 60 и старше лет за период 2009–2020 гг. (таблица 3.17)

Таблица 3.17 Численность отдельных возрастных групп (2009–2020 гг.), тыс. человек

возраст	2009		2020		2020 к 2009 (%)
	Численность	%	Численность	%	
Все население	482,6	100	698,8	100	144,8
0-19	192,6	39,9	295,9	42,3	153,6
20-59	264,1	54,7	349,2	50,0	132,2
60 и старше	25,9	5,4	53,7	7,7	207,3

Критерий 2 - Замещение репродуктивных поколений: в 2009 г. на 1000 человек населения в возрасте 20–39 лет приходилось 1155 человек в возрасте 0–19 лет, в 2020 г. этот показатель составил 1412.

Критерий 3 - Миграционная активность молодежи: в 2009–2020 гг. молодежная возрастная группа увеличилась на 8,2%.

В 2009–2020 гг. выросла общая численность населения региона, при этом увеличение отмечено во всех возрастных группах. Но самые значительные изменения возрастной структуры произошли за счет роста численности старших возрастных групп – в 2020 году по сравнению с 2009 годом прирост составил от 35,7% в Западно-Казахстанской области до 107,3% в Мангистауской области. Самый незначительный абсолютный численный прирост отмечается для населения трудоспособного возраста – от 3,1% в Западно-Казахстанской области до 32,2% в Мангистауской области. Как результат, доля трудоспособного населения сократилась во всех областях региона.

В регионе идет процесс активного замещения репродуктивных поколений, во всех областях число условных детей превышает число условных родителей в 1,1–1,4 раз. В то же время, высокий удельный вес населения в молодых возрастах не всегда сопровождается ростом числа рабочих мест, что вызывает миграционный отток молодежи.

Только Мангистауская область выигрывает от действия внутреннего миграционного фактора – численность молодежи здесь увеличилась на 8,2%. Остальные области региона теряют молодежную возрастную группу, и эти потери выражаются в статистически значимых показателях – от 6,3% в Атырауской области до 10,8% в Западно-Казахстанской области

На рисунках 3.9–3.12 представлены половозрастные пирамиды Актюбинской, Западно-Казахстанской, Атырауской и Мангистауской областей.

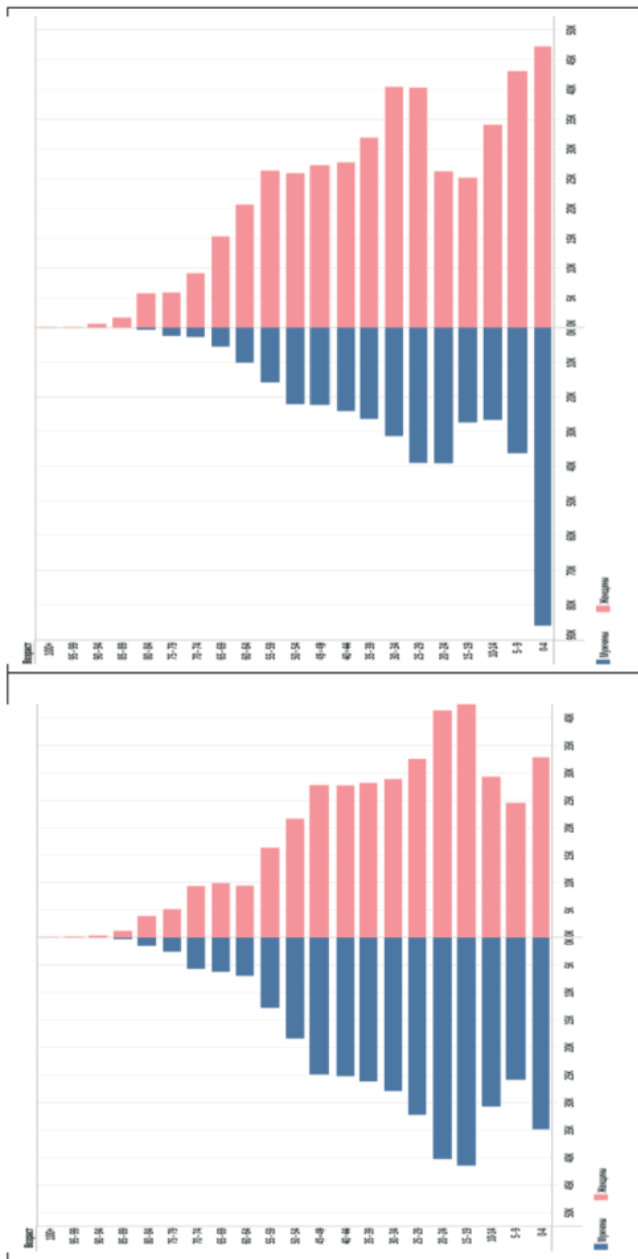
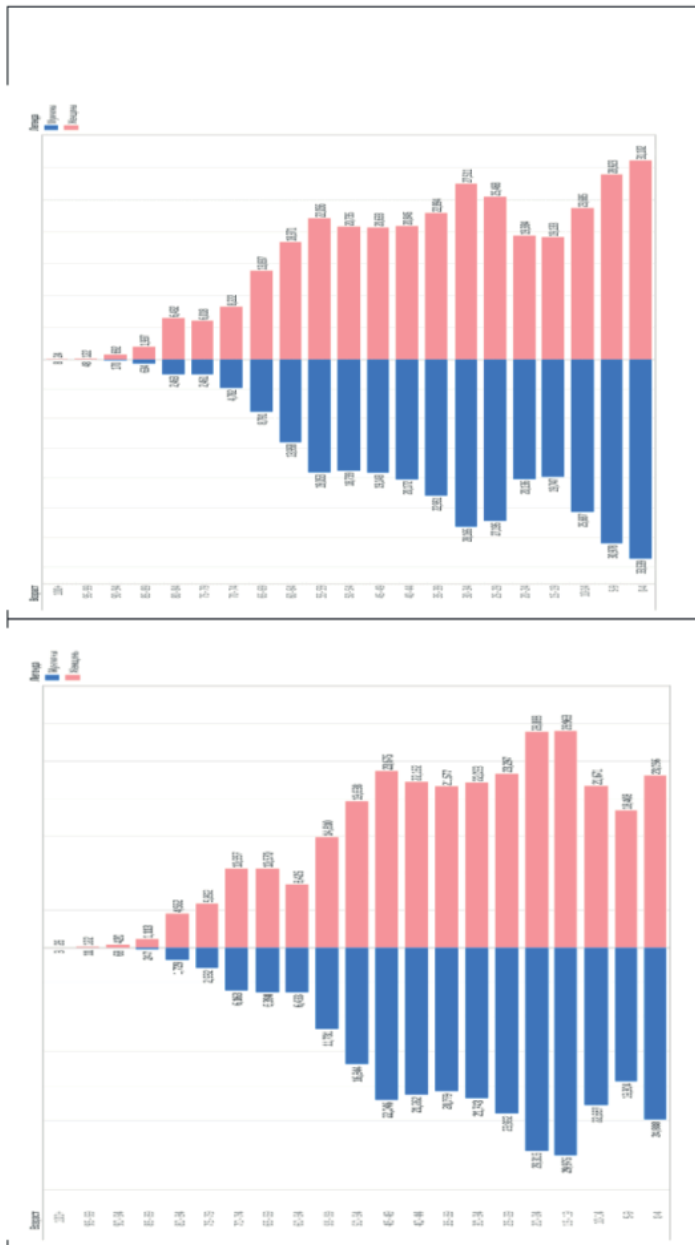

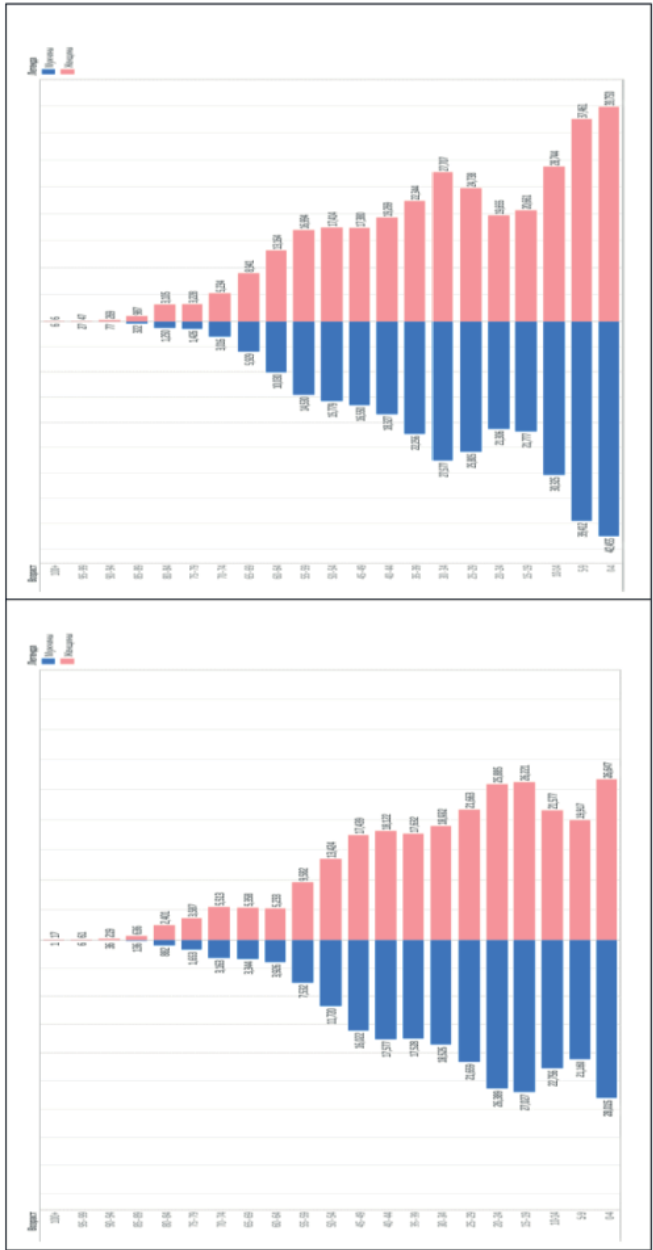
Рисунок 3.9 Половозрастная пирамида населения Амурской области, 2009 и 2020 гг.
 Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonilev/viz/-/2009-2020_/

2009 г.

2020 г.

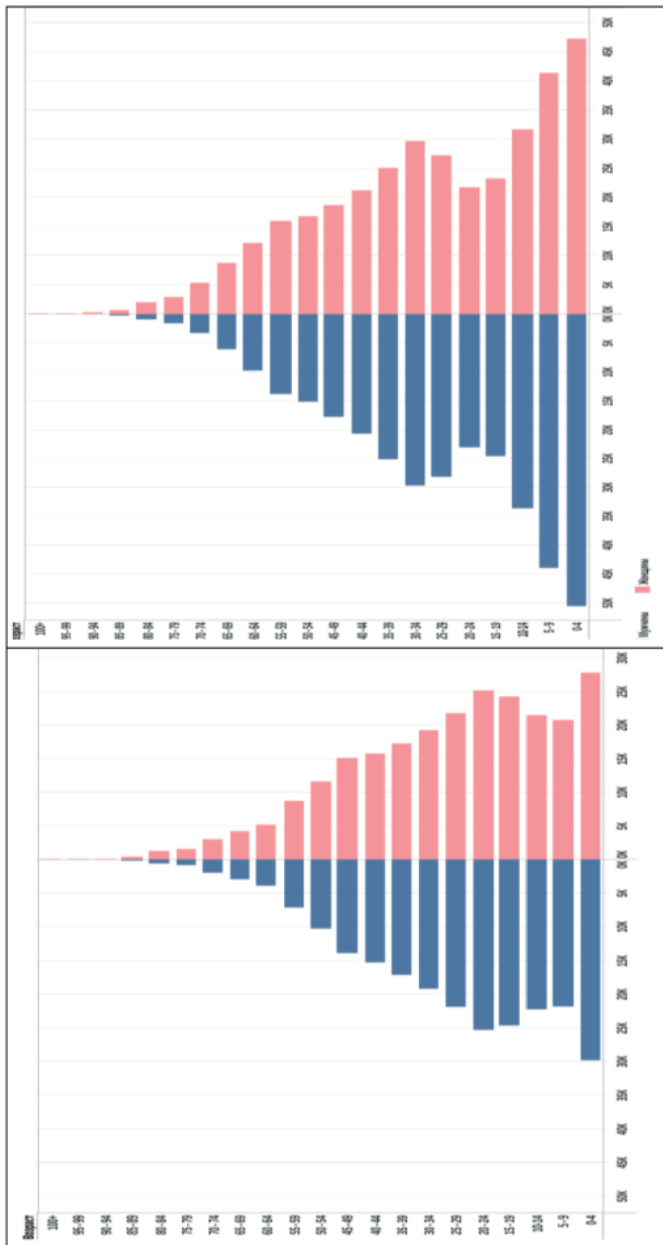
Рисунок 3.10 Половозрастная пирамида населения Западно-Казхстанской области, 2009 и 2020 гг.
 Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonilev/viz/-/2009-2020_-/

2009 г.

2020 г.

Рисунок 3.11 Половозрастная пирамида населения Атырауской области, 2009 и 2020 гг.
 Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/-2009-2020_-/

2009 г.

2020 г.

Рисунок 3.12 Половозрастная пирамида населения Мангистауской области, 2009 и 2020 гг.
 Источник: база данных <https://public.tableau.com/app/profile/antonilev/viz/-/2009-2020> /-

ЮЖНЫЙ КАЗАХСТАН
(области: Алматинская, Кызылординская, Жамбылская,
Туркестанская)

Алматинская область

Критерий 1 - Динамика численности трех возрастных групп - 0–19 лет, 20–59 лет, 60 и старше лет за период 2009–2020 гг. (таблица 3.18)

Таблица 3.18 Численность отдельных возрастных групп (2009–2020 гг.), тыс. человек

возраст	2009		2020		2020 к 2009 (%)
	Численность	%	Численность	%	
Все население	1804,0	100	2055,7	100	113,9
0-19	629,2	34,9	781,5	38,0	124,2
20-59	1014,2	56,2	1044,1	50,8	102,9
60 и старше	160,6	8,9	230,1	11,2	143,3

Критерий 2 - Замещение репродуктивных поколений: в 2009 г. на 1000 населения в возрасте 20–39 лет приходилось 1038 человек в возрасте 0–19 лет, в 2020 г. этот показатель составил 1037.

Критерий 3 - Миграционная активность молодежи: в 2009–2020 гг. молодежная возрастная группа сократилась на 17,6%

Кызылординская область

Критерий 1 - Динамика численности трех возрастных групп - 0–19 лет, 20–59 лет, 60 и старше лет за период 2009–2020 гг. (таблица 3.19)

Таблица 3.19 Численность отдельных возрастных групп (2009–2020 гг.), тыс. человек

возраст	2009		2020		2020 к 2009 (%)
	Численность	%	Численность	%	
Все население	677,7	100	803,5	100	118,6
0-19	275,0	40,6	327,9	40,8	119,2
20-59	357,2	52,7	403,5	50,2	112,9
60 и старше	45,2	6,7	72,1	9,0	159,5

Критерий 2 - Замещение репродуктивных поколений: в 2009 г. на 1000 населения в возрасте 20–39 лет приходилось 1267 человек в возрасте 0-19 человек, в 2020 г. этот показатель составил 1428.

Критерий 3 - Миграционная активность молодежи: в 2009–2020 гг. молодежная возрастная группа сократилась на 16,0%

Жамбылская область

Критерий 1 - Динамика численности трех возрастных групп - 0–19 лет, 20–59 лет, 60 и старше лет за период 2009–2020 гг. (таблица 3.20)

Таблица 3.20 Численность отдельных возрастных групп (2009–2020 гг.), тыс. человек

возраст	2009		2020		2020 к 2009 (%)
	Численность	%	Численность	%	
Все население	1020,8	100	1130,1	100	110,7
0-19	393,3	38,5	463,3	41,0	117,8
20-59	545,7	53,4	549,1	48,6	100,6
60 и старше	81,8	8,1	117,7	10,4	143,9

Критерий 2 - Замещение репродуктивных поколений: в 2009

г. на 1000 населения в возрасте 20–39 лет приходилось 1204 человек в возрасте 0–19 лет, в 2020 г. этот показатель составил 1532.

Критерий 3 - Миграционная активность молодежи: в 2009–2020 гг. молодежная возрастная группа сократилась на 21,5%.

Туркестанская область

(В целях выявления динамики проблемы, численность населения Туркестанской области в 2009 и 2020 гг. рассчитывалась вместе с населением г. Шымкент).

Критерий 1 - Динамика численности трех возрастных групп - 0–19 лет, 20–59 лет, 60 и старше лет за период 2009–2020 гг. (таблица 3.21)

Таблица 3.21 Численность отдельных возрастных групп (2009–2020 гг.), тыс. человек

возраст	2009		2020		2020 к 2009
	Численность	%	Численность	%	
Все население	2462,8	100	3054,2	100	124,0
0-19	1080,5	43,9	1357,1	44,4	125,6
20-59	1231,8	50,0	1455,7	47,7	118,2
60 и старше	150,5	6,1	241,4	7,9	160,4

Критерий 2 - Замещение репродуктивных поколений: в 2009 г. на 1000 населения в возрасте 20–39 лет приходилось 1406 человек в возрасте 0–19 лет, в 2020 г. этот показатель составил 1565.

Критерий 3 - Миграционная активность молодежи: в 2009–2020 гг. молодежная возрастная группа сократилась на 13,7%.

Южный Казахстан – регион с высокими темпами роста численности населения. Увеличение численности наблюдается во всех трех возрастных группах, наибольшая динамика характерна для возрастной группы 60 лет и старше. Но делать серьезные выводы на основе относительных показателей в данном случае неверно. С одной стороны, мы наблюдаем начальные этапы становления тенденции старения казахского населения, являющегося большинством в регионе. В силу того, что абсолютная численность пожилых людей еще невелика, динамика относительных показателей кажется угрожающей. Но это не так. Например, в Туркестанской области динамика роста возрастной группы старше 60 лет составила 60,4%. Очень высокие темпы. Но, число жителей области в 2020 г. в сравнении с 2009 г. увеличилось на 591,4 тыс. человек. При этом удельный вес в этом приросте старшей возрастной группы составил 15,4%, тогда как группы 0–19 лет – 46,8%, 20–59 лет – 37,8%. Таким образом, проблема старения населения Южного Казахстана – это проблема завтрашнего дня. В настоящее время наиболее актуальны очень высокие темпы роста группы 0–19 лет, способные создать немало проблем социально-экономического характера. Одним из свидетельств актуальности проблемы является то, что в результате миграционного оттока произошло сокращение численности молодежи в среднем на 17,2% по всему южному региону.

На рисунках 3.13–3.16 представлены половозрастные пирамиды Алматинской, Кызылординской, Жамбылской и Туркестанской областей.

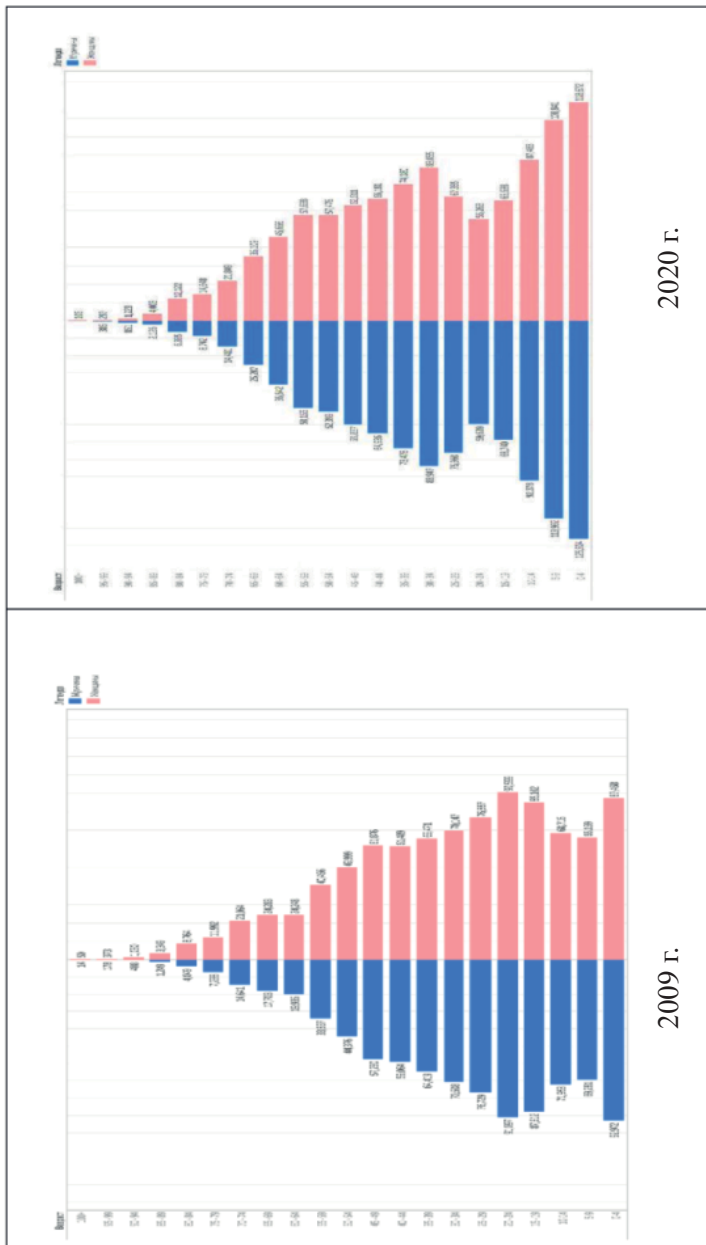

Рисунок 3.13 Половозрастная пирамида населения Алтаинской области, 2009 и 2020 гг.
 Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/-2009-2020_/

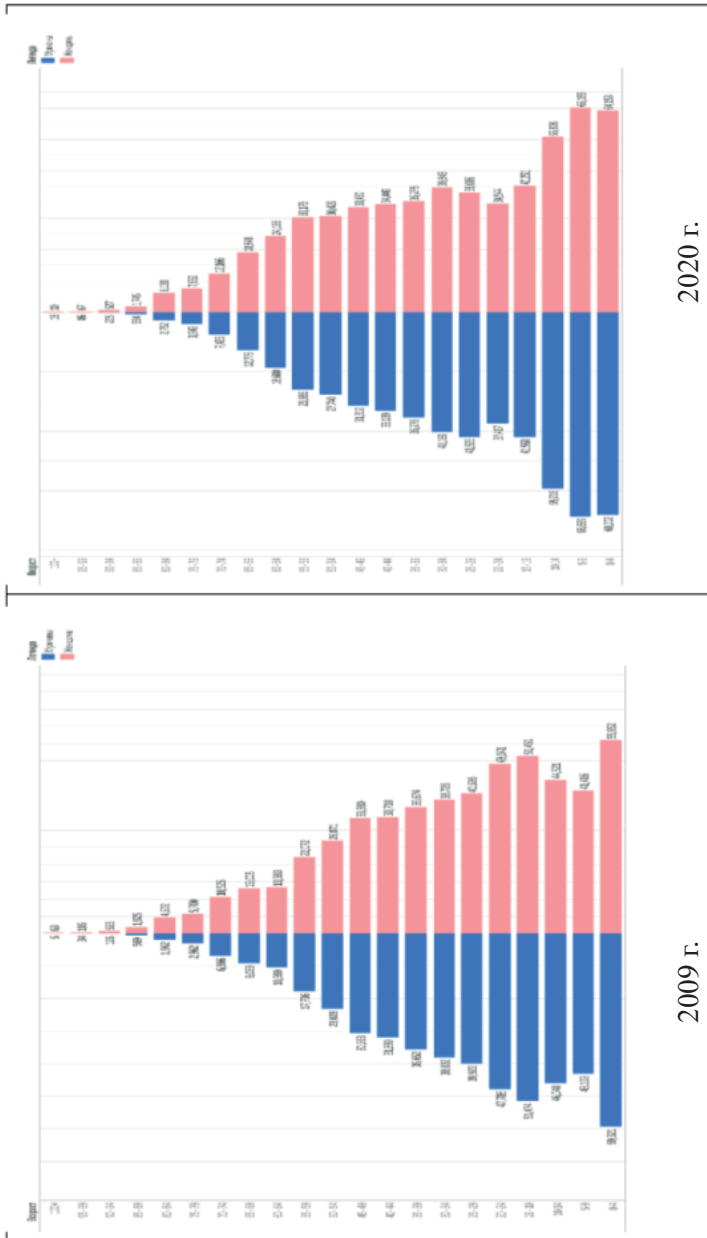

Рисунок 3.14 Половозрастная пирамида населения Жамбылской области, 2009 и 2020 гг.
 Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/-2009-2020_/

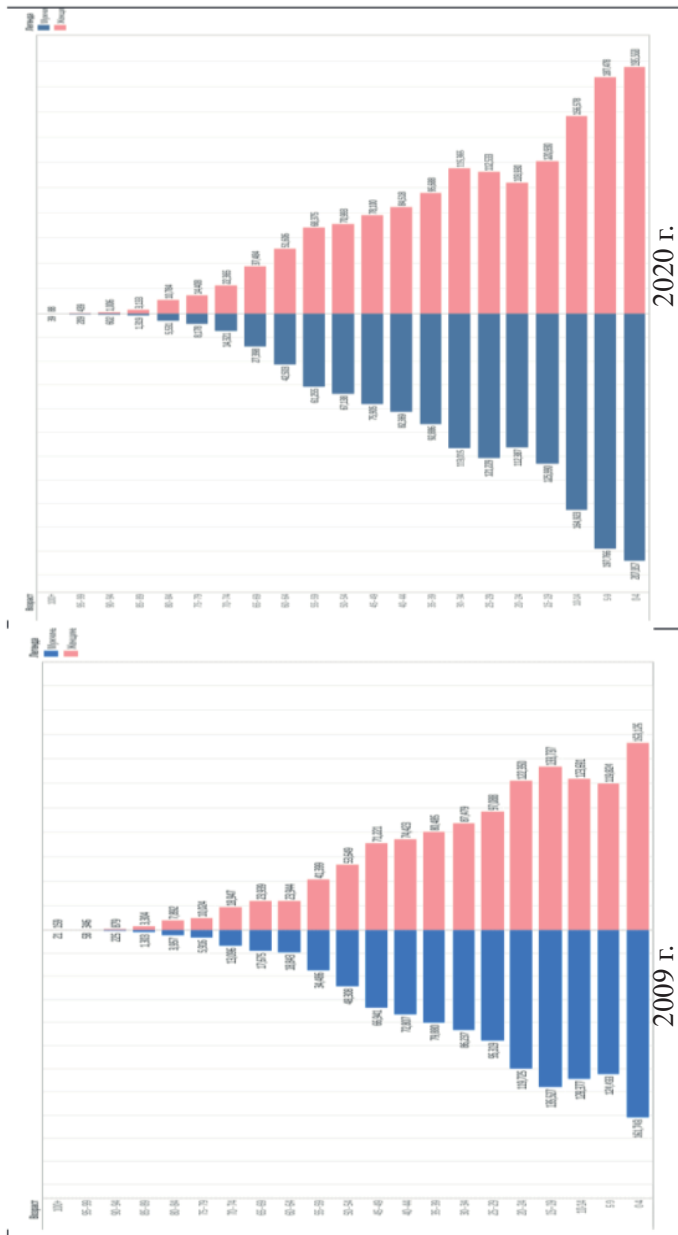

Рисунок 3.15 Половозрастная пирамида населения Туркестанской области (с Шымкентом), 2009 и 2020 гг.

Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/-2009-2020_/

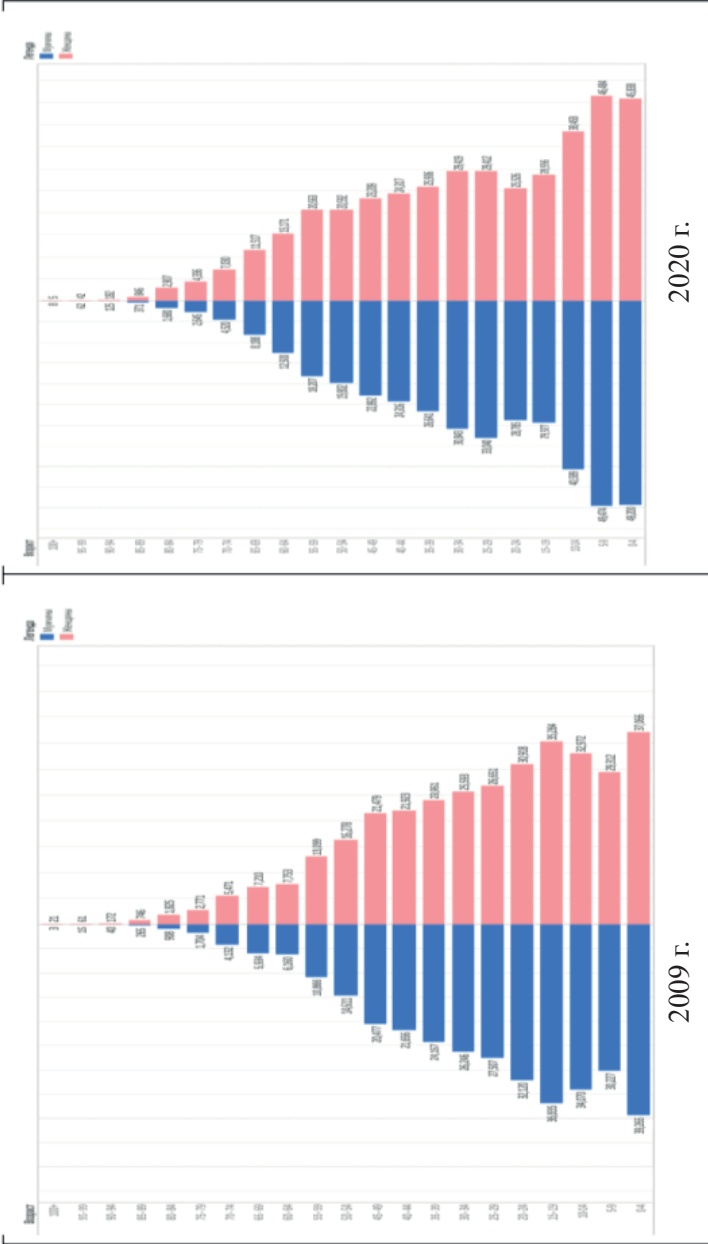

Рисунок 3.16 Половозрастная пирамида населения Кызылординской области, 2009 и 2020 гг.
 Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/-2009-2020_/

ОСОБЫЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КЛАСТЕР – ГОРОДА-МЕГАПОЛИСЫ

г. АСТАНА

Критерий 1 - Динамика численности трех возрастных групп - 0–19 лет, 20–59 лет, 60 и старше лет за период 2009–2020 гг. (таблица 3.22)

Таблица 3.22 Численность отдельных возрастных групп (2009–2020 гг.), тыс. человек

возраст	2009		2020		2020 к 2009 (%)
	Численность	%	Численность	%	
Все население	605,2	100	1136,2	100	187,7
0-19	177,8	29,4	396,9	34,9	222,9
20-59	390,7	64,5	645,5	56,8	165,2
60 и старше	36,7	6,1	94,3	8,3	256,9

Критерий 2 - Замещение репродуктивных поколений: в 2009 г. на 1000 населения в возрасте 20–39 лет приходилось 679 человек в возрасте 0–19 лет, в 2020 г. этот показатель составил 988.

Критерий 3 - Миграционная активность молодежи: в 2009–2020 гг. молодежная возрастная группа увеличилась на 92,1%

г. АЛМАТЫ

Критерий 1 - Динамика численности трех возрастных групп - 0–19 лет, 20–59 лет, 60 и старше лет за период 2009–2020 гг. (таблица 3.23)

Таблица 3.23 Численность отдельных возрастных групп (2009–2020 гг.), тыс. человек

возраст	2009		2020		2020 к 2009 (%)
	Численность	%	Численность	%	
Все население	1361,9	100	1916,8	100	140,7
0-19	380,4	27,9	534,9	27,9	140,6
20-59	832,1	61,1	1146,0	59,8	137,7
60 и старше	149,4	11,0	235,9	12,3	157,9

Критерий 2 - Замещение репродуктивных поколений: в 2009 г. на 1000 населения в возрасте 20–39 лет приходилось 708 человек в возрасте 0–19 лет, в 2020 г. этот показатель составил 750.

Критерий 3 - Миграционная активность молодежи: в 2009–2020 гг. молодежная возрастная группа увеличилась на 59,9%.

г. ШЫМКЕНТ

(данные по г. Шымкент рассчитаны на 2020 г. Население г. Шымкент в 2009 г. учитывалось в составе населения Туркестанской области).

Критерий 1 - Динамика численности трех возрастных групп - 0–19 лет, 20–59 лет, 60 и старше лет в 2020 гг. (таблица 3.24)

Таблица 3.24 Численность отдельных возрастных групп (2009–2020 гг.), тыс. человек

возраст	2009		2020		2020 к 2009 (%)
	Численность	%	Численность	%	
Все население	602,3	100	1038,1	100	172,4
0-19	236,4	39,3	425,2	40,9	180,0
20-59	325,2	54,0	529,6	51,0	162,9
60 и старше	40,7	6,7	83,3	8,1	204,7

Критерий 2 - Замещение репродуктивных поколений: в 2020 г. на 1000 населения в возрасте 20–39 лет приходилось 1296 человек в возрасте 0–19 лет.

Критерий 3 – Миграционная активность молодежи: не рассчитывался.

Как и во всех регионах Казахстана, в городах-мегаполисах отмечается быстрый рост численности старших и младших возрастных групп, а численность трудоспособного населения отстает от них по темпам прироста. Происходит и активный процесс замещения репродуктивных поколений. Именно на этих городах фокусируется основная миграционная активность, здесь происходит суммирование миграционного притока молодежи из всех областей страны. Эта молодежь уже достигла или достигнет в ближайшем будущем трудоспособного возраста, но главный вопрос состоит в том, смогут ли они реализовать свой трудовой потенциал в условиях сегодняшнего уровня развития казахстанского рынка труда.

На рисунках 3.17–3.19 представлены возрастно-половые пирамиды гг. Астана, Алматы и Шымкент.

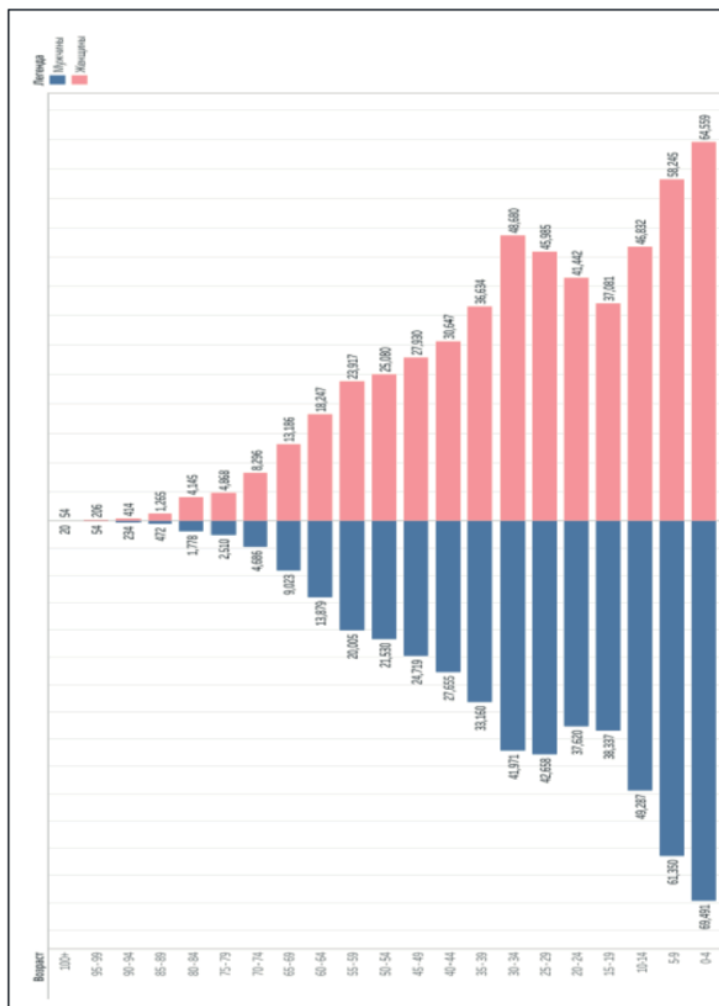
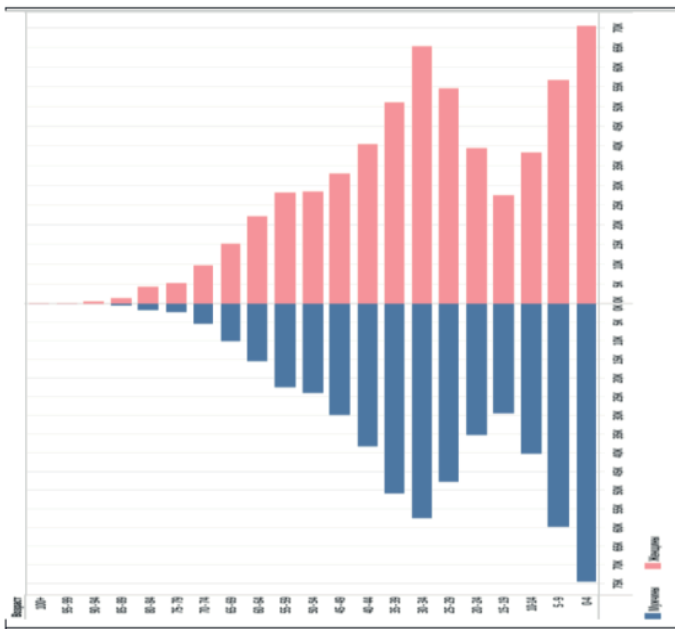
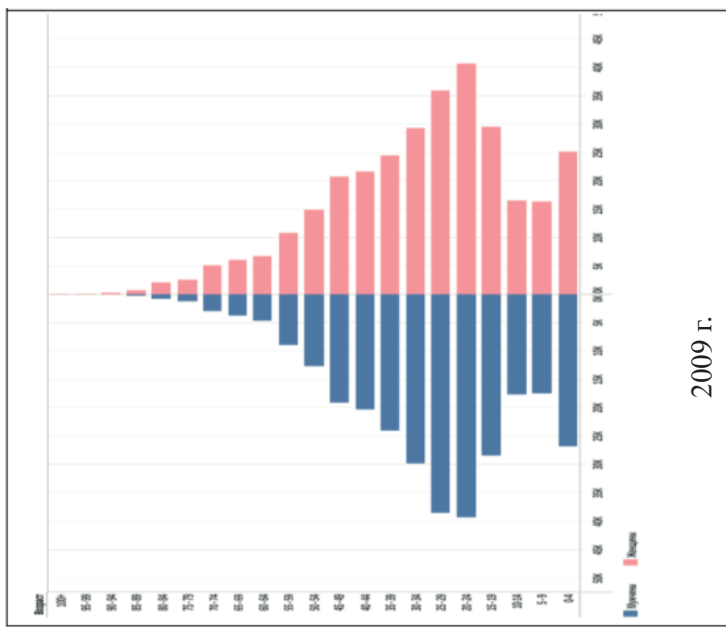

Рисунок 3.17 Половозрастная пирамида населения города Шымкент, 2020 г.
 Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/-2009-2020_/

2020 г.

2009 г.

Рисунок 3.18 Половозрастная пирамида населения города Астана, 2009 и 2020 гг.
 Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/-/2009-2020_-/

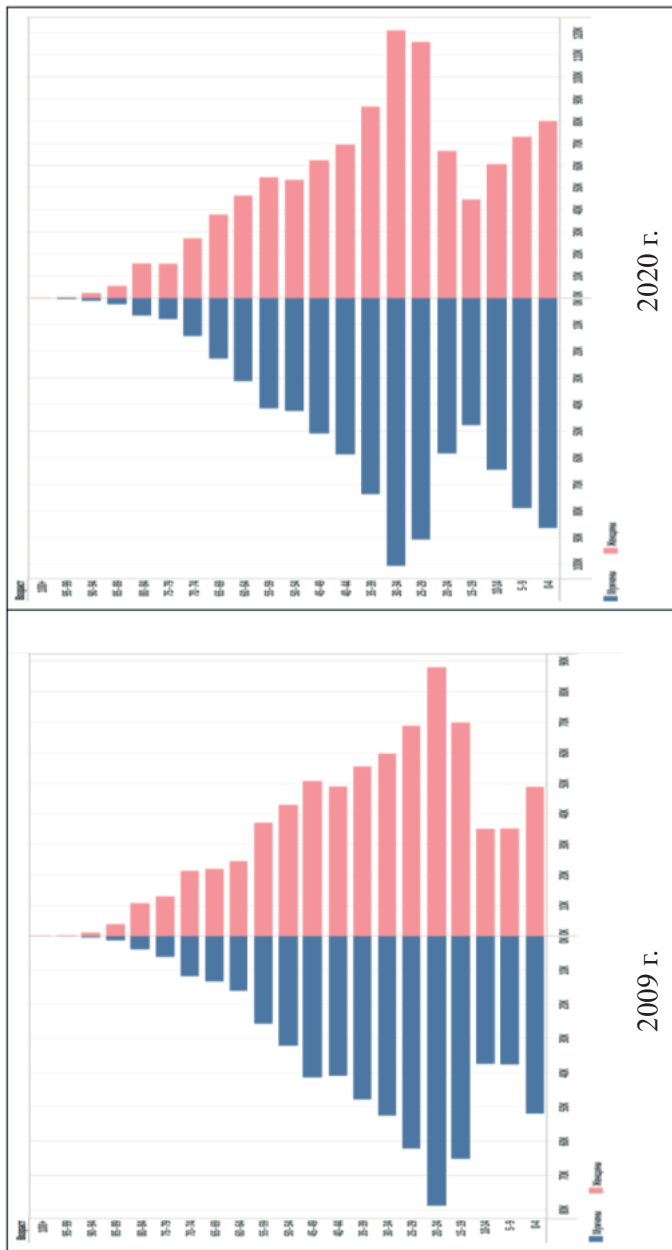

Рисунок 3.19 Половозрастная пирамида населения города Алматы, 2009 и 2020 гг.
 Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/-2009-2020_-/

Региональный характер демографических рисков

Во втором десятилетии XXI в. на демографические процессы в РК большое влияние оказал значительный рост рождаемости в 2009–2020 гг. В результате, в возрастной структуре населения произошли существенные сдвиги, особенно в нижней части возрастной пирамиды (0–9 лет). Повышенная динамика роста детских групп сказалась на показателях, характеризующих социально-экономическое, социально-демографическое развитие РК (изменение удельного веса детского, трудоспособного, старшего возрастов и т. д.). В то же время, в 2009–2020 гг. в старшие возрастные группы (60+) все более активно начинают вступать поколения, появившиеся на свет в 1950-1960-е гг. (поколение демографического взрыва). Именно активные изменения в верхней и нижней части возрастной пирамиды детерминируют сегодня суть многих социально-демографических явлений. Важно то, что процессы рождаемости, определяющие в последние десять лет движения детских возрастных групп (0–9 лет), на 90% зависят от представителей казахского этноса. Все более активно казахи влияют и на динамику старения населения (поколение демографического взрыва). Соответственно, этнодемографический фактор продолжает оказывать влияние на процессы демографической безопасности РК. Особенно четко проявляется в регионах.

С точки зрения демографических рисков, регионы РК делятся на три группы с характерными особенностями демографического развития, являющихся, по мнению авторов, следствием этнической дифференциации системы расселения. К первой группе относятся области Северного, Восточного и Центрального Казахстана, где сохраняются высокие показатели полиэтничности. Во вторую группу входят области Юго-Западного Казахстана с абсолютным доминированием казахского этноса. Третья группа – города республиканского значения: Астана, Алматы, Шымкент. В третьей группе этнодемографический фактор не имеет определяющего значения, на первые роли выходят социально-экономические и социально-демографические явления.

В составе населения областей первой группы высокий удель-

ный вес европейских этнических групп, для которых характерны низкие показатели рождаемости, высокие (вследствие старой возрастной структуры) показатели смертности, эмиграционный отток. Взрыв рождаемости в 2009–2020 гг. в Казахстане на этом регионе сказался незначительно, возрастные пирамиды областей группы остаются регрессивными. Во всех областях наблюдается миграционный отток молодежи.

В составе населения областей второй группы доминируют представители казахского этноса. Именно в Юго-Западном Казахстане наиболее четко проявляются особенности выстраивания возрастной структуры государства – динамичное увеличение возрастных групп верхней (60 и старше) и нижней (0–19 лет) частей пирамиды. При этом, судя по возрастной структуре 2020 г., в перспективе динамика процесса будет нарастать. Во всех областях этой группы наблюдается существенный миграционный отток молодежи, являющийся следствием высокой рождаемости при дефиците рабочих мест. Исключение составляет Мангистауская область, где динамика численности, как всего населения, так и отдельных возрастных групп, наиболее высока. Суть ситуации определяет миграционный приток населения, искажающий эволюцию выстраивания возрастной структуры. Мангистауская область – единственная в РК (кроме крупных городов), где наблюдается миграционный приток молодежи.

Особенность третьей группы в том, что выстраивание возрастной структуры в большой степени зависит от миграционного притока населения. Фактически, крупные города – единственные в РК регионы (плюс Мангистауская область) с положительным сальдо миграции, что свидетельствует о неравномерности социально-экономического развития регионов государства. В 2009–2020 гг. численность населения РК на 41,0% росла за счет Астаны и Алматы.

Рассмотрим изменения удельного веса возрастной группы 10–19 лет в 2009 году по сравнению с 2020 годом, когда представители этой группы достигли возраста 20–29 лет. Так, в большинстве регионов удельный вес этой возрастной группы уменьшился: в Жамбылской на 21,5%, Северо-Казахстанской на

20,3%, Восточно-Казахстанской области на 19,3%, Акмолинской на 18,7%, Алматинской на 17,6%, Кызылординской на 16,0%, Туркестанской на 13,7%, Палодарской на 13,6%, Костанайской на 13,2%, Западно-Казахстанской на 10,2%, Карагандинской на 9,8%, Актюбинской на 8,1%, Атырауской на 6,3%. Параллельно с этим в трех регионах он увеличился: в Мангистауской на +8,2%, Алматы на +59,9% и Астанае на +92,1%. Данный анализ передвижки возрастной группы с учетом возможной смертности (она, как правило, в этой возрастной группе небольшая - составляет примерно 1%) позволяет придти к выводу о том, что потери молодежи в регионах Казахстана в большей степени обусловлены внутренней миграцией в столицы, особое внимание следует уделить увеличению возрастной группы 20-29 лет в Алматы (почти на 60%) и Астанае (на 92,1%), сверхконцентрации молодежи в мегаполисах формирует так называемое демографическое окно или молодежный «гребень».

Таким образом, население Казахстана все более явно концентрируется в нескольких крупных городах, что актуализирует, с одной стороны, проблему обезлюдивания территорий (в первую очередь в северо-восточном приграничье) и, с другой, проблему перенаселения южных областей и социально-экономического напряжения в городах республиканского значения, нехватки жилья, в целом дефицит социальной инфраструктуры. Эти явления стимулируют дальнейший рост молодежной безработицы, социального и имущественного неравенства, возникновения социальных конфликтов. Современную половозрастную пирамиду Казахстана можно назвать пирамидой противоречий, в которой ярко проявляются события прошлых лет, проблемы сегодняшнего дня и негативные последствия, которые возможно и вероятно ожидают страну в будущем.

Риски, связанные с демографическим старением населения

Методы и инструменты анализа процессов старения населения. Демографическое старение населения рассматривается как результат длительных демографических изменений, сдвигов

в характере воспроизводства населения, рождаемости, смертности, их соотношения, а также частичного влияния миграционных перемещений. Для оценки демографического старения Казахстана будут использованы индекс постарения по А.Сови, междуна-родная классификация по ООН, классификация по Э.Россету-Боже-Гарнье и индекс старения РК.

Сводный график старения населения по Казахстану и его регионам представлен в разработанной авторами базе демографических данных (рисунок 3.20). База данных (Демографическая информационная система) разработана на платформе MediaWiki, с использованием расширения Semantic MediaWiki. Данное расширение позволяет хранить структурированные и типизированные данные в тексте страниц Wiki. Для запросов данных используется семантический поиск и API. В качестве инструмента для анализа, прогнозирования и визуализации используется программное обеспечение Tableau.

На данный момент в системе имеются данные 377 демографических показателей по 14 областям и 3 городам республиканского значения. **Ссылка на базу данных:** https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/2009-2020__16480262761190/Sheet1

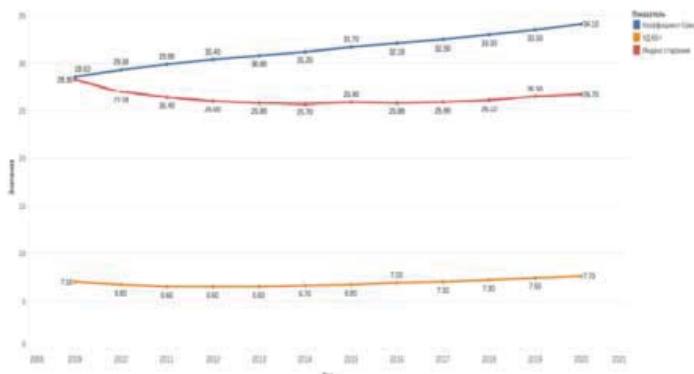

Рисунок 3.20 Сводный график старения населения Казахстана, 2009–2020 гг.

Источник: https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/2009-2020__16480262761190/Sheet1

Проблема, которой в Казахстане уделяют недостаточное внимание – повышение доли пожилых людей в структуре населения. Этот риск можно рассматривать как вероятность наступления таких неблагоприятных событий, как сбой финансовой жизнеспособности пенсионной системы, высокая нагрузка на трудоспособное население, специфическая нагрузка на систему здравоохранения. Наряду с этим при взвешенной политике государства, повышение доли пожилых людей может давать обществу новые возможности активного участия старших поколений как в экономической, так и в социальной жизни общества - эффективное использование потенциала «серебряного поколения».

Старение населения по классификации А. Сови. Удельный вес возрастной группы старше 60 лет и старше к числу лиц до 20 лет в общей структуре населения в значение 30% является границей, превышение которого говорит о начале усиления темпов старения населения. В Казахстане он был преодолен еще в 2011 году, достигнув к 2020 году уровня 34,1%, темпы прироста данного показателя составили за 10 лет 12% (в год - 1,2%). В целом, по зарубежным оценкам, Казахстан можно отнести к региону с высоким уровнем старения со всеми вытекающими социально-экономическими последствиями.

Однако картина возрастной структуры населения в конкретных регионах имеет много отличий от средних общереспубликанских значений, которые не отражают объективной региональной специфики.

На территории Казахстана можно выделить три кластера по коэффициенту А. Сови:

1) Первый кластер с низкой степенью постарения: Мангистауская область и ЮКО (ныне Туркестанская область). Среднее значение по кластеру -17,6%.

2) Второй кластер со средней степенью постарения по А. Сови: Атырауская, Жамбылская, Кызылординская, Алматинская области и город Астана. Среднее значение по кластеру – 24,3%.

3) Третий кластер, критически превышающий высокий уровень постарения: Актюбинская, Восточно-Казахстанская, Северо-Казахстанская, Западно-Казахстанская, Акмолинская, Кара-

гандинская, Костанайская и Павлодарская области, а также город Алматы. Среднее значение по кластеру - 53,0%.

В разрезе городского и сельского населения возрастная структура населения сохраняется аналогичной, соответственно и классификация.

Фактически в Казахстане только две области, где степень старения по общепринятой шкале можно считать низкой — это Мангистауская (18,2%) и бывшая Южно-Казахстанская, ныне Туркестанская области (17,0%). Именно молодая возрастная структура этих областей, высокая рождаемость (суммарный коэффициент рождаемости с 2009 года до 2020 года в каждой из них вырос на 32,3%), низкая смертность дает особую демографическую специфику данному региону, обособляя и противопоставляя его другим регионам и общеказахстанскому тренду (рисунок 3.21). Это порождает возникновение в этих областях демографических рисков иного рода, главным образом связанных с высокой долей детей и молодежи в структуре населения и отложенный риск старения.

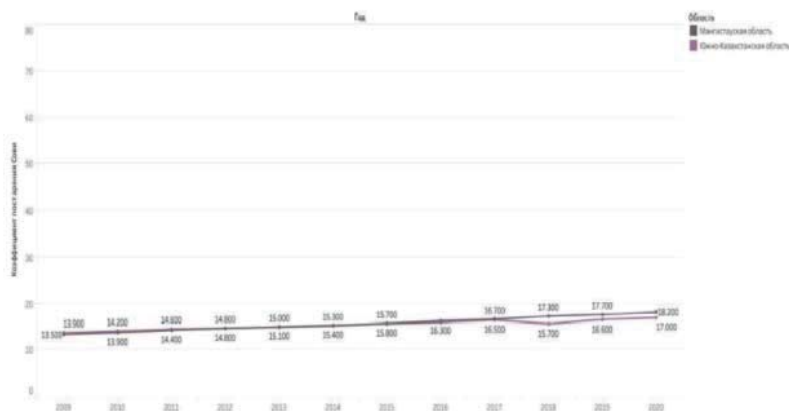

Рисунок 3.21 Показатель старения населения по А. Сови ниже 20%: Мангистауская и Южно-Казахстанская области

Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/2009-2020_/sheet0

Во второй кластер вошли области со значением коэффициента А. Сови от 20% до 30% к 2020 году: Алматинская (28,4%), Аты-рауская (21,9%), Жамбылская (25,4%), Кызылординская (22,0%) области и город Астана (23,8%). Данное значение характеризует средний уровень старения, однако, динамика происходящих в этих областях процессов достаточно устойчива и демонстрирует тенденцию к постепенному нарастанию рисков старения (рисунок 3.22).

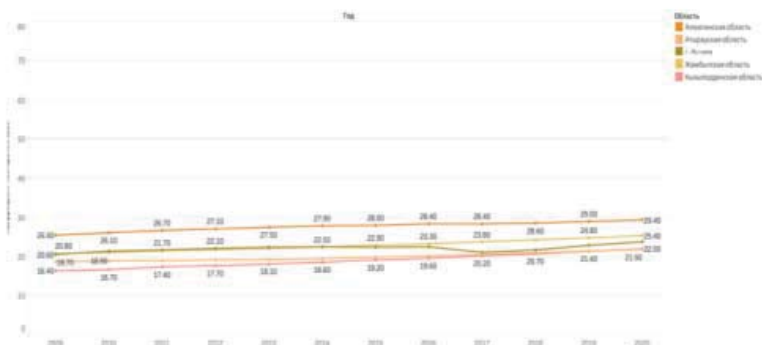

Рисунок 3.22 Показатель старения населения по А. Сови 20-30%: Алматинская, Атырауская, Жамбылская, Кызылординская области и г. Астана

Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/2009-2020_/sheet0

Значительные демографические риски, вытекающие из изменений возрастной структуры населения можно наблюдать на большей части Казахстана, главным образом, на северо-востоке, где коэффициент старения по А. Сови составил в Северо-Казахстанской области - 71,9%; в Восточно-Казахстанской области - 61,1; в Западно-Казахстанской области - 41,8; в Акмолинской области - 51,1; в Карагандинской - 52,1; в Костанайской - 66,9; в Павлодарской области - 56,4; в Актюбинской области – 31,3 и в городе Алматы - 44,1 (рисунок 3.23).

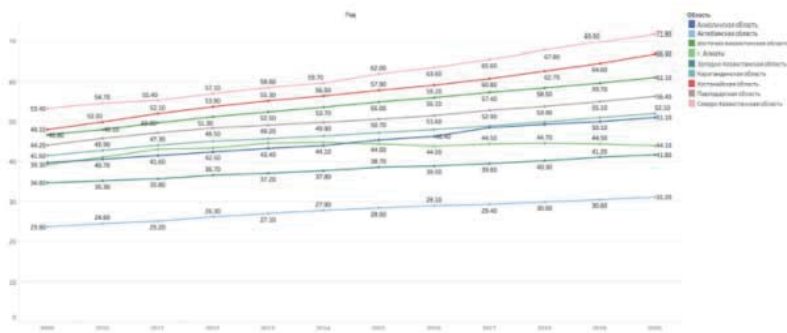

Рисунок 3.23 Показатель старения по А. Сови выше 30%: Акмолинская, Актыубинская, Восточно-Казахстанская, Западно-Казахстанская, Карагандинская, Костанайская, Павлодарская, Северо-Казахстанская области и г. Алматы
 Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/2009-2020_/sheet0

Кроме того, в этом кластере можно выделить еще три группы: 1) от 30% до 50% (Западно-Казахстанская область и г. Алматы); 2) от 50% до 60% (Карагандинская, Акмолинская, Павлодарская области); 3) от 60% и выше – Восточно-Казахстанская область, Костанайская и Северо-Казахстанская области. Фиксируется высокая амплитуда региональных колебаний между областями: от минимального значения 13,5% в Мангистауской области до 53,0 % в Северо-Казахстанской области в 2009 году и, соответственно, от 17,0% в Туркестанской области до 71,9 в Северо-Казахстанской области в 2020 году. Увеличение амплитуды отражает на-растающую поляризацию демографического старения в регионах Казахстана. В таблице 20 представлены результаты сравнения минимальных/максимальных значений и расчет амплитуды их колебаний в период 2009–2020 гг., что делает процесс нарастание амплитуды региональных колебаний абсолютно наглядным - с 39,9 % до 54,9 % (на 15 пунктов за одиннадцать лет, фактически в 1,5 раза). Причем, и в 2009 году, и в 2020 году в областях с минимальным значением данного показателя (Мангистауская и

Туркестанская соответственно) уровень старения был в два раза ниже, чем в среднем по республике, а в области с максимальным значением (Северо-Казахстанская) – в два раза выше республиканского, т.е. сама амплитуда колебаний между крайними значениями фактически еще удваивается.

Таблица 3.25. Динамика коэффициента старения по А. Сови и амплитуды региональных колебаний (2009–2020 гг.) *

Год	Максимальное значение коэффициента старения населения	Минимальное значение коэффициента старения населения	Амплитуда региональных колебаний	Среднее значение по республике
2009	53,4 (Северо-Казахстанская область)	13,5 (Мангистауская область)	39,9 Отношение Max/Min – 4,0	28,6
2020	71,9 (Северо-Казахстанская область)	17,0 (Туркестанская область)	54,9 Отношение Max/Min – 4,2	34,1

*рассчитано авторами

Исходя из этого, видится необходимым для выявления региональных особенностей в Казахстане, актуализации новых подходов к реализации демографической политики, а также отражения амплитуды региональных колебаний и нарастания поляризации демографических рисков, ввести понятие «демографические качели». Понятием «демографические качели» могут быть определены такие особенности протекания демографических процессов в регионах Казахстана, которые характеризуются прямо противоположными тенденциями и векторами динамики, широкой амплитудой региональных колебаний, зеркальным отражением кризисных ситуаций и рисков. Ситуация «демографических качелей» требует от государства специфических подходов к реализации демографической политики, эффективных и безотлагательных мер с учетом социально-экономических параметров развития, особенностей расселения, этнической структу-

ры, социальной и производственной инфраструктуры регионов Казахстана.

Демографические шкалы как инструмент анализа динамики рисков старения населения

Следующим шагом стало выявление демографических рисков по коэффициенту старения A . Сови и установление верхних и нижних предельно-критических значений шкалы. За предельно-критическое значение принимается доля возрастной группы старше 60 лет от 30% населения и выше, когда риски переходят в угрозы (рисунок 3.24 и 3.25).

Значение шкалы:

- *Нижняя граница: удельный вес возрастной группы старше 60 лет - 20%.*
- *Верхняя граница: удельный вес возрастной группы старше 60 лет - 30%.*

Пространство значений до нижней границы – зона относительной демографической безопасности. Пространство значений между нижней и верхней границей – это пространство нарастания рисков. Пространство выше верхней границы – это пространство перерастания рисков в угрозы.

С точки зрения рисков старения наиболее благоприятной является зона ниже 20%. В 2009 году значение удельного веса возрастной группы старше 60 лет ниже 20% отмечалось в структуре населения четырех областей: Атырауской, Кызылординской, Мангистауской и Туркестанской. В 2020 году в этих пределах остались только две области: Мангистауская и Туркестанская.

В 2009 году в пространство рисков от 20% до 30% попадали Актюбинская, Алматинская, Жамбылская области и г. Астана. Замер 2020 года фиксирует следующие изменения: ситуация в Актюбинской области ухудшилась, и теперь она находится в зоне, где риски перерастают в угрозы. В пространство 20%–30% вошли дополнительно Атырауская и Кызылординская области. Таким образом, число областей в этой зоне шкалы увеличилось.

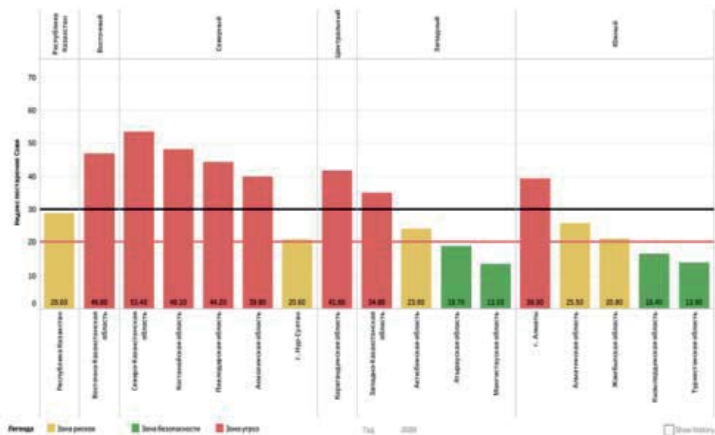

Рисунок 3.24 Шкала демографических рисков и угроз по коэффициенту старения А. Сиви, замер 2009 года.

Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/_16545435660850/sheet2

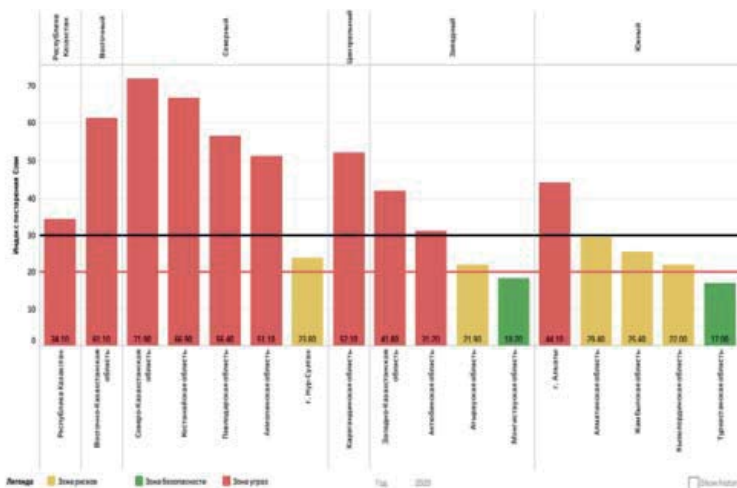

Рисунок 3.25 Шкала демографических рисков по коэффициенту старения А. Сиви, замер 2020 года.

Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/_16545435660850/sheet2

Наибольшее внимание привлекает и требует безотлагательных мер пространство перерастания рисков в угрозы, где доля удельного веса старших возрастных групп превышает 30%. В 2009 году такие значения демонстрировали Восточно-Казахстанская, Северо-Казахстанская, Костанайская, Павлодарская, Акмолинская, Карагандинская, Западно-Казахстанская области и город Алматы. В 2020 году их число пополнилось Актюбинской областью. Необходимо сделать вывод, что для этих территорий актуальны уже не только риски старения, но связанные с ними угрозы.

За период анализа отмечается рост рисков старения населения для всей республики: среднее значение коэффициента А. Сови в 2009 году – 28,6%, в 2020 году – 34,1%. Это стало результатом изменения возрастных структур в регионах. В зону перерастания рисков в угрозы вошло 8 областей из 14 и один город республиканского значения – Алматы. Практически для половины населения страны (48,9%) угрозы, связанные со старением населения, стали реальностью.

Международная классификация ООН старения населения. Другой измеримый показатель старения населения - международный стандарт ООН, который в большинстве случаев применяется для сопоставления возрастных структур стран и регионов на глобальном уровне. Согласно этому стандарту, если удельный вес возрастной группы старше 65 лет составляет до 4% от общей численности населения, то такая возрастная структура считается «молодой»; значение этого показателя от 4% до 7% означает, что население находится на пороге старости; доля возрастной группы 65+ выше 7% - население считается «старым». Таким образом, 7-процентный уровень считается пороговым, и его возрастная структура населения Казахстана преодолела в 2016 году, а к 2020 году этот показатель составил - 7,7%, демонстрируя динамику к нарастанию. Международные расчеты учитывают чистый удельный вес старших возрастных групп в структуре населения. В Казахстане мы видим необходимость учитывать динамику как относительных, так и абсолютных показателей. Связано это с тем, что в следствие высокой рождаемости и роста численности

населения в детских возрастных группах удельный вес населения в старшем возрасте может уменьшаться. Тенденции старения в этом случае показывает динамика роста абсолютных показателей, очень высока в отдельных регионах республики.

Следует учесть, что на региональные особенности старения населения Казахстана влияет дифференцированный этнический состав, для которого характерны разные варианты демографического поведения. Фактически, в сложившейся возрастной диспропорции значительную роль играет многочисленное поколение демографического взрыва казахов 1950-1960-х гг. Поэтому в возрастной структуре населения Казахстана просматривается «скрытая угроза»: высокая динамика роста числа лиц старших возрастов, которая теряется в «тени» быстрого роста рождаемости и увеличивающейся численности молодых возрастных групп в структуре населения юго-западной части РК (кроме Западно-Казахстанской и Актюбинской областей). В перспективе эта «скрытая угроза» на юге может стать более выраженной, чем на севере, т. е. потенциал старения населения юга содержит больше рисков, чем старение населения севера. Динамика данного показателя представлена на картах и выражена степенью насыщенности оттенков (рисунок 3.26, 3.27):

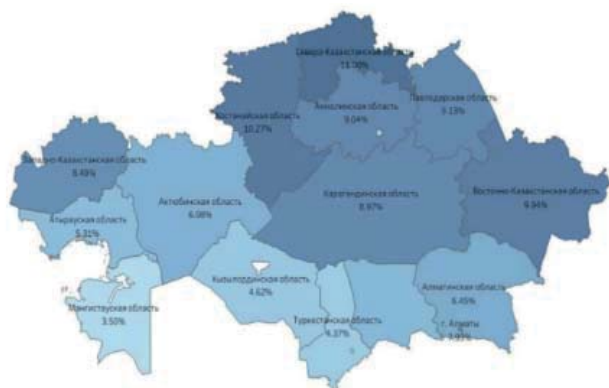

Рисунок 3.26 Удельный вес возрастной группы 65+ в РК, 2009 г.
Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/2009-2020__16485340545690/sheet0

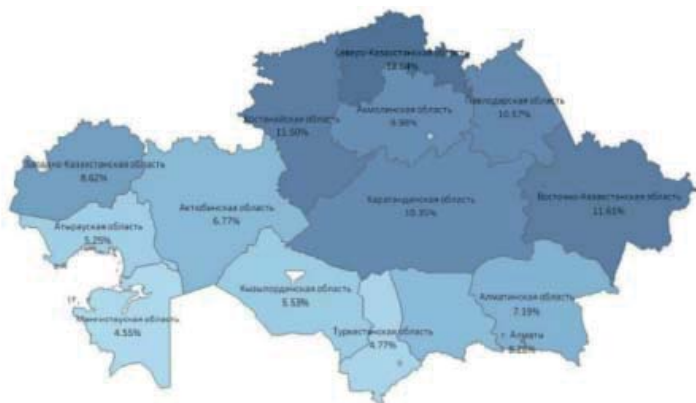

Рисунок 3.27 Удельный вес возрастной группы 65+ РК, 2020 г.
 Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/2009-2020__16485340545690/sheet0

Если провести классификацию регионов Казахстана по удельному весу возрастной группы старше 65 лет, то получим следующую картину.

К первому кластеру - от 4% до 7% - можно отнести население г. Астана (5,0%), Атырауской (5,2%), Кызылординской (5,5%), Жамбылской (6,6%) и Актюбинской областей (6,8%) и определить его по международной классификации как население, находящееся «на пороге старости». При этом следует иметь в виду, что потенциал старения этих регионов сейчас находится в латентном состоянии и нейтрализуется высокой рождаемостью. Однако, в перспективе эти процессы приобретут открытый характер (рисунок 3.28).

Большая часть областей Казахстана, особенно его северо-восточный регион, демонстрирует активные процессы старения населения. Отталкиваясь от трехуровневой классификации ООН, предлагается уровень, превышающий 7%, разделить дополнительно на две группы: от 7% до 10% и от 10% до 14%, это даст возможность более точно показать степень интенсивности процессов старения в разных регионах Казахстана.

Рисунок 3.28 Старение населения Казахстана по международным стандартам ООН: удельный вес старше 65 лет от 4 до 7%, 2009–2020 гг.

Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/652009-2020_/sheet0

Исходя из этого, во второй кластер вошли области Казахстана, в которых удельный вес возрастной группы старше 65 лет имеет значение от 7% до 10% — это население Алматинской области (7,2%) и города Алматы (8,3%), а также население Западно-Казахстанской области (8,6%) (рисунок 3.29).

Третий кластер составили те регионы, которые требуют наиболее пристального внимания к решению проблем старения населения и возникновения специфической нагрузки на экономику: Актюбинская область (10,0%), Карагандинская область (10,4%), Павлодарская область (10,6%), Костанайская область (11,5%), Восточно-Казахстанская область (11,6%) и Северо-Казахстанская область (12,7%) (рисунок 3.30).

Рисунок 3.29 Старение населения Казахстана по международным стандартам ООН: удельный вес старше 65 лет от 7 до 10%, 2009–2020 гг.

Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/652009-2020_/sheet0

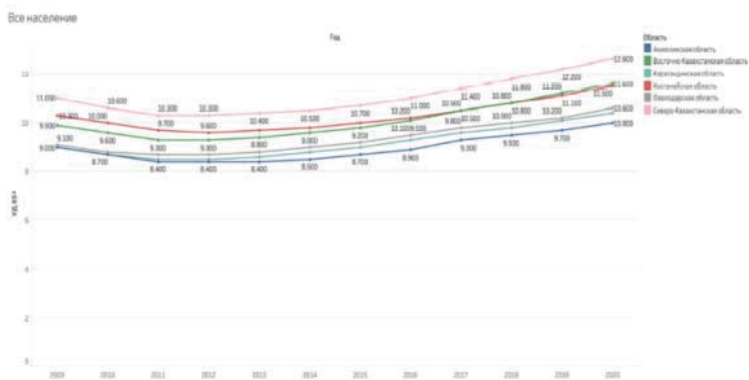

Рисунок 3.30 Старение населения Казахстана по международным стандартам ООН: удельный вес старше 65 лет от 10 до 14%, 2009–2020 гг.

Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/652009-2020_/sheet0

Динамика региональных различий существенна: в 2009 году

амплитуда региональных колебаний между максимальным и минимальным значением составила 7,5 пунктов или в 3,1 раза, в 2020 году соответственно 8 пунктов или 2,7 раза. Значительная разница между максимальным и минимальным значениями коэффициента старения, нарастание амплитуды региональных колебаний, превышение или снижение коэффициента старения по сравнению с республиканским уровнем - в 1,5–2 раза («демографические качели» от 3,5 до 4). (таблица 3.26).

Таблица 3.26 Динамика старения населения Казахстана по международным стандартам ООН и амплитуды региональных колебаний (2009–2020 гг.)

Год	Максимальное значение коэффициента старения населения	Минимальное значение коэффициента старения населения	Амплитуда региональных колебаний	Среднее значение по республике
2009	11,0 (Северо-Казахстанская область)	3,5 (Мангистауская область)	7,5 Отношение Max/Min – 3,1	7,1
2020	12,6 (Северо-Казахстанская область)	4,6 (Туркестанская область)	8 Отношение Max/Min – 2,7	7,7

Демографические шкалы как инструмент анализа динамики рисков старения населения по международным стандартам

Следующим шагом стало выявление демографических рисков по международным стандартам старения населения ООН и установление верхних и нижних предельно-критических значений шкалы. За предельно-критическое значение принимается доля возрастной группы старше 65 лет от 10% и выше, когда риски переходят в угрозы (рисунок 3.31 и 3.32). Значение шкалы:

- *Нижняя граница: удельный вес возрастной группы старше 65 лет - 7%.*
- *Верхняя граница: удельный вес возрастной группы стар-*

ше 65 лет - 10%.

Пространство значений до нижней границы – стабильное состояние процесса (зеленый цвет). Пространство значений между нижней и верхней границей – это пространство нарастания рисков (желтый цвет). Пространство выше верхней границы – это пространство перерастания рисков в угрозы (красный цвет).

С точки зрения рисков старения наиболее благоприятной является зона ниже 7%. В 2009 году значение ниже 7% удельного веса возрастной группы старше 65 лет отмечалось в структуре населения семи областей: Актыубинской, Алматинской, Жамбылской, Атырауской, Кызылординской, Мангистауской, Туркестанской и одного города – Астана. В 2020 году в этих пределах остались все объекты кроме Алматинской области, однако значения в них значительно выросли, к 7% рубежу приблизились еще две области: Актыубинская и Жамбылская.

В 2009 году в пространстве рисков от 7% до 10% находились Восточно-Казахстанская, Павлодарская, Акмолинская, Карагандинская, Западно-Казахстанская области и г. Алматы. Замер 2020 года фиксирует следующие изменения: ситуация ухудшилась в Алматинской области и г. Алматы, и теперь она находится в зоне, где риски перерастают в угрозы. В пространстве 7%–10% из шести объектов остались только два: г. Алматы и Алматинская область. Таким образом, число областей в этой зоне шкалы уменьшилось за счет ухудшения ситуации в них и перемещения в зону угроз.

Наибольшее внимание привлекает и требует безотлагательных мер пространство перерастания рисков в угрозы, где доля удельного веса старших возрастных групп превышает 10%. В 2009 году такие значения демонстрировали только две области: Северо-Казахстанская и Костанайская. В 2020 году их число пополнилось Восточно-Казахстанской, Павлодарской и Карагандинской областями. Таким образом, для данных территорий актуальны уже не риски старения, а связанные с ними угрозы: происходит нарастание тенденции деформации возрастной структуры в сторону старения населения, главным образом на северо-востоке Казахстана.

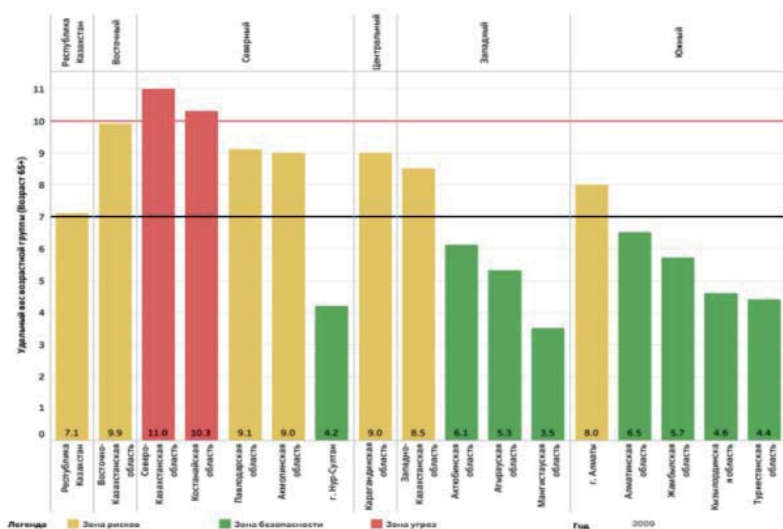

Рисунок 3.31 Шкала демографической безопасности, рисков и угроз старения населения, замер 2009 г. (по международным стандартам ООН).

Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/65_16545954390610/sheet3

Используемая ООН трехуровневая классификация предназначена для изучения демографического старения на глобальном уровне. Для более глубокого изучения данного процесса на региональном уровне можно использовать классификацию Э. Росета - Боже-Гарнье, которая за порог старости принимает возраст старше 60 лет. Согласно этой классификации, если доля лиц в возрасте 60 лет и старше во всем населении составляет менее 6%, то этот регион можно отнести к «молодому» с демографической точки зрения. Если доля этой группы колеблется от 8% до 12%, то считается, что его население находится в «преддверии старости», а если превысила 12%, то это население рассматривается как демографически «старое». Ценность этой методики заключается еще и в том, что последняя группа делится на три

дополнительных уровня: от 12% до 14% - «начальный уровень старости», от 14% до 16% - «средний уровень старости», от 16% до 18% - «развитый уровень старости», выше 18% - «очень высокий уровень старости». Помимо этого, данная классификация показывает ближайшую перспективу старения в возрасте 65 лет и старше, являющейся критерием старения по параметрам ООН.

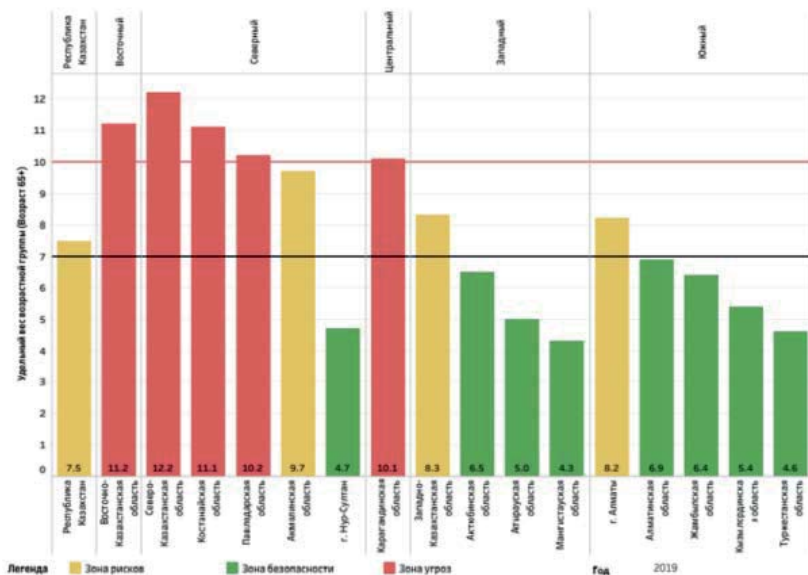

Рисунок 32. Шкала демографической безопасности, рисков и угрозы старения населения, замер 2020 г. (международным стандартам ООН).

Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/65_16545954390610/sheet3

Таблица 3.27 Классификация уровня старения населения РК по классификации Э. Росseta - Боже-Гарнье, 2009–2020 гг.

Удельный вес возрастной группы старше 60 лет	Уровень	Удельный вес возрастной группы старше 60 лет 2009 год	Удельный вес возрастной группы старше 60 лет 2020 год
Менее 6%	«Молодое»	5,38% Мангистауская.	
От 6 до 8%	«Зрелое»	6,07% г. Астана; 6,11% ЮКО; 6,67% Кызылординская; 7,10% Атырауская.	7,68% Мангистауская; 7,84% Туркестанская.
От 8 до 12%	«В преддверии старости»	8,01% Жамбылская; 8,25% Актюбинская; 8,90% Алматинская; 10,97% ЗКО; 10,97% г. Алматы.	8,03% г. Шымкент 8,30% г. Астана; 8,84% Атырауская; 8,98% Кызылординская; 10,09% Актюбинская; 10,42% Жамбылская; 11,19% Алматинская.
От 12 до 14%	«Начальный уровень старости»	12,15% Акмолинская; 12,23% Карагандинская; 12,31% Павлодарская; 13,20% ВКО; 13,36% Костанайская.	12,31% г. Алматы; 13,55% ЗКО.
От 14–16%	«Средний уровень старости»	14,32% СКО.	15,46% Акмолинская; 15,51% Карагандинская.

Продолжение таблицы 3.27			
От 16–18%	«Развитый уровень старости»		16,08% Павлодарская; 17,41% Костанайская; 17,51% ВКО.
Выше 18%	«Очень высокий уровень старости»		19,34% СКО.

В таблице 3.27 представлена динамика старения в РК за 2009–2020 гг. Наглядно виден переход областей из одной категории в другую и нарастание рисков, связанных с постарением населения. В состоянии «зрелости» и «преддверия старости» находятся все южные и западные области Казахстана, кроме Западно-Казахстанской и гг. Астана и Шымкент. Западно-Казахстанская область (12,31%) и город Алматы (13,55%) находятся по данной классификации «на начальном уровне старости». Акмолинская (15,46%) и Карагандинская (15,51%) области – на среднем уровне. «Развитый уровень старости» продемонстрировали три объекта классификации: Павлодарская (16,08%), Костанайская (17,41%), Восточно-Казахстанская (17,51%) области, а очень высокий уровень старости – Северо-Казахстанская область (19,34%).

Демографические шкалы как инструмент анализа динамики рисков старения населения по классификации Э. Росseta -Боже-Гарнье

Выявляя демографические риски по классификации старения Э. Росseta - Боже-Гарнье были установлены верхние и нижние предельно-критические значения шкалы. За предельно-критическое значение принимается порог старости: доля возрастной группы старше 60 лет от 6% до 12% и выше, когда риски переходят в угрозы (рисунок 3.33 и 3.34). Значение шкалы:

➤ *Нижняя граница: удельный вес возрастной группы старше 60 лет – от 6% до 12%.*

➤ *Верхняя граница: удельный вес возрастной группы старше 60 лет - 12% и выше.*

Пространство значений до нижней границы – стабильное состояние процесса: зона демографической безопасности (зеленый цвет). Пространство значений между нижней и верхней границей – это пространство нарастания рисков (желтый цвет). Пространство выше верхней границы – это пространство перерастания рисков в угрозы (красный цвет).

С точки зрения рисков старения наиболее благоприятной является зона ниже 6%. В 2009 году значение ниже 6% возрастной группы старше 60 лет отмечалось в структуре населения только одной Мангистауской области. В 2020 году в этой зоне не осталось ни одного объекта.

В 2009 году в пространстве рисков от 6% до 12% находилась возрастная структура Западно-Казахстанской, Актюбинской, Ал-матинской, Жамбылской, Атырауской, Кызылординской, Туркестанской и трех городов республиканского значения – Астана, Алматы и Шымкент. В 2020 году их число пополнила и Манги-стауская область, что показывает нарастание процесса старения населения на юге, западе и в городах республиканского значения.

Наибольшее внимание привлекает и требует безотлагательных мер пространство перерастания рисков в угрозы, где доля удельного веса старших возрастных групп превышает 12%, означающее начальный, средний, развитый и очень высокий уровень старости. В 2009 году такими значениями «отличились» Восточно-Казахстанская, Павлодарская, Акмолинская, Карагандинская, Северо-Казахстанская и Костанайская области. Замер 2020 года фиксирует следующие изменения: ситуация ухудшилась во всех объектах. В пространстве угроз остались все те же объекты, значения рассматриваемого показателя существенно в них выросли. К ним присоединилась Западно-Казахстанская область и город Алматы. Следует особо отметить, что наихудшая ситуация складывается в возрастной структуре Северо-Казахстанской области (19,34% - "очень высо-

кий уровень старости»).

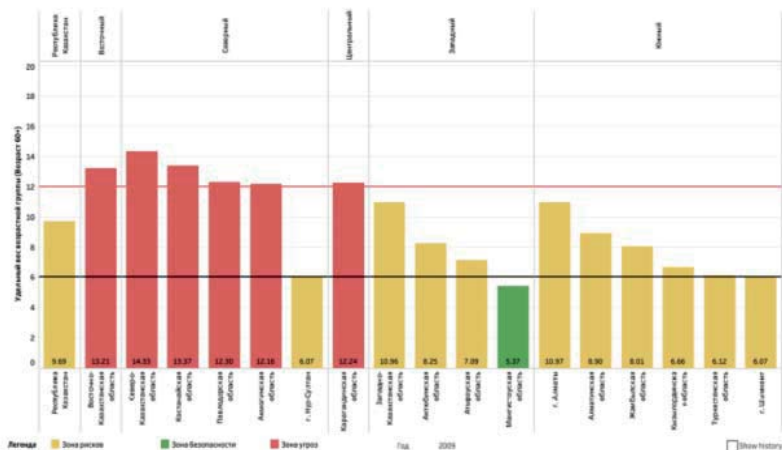

Рисунок 3.33 Шкала демографической безопасности, рисков и угроз по Э. Россету -Боже-Гарнье, замер 2009 г.

Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/--_16546765242690/sheet3

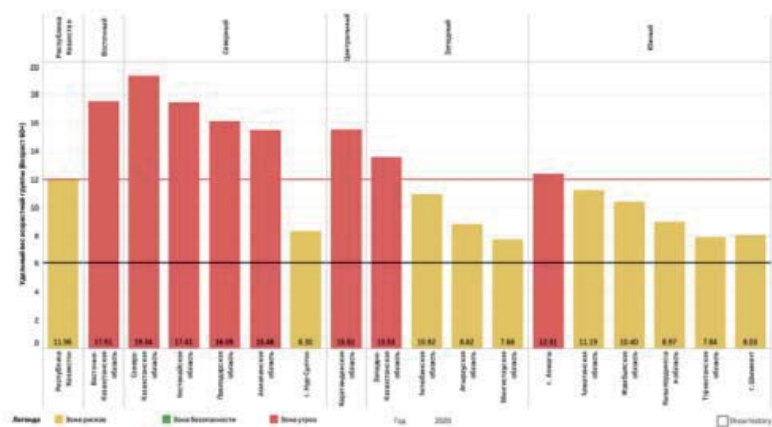

Рисунок 3.34 Шкала демографической безопасности, рисков и угроз по Э. Россету -Боже-Гарнье, замер 2020 г.

Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/--_16546765242690/sheet3

Индекс старения Казахстана. Следующий показатель, отобранный для выявления рисков, индекс старения Казахстана – значение возрастного состава населения, характеризующее число лиц пожилого возраста на 100 детей. Индекс рассчитывается как отношение численности населения в возрасте 65 лет и старше к численности населения в возрасте от 0 до 15 лет и не только выявляет особенности возрастной структуры, но и косвенно отражает процессы рождаемости и смертности в регионах, а также специфическую демографическую нагрузку двумя важными группами нетрудоспособного населения – детьми и пожилыми.

В целом по Казахстану этот индекс старения в период с 2009 по 2020 год демонстрирует динамику к небольшому снижению с 28,3% до 26,7%. При этом данное соотношение отражает наличие в структуре населения двух третей детей и одной трети людей пожилого возраста (рисунок 3.35). Если отношение числа лиц пожилого возраста на 100 детей составляет 25%, то это означает, что на 100 детей приходится 25 лиц старше 65 лет, т. е. соотношение составляет 1:4 (на одного человека пожилого возраста приходится четыре ребенка). Такое соотношение одновременно актуализирует проблему большой доли детей в возрастной структуре населения.

Однако, при анализе в региональном разрезе, мы вновь обнаруживаем резкую поляризацию. Сравнение темпов старения населения демонстрирует высокий уровень региональных различий («демографические качели» составляют 5 пунктов) и нарастание амплитуды региональных колебаний. Если в Мангистауской области в 2009 году на 100 детей приходилось 11 лиц пожилого возраста, а в 2020 году – 13 человек, то в Северо-Казахстанской области в 2009 году на 100 детей приходилось 55 людей пожилого возраста, а в 2020 году – уже 61 (таблица 3.28). Для того, чтобы выявить векторы демографического развития и отразить продолжающуюся поляризацию демографических процессов, кластерного подхода может оказаться недостаточно. Для этих целей эффективно применить метод экстремумов, который предполагает сравнение минимальных/максимальных значений и расчет амплитуды их колебаний. В результате такого анали-

за было установлено, что амплитуда региональных колебаний между этими значениями в 2009 году составила 44,3, а в 2020 году – 48,4 (то есть, выросла на 4,1 пункта). Если сравнить максимальные и минимальные значения по годам, то разница между ними составила: в 2009 год – 44,3 пункта или 4,9 раза, в 2020 году – 48,4 пункта или 4,8 раза. В сравнении со средним значением по республике: в 2009 году максимальное значение превысило минимальное в 1,6 раза, в 2020 году - в 1,8 раза. Такие колебания в рамках единой демографической системы свидетельствуют о наличии как минимум двух типов рисков, противоположных по своему содержанию – значительного демографического старения населения северо-восточных регионов и не менее значительного демографического омоложения населения юго-западных регионов, которые, при отсутствии взвешенной социально-демографической политики, могут превратиться в серьезные угрозы для стабильного существования общества и государства.

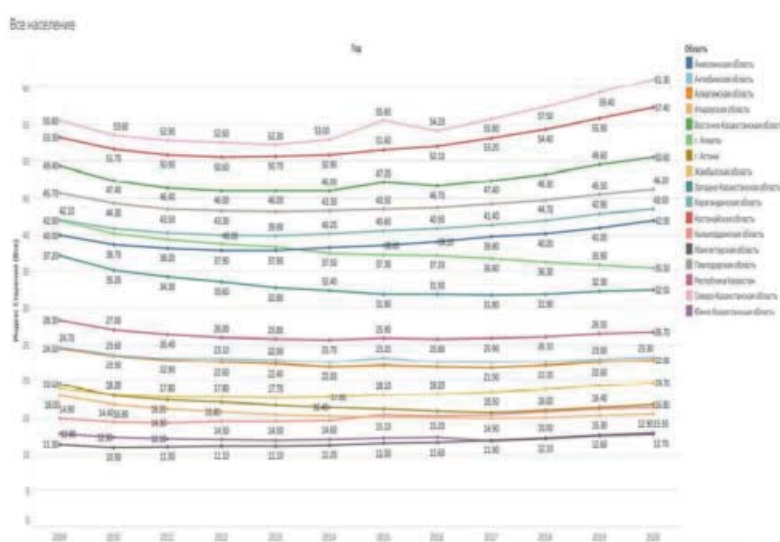

Рисунок 3.35 Индекс старения РК: число лиц пожилого возраста 65+ на 100 детей, 2020 г.

Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/2009-2020__16480183931390/sheet0

Таблица 3.28 Динамика коэффициента старения РК и амплитуды региональных колебаний (2009–2020 гг.)

Год	Максимальное значение коэффициента старения населения	Минимальное значение коэффициента старения населения	Амплитуда региональных колебаний	Среднее значение по республике
2009	55,6 (Северо-Казахстанская область)	11,3 (Мангистауская область)	44,3 Отношение Max/Min в 4,9 раза	28,3
2020	61,3 (Северо-Казахстанская область)	12,9 (Мангистауская область)	48,4 Отношение Max/Min в 4,8 раза	26,7

Если в среднем по РК индекс старения имеет тенденцию к снижению от 37,2% в 2009 году до 32,5% в 2020 году, тем самым демонстрируя более благоприятное соотношение пожилых людей и детей (на трех детей приходится один человек пожилого возраста), – то в регионах складывается весьма противоречивая картина. С одной стороны, можно наблюдать увеличение удельного веса детей в одних регионах, с другой - увеличение числа пожилых людей.

Кластеризация дает следующие результаты:

В первый кластер вошли области, где соотношение численности детей и пожилых людей составило менее 25%: Актюбинская (в 2009 г. – 24,7%; в 2020 г. – 23,3%); Алматинская (в 2009 г. – 24,5%; в 2020 г. – 22,9%); Атырауская (в 2009 г. – 18,0%; в 2020 г. – 15,5%); Жамбылская (в 2009 г. – 19,0%; в 2020 г. – 19,7%); Кызылординская (в 2009 г. – 14,9%; в 2020 г. – 16,4%); Мангистауская (в 2009 г. – 11,3%; в 2020 г. – 12,9%); Южно-Казахстанская (Туркестанская) области (в 2009 г. – 12,8%; в 2020 г. – 12,7%) и город Астана (в 2009 г. – 19,6%; в 2020 г. – 16,8%). Практически во всех этих областях отмечается тенденция к снижению показателя (рисунок 36). В целом, в семи областях юго-западной ча-

сти Казахстана в структуре населения можно выделить большую долю детей в возрасте 0–14 лет, составляющую более 2/3 населения, а соотношение детей к пожилой части населения менее 4:1.

Однако следует учитывать, что в этих регионах фиксируется разнонаправленное действие возрастной структуры: с одной стороны, обозначился процесс старения населения, являющийся следствием демографического взрыва середины XX века. В то же время на движение возрастной структуры все более активное влияние оказывает взрыв рождаемости во втором десятилетие XXI века. В результате относительные показатели нагрузки пожилым населением в этих регионах уменьшаются.

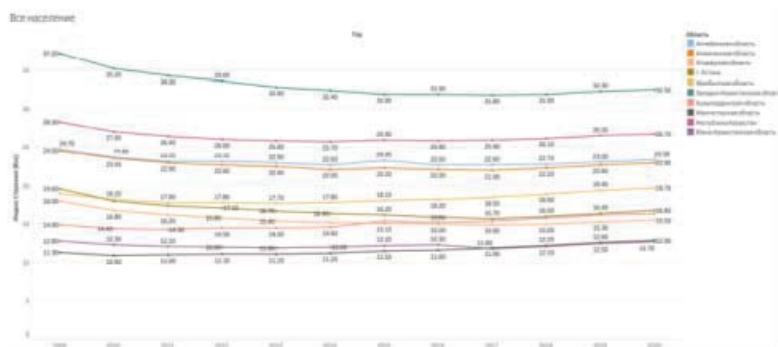

Рисунок 3.36 Индекс старения менее 25: число лиц пожилого возраста на 100 детей, 2020 г.

Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/2009-2020__16480183931390/sheet0

Во второй кластер вошли области, где данное соотношение составляет от 25% до 50%: Акмолинская (в 2009 г. – 40,0%; в 2020 г. – 42,0%), Западно-Казахстанская (в 2009 г. – 37,2%; в 2020 г. – 32,5%), Карагандинская (в 2009 г. – 40,0%; в 2020 г. – 42,0%), Павлодарская (в 2009 г. – 45,7%; в 2020 г. – 46,2%) области и город Алматы (в 2009 г. – 42,0%; в 2020 г. – 35,5%) (рисунок 3.37).

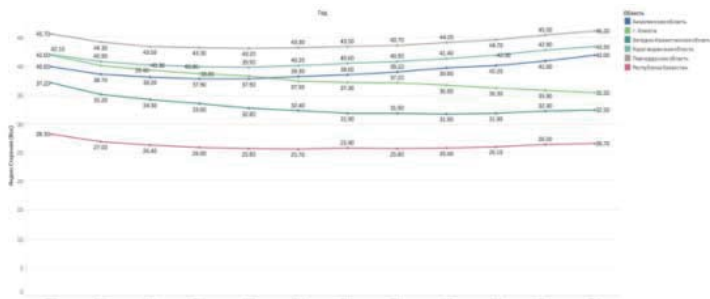

Рисунок 3.37. Индекс старения от 25 до 50: число лиц пожилого возраста на 100 детей, 2020

Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/2009-2020__16480183931390/sheet0

В третий кластер вошли три северо-восточные области Казахстана, где данное соотношение с точки зрения старения возрастной структуры можно оценивать как критическое: Восточно-Казахстанская (в 2009 г. – 40,9%; в 2020 г. – 50,6%); Костанайская (в 2009 г. – 53,3%; в 2020 г. – 57,4%) и Северо-Казахстанская области (в 2009 г. – 55,6%; в 2020 г. – 61,3%). Самая сложная ситуация отмечается в Северо-Казахстанской области, где на 100 детей приходится 61 человек пожилого возраста (рисунок 3.38).

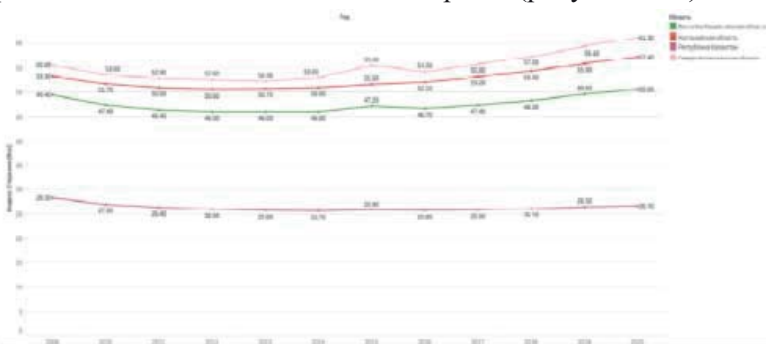

Рисунок 3.38 Индекс старения свыше 50%: число лиц пожилого возраста на 100 детей, 2020.

Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/2009-2020__16480183931390/sheet0

Демографические шкалы как инструмент анализа динамики рисков старения по индексу старения РК

Следующим шагом стало выявление демографических рисков по индексу старения РК: показатель возрастного состава населения, характеризующий число лиц пожилого возраста на 100 детей. Рассчитывается как отношение численности населения в возрасте 65 лет и старше к численности населения в возрасте от 0 до 15 лет и установление верхних и нижних предельно-критических значений шкалы. За предельно-критическое значение принимается среднереспубликанское значение. Однако учитывая то, что в 2009 году это значение составило 28,3 человека, а в 2020 году – 26,7 человека, считаем необходимым округлить это значение до 30 человек (рисунок 39 и 40). Исходя из этого, устанавливаем следующее значение шкалы:

- *Нижняя граница: 30 человек возраста старше 65 лет на 100 детей (среднереспубликанский уровень);*
- *Верхняя граница: 60 лиц возраста старше 65 лет на 100 детей. Данная граница установлена как критический уровень, в два раза превышающий среднереспубликанский.*

Пространство значений до нижней границы – стабильное состояние процесса (*зеленый цвет*). Пространство значений между нижней и верхней границей – это пространство нарастания рисков (*желтый цвет*). Пространство выше верхней границы – это пространство перерастания рисков в угрозы (*красный цвет*).

С точки зрения рисков искажения соотношения людей пожилого возраста к числу детей наиболее благоприятной является зона ниже среднереспубликанского уровня – 30 человек пожилого возраста на 100 детей. В 2009 году значение ниже данного соотношения можно было отметить в структуре населения семи южных и западных областей: Актыубинской, Алматинской, Жамбылской, Атырауской, Кызылординской, Мангистауской, Туркестанской и двух городов – Астана и Шымкент. В 2020 году в этих пределах остались все объекты, однако значения в них выросли. Следует обратить внимание на области, где соотношение имеет минимальное значение – 12 пожилых на 100 детей: Ман-

гистауская и Туркестанская области (в два раза меньше, чем в среднем по республике). В них возникают риски другого плана: высокая нагрузка детьми.

В 2009 году в пространстве рисков от 30 до 60 находились все остальные объекты: Восточно-Казахстанская, Павлодарская, Акмолинская, Карагандинская, Западно-Казахстанская, Северо-Казахстанская, Костанайская области и г. Алматы (высокие значения). Замер 2020 года фиксирует следующие изменения: ситуация ухудшилась в Северо-Казахстанской области, и теперь она находится в зоне, где риски перерастают в угрозы. Во всех остальных объектах – тенденция нарастания количества пожилых на число детей.

Наибольшее внимание привлекает и требует безотлагательных мер ситуация в Северо-Казахстанской области, где количество пожилых людей на 100 детей в 2 раза больше, чем в среднем по республике. В перспективе в пространство демографических угроз войдут другие области Северо-Восточного и Центрального Казахстана.

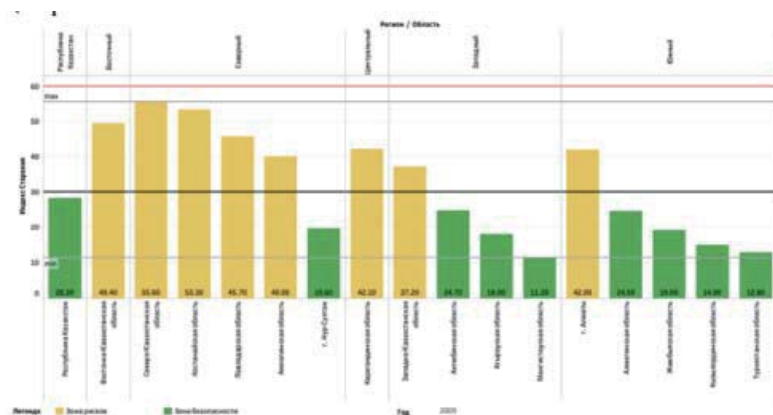

Рисунок 3.39 Шкала демографической безопасности, рисков и угроз по индексу старения РК, замер 2009 год.

Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/_16548639996390/sheet1

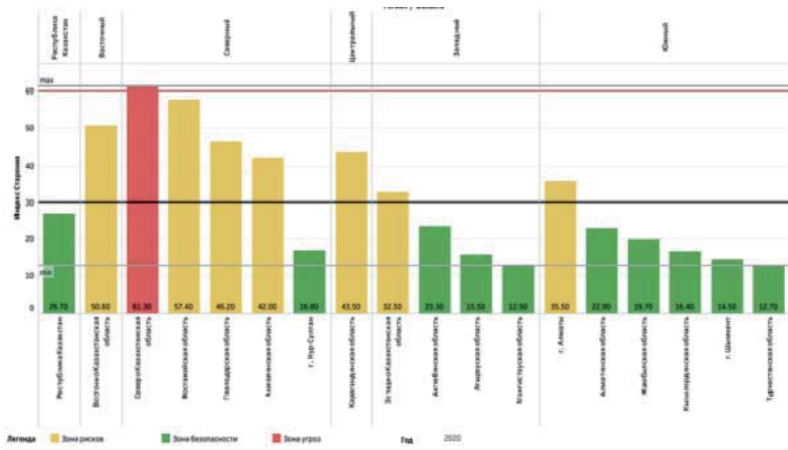

Рисунок 3.40 Шкала демографической безопасности, рисков и угроз по индексу старения РК, замер 2020 год.

Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/_16548639996390/sheet1

Итак, увеличение темпов прироста старших возрастных групп населения является одним из серьезных рисков, характерных для формирующейся под воздействием длительных изменений структуры населения. Этот риск оказывает значительное влияние на экономические, социальные и другие аспекты жизнедеятельности общества. Причиной старения населения в северных и восточных регионах Казахстана (Восточно-Казахстанская, Костанайская и Северо-Казахстанская области) являются длительные изменения в характере воспроизводства населения: снижения рождаемости, увеличения смертности населения и существенные миграционные потери. Все это требует развития институтов социальной поддержки и ухода за пожилыми людьми, особенно с тяжелой формой инвалидности, расширения числа государственных и частных поставщиков услуг по обеспечению достойной старости. Кроме того, невысокий уровень материальной обеспеченности населения поддерживает актуальность трудовой деятельности в пожилом возрасте, следовательно, необходима соответствующая диверсификация регионального рынка труда.

Нарастание этого риска можно проследить по увеличению региональной поляризации старения населения Казахстана, росту амплитуды колебаний между минимальными и максимальными значениями на фоне снижения показателей старения в одних регионах и увеличению показателей старения в других. Это следует считать одним из наиболее серьезных региональных рисков, поскольку он несет в себе потенциальную угрозу для отдельных, главным образом, северо-восточных территорий Казахстана. Перерастание риска в угрозу дополнительно актуализируется с позиции национальной безопасности и сохранения территориальной целостности Казахстана в ситуации резкого осложнения геополитической ситуации в макрорегионе.

Демографическое старение населения имеет ряд разноплановых, но взаимосвязанных последствий: демографических, социально-экономических и геополитических, которые создают условия для возникновения рисков и потенциального перерастания их в угрозы.

Демографические риски:

- сужение репродуктивной базы населения;
- формирование потенциально более широкой базы смертности;
- сокращение ожидаемой средней продолжительности жизни;
- нарастание регионального дисбаланса возрастной структуры.

Социально-экономические риски:

- увеличение демографической нагрузки пожилыми людьми на трудоспособное население;
- увеличение специфической нагрузки на системы здравоохранения и социального обеспечения/ социальной защиты населения старших возрастных групп;
- низкий уровень использования остающегося нереализованным социально-экономического потенциала, рост возрастной конкуренции на рынке труда и «выдавливание» пенсионеров;
- социальная заброшенность пожилых людей (феномен «оди-

нокой старости»), разрыв социальных связей, снижение качества жизни старших возрастных групп;

- рост бюджетных расходов на государственное пенсионное обеспечение.

Политические (геополитические, внутривнутриполитические) риски:

- потеря контроля над территориями, угроза государственному суверенитету и территориальной целостности РК.

Важно понимать, что нарастание рисков указывает не только на вероятность реализации негативных сценариев в форме угроз, но и на новые возможности развития. Нарастание рисков сопровождается актуализацией целого комплекса социальных потребностей.

В данном случае такими **социальными запросами** являются:

- специфические медицинские услуги (специализированные учреждения здравоохранения, профильные врачи-специалисты, вспомогательный медицинский персонал, медицинское оборудование, препараты, рассчитанные на лечение и профилактику заболеваний у пожилых людей);

- организации социальной поддержки пожилых людей;

- планировку и инфраструктуру населенных пунктов, рассчитанную на пожилых людей;

- высокий уровень производительности труда экономически активного населения, рост доходов домохозяйств и большую емкость рынка труда за счет его диверсификации;

- гибкие формы занятости для работающих пенсионеров (особенно актуально для женщин с учетом средней продолжительности жизни)

- высокий уровень доступности общественного транспорта, специализированных такси и др.

Эти запросы служат указателями, какие формы социально-экономической деятельности необходимо развивать в регионе, в каком направлении нужно ориентировать рынок труда, какие специализации и услуги будут наиболее востребованы населением.

Риски, связанные с высокой долей детей (0–14 лет) и молодежи (15–19 лет) в возрастной структуре населения

Учет возрастной группы 15–19 лет основан на том, что в основном эта молодежь не работает и является частью социально-экономической нагрузки на экономически активное население. В международных и официальных казахстанских стандартах данная возрастная группа, как правило, не учитывается и не рассматривается как составная часть демографической нагрузки, но, принимая во внимание реформы в сфере образования, увеличение продолжительности времени обучения в средней школе и нарастающую тенденцию получения высшего образования, подавляющая часть этой возрастной группы, по мнению авторов, может находиться в экономически зависимом статусе. Данный риск приобретает большое значение, прежде всего, для густонаселенных регионов Казахстана с недостаточно развитой социально-экономической инфраструктурой.

Классификация регионов по удельному весу возрастной группы 0–19 лет на 2020 г.:

1) Регионы, где удельный вес возрастной группы 0–19 менее 30%: Костанайская (27,8%), Северо-Казахстанская (26,8%), Павлодарская (27,8%) области, город Алматы (27,9%), Восточно-Казахстанская (28,2%) и Карагандинская (29,8%) области.

2) Регионы, где удельный вес возрастной группы 0–19 лет составляет от 30% до 40%: Акмолинская (30,5%), Западно-Казахстанская (31,6%) области, город Шымкент (33,7%), Актюбинская (34,7%) и Алматинская (34,9%) области, город Астана (34,9%), Атырауская (38,0%), Жамбылская (38,5%) и Мангистауская (39,0%) области.

3) Регионы, где удельный вес возрастной группы 0–19 выше 40%: Кызылординская (40,1%) и Туркестанская (43,9%) области.

Высокая доля детей и молодежи в возрасте 0–19 лет является одной из особенностей возрастной структуры населения Казахстана. В 2009 году этот показатель составил 33,8%, в 2020 году он вырос до 35,1%, фактически каждый третий житель республики — это ребенок. Данное соотношение сложилось под воз-

действием растущей рождаемости, которая, в свою очередь, возникла как следствие второй «волны» демографического взрыва казахов 1950-1960-х годов, и реализации отложенных рождений предыдущих поколений. Это явление само по себе можно было оценить как положительное в современной демографической ситуации (в состав трудоспособного населения включается высокая доля молодых возрастов), если не рассматривать его в контексте социально-экономических реалий. В этом случае в демографическом потенциале Казахстана можно обнаружить вероятность возникновения новых рисков и вызовов в ухудшающихся социально-экономических условиях. Рост численности детей и молодежи происходит на фоне высокой молодежной безработицы, активизации протестных настроений в обществе, региональной диспропорции плотности населения, усиления внутренней миграции в крупные города и мегаполисы Казахстана. Ситуация усугубляется отсутствием взвешенной демографической политики, учитывающей особенности демографического развития регионов страны.

Особую тревогу вызывает положение в южных и западных регионах Казахстана, в первую очередь - в двух областях: Кызылординской и Туркестанской. Здесь доля молодых людей превышает 40%, и эта тенденция будет нарастать, фактически каждый второй житель этих регионов – ребенок до 19 лет. В восьми областях страны этот показатель находится в диапазоне от 30% до 40%. Такая структура населения приводит к увеличению специфической нагрузки на системы здравоохранения, образования и социального обеспечения и влечет за собой ряд следующих проблем:

- нехватка квалифицированных кадров: дошкольных педагогов, учителей, преподавателей высших и средних учебных заведений, социальных педагогов, специалистов дополнительного образования, детских врачей, медицинского и другого дополнительного персонала и т. д.;

- нехватка учреждений дошкольного, среднего и среднего профессионального образования; учреждений, оказывающих услуги дополнительного образования и летнего отдыха; медицин-

ских и специализированных социальных учреждений;

- недостаточность спортивной инфраструктуры, зон отдыха и развития детей;

- недостаточность потребительных товаров и услуг для детей, а также их качество.

В целом возникает необходимость создания и расширения соответствующей комфортной и безопасной социальной среды для детей в городах и селах.

Другой риск – резко растущая поляризация «омоложения» возрастной структуры населения Казахстана и нарастание амплитуды региональных колебаний доли молодых возрастов - от 26,8% до 43,8% в 2009 году (разница 17,0%) и от 26% до 46,2% в 2019 году (разница 20,2%). Географически крайние точки этих демографических качелей за прошедшее десятилетия практически не изменились: минимальные показатели фиксируются в северных регионах (в 2009 году – Северо-Казахстанская область; в 2020 году – Костанайская область), а максимальные в южных (2009, 2020 гг. - Туркестанская область) (таблица 3.29).

Таблица 3.29 Динамика удельного веса возрастной группы 0–19 лет в Казахстане и амплитуды региональных колебаний (2009–2020 гг.)

Год	Максимальное значение удельного веса возрастной группы 0–19 лет	Минимальное значение удельного веса возрастной группы 0–19 лет	Амплитуда региональных колебаний	Среднее значение по республике
2009	43,8% (Туркестанская область)	26,8 (Северо-Казахстанская область)	17,0 Отношение Max/ Min в 1,6 раза	33,8
2020	46,2% (Туркестанская область)	26,0% (Костанайская область)	20,2 Отношение Max/ Min в 1,8 раза	35,2

Данная тенденция характерна и для доли молодежи (15–29 лет) в структуре населения. Высокая доля молодых возрастов в южных и западных регионах, мегаполисах и крупных городах Казахстана обостряет проблему так называемого «демографического навеса», который приводит к возникновению новых социальных и политических рисков при отсутствии эффективной экономической политики государства, учитывающей демографическую структуру населения и особенности регионального развития.

Демографические шкалы как инструмент анализа динамики увеличения численности детей 0–14 лет и молодежи возрастной группы 15–19 лет

Выявляя демографические риски, связанные с увеличением численности детей 0–14 лет и молодежи в возрасте 15–19 лет, были установлены верхние и нижние предельно-критические значения шкалы. За предельно-критическое значение принимается порог: удельный вес возрастной группы 0–19 лет от 33,8% до 45%, когда риски переходят в угрозы (рисунок 3.41 и 3.42). Значение шкалы:

- *Нижняя граница: удельный вес возрастной группы 0–19 лет – 33,8% в 2009 году, 35,1% в 2020 году.*
- *Верхняя граница: удельный вес возрастной группы 0–19 лет – 45%.*

Пространство значений до нижней границы – стабильное состояние процесса: зона демографической безопасности (зеленый цвет). Пространство значений между нижней и верхней границей – это пространство нарастания рисков (желтый цвет). Пространство выше верхней границы – это пространство перерастания рисков в угрозы (красный цвет).

С точки зрения рисков высокой доли детей и молодежи в возрастной структуре населения наиболее благоприятной можно рассматривать зону ниже среднереспубликанского уровня 33,8–35,1%. В 2009 году значение ниже 33,8% удельного веса возрастной группы отмечалось в структуре населения северных

и восточных областей: Восточно-Казахстанской, Павлодарской, Акмолинской, Карагандинской, Северо-Казахстанской и Костанайской и двух городов республиканского значения – Астана и Алматы (рисунок 3. 41). В 2020 году в этих пределах остались все эти объекты, однако численность детей и молодых в них снижается. Низкая доля молодых людей наблюдается в тех регионах, где активно идут процессы старения.

В 2009 году в пространстве рисков от 33,8% до 45% находились все южные и западные регионы: Западно-Казахстанская, Актюбинская, Алматинская, Жамбылская, Атырауская, Кызылординская, Мангистауская и Туркестанская области. Замер 2020 года фиксирует следующие изменения: в пространстве рисков остались все те же объекты, кроме Туркестанской области, однако значения рассматриваемого показателя в них существенно выросли (рисунок 3.42).

Наибольшее внимание привлекает и требует безотлагательных мер пространство перерастания рисков в угрозы, где доля удельного веса возрастных групп 0–19 лет превышает 45%. В 2009 году таких значений не было ни у одной области. В 2020 году эту границу перешла Туркестанская область, где удельный вес возрастной группы 0–19 лет достиг 46,2%, превысив верхнюю границу предельно-критического значения (45%).

В перспективе области, находящиеся в зоне рисков, могут перейти в следующую зону угроз с высокой долей детей и молодых со всеми вытекающими социальными и экономическими последствиями.

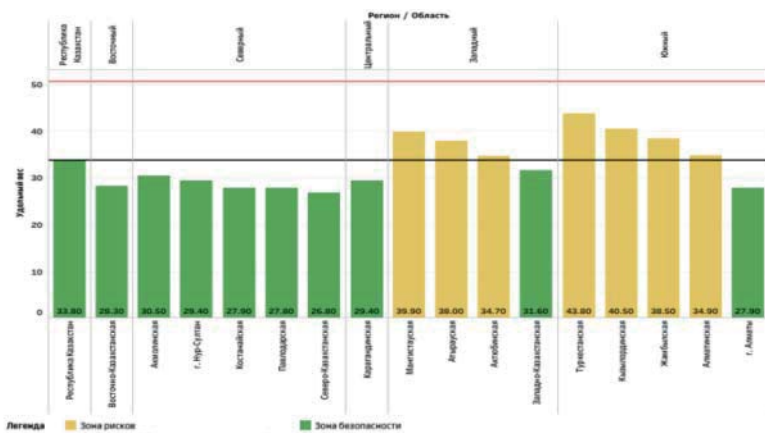

Рисунок 3.41 Шкала демографической безопасности, рисков и угроз по удельному весу возрастной группы 0–19 лет, замер 2009 год.

Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/_16548639996390/sheet1

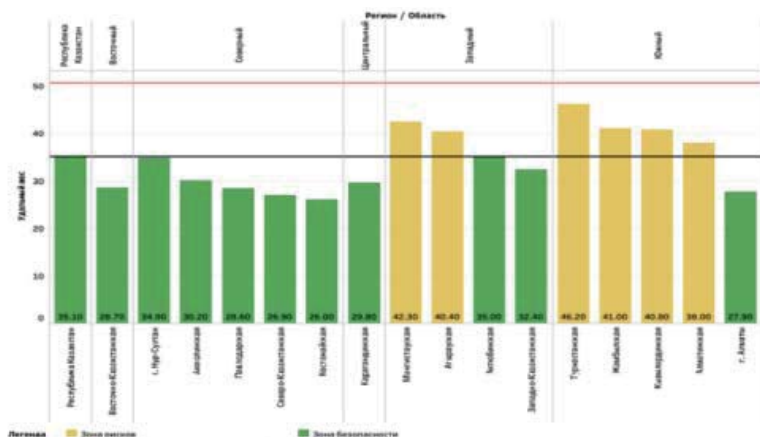

Рисунок 3.42 Шкала демографической безопасности, рисков и угроз по удельному весу возрастной группы 0–19 лет, замер 2020 год.

Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/_16548639996390/sheet1

Риски, связанные с увеличением удельного веса неработающей и не обучающейся молодежи

Одним из существенных рисков, влекущих за собой рост девиации и криминализации в молодежной среде, а также в целом снижение качества человеческого капитала, является увеличение удельного веса неработающей и не обучающейся молодежи, так называемого поколения NEET (от англ. Not in Education, Employment or Training).

Это часть молодого поколения, которая в силу различных факторов экономического, социального или политического характера не включена в легальную трудовую деятельность и не получает образования по дневной форме обучения¹³⁸, то есть не встроена в систему институциональных социальных связей, находится вне зоны активного общественного контроля. Согласно методологии Международной организации труда, представленной в «Концепция достойного труда»¹³⁹, оценка этой проблемы осуществляется как подсчет доли молодежи, которая не работает (безработные или не в сфере занятости) и не учится (в процентном отношении к общей численности молодежи).

В основе появления феномена NEET лежат причины, возникающие на различных уровнях функционирования социума. Среди них выделяют причины на макроуровне (особенности образовательной системы, общие условия рынка труда), мезоуровне (особенности отдельных социальных локаций, конкретных образовательных учреждений, организаций и предприятий) и на микроуровне (проблемы отдельно семьи и личности). Европейские ученые обычно делают акцент на двух противоположных причинах возникновения целого поколения NEET:

- неорганизованная молодежь как результат низкого уровня социально-экономического развития, отсутствия доступа к качественному образованию, высокие показатели общей безработицы;

138. <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

139. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/genericdocument/wcms_312020.pdf

- инфантильная молодежь, которая, благодаря высокому уровню социально-экономического развития и программам социальной поддержки не имеет мотивации к активной образовательной и трудовой деятельности.

В странах с высоким уровнем социального неравенства и имущественной поляризации, с недостаточно развитым средним классом, вероятно существуют оба типа причин с той поправкой, что высокий уровень жизни определенной части молодежи обеспечивает не государство в форме социальных пособий и программ поддержки, а их семьи.¹⁴⁰

В Казахстане в 2021 году согласно внесенным изменениям в законодательные акты по вопросам молодежной политики вводится понятие «поколение NEET», которое будет характеризовать ту часть молодежи, которая не работает, не занята образованием или профессиональной подготовкой и находится вне системы образования и сферы занятости. Позиция экс-министра общественного развития Дархана Калетаева: «В этом прослеживается асоциальное поведение, попытка «сбежать» из быстро урбанизирующегося мира. Молодёжь стремится найти собственную идентичность и не всегда находит себя в действующей социальной структуре. Отсюда такие проблемы, как суицидальность, девиация, глубокое социальное отчуждение».¹⁴¹

В силу несовершенства статистики, определить более-менее точное число молодых людей в Казахстане, которое можно отнести к поколению NEET, не представляется возможным. Если демографическая статистика дает достаточно достоверные числа, так как базируется на повсеместной государственной регистрации рождаемости/смертности, то социальная статистика оперирует не всегда точными данными, получаемыми от местных организаций образования, служб трудоустройства и т.д. Попытки определить количественные показатели поколения NEET в Казахстане и вовсе опираются на метод выборочных обследований, которые в данном случае мало эффективны, ведь для мо-

140. Социологическое исследование «Социальные установки молодежи NEET в Казахстане» / Руднева Е.А., Урпекова А.Г. – привлеченный эксперт: НИЦ «Молодежь», Нур-Султан, 2020. – 70 с.

141. <https://inbusiness.kz/ru/news/neet-net-rabote-i-uchebe>.

лодежи этого типа свойственно не привлекать к себе внимание официальных структур. Этот метод широко используется в социологии и позволяет достаточно точно судить об определенных тенденциях, но не дает точной количественной картины. В результате достоверность социальной статистики значительно ниже, чем достоверность демографических данных. Само по себе отсутствие точных статистических данных можно рассматривать как серьезный риск, так как значительно возрастает вероятность ошибки социального планирования и резко снижается эффективность программ развития регионов. Кроме того, существующие сегодня официальные цифры не отражают разнообразия причин, по которым тот или иной респондент находится в ситуации NEET, а следовательно, нет возможности целенаправленно воздействовать на эти причины для снижения данного показателя. Предположительно, в качестве таких причин в Казахстане необходимо рассматривать растущие проблемы с социализацией и занятостью молодежи, нехваткой социальных навыков, низким уровнем образования и квалификации, недостаточной конкурентоспособностью. В связи с выше сказанным, авторы считают нецелесообразным анализировать данные 2009 года, так как это не только не будет способствовать более четкому пониманию проблемы неорганизованной молодежи, а еще более исказит реальное протекание процессов.

Существует и еще одна методологическая проблема – фактически отсутствует социальный портрет поколения NEET. Несмотря на общее название, это неоднородный феномен и состоит он из разных социальных категорий:

1. Иждивенцы: имеющие образование, с определёнными практическими навыками, но не желающие продолжать обучение и работать.
2. Молодые женщины, имеющие малолетних детей, и матери-одиночки.
3. Фрилансеры, подрабатывающие случайными заработками.
4. Сельская молодёжь, задействованная в подсобном хозяйстве.
5. Молодёжь с ограниченными возможностями.

6. Выходцы из малообеспеченных семей: выпускники школ, желающие, но не имеющие возможности продолжить обучение.

7. Асоциальная молодежь, страдающая наркотической и алкогольной зависимостью, проходящая реабилитацию.¹⁴²

Таким образом, на этом этапе изучения проблемы можно лишь косвенно оценить масштабы явления, выявить определенные региональные различия и предположить причины, которые приводят к возникновению этого риска.

По официальным данным в Казахстане численность неорганизованной молодежи в 2021 году оценивается в 6,9% от общей численности молодежи в стране (15–29 лет). Но, в статистике отражены только случаи обращения в центры занятости, сколько осталось «неучтенными» - неизвестно. Основываясь на этих же показателях, можно определить области, где фиксируется число представителей поколения NEET большее, чем в среднем по стране. На конец 2021 года к этим областям относятся Карагандинская (10,5%), Акмолинская и Туркестанская (по 7,7% в каждой).¹⁴³

Если следовать определению понятия NEET, речь идет о молодежи (в Казахстане к этой социальной группе относятся лица от 15 до 29 лет), которая достаточно продолжительное время не трудоустроена легально и не обучается в конкретном образовательном учреждении (варианты самообразования не учитываются). Исходя из этого, можно попробовать рассчитать численность поколения NEET по областям Казахстана, опираясь на данные об общей численности молодежи, численности работающей молодежи и численности учащейся молодежи. Разница между первым показателем и суммой второго и третьего показателя и выявит число молодых людей, соответствующих определению поколения NEET.

По официальным данным, в 2020 году общая численность молодежи составляла 3 765,8 тысяч человек, численность занятой молодежи определялась как 2 018,2 тысяч человек¹⁴⁴, числен-

142. <https://inbusiness.kz/ru/news/neet-net-rabote-i-uchebe>.

143. <https://inbusiness.kz/ru/news/neet-net-rabote-i-uchebe>.

144. <https://strategy2050.kz/ru/news/strategicheskij-resurs-kazakhstan-molodezh/>

ность «лиц, не входящих в состав рабочей силы в возрасте 15–28 лет по причине «Учеба (дневная форма)» - 1 188,7 тысяч человек. Простой подсчет выявляет разницу в 558,5 тысяч человек, то есть тех, кто не зафиксирован как занятый или обучающийся по дневной форме. Это число составляет 14,8% от общей численности молодежи в этот же период, но официальная статистика показывает значение NEET, в два раза меньше – 7,1%. В соответствии с этим же алгоритмом была рассчитана численность поколения NEET по областям (рисунок 3.43).

Рисунок 3.43. Численность поколения NEET по областям, 2020 г.

Необходимо отметить, что при таком подходе выявляются серьезные погрешности официальной статистики – в случае города Алматы и Западно-Казахстанской области не представляется возможным рассчитать численность поколения NEET как разницу между общей численностью молодежи и суммой занятой и учащейся молодежи, так эта сумма превышает общую численность молодежи в этих объектах анализа.

<i>г. Алматы: общая численность молодежи в 2020 году показана как 393,8 тысяч человек; сумма занятой молодежи (248,7 тысяч человек) и молодежи, обучающейся по дневной форме (169,7 тысяч человек) превышает общее число на 24,6 тысяч человек</i>
<i>Западно-Казахстанская область: общая численность молодежи в 2020 году показана как 123,5 тысяч человек; сумма занятой молодежи (84,4 тысяч человек) и молодежи, обучающейся по дневной форме (55,0 тысяч человек) превышает общее число на 15,9 тысяч человек</i>

Применив метод расчета амплитуды между статистическими экстремумами (с оговоркой о недостаточной достоверности данных), авторы получили возможность поставить под сомнение простой тезис о том, что высокие региональные показатели численности поколения NEET являются прямым следствием высокой доли молодежи в структуре населения того или иного региона (таблица 3.30).

Таблица 3.30 Амплитуда региональных колебаний общей численности молодежи и доли молодежи поколения NEET

Год	Максимальная общая численность молодежи (тыс. человек)	Минимальная общая численность молодежи (тыс. человек)	Амплитуда региональных колебаний	Среднее значение по республике (тыс. человек)
2020	465,7 (Туркестанская область)	100,5 (СКО)	365,2 Отношение Max/Min в 4,6 раза	221,5
Год	Максимальная региональная доля поколения NEET	Минимальная региональная доля поколения NEET	Амплитуда региональных колебаний	Среднее значение по республике

Продолжение таблицы 3.30				
2020	30,1% (Туркестанская область)	6,7% (Алматинская область)	23,4% Отношение Max/Min в 4,5 раза	17,8%

Данные, приведенные в таблице 3.30, демонстрируют не только сильную поляризацию численности молодежи по областям – амплитуда колебаний в полтора раза выше среднего значения по республике, - но и дают основание предполагать, что степень организованности и социализированности молодежи зависит не от ее численности или географического расположения региона, а от уровня развития социально-экономической инфраструктуры территории.

Несмотря на сложности с получением достоверных данных, авторы провели анализ полученных результатов и попытались ранжировать регионы с точки зрения доли неорганизованной молодежи (рисунок 3.43).

Ранжирование позволяет выявить области, в которых проблема поколения NEET стоит особенно остро. К ним можно отнести такие территории, где доля неорганизованной и низко социализированной молодежи составляет 20,0% и более: Туркестанская, Мангистауская, Северо-Казахстанская, Актюбинская, Акмолинская и Кызылординская области, г. Шымкент. Обращает на себя внимание тот факт, что в число этих регионов входят как области с наиболее высокой долей молодежи в общей численности населения (например, Туркестанская область), так и области с наиболее низкой долей молодежи (например, Северо-Казахстанская). (рисунок) Противоположную группу, где показатель NEET составляет менее 10,0%, формируют Восточно-Казахстанская, Павлодарская, Костанайская и Алматинская области. Здесь число неорганизованной молодежи сопоставимо с официальной статистикой (рисунок 3.44), но есть еще три области – Карагандинская, Атырауская и Жамбылская, - а также столица Астана, где по расчетам авторов, численность поколения NEET значительно

превышает официальные данные, хотя и не достигает 20,0% как в первой группе.

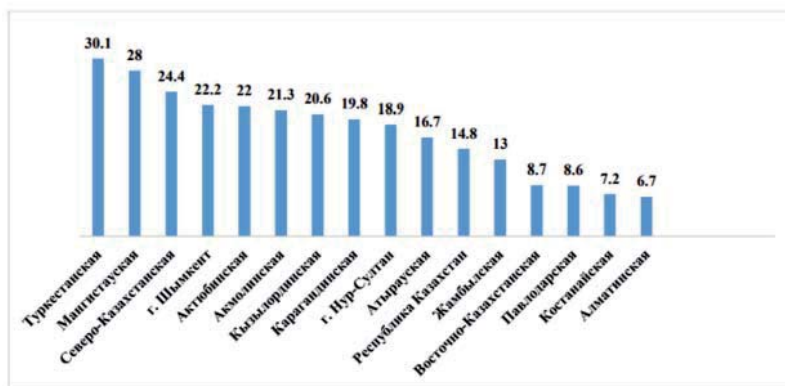

Рисунок 3.44 Доля поколения NEET от общей численности молодежи областей, рассчитанная авторами, 2020 год, %

Рисунок 3.44 Доля поколения NEET от общей численности молодежи областей, рассчитанная авторами, 2020 год, %

В целом складывается впечатление, что численность молодежи, не интегрированной в легальные экономические и образовательные институты, может быть заметно выше тех цифр, которые озвучиваются официальными лицами. Причем, в число занятых включены и так называемые «самозанятые», чей статус также носит не всегда определенный характер, а экономическое положение нельзя считать полностью устойчивым в силу низкого уровня социальной защищенности.

Существование подобной прослойки молодежи, более того, ее увеличение, несет в себе ряд рисков, главный из которых лежит в плоскости социально-экономического развития страны и связан с ухудшением человеческого капитала, как в среде молодежи, так и населения в целом. Это приводит к снижению трудовой и учебной продуктивности, большой социальной дифференциации, разобщенности молодежи как части населения, что сказывается на социокультурном и ценностном единстве общества, снижает

уровень органической и нормативной солидарности. Это также не может не влиять на вопросы физического и ментального здоровья, продолжительности жизни и трудовой активности. Говоря об экономических потерях, к примеру, согласно подсчетам Европейского фонда улучшения условий жизни и труда, затраты стран Европейского союза, связанные с проблемой молодежи NEET, только в 2011 году составили 153 миллиарда евро, что эквивалентно 1,2% ВВП Евросоюза. С другой стороны, молодежь категории NEET несет в себе риски для устойчивости и стабильности государства, так как для данной категории характерен высокий уровень маргинализации, криминализации, радикализации сознания, антисоциального поведения, что может сказаться на формировании протестности.

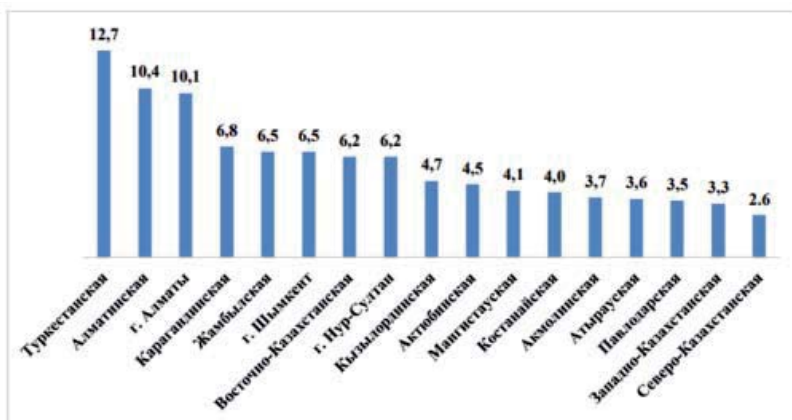

Рисунок 3.45 Распределение молодежи (14–28 лет) по областям (доля от общей численности молодежи РК), 2020 г.

Рисунок 3.45 Распределение молодежи (14–28 лет) по областям (доля от общей численности молодежи РК), 2020 г.

Сегодня перед системой государственного и регионального управления стоит целый комплекс задач, связанных с таким явлением, как поколение NEET:

- во-первых, необходимо как можно более точно проанализировать параметры этой социальной группы, эта задача социоло-

логов;

- во-вторых, разработать и внедрить в практику статистического учета такие механизмы, которые позволят достаточно точно отслеживать динамику этой группы как на региональном, так и на республиканском уровнях, это задача специалистов в области социальной статистики;

- в-третьих, необходим анализ причин и условий, которые приводят к возникновению и распространению данного явления, это междисциплинарная задача, над решением которой должны работать специалисты в области социологии, экономики, социального обеспечения, здоровья и др.;

- в-четвертых, программы развития территорий должны учитывать региональную специфику и особенности, социальную структуру молодежи, проживающей в тех или иных областях страны и характерные локальные/региональные причины, снижающие уровень социализированности молодого поколения.

Демографические шкалы как инструмент анализа динамики численности неработающей и не обучающейся молодежи

Выявляя демографические риски, связанные с увеличением численности неработающей и не обучающейся молодежи были установлены верхние и нижние предельно-критические значения шкалы. За предельно-критическое значение принимается порог: увеличение удельного веса данной возрастной группы выше среднереспубликанского уровня, когда риски переходят в угрозы (рисунок 3.46 и 3.47). Значение шкалы:

➤ *Нижняя граница: удельный вес неработающей и не обучающейся молодежи – 9,5% в 2009 году, 7,1% в 2020 году.*

➤ *Верхняя граница: удельный вес неработающей и не обучающейся – 19% в 2009 году, 14,2% в 2020 году.*

Пространство значений до нижней границы – стабильное состояние процесса: зона демографической безопасности (зеленый цвет). Пространство значений между нижней и верхней границей – это пространство нарастания рисков (желтый цвет). Пространство выше верхней границы – это пространство перерастания ри-

сков в угрозы (красный цвет).

С точки зрения рисков высокой доли неработающей и не обучающейся молодёжи в структуре населения наиболее благоприятной можно рассматривать зону ниже среднереспубликанского уровня. В 2009 году значение ниже 9,5% было в Северо-Казахстанской, Павлодарской, Костанайской, Актюбинской, Туркестанской, Кызылординской областях и городе Алматы (рисунок 3.44). В 2020 году в этих пределах остались все эти объекты, кроме Актюбинской и Туркестанской областей. Вошли в нее новые объекты: Восточно-Казахстанская, Атырауская, Западно-Казахстанская, Жамбылская области и город Астана – по официальным данным за одиннадцать лет в этих регионах положение улучшается.

В 2009 году в зоне рисков от 9,5% до 19% находились: Восточно-Казахстанская, Акмолинская, Карагандинская, Мангистауская, Западно-Казахстанская, Атырауская, Жамбылская, Алматинская области и город Астана. В 2020 году – Акмолинская, Актюбинская, Карагандинская, Мангистауская, Кызылординская, Туркестанская, Алматинская и Жамбылская области и город Шымкент (рисунок 3.45). Нет объектов, находящихся ни в 2009 году, ни в 2020 году в красной зоне. Однако следует учесть, что в основу анализа были взяты официальные данные, которые основаны на социологических выборочных исследованиях, которые в данном случае не являются репрезентативными. В несовершенстве методологической базы измерения данного процесса заключаются главные риски. Это проблема характерна не только для Казахстана, но и для всех зарубежных стран, измеряющих долю не работающей и не обучающейся молодежи. Следует отметить увеличение данного показателя за одиннадцать лет в Актюбинской области фактически в два раза и незначительное увеличение в Алматинской и Карагандинской областях, во всех остальных наблюдается снижение.

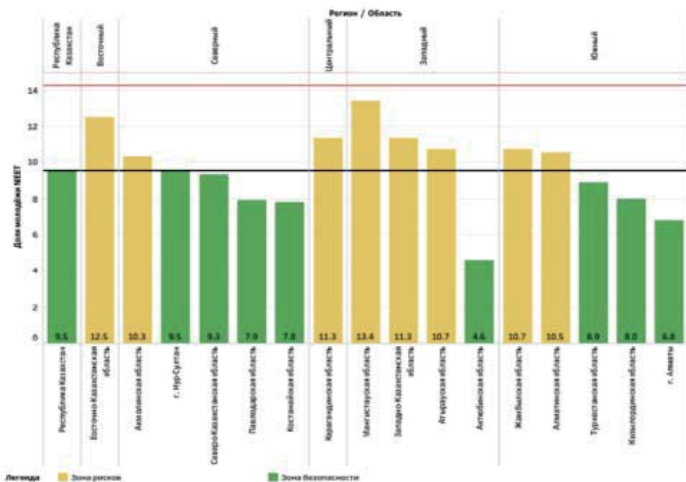

Рисунок 3.46 Шкала демографической безопасности, рисков и угроз по удельному весу неработающей и не обучающейся молодежи (поколение NEET), замер 2009 год.

Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/_16548639996390/sheet1

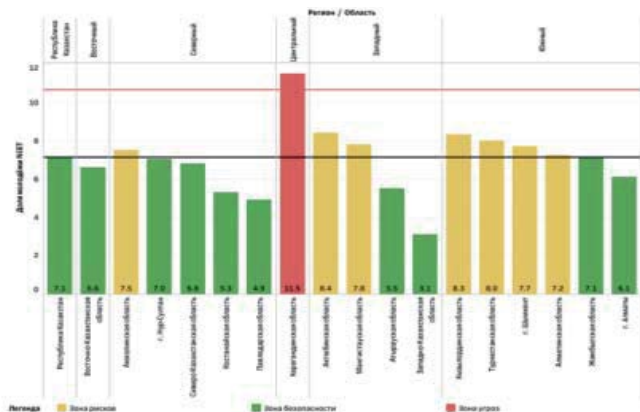

Рисунок 3.47 Шкала демографической безопасности, рисков и угроз по удельному весу неработающей и не обучающейся молодежи (поколение NEET), замер 2020 год.

Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/_16548639996390/sheet1

Риски, связанные с увеличением демографической нагрузки на трудоспособное население

Возрастная структура любого современного социума предполагает наличие групп, которые не участвуют в активной экономической деятельности и находятся на иждивении трудоспособной части населения. Если исключить специфические варианты, то такая возрастная структура представляет собой сочетание трех основных категорий населения – собственно трудоспособное, дотрудоспособное (дети и подростки) и послетрудоспособное (пенсии по возрасту). Вторая и третья группы по отношению к первой образуют социально-демографический феномен, называемый демографической нагрузкой.

Таким образом, демографическая нагрузка является нормой социальной реальности, но она может стать источником социально-экономических рисков в таких условиях и вследствие таких изменений возрастной структуры населения, когда ежегодный рост либо сокращение численности приводит к увеличению доли дотрудоспособных детей (коэффициент потенциального замещения) и послетрудоспособных людей пожилого возраста (коэффициент пенсионной нагрузки). Эти процессы вызывают увеличение демографической нагрузки на трудоспособное население.

Инструменты анализа демографической нагрузки

При анализе демографической нагрузки на трудоспособное население используется ряд специальных показателей:

- коэффициент общей нагрузки 1 (сколько человек в возрасте 0–14 лет и 65+ лет приходится на 100 человек 15–64 лет);

- коэффициент общей нагрузки 2 (сколько человек в возрасте 0–19 лет и 65+ лет приходится на 100 человек 15–64 лет). В этом случае учитываются современные реалии продолжительности обучения, при которых возраст экономической зависимости подростков продляется;

- коэффициент потенциального замещения (сколько человек в возрасте 0–14 лет приходится на 100 человек в возрасте 15–64

года), этот коэффициент еще называют «нагрузка детьми»;

- коэффициент пенсионной нагрузки (сколько человек в возрасте 65+ приходится на 100 человек в возрасте 15–64 года), этот коэффициент называют «нагрузкой пожилыми».

Существуют еще два коэффициента демографической поддержки, эти коэффициенты показывают обратную связь между численностью трудоспособного населения и послетрудоспособного: коэффициент демографической поддержки 1 (отношение населения 15–64 года к населению 65+) и коэффициент демографической поддержки 2 (отношение населения 20–64 года к населению 65+).

Рассматривая демографическую нагрузку важно «учитывать специфику страны, ее население, территорию, историю, экономическое развитие и его стадию, экономические структуры и комплексы, размер и структуру инвестиций, специфику регулирования национальной экономики, ее социальные основы, национальный состав, культуру и традиции населения, политическое устройство, т.е. специфику национальной экономики как единого целого»¹⁴⁵

Для современной возрастной структуры Казахстана характерен высокий уровень вызовов и рисков, связанных с демографической нагрузкой на трудоспособное население, то есть измеряемых коэффициентами потенциального замещения, пенсионной нагрузки, суммарным коэффициентом этих показателей и их возрастными вариациями (в зависимости от того, какие возрастные группы относятся к трудоспособному населению). В Казахстане заметное давление на экономически активную часть оказывается с двух сторон – многочисленное поколение первого демографического взрыва (1950–60 гг.) входит в пенсионный возраст, а высокая рождаемость последних двух десятилетий повышает нагрузку детьми.

Исходя из этих соображений в данном анализе были применены:

145. Роль демографической нагрузки на трудоспособное население для национальной экономики // https://studbooks.net/2162747/ekonomika/rol_demograficheskoy_nagruzki_trudosposobnoe_naselenie_natsionalnoy_ekonomiki

- коэффициент потенциального замещения (сколько человек в возрасте 0–19 лет приходится на 1000 человек в возрасте 20–64 года). это значение указывает на специфические расходы, связанные с постройкой и содержанием образовательных учреждений и учреждений здравоохранения, ориентированных на детские возрасты, а также предполагает расходы на подготовку соответствующих специалистов;

- коэффициент пенсионной нагрузки (сколько человек в возрасте 65+ приходится на 1000 человек в возрасте 20–64 года). увеличение этого показателя оказывает дополнительное давление на бюджет с целью финансирования пенсионных выплат и финансирования определенных направлений в системе здравоохранения;

- суммарный коэффициент демографической нагрузки (отношение суммы нагрузки детьми и нагрузки пожилыми к числу трудоспособного населения в возрасте 20–64 года).

Суммарная демографическая нагрузка

За одиннадцать лет (2009–2020 гг.) суммарная демографическая нагрузка в Казахстане возросла с 693 до 751 (на 58 пунктов). Этот процесс коснулся практически всех областей за исключением Костанайской (-14 пунктов). Региональный анализ позволяет выявить степень «демографического давления» на разные области и вывить наиболее кризисные регионы (рисунок 3.48).

Максимальные показатели суммарной демографической нагрузки сохранились в Туркестанской области и достигли 1040 пунктов, что в 1,4 раза выше среднереспубликанского значения. Минимальный показатель демографической нагрузки за этот период переместился из одного мегаполиса - Астана (506), в другой – Алматы (567).

При республиканском показателе 751 пункт, в семи регионах демографическая нагрузка выше среднего – Алматинской, Атырауской, Кызылординской, Мангистауской, Жамбылской, Туркестанской и г. Шымкент. В гг. Астана и Алматы, а также

в Костанайской, Павлодарской, Северо-Казахстанской, Карагандинской, Акмолинской, Восточно-Казахстанской, Западно-Казахстанской и Актюбинской область суммарная демографическая нагрузка ниже республиканского уровня.

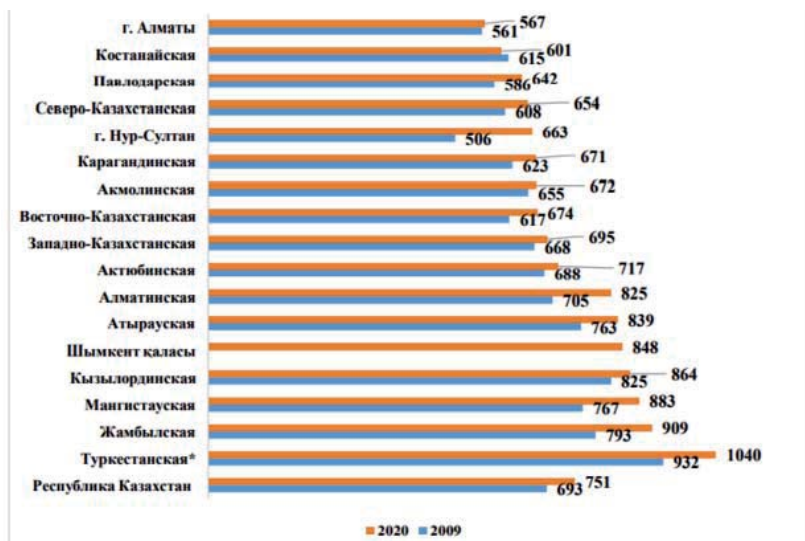

Рисунок 3.48 Суммарная демографическая нагрузка по областям (2009, 2020 гг.)

Амплитуда колебаний уровня демографической нагрузки по регионам сохранила относительную величину 1,8 (Max/Min), но в абсолютных числах к 2020 году выросла дополнительно на 47 пунктов (таблица 3.31), то есть происходит латентная региональная поляризация.

Под латентной демографической поляризацией авторы понимают сложный процесс, когда: во-первых, в разных регионах наблюдается кардинальное различие возрастных структур и связанных с этим явлением показателей демографической нагрузки. Во-вторых, происходит неуклонное, хотя и малозаметное нарастание амплитуды колебаний между экстремальными показателями демографической нагрузки. В этом случае процесс поляризации носит неявный, то есть латентный, характер

Таблица 3.31 Амплитуда колебаний региональной суммарной демографической нагрузки (2009, 2020 гг.)

Год	Максимальное значение суммарной демографической нагрузки	Минимальное значение суммарной демографической нагрузки	Амплитуда региональных колебаний	Среднее значение по республике
2009	932 (Туркестанская область)	506 (г. Астана)	426; Отношение Max/Min – в 1,8 раза	693
2020	1040 (+108) (Туркестанская область)	567 (+6) (г. Алматы)	473; Отношение Max/Min – в 1,8 раза	751

Однако, для анализа демографических трендов важны не только абсолютные показатели, но и динамика изменения демографической нагрузки по регионам (рисунок 3.49).

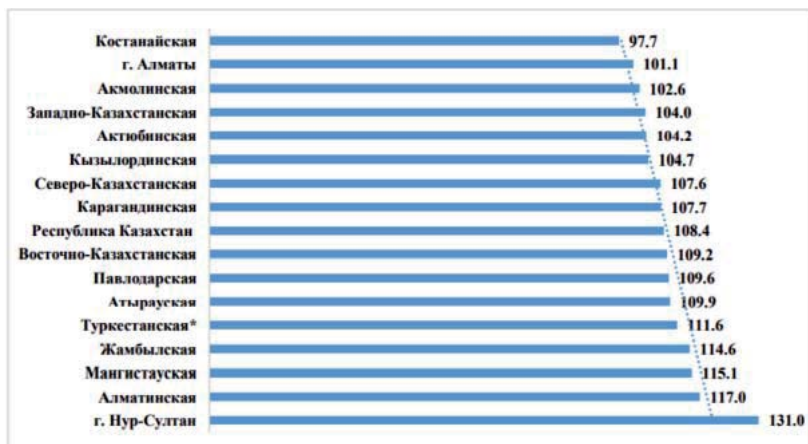

Рисунок 3.49 Динамика суммарной демографической нагрузки по областям, 2009–2020 гг.

За одиннадцать лет суммарная демографическая нагрузка в стране выросла на 8,4% и составила 751 пункт. В 2009 году в столице были минимальные показатели суммарной демографической нагрузки (506). В 2020 году эти значения еще остаются ниже среднереспубликанского уровня (663), но темпы прироста «демографического давления» самые высокие в стране (+157 пунктов или +31,0%). Динамика прироста демографической нагрузки выше 100 пунктов за одиннадцать лет фиксируется также в Алматинской (+17,0%), Мангистауской (+15,1%), Жамбылской (+14,6%) и Туркестанской (+11,6%) областях. Отметим, что в этих областях она была выше среднереспубликанского уровня уже в 2009 году.

Рост демографической нагрузки от 50 до 100 пунктов (то есть, сопоставимый со средним значением по республике) отмечается в Павлодарской, Восточно-Казахстанской и Атырауской областях.

Заметно ниже среднереспубликанского уровня темпы роста демографической нагрузки в Карагандинской, Северо-Казахстанской, Кызылординской, Актюбинской, Западно-Казахстанской, Акмолинской областях и г. Алматы. Из этих областей только в Кызылординской на протяжении исследуемого периода суммарная демографическая нагрузка остается выше средних значений по республике. Как уже отмечалось ранее, только в Костанайской области наблюдается отрицательная динамика: в 2009–2020 гг. демографическая нагрузка здесь снизилась на 14 пунктов и остается одной из самых низких в стране.

Проведенный анализ позволил выявить две взаимосвязанные проблемы – существует группа регионов, в которых при изначально высоких показателях суммарной демографической нагрузки растет и ее динамика: Алматинская, Жамбылская, Мангистауская и Туркестанская области. Это усиливает существующую региональную поляризацию демографической нагрузки и формирует дополнительное измерение рисков.

Структура демографической нагрузки: нагрузка детьми и пенсионная нагрузка

Проблема поляризации заключается не только в амплитуде колебаний, но и в региональной дифференциации структуры демографической нагрузки – нагрузка детьми и/или пенсионная нагрузка. Это означает нарастание разных типов рисков и разных комплексов социальных проблем, с ними связанных. Первый тип рисков – это высокий уровень нагрузки детьми. Он в большей степени характерен как раз для таких областей, как Алматинская, Атырауская, Кызылординская, Жамбылская, Мангистауская, Туркестанская и г. Шымкент. В этих регионах коэффициент демографической нагрузки детьми превышает среднереспубликанский показатель – 616 пунктов (2020 г.) (рисунок 3.50).

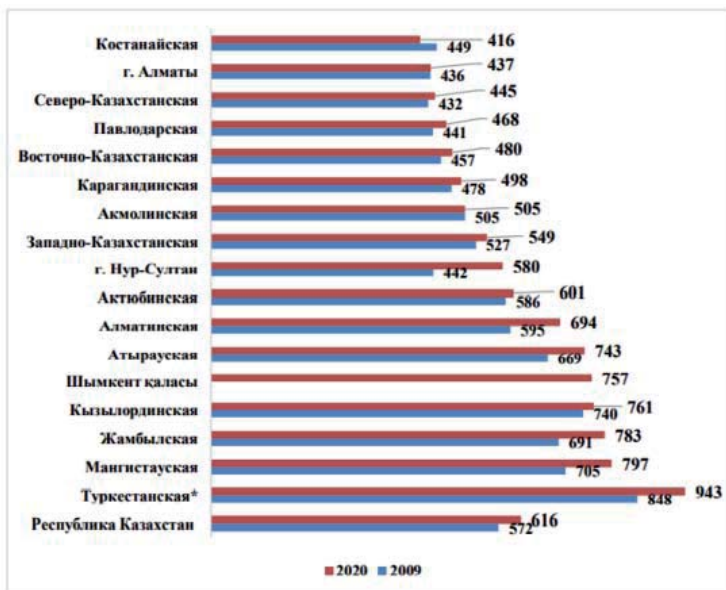

Рисунок 3.50 Демографическая нагрузка детьми (0–19 лет), 2009, 2020 гг.

Максимальный региональный показатель нагрузки детьми

зафиксирован в 2020 году в Туркестанской области – 943 пункта, что в 1,5 раза выше среднереспубликанского. При этом суммарная демографическая нагрузка в этой области составила 1040 пунктов. Таким образом, в структуре всей демографической нагрузки нагрузка детьми составляет 90,7%. Такой дисбаланс демографической нагрузки отражает общий дисбаланс возрастной структуры области.

Таблица 3.32 Динамика демографической нагрузки детьми и амплитуды региональных колебаний, 2009–2020 гг.

Год	Максимальное значение нагрузки детьми	Минимальное значение нагрузки детьми	Амплитуда региональных колебаний	Среднее значение по республике
2009	848 (Туркестанская область)	449 (Костанайская область)	399; Отношение Max/Min – в 1,9 раза	572
2020	943 (+ 95) Туркестанская область	416 (-33) Костанайская область	527; Отношение Max/Min – в 2,3 раза	616

Амплитуда колебаний данного показателя по областям продемонстрировала стремительный рост за последнее десятилетие и в 2020 году составила 527 пунктов (таблица 3.32). То есть, показатель демографической нагрузки детьми в Туркестанской области (Max) более чем в два раза выше, чем этот же показатель в Костанайской области (Min). В этом случае речь идет не о латентном, а о явном нарастании поляризации: отношение максимальных региональных показателей к минимальным выросло с 1,9 до 2,3.

То, что источником увеличения суммарной демографической нагрузки является рост нагрузки детьми подтверждает анализ региональной динамики (рисунок 3.51).

На рисунке 3.51 отчетливо видны те области, в которых прирост нагрузки детьми превышает среднереспубликанские темпы

– Атырауская, Мангистауская, Жамбылская, Туркестанская, Алматинская. Но, безусловным лидером за прошедшее десятилетие стала столица Астана: здесь темпы роста нагрузки детьми в 3 раза превысили аналогичные республиканские показатели.

Единственная область, в которой произошло снижение демографической нагрузки этого типа – Костанайская, не зафиксированы изменения в Акмолинской области. Показатели динамики нагрузки детьми ниже среднереспубликанского уровня отмечаются в г. Алматы, Северо-Казахстанской, Актюбинской, Карагандинской, Кызылординской, Западно-Казахстанской, Восточно-Казахстанской и Павлодарской областях.

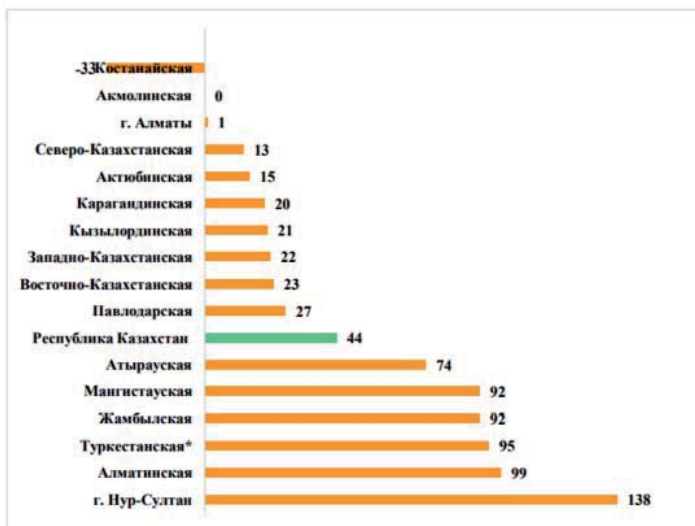

Рисунок 3.51 Динамика демографической нагрузки детьми (0–19 лет) по областям, 2009–2020 гг.

Если данные по демографической нагрузке детьми фиксируют процесс все большей поляризации регионов, то показатели пенсионной нагрузки позволяют предположить, что ее рост имеет более универсальный характер и более плавно распределяется практически по всем областям (рисунок 3.52 и таблица 3.33). Демографическая пенсионная нагрузка может быть источником

рисков второго типа – связанных с увеличением доли пожилых людей в составе населения.

В среднем по республике пенсионная нагрузка за одиннадцать лет возросла с 121 до 135 (на 14 пунктов). Значения пенсионной нагрузки выше 135 пунктов (среднереспубликанский показатель) отмечаются в Западно-Казахстанской, Акмолинской, Павлодарской, Карагандинской, Костанайской, Восточно-Казахстанской и Северо-Казахстанской областях. Соответственно, в Мангистауской, Туркестанской, Атырауской, Кызылординской, Актюбинской, Жамбылской, Алматинской областях и трех мегаполисах – Астана, Алматы и Шымкент – это значение ниже среднереспубликанского.

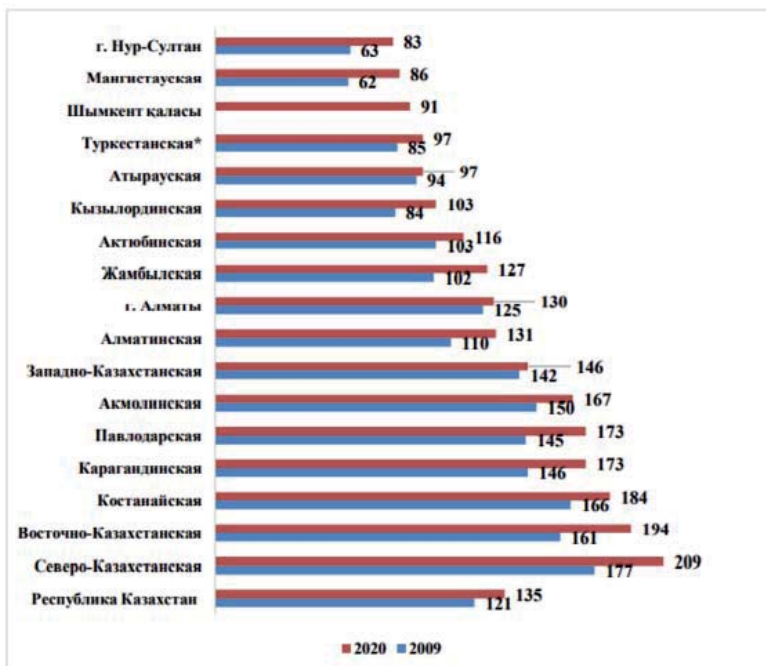

Рисунок 3.52 Пенсионная нагрузка (65+) по областям, 2009, 2020 гг.

Амплитуда колебаний между региональными экстремумами

показывает рост, но незначительный в сравнении с аналогичным показателем демографической нагрузки детьми (сравнить – 11 пунктов и 78 пунктов соответственно).

Таблица 3.33 Амплитуда колебаний региональной пенсионной нагрузки, 2009–2020 гг.

Год	Максимальное значение пенсионной нагрузки	Минимальное значение пенсионной нагрузки	Амплитуда региональных колебаний	Среднее значение по республике
2009	177 (Северо-Казахстанская область)	62 (Мангистауская область)	115; Отношение Max/Min – в 2,9 раза	121
2020	209 (+32) (Северо-Казахстанская область)	83 (+21) (г. Астана)	126; Отношение Max/Min – в 2,5 раза	135

Фактически же разрыв между экстремумами сокращается. В 2009 году показатель пенсионной нагрузки в Северо-Казахстанской области (Max) был выше показателя пенсионной нагрузки в Мангистауской области (Min) в 2,9 раза, в 2020 году это отношение сократилось до 2,5 (рисунок 3.53).

Среднереспубликанское значение прироста пенсионной нагрузки за одиннадцать лет составило 14 пунктов. В 11 регионах этот показатель выше, самые высокие темпы роста пенсионной нагрузки отмечаются в Восточно-Казахстанской и Северо-Казахстанской областях – в 2,3 раза среднего значения. Самые низкие темпы роста этого показателя – в Атырауской и Западно-Казахстанской областях, а также в г. Алматы. Всего регионов, где темпы роста пенсионной нагрузки ниже среднего уровня по республике, шесть (учитывая Шымкент), что в два раза меньше, чем регионов, где этот показатель растет быстрее среднего значения. Эти данные подтверждают предположение, что рост пенсионной нагрузки происходит в большей части областей Казахстана и ста-

новится общереспубликанским демографическим трендом.

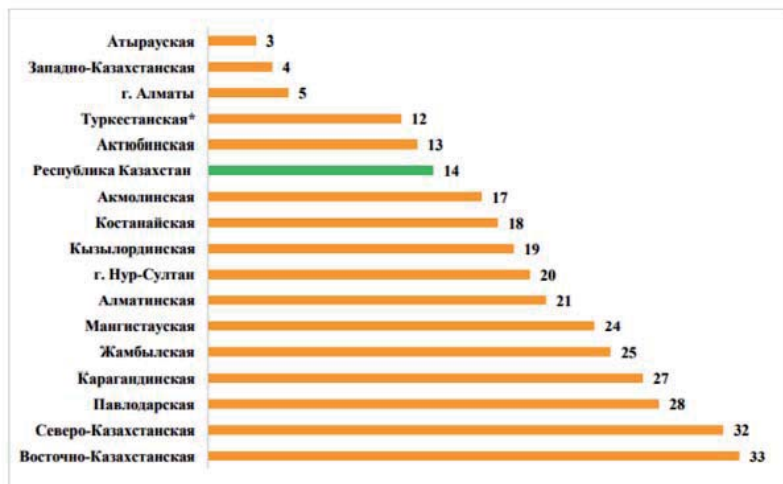

Рисунок 3.53. Динамика показателей пенсионной нагрузки (65+) по областям, 2009–2020 гг.

Анализ рисков, связанных с демографической нагрузкой

Демографическая нагрузка структурно не однородна – складывается из нагрузки детьми и пенсионной нагрузки, поэтому этот феномен порождает риски различных типов:

Риски первого типа, связанные с нагрузкой детьми – рост заболеваемости и инвалидизации в младших возрастных группах, снижение доступности и качества образования, в перспективе рост молодежной безработицы, количественное увеличение доли поколения НЕЕТ, низкий уровень социализации, рост насилия по отношению к детям и подросткам и вовлечение их в противоправную деятельность, радикализация сознания в подростковой среде, недостаточный уровень удовлетворения потребностей физического и умственного развития детей, социальное сиротство и беспризорность и др.

На фоне роста рисков первого типа происходит повышение

общественной потребности и обострение социального запроса на:

- специфические медицинские услуги (специализированные учреждения здравоохранения, профильные врачи-специалисты, вспомогательный медицинский персонал, медицинское оборудование, препараты, рассчитанные на лечение и профилактику заболеваний у детей);

- учреждения образования (дошкольные, средние, профессиональные);

- особые условия планировки и инфраструктуры населенных пунктов, которые должны быть ориентированы на безопасность и развитие детей;

- высокий уровень производительности труда экономически активного населения, рост доходов домохозяйств и большую емкость рынка труда за счет его диверсификации;

- гибкие формы занятости для работающих родителей (в реалиях Казахстана это особенно касается матерей);

- развитие современных форм занятости, ориентированных на молодежь и подростков, что позволит им получить ранний опыт легальной экономической активности;

- развитую сферу конструктивного молодежного досуга (культура и спорт, общественная волонтерская деятельность) и др.

Отдельно следует отметить нагрузку на бюджет в форме пособий и других социальных выплат на содержание и воспитание детей.

Риски второго типа, связанные с пенсионной нагрузкой – социальная заброшенность пожилых, сокращение ожидаемой средней продолжительности жизни, снижение качества жизни старших возрастных групп, разрыв социальных связей, низкий уровень использования остающегося нереализованным потенциала, рост возрастной конкуренции на рынке труда и «выдавливание» пенсионеров и др.

В связи с нарастанием рисков второго типа происходит повышение общественной потребности и обострение социального запроса на:

- специфические медицинские услуги (специализированные учреждения здравоохранения, профильные врачи-специалисты, вспомогательный медицинский персонал, медицинское оборудование, препараты, рассчитанные на лечение и профилактику заболеваний у пожилых людей);

- организации социальной поддержки пожилых людей;

- планировку и инфраструктуру населенных пунктов, рассчитанную на пожилых людей;

- высокий уровень производительности труда экономически активного населения, рост доходов домохозяйств и большую емкость рынка труда за счет его диверсификации;

- гибкие формы занятости для работающих пенсионеров (с учетом средней продолжительности жизни, это особенно актуально для женщин)

- высокий уровень доступности общественного транспорта, специализированных такси и др.

Отдельный риск – рост бюджетной нагрузки по выплате пенсий по возрасту.

Для того, чтобы правильно учитывать вышеназванные риски в процессе планирования развития территорий, необходимо провести структурный анализ региональной демографической нагрузки. Это позволит ответить на следующие вопросы:

- превышает ли нагрузка детьми (потенциальное замещение) нагрузку пожилыми (пенсионная нагрузка) - положительное значение демографической нагрузки;

- превышает ли нагрузка пожилыми (пенсионная нагрузка) нагрузку детьми (потенциальное замещение) - отрицательное значение демографической нагрузки;

- какова динамика демографической нагрузки на трудоспособное население.

На рисунках 3.54 и 3.55 представлены структуры демографической нагрузки регионов в 2009 и 2020 годах. Это позволяет их сравнить и сделать следующие выводы:

1. Во всех областях демографическая нагрузка детьми значительно выше пенсионной нагрузки: региональная нагрузка детьми в 2009 году колебалась от 71,0% (Северо-Казахстанская

область) до 91,9% (Мангистауская область), а пенсионная нагрузка от 8,1% (Мангистауская область) до 29,0% (Северо-Казахстанская область) соответственно. В республиканской структуре соотношение демографических нагрузок детьми и пенсионной составляло 82,5% и 17,5%.

2. Общее соотношение различных видов демографической нагрузки сохраняется и в 2020 году: в республиканской структуре они соотносились как 82,0% и 18,0%. Нагрузка детьми определялась в пределах 68,0% (Северо-Казахстанская область) – 90,7% (Мангистауская область). Пенсионная нагрузка составила от 9,3% (Туркестанская область) до 32,0% (Северо-Казахстанская область)

3. При сохранении общего соотношения в структуре демографической нагрузки наметился тренд на ее постепенное перераспределение в пользу пенсионной нагрузки.

4. Таким образом, за период с 2009 по 2020 год происходит рост суммарной демографической нагрузки на трудоспособное население и, пока незначительное, но устойчивое, структурное нарастание пенсионной нагрузки во всех регионах страны, за исключением Атырауской и Западно-Казахстанской областей.

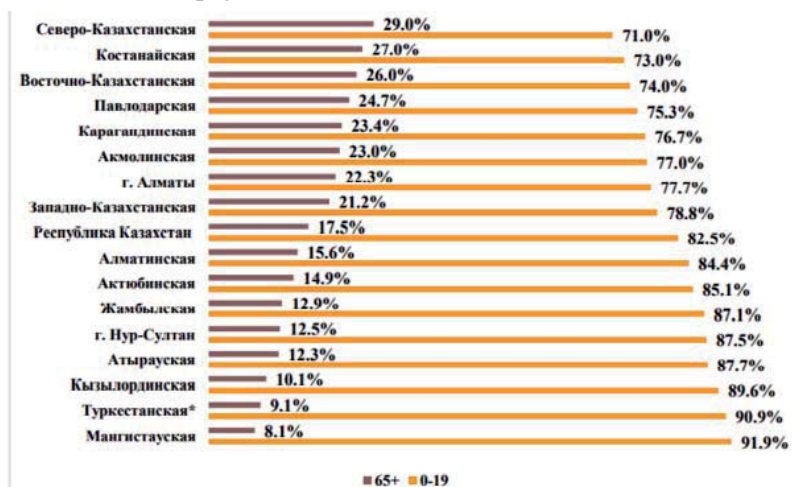

Рисунок 3.54 Структура демографической нагрузки по областям, 2009 г.

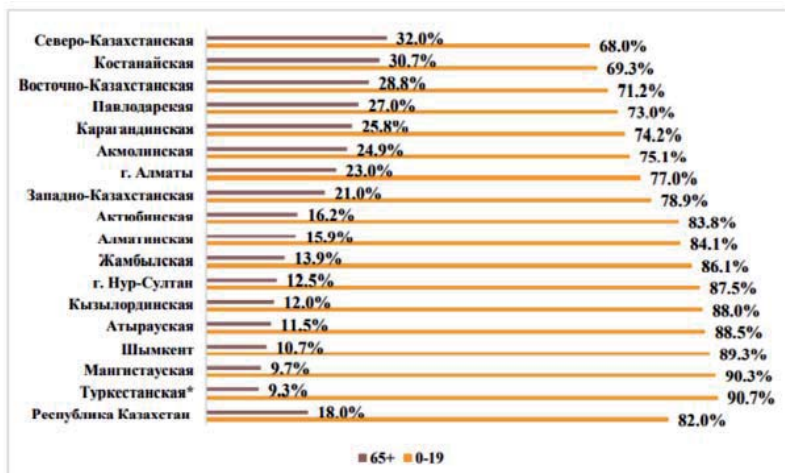

Рисунок 3.55 Структура демографической нагрузки по областям, 2020 г.

Сопоставив полученные данные, можно провести логическую группировку регионов по признаку превышения среднего республиканского значения:

- суммарной демографической нагрузки;
- темпов роста суммарной демографической нагрузки;
- нагрузки детьми;
- темпов роста нагрузки детьми;
- пенсионной нагрузки;
- темпов роста пенсионной нагрузки.

По результатам структурного анализа демографической нагрузки можно выделить следующие «кластеры рисков» – таблица 3.34.

Следующим шагом в структурном анализе рисков, связанных с демографической нагрузкой, стало определение тех регионов, которые сочетают в себе разные признаки рисков и формируют «кластеры рисков» (при этом, некоторые области могут входить одновременно в два кластера):

Таблица 3.34 Классификация региональных рисков, возникающих вследствие характера и динамики демографической нагрузки (2020 год)

Суммарные риски		Риски первого типа		Риски второго типа	
Суммарная демографическая нагрузка выше средне-республиканского уровня (751+)	Темпы роста суммарной демографической нагрузки выше средне-республиканского уровня	Группа А: демографическая нагрузка детьми выше средне-республиканского уровня (616+)	Группа В: темпы роста демографической нагрузки детьми выше средне-республиканского уровня (44+)	Группа А: пенсионная нагрузка выше средне-республиканского уровня (135+)	Группа В: Темпы роста пенсионной нагрузки выше средне-республиканского уровня (14+)
Алматынская, Атырауская, Кызылординская, Мангистауская, Жамбылская, Туркестанская области и г. Шымкент	Атырауская, Туркестанская, Мангистауская, Жамбылская, Алматынская, г.Астана	Алматынская, Атырауская, Кызылординская, Жамбылская, Мангистауская, Туркестанская и г. Шымкент	г. Астана, Алматынская, Туркестанская, Жамбылская, Мангистауская, Атырауская области	Зарадно-Казахстанская, Акмолинская, Павлодарская, Карагандинская, Костанайская, Восточно-Казахстанская и Северно-Казахстанская области	Восточно-Казахстанская, Северо-Казахстанская, Павлодарская, Карагандинская, Жамбылская, Мангистауская, Алматынская области, г. Астана, Кызылординская, Костанайская, Акмолинская области

1 кластер

Значения суммарной демографической нагрузки и темпы ее роста выше средних республиканских показателей: Алматинская, Атырауская, Мангистауская, Жамбылская, Туркестанская области

2 кластер

Значения нагрузки детьми и темпы ее роста выше средних республиканских показателей: Алматинская, Атырауская, Жамбылская, Мангистауская, Туркестанская области

3 кластер

Значения пенсионной нагрузки и темпы ее роста выше средних республиканских показателей: Акмолинская, Павлодарская, Карагандинская, Костанайская, Восточно-Казахстанская, Северо-Казахстанские области

В настоящее время нагрузка детьми составляет 82% от общего объема демографической нагрузки в Казахстане, что делает первоочередной задачей поиск решений, связанных с рисками первого типа.

Сама по себе высокая численность детских возрастных групп может рассматриваться, с одной стороны как демографический потенциал республики, с другой стороны – это демографический риск, который может влиять на экономику по следующим основным направлениям:

- 1) темпы экономического роста, показатели занятости и производительности труда;
- 2) объем социальных расходов;
- 3) объем расходов на систему образования;
- 4) объем расходов на систему здравоохранения.

В условиях не диверсифицированной экономики и высокого уровня молодежной незанятости такая демографическая нагрузка детьми может привести к увеличению социальных расходов, оттоку молодого населения за границу и снижению научного, интеллектуального потенциала казахстанского общества. Непропорционально большая доля молодежи в общей численности населения создает давление на рынок труда, обостряет проблему

занятости населения, приводит к увеличению доли поколения NEET.

Однако, нельзя сбрасывать со счетов рост пенсионной нагрузки, так как этот элемент суммарной демографической нагрузки будет распространяться и прирастать во всех регионах в ближай-шее десятилетие, так как многочисленное поколение 1960–х гг. будет все больше переходить в пенсионный возраст, а риски второго типа будут приобретать все большую актуальность. Это означает, что одни риски не сменяются другими, а наложатся друг на друга, усиливая нагрузку на социальный бюджет.

Таким образом, региональная демографическая нагрузка – это фактор, который необходимо учитывать при разработке программ и мероприятий по социальному обеспечению населения и рациональному использованию трудовых ресурсов территорий.

Демографические шкалы как инструмент анализа демографической нагрузки детьми

Для выявления рисков демографической нагрузки детьми были установлены верхние и нижние предельно-критические значения шкалы. За предельно-критическое значение принимается среднереспубликанский уровень: демографическая нагрузка детьми в 2009 году - 572, в 2020 году - 616 и выше, когда риски переходят в угрозы (рисунок 3.56 и 3.57). Значение шкалы:

➤ *Нижняя граница: демографическая нагрузка детьми: в 2009 году - 572, в 2020 году - 616.*

➤ *Верхняя граница: демографическая нагрузка в 1,5 раза превышающая среднереспубликанский уровень: в 2009 году - 858, в 2020 году – 924.*

Пространство значений до нижней границы – стабильное состояние процесса: зона демографической безопасности (зеленый цвет). Пространство значений между нижней и верхней границей – это пространство нарастания рисков (желтый цвет). Пространство выше верхней границы – это пространство перерастания рисков в угрозы (красный цвет).

С точки зрения увеличения демографической нагрузки деть-

ми наиболее благоприятной можно рассматривать зону ниже уровня в среднем по республике. В 2009 году значение ниже показателя 572 отмечалось в структуре населения семи областей: Восточно-Казахстанской, Павлодарской, Акмолинской, Карагандинской, Северо-Казахстанской, Костанайской, Западно-Казахстанской и города Алматы. В 2020 году в этих пределах остались все объекты, однако значения в них выросли так же (кроме Костанайской области), как и уровень в среднем по республике - 616.

В 2009 году в пространстве рисков среднего уровня по республике до значений, превышающих их в 1,5 раза, находились все остальные объекты: население Актюбинской, Алматинской, Жамбылской, Атырауской, Кызылординской, Мангистауской, Туркестанской областей и двух городов республиканского значения – Астана и Шымкент. Замер 2020 года фиксирует следующие изменения: идет нарастание демографической нагрузки детьми в Туркестанской области и городе Шымкент, здесь она перешла в зону угроз. В пространстве рисков остались все остальные объекты, значения рассматриваемого показателя в них существенно выросли.

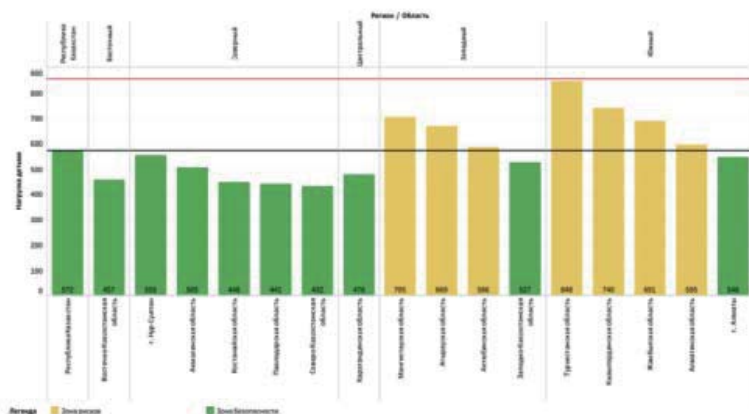

Рисунок 3.56 Шкала безопасности, рисков и угроз по демографической нагрузке детьми, замер 2009 год.

Источник: база данных

https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/2009-2020__16549673088680/Dashboard1

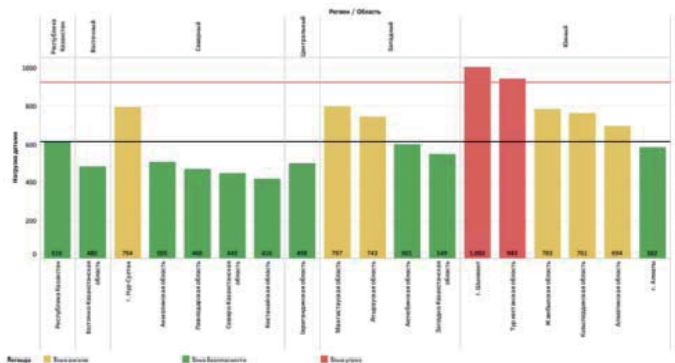

Рисунок 3.57 Шкала безопасности, рисков и угроз по демографической нагрузке детьми, замер 2020 год.

Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/2009-2020__16549673088680/Dashboard1

Наибольшее внимание привлекает и требует безотлагательных мер пространство перерастания рисков в угрозы, где идет нарастание демографической нагрузки детьми. В 2009 году таких значений не было ни у одной области. В 2020 году границу, превышающий уровень в среднем по республике в 1,5 раза перешла Туркестанская область и город Шымкент, в целом идет нарастание данной тенденции и в перспективе в красную зону войдут другие южные и западные области Казахстана.

Демографические шкалы как инструмент анализа демографической нагрузки пожилыми людьми

Выявляя риски демографической нагрузки пожилыми людьми, были установлены верхние и нижние предельно-критические значения шкалы. За предельно-критическое значение также принимается среднереспубликанский уровень: демографическая нагрузка пожилыми в 2009 году - 121, в 2020 году - 135 и выше, когда риски переходят в угрозы (рисунок 3.58 и 3.59). Значение шкалы:

- Нижняя граница: демографическая нагрузка пожилыми:

в 2009 году - 121, в 2020 году - 135.

➤ *Верхняя граница: демографическая нагрузка в 1,5 раза превышающая среднереспубликанский уровень: в 2009 году - 182, в 2020 году - 203.*

Пространство значений до нижней границы – стабильное состояние процесса: зона демографической безопасности (зеленый цвет). Пространство значений между нижней и верхней границей – это пространство нарастания рисков (желтый цвет). Пространство выше верхней границы – это пространство перерастания рисков в угрозы (красный цвет).

С точки зрения увеличения демографической нагрузки детьми наиболее благоприятной можно рассматривать зону ниже уровня в среднем по республике. В 2009 году в пространстве демографической безопасности находилось население Актюбинской, Алматинской, Жамбылской, Атырауской, Кызылординской, Мангистауской и Туркестанской и двух городов республиканского значения – Астана и Шымкент. В 2020 году в этой зоне остались Актюбинская, Алматинская, Жамбылская, Атырауская, Кызылординская, Мангистауская и Туркестанская области, а два города республиканского значения перешли в зону угроз.

В 2009 году в зону рисков – высокой нагрузки пожилыми людьми вошло население Восточно-Казахстанской, Павлодарской, Акмолинской, Карагандинской, Северо-Казахстанской, Костанайской, Западно-Казахстанской областей и города Алматы, где значение данного показателя было выше среднереспубликанского.

Замер 2020 года фиксирует следующие изменения: идет нарастание демографической нагрузки пожилыми во всех этих объектах, к ним присоединяется Астана и Шымкент, а в двух объектах: Северо-Казахстанской области и городе Алматы показатели настолько выросли, что они передвигаются в зону угроз. Именно эта зона требует наибольшего внимания и безотлагательных мер со стороны государства. Если в 2009 году таких значений не было ни у одной области, то в 2020 году границу, превышающий уровень в среднем по республике в 1,5 раза перешла Северо-Казахстанская область и город Алматы. В целом идет нарастание данной тенденции и в перспективе в кра-

сную зону войдут другие северные области, восточный и центральный Казахстан.

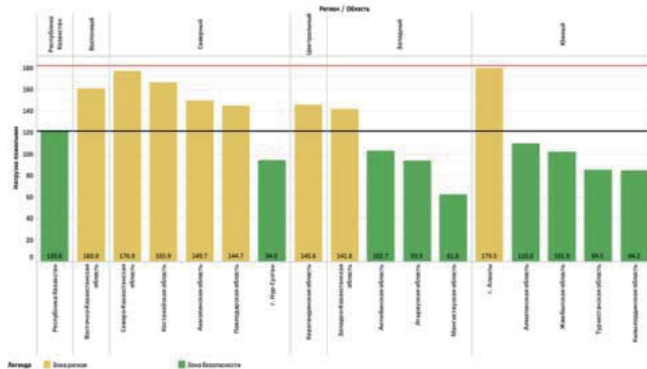

Рисунок 3.58 Шкала безопасности, рисков и угроз по демографической нагрузке пожилыми людьми, замер 2009 год.

Источник: база данных

https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/_16548709405120/sheet3

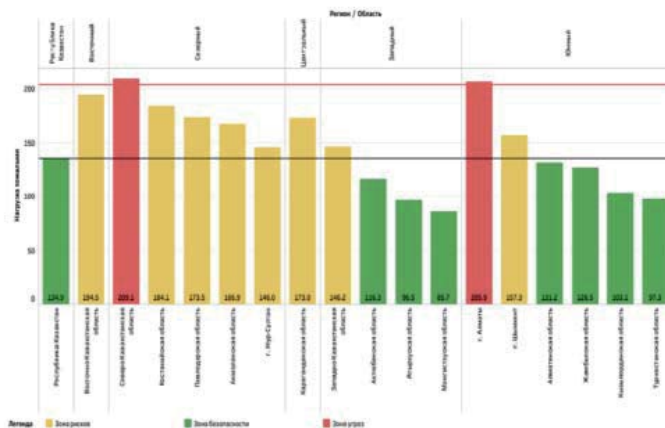

Рисунок 3.59 Шкала безопасности, рисков и угроз по демографической нагрузке пожилыми людьми, замер 2020 год.

Источник: база данных

https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/_16548709405120/sheet3

Риски, связанные с гендерным дисбалансом в возрастной структуре населения

Абсолютный гендерный баланс, то есть полное численное равенство полов, является редким и кратковременным демографическим явлением. Обычно мальчиков рождается больше, чем девочек, но в силу различий гендерных характеристик смертности через некоторое время ситуация ненадолго выравнивается, а затем возникает гендерный разрыв.

Гендерный разрыв – это численная асимметрия мужчин и женщин в возрастной структуре общества, демографически обычно выражается в численном преобладании женщин в более поздних возрастах. Биологически и исторически сложилась закономерность, которая устойчиво проявляется практически во всех регионах мира. Изучаются также профессиональные гендерные разрывы (преобладание мужчин или женщин в определенной профессиональной сфере, так называемые «мужские» или «женские» профессии), гендерный разрыв в представленности во власти, гендерный разрыв в отношениях собственности и т. д. Отдельным направлением изучения является анализ причин и условий возникновения/нарастания гендерного разрыва. В данном исследовании основное внимание фокусируется на демографическом аспекте гендерного разрыва и рисках, вытекающих из него.

Так как гендерный разрыв является широко распространенным, если не сказать универсальным феноменом, то его необходимо учитывать при планировании и реализации программ социально-экономического развития для более эффективного использования человеческих ресурсов. Гендерный разрыв может иметь различные параметры: возраст, когда он начинает фиксироваться в обществе; максимальный уровень, когда численный дисбаланс наиболее высок. Анализ этих параметров позволяет определять степень рисков, возникающих в результате гендерного дисбаланса. Отдельно отметим, что, если это не оговаривается отдельно, под моментом наступления гендерного разрыва будет пониматься момент, когда численность мужчин становится меньше численности женщин.

Особое значение для социума имеют гендерные разрывы, характерные для трудоспособного возраста и старших возрастных групп.

Гендерный разрыв в трудоспособном возрасте и нарастание диспропорции в соотношении удельного веса женщин и мужчин в возрастной группе 20–64 года также порождает возникновение ряда рисков, связанных как с семейно-брачной динамикой и репродуктивной самореализацией населения, так и с уровнем экономической активности регионов и специфическими особенностями региональных рынков труда. При нерациональном планировании развития территорий может произойти ухудшение социально-экономической ситуации и рост недовольства нетрудоустроенной части населения, активизация протестных настроений в обществе.

В 2009 году гендерная асимметрия в Казахстане начинала фиксироваться в возрастной группе 25–29 лет, и это минимальный показатель гендерного дисбаланса – на 4 202 мужчины меньше, чем женщин.

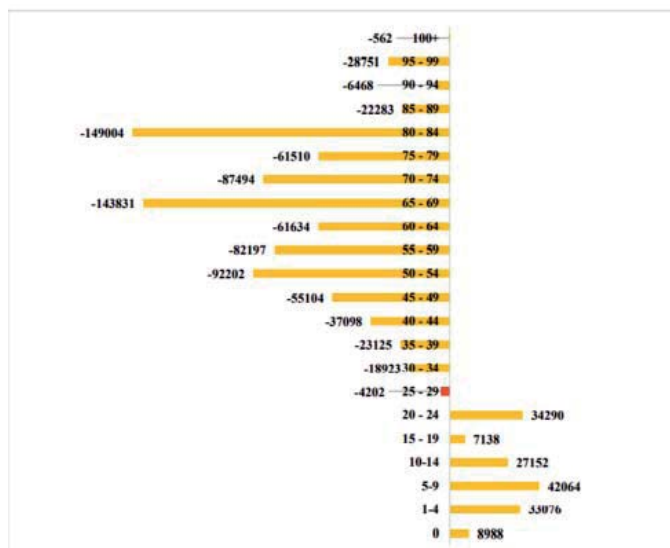

Рисунок 3.60 Возраст наступления гендерного разрыва в Казахстане, 2009 г.

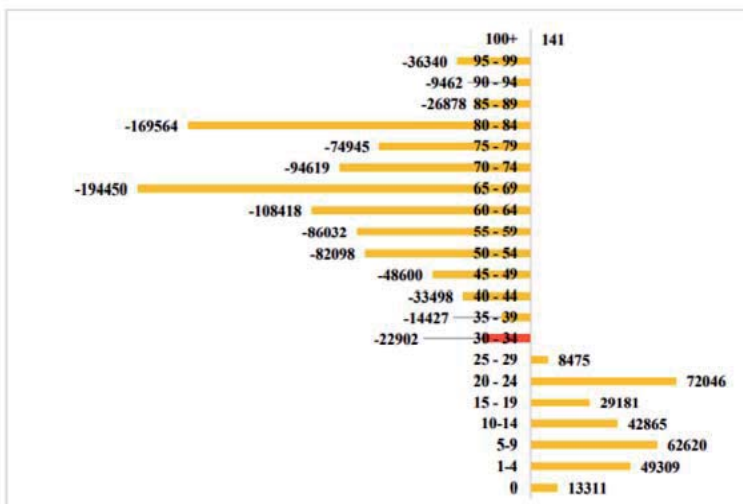

Рисунок 3.61 Возраст наступления гендерного разрыва в Казахстане, 2020 г.

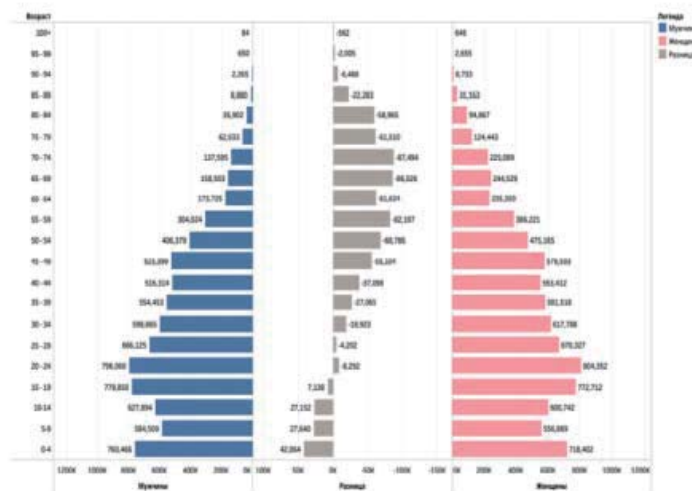

Рисунок 3.62 Возрастно-половая пирамида населения РК с разницей в возрастных группах в гендерном разрезе 2009 г.

Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/-2009-2020__16485319078230/

На рисунках 3.62 и 3.63 представлены количественные показатели гендерного дисбаланса: справа от оси положительные значения указывают на преобладание мужчин в данных возрастных группах, слева от оси – отрицательные значения отмечают недостаток мужчин в сравнении с числом женщин. Если принимать за трудоспособное и экономически активное население возрастные группы 20–64 года, то численное преимущество мужчин приходится только на пять лет – 20–24 года. На протяжении всего последующего периода экономической активности женщины численно превосходят мужчин, и это тенденция нарастает в старших возрастных группах.

За прошедшие одиннадцать лет (2009–2020 гг.) в целом по стране гендерный разрыв в трудоспособном возрасте смещается в более старшую возрастную группу – 30–34 года, что можно оценивать, как позитивный факт. Однако, если максимальный показатель гендерного дисбаланса в 2009 году приходился на возраст 80–84 года и составлял 149 тыс. человек, то в 2020 году максимальный гендерный дисбаланс фиксируется в более младшей возрастной группе – 65–69 лет, и составляет уже 194 тыс. человек.

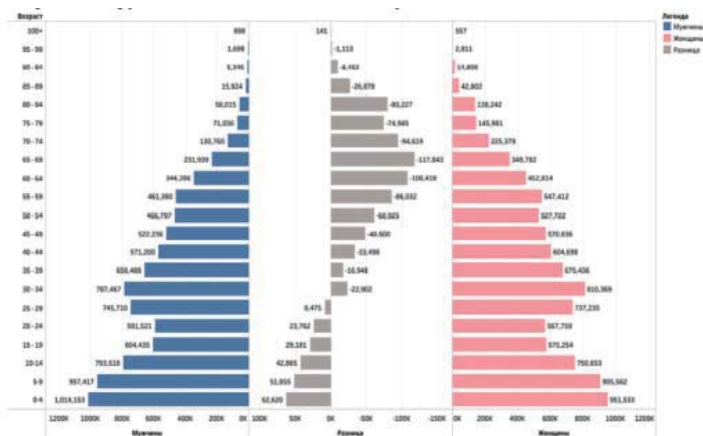

Рисунок 3.63 Возрастно-половая пирамида населения РК с разницей в возрастных группах в гендерном разрезе 2020 г.

Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/-2009-2020__16485319078230/

Чтобы понять происходящие процессы необходимо провести региональный анализ параметров гендерного разрыва в динамике 2009–2020 годов (таблица 3.35).

Таблица 3.35. Региональные показатели гендерного дисбаланса (2009–2020 гг.)

Регион	Возраст наступления гендерного разрыва		Возраст максимального гендерного дисбаланса	
	2009	2020	2009	2020
Акмолинская	30-34	40-44	65-69	65-69
Актюбинская	10-14	25-29	65-69	55-59
Алматинская	35-39	35-39	55-59	65-69
Атырауская	25-29	30-34	70-74	60-64
Восточно-Казахстанская	30-34	40-44	70-74	65-69
Жамбылская	20-24	40-44	55-59	65-69
Западно-Казахстанская	30-34	40-44	70-74	65-69
Карагандинская	25-29	30-34	65-69	65-69
Костанайская	30-34	35-39	70-74	65-69
Кызылординская	40-44	40-44	55-59	65-69
Мангистауская	30-34	30-34	55-59	65-69
Павлодарская	20-24	30-34	65-69	65-69
Северо-Казахстанская	30-34	40-44	70-74	65-69
Туркестанская	20-24	50-54	55-59	65-69
г. Алматы	15-19	20-24	55-59	25-29
г. Астана	15-19	20-24	55-59	30-34
г. Шымкент	20-24	20-24	30-34	30-34

Однако, в региональном разрезе ситуация с численным преобладанием одного пола над другим складывается совершенно различно. Анализируя основные параметры гендерного разрыва с учетом динамики за одиннадцать лет, можно выделить группы

регионов по следующим признакам:

1) Возраст наступления гендерного разрыва

Данные в сравнительной таблице позволяют сделать вывод, что за исследуемый период возраст наступления гендерного разрыва сместился в более старшие возрастные группы практически во всех регионах Казахстана. Самым низким он остается в городах республиканского значения.

Таблица 3.36. Региональная динамика наступления возраста гендерного разрыва (2009–2020 гг.)

Возрастные группы	2009	2020
10–14 лет	Актюбинская область	
15–19 лет	г. Астана, г. Алматы	
20–24 года	Туркестанская, Жамбылская, Павлодарская, г. Шымкент	Алматы, Астана, Шымкент
25–29 лет	Атырауская, Карагандинская области	Актюбинская область
30–34 года	Акмолинская, Восточно-Казахстанская, Западно-Казахстанская, Северо-Казахстанская, Костанайская, Мангистауская области	Павлодарская, Мангистауская, Карагандинская, Атырауская области
35–39 лет	Алматинская область	Алматинская, Костанайская области
40–44 года	Кызылординская область	Акмолинская, Восточно-Казахстанская, Жамбылская, Западно-Казахстанская, Кызылординская, Северо-Казахстанская области
50–54 лет		Туркестанская область

2) Возраст максимального гендерного дисбаланса

Таблица 3.37. Региональная динамика возраста максимального гендерного дисбаланса

Возрастные группы	2009	2020
25–29 лет		г. Алматы
30–34 года	г. Шымкент	гг. Шымкент, Астана
55–59 лет	Алматинская, Жамбылская, Кызылординская, Мангистауская, Туркестанская области, гг. Алматы и Астана	Актюбинская область
60–64 года		Атырауская область
65–69 лет	Акмолинская, Актюбинская, Карагандинская, Павлодарская области	Акмолинская, Алматинская, Восточно-Казахстанская, Жамбылская, Западно-Казахстанская, Карагандинская, Костанайская, Кызылординская, Мангистауская, Павлодарская, Северо-Казахстанская, Туркестанская области
70–74 лет	Атырауская, Восточно-Казахстанская, Западно-Казахстанская области	

По показателю «возраст максимального гендерного дисбаланса» за прошедший период большинство регионов «выровнялись». В целом наметилась тенденция нивелирования полярных различий, однако, заметным исключением остаются города республиканского значения – здесь возраст достижения максимальных показателей гендерного дисбаланса или резко снижается (гг. Алматы и Астана), или остается очень низким (г. Шымкент). Специфика процессов гендерной динамики в городах-мегапо-

лисах нуждается в отдельном изучении. Вероятно, значительное влияние на нее оказывает большая доля учащейся молодежи с заметным преобладанием девушек в числе студенчества.

Фактически, большая часть трудоспособного населения в Казахстане – это женщины (рисунок 3.64).

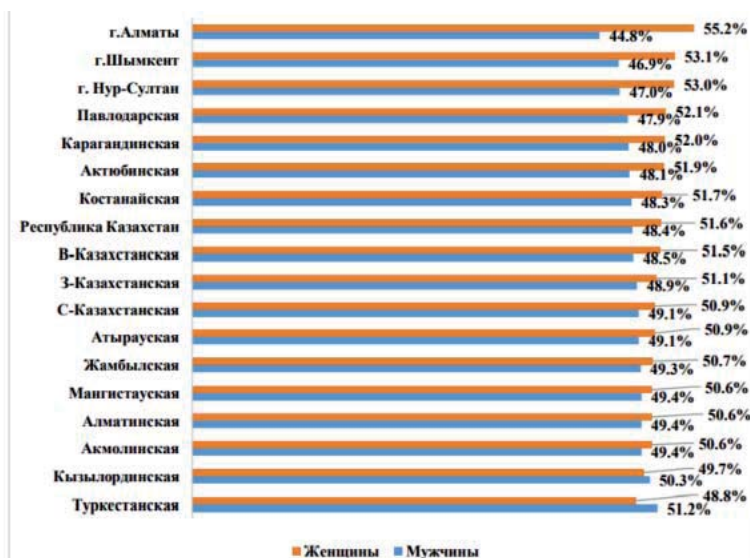

Рисунок 3.64 Удельный вес возрастных групп 20–64 года: гендерное распределение по регионам, 2020 г.

В 2020 году гендерный дисбаланс в трудоспособных возрастных группах по республике составил 1,6% (превышение численности женского населения). В абсолютном большинстве регионов, а также в городах республиканского значения женщин в трудоспособном возрасте больше, чем мужчин. Если среднее значение по республике взять за отправную точку, то получим три основные группы:

1. Регионы, где показатели гендерного дисбаланса превышают среднее значение: Костанайская, Актюбинская, Карагандинская, Павлодарские области (центральная, северная, частично западная часть страны). К этой же группе относятся три города

республиканского значения – Астана, Алматы, Шымкент;

2. Регионы, где показатели гендерного дисбаланса ниже среднего значения: Восточно-Казахстанская, Западно-Казахстанская, Северо-Казахстанская, Атырауская, Жамбылская, Мангистауская, Алматинская, Акмолинская области;

3. Регионы, где гендерный дисбаланс выражен в обратных пропорциях – численность мужчин трудоспособного возраста выше, чем численность женщин в этих же возрастных группах. Это явление фиксируется только в двух областях (Кызылординской и Туркестанской). Причины обратного дисбаланса требуют дополнительного изучения. Известно, что население формируется двумя основными процессами – естественное движение (рождаемость/смертность) и механическое (миграции). Нет оснований предполагать, что женщины в южных областях более миграционно подвижны, чем мужчины. Возможно, имеет место превышение средних показателей специфической женской смертности – как следствие высокой репродуктивной активности.

Численное преобладание женщин в трудоспособном возрасте отмечается практически по всей стране (таблица 3.32), но их число среди занятого населения ниже, чем показатели занятости у мужчин. Таким образом, имеет место явное недоиспользование трудового потенциала женщин. Это явление можно оценивать как негативный фактор, но в то же время оно свидетельствует о наличии значительного трудового потенциала для развития экономики регионов и республики в целом. В таблице 38 представлены два инструмента измерения гендерного дисбаланса:

– гендерное соотношение показывает, сколько женщин приходится на 1000 мужчин в сопоставимых возрастных группах;

– отношение суммарного гендерного дисбаланса – это отношение всей разницы между численностью женщин и мужчин в трудоспособном возрасте, с одной стороны, и общей численностью трудоспособного населения (на 1000 человек). Замеры, проведенные с использованием этих инструментов, позволяют со всей определенностью судить о состоянии гендерного дисбаланса в регионах и подтверждают выводы, приведенные выше.

Таблица 3.38. Гендерное соотношение и отношение максимального гендерного дисбаланса к численности трудоспособного населения региона, 2009–2020 гг.

Регион	Гендерное соотношение трудоспособного населения региона (на 1000 мужчин приходится женщин)		Отношение суммарного гендерного дисбаланса к численности трудоспособного населения региона (на 1000)	
	2009	2020	2009	2020
Республика Казахстан	1080	1067	39	32
Акмолинская	1062	1025	30	12
Актюбинская	1087	1078	42	38
Алматинская	1046	1022	23	11
Атырауская	1050	1038	24	16
Западно-Казахстанская	1060	1044	29	22
Жамбылская	1071	1030	34	15
Карагандинская	1113	1082	54	39
Костанайская	1098	1070	47	34
Кызылординская	1021	987	10	-7
Мангистауская	1041	1024	20	12
Павлодарская	1123	1088	58	42
Северо-Казахстанская	1071	1038	34	19
Туркестанская*	1047	955	23	-23
Восточно-Казахстанская	1088	1063	42	30,5
г. Астана	1037	1128	18	60
г. Алматы	1197	1234	90	105
г. Шымкент	-	1134	-	63

* в 2009 году носила наименование Южно-Казахстанской области, г. Шымкент входил в ее состав

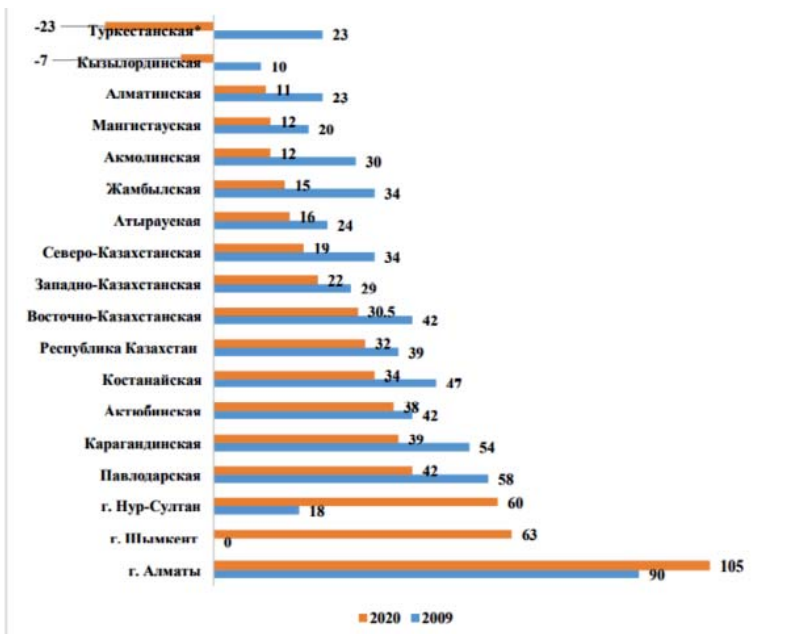

Рисунок 3.65. Отношение суммарного гендерного дисбаланса к общей численности трудоспособного населения региона (на 1000), 2020 г.

Рассматривая динамику гендерного дисбаланса в трудоспособном возрасте, следует отметить, что по сравнению с показателями 2009 года в 2020 году разница между численностью мужчин и женщин в целом по республике сократилась (39 и 32). Эта тенденция заметна и в регионах. В то же время гендерный разрыв в трудоспособном возрасте продолжал расти в городах республиканского значения – Астана и Алматы (рисунок 3.65). В настоящее время именно здесь фиксируются максимальные значения гендерного разрыва.

Отдельно необходимо отметить изменения, произошедшие в Туркестанской и Кызылординской областях. В 2009 году в этих регионах отмечались одни из самых низких показателей гендерного дисбаланса по республике, но к 2020 году они приняли от-

рицательное значение, особенно это заметно в Туркестанской области. Такой феномен возможен при трех сценариях – а) резкий рост численности мужчин трудоспособного возраста; б) резкое снижение численности женщин трудоспособного возраста; в) сочетание вариантов а) и б). Эти данные нуждаются в дополнительной проверке и изучении.

Однако, показатели Туркестанской и Кызылординской областей не отменяют факта нарастания поляризации процесса разрыва между численностью мужчин и женщин в трудоспособном возрасте и резких региональных различий, особенно актуальным этот вывод становится в разрезе гендерной экономической занятости в регионах (таблица 3.39).

Таблица 3.39. Динамика гендерного разрыва в трудоспособном возрасте и амплитуды региональных колебаний, 2009–2020 гг.

Год	Максимальное значение	Минимальное значение	Амплитуда региональных колебаний	Среднее значение по республике
2009	90 (г. Алматы)	10 (Кызылординская область)	80; Отношение Max/Min – в 9 раз	39
2020	105 (г. Алматы)	-23 (Туркестанская)	128; Отношение Max/Min – в 4,6 раза	32

На рисунке 3.66 представлена доля занятых мужчин и женщин от общего числа мужчин и женщин в трудоспособных возрастных группах от 15 лет и старше. На основе этих данных можно судить, что в 2020 году в среднем по республике уровень занятости женщин составлял 60,3%, а мужчин – 72,1%. Регионы, в которых уровень занятости женщин трудоспособного возраста был выше среднего по стране: Атырауская, Акмолинская, Алматинская, Костанайская, Павлодарская, Западно-Казахстанская,

Северо-Казахстанская, Жамбылская области и города Астана и Алматы. Регионы, в которых уровень занятости женщин ниже, чем в среднем по стране: Актюбинская, Мангистауская, Восточно-Казахстанская, Кызылординская, Туркестанская, Карагандинская и город Шымкент. Можно предположить, что рынок труда и региональная экономика во втором случае еще в меньшей степени ориентирована на экономическую реализацию женского трудового потенциала.

Рисунок 3.66. Уровень занятости мужчин и женщин в возрасте 15 лет и старше по регионам, 2020 г.

Еще одним способом оценить степень гендерной чувствительности в экономике областей является сравнение различий между женской и мужской занятостью (рисунок 3.67).

В число областей, на рынке труда которых женщины представлены в более благоприятном соотношении с мужчинами, чем в среднем по стране, вошли: Алматинская, Северо-Казахстанская, Костанайская, Акмолинская, Павлодарская, Западно-Казахстанская, Атырауская, а также города Астана и Алматы. В Восточно-Казахстанской области и городе Шымкент различие между показателями занятости мужчин и женщин соответствуют среднереспубликанским. Хуже обстоят дела в Карагандинской,

Мангистауской, Туркестанской, Актюбинской, Жамбылской, Кызылординской областях – здесь занятость женщин относительно занятости мужчин заметно ниже республиканского уровня.

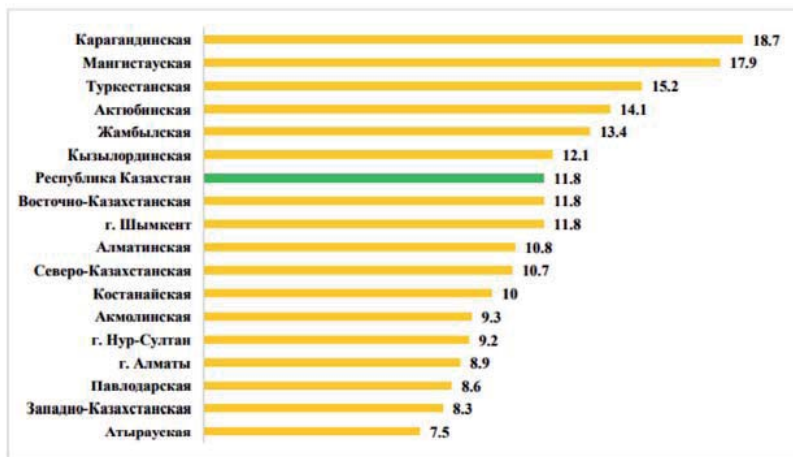

Рисунок 3.67. Разница между занятостью мужчин и женщин по областям, 2020 г.

Предварительная группировка по каждому из признаков позволила выделить а) регионы с низким уровнем занятости женщин; б) регионы с высокой разницей между занятостью мужчин и женщин. При перекрестном анализе двух показателей – уровень занятости по гендерному признаку и разница между занятостью мужчин и женщин, - появилась возможность выделить особый кластер регионов с повышенными рисками гендерного дисбаланса в трудоспособных возрастах (таблица 3.40).

Еще одним аспектом проблемы гендерного разрыва является дисбаланс численности мужчин и женщин в возрастных группах 65 лет и старше, где гендерная асимметрия приобретает однозначный характер во всех регионах страны – пожилых женщин больше, чем мужчин (рисунок 3.66).

Таблица 3.40. Группировка и кластеризация регионов по уровню занятости женщин и разнице между занятостью мужчин и женщин

Регионы, где уровень занятости женщин ниже среднереспубликанского (60,3%)	Регионы, где разница между занятостью и мужчин выше среднереспубликанской (11,8%)
Актюбинская, Мангистауская, Восточно-Казахстанская, Кызылординская, Туркестанская, Карагандинская области и город Шымкент	Карагандинская, Мангистауская, Туркестанская, Актюбинская, Жамбылская, Кызылординская области
Регионы, объединяющие оба признака	
Актюбинская, Мангистауская, Туркестанская, Кызылординская, Карагандинская области	

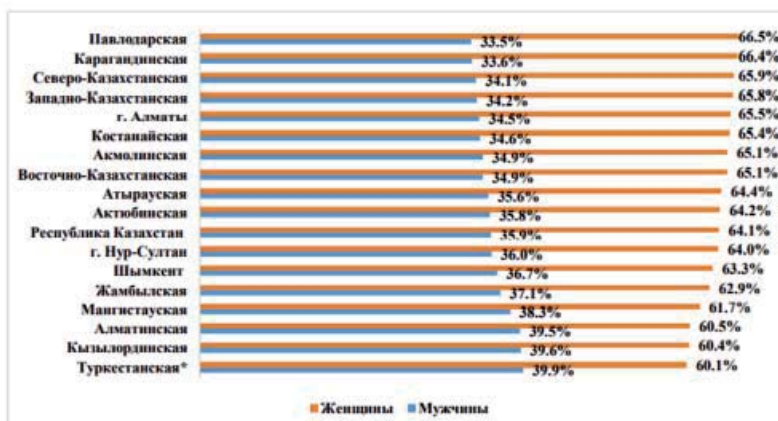

Рисунок 3.68. Удельный вес возрастных групп старше 65 лет: гендерное распределение по регионам, 2020 г.

Это явление характерно для большинства стран мира, в том числе – и для наиболее социально-экономически развитых. Различия с Казахстаном заключается в показателях средней продолжительности жизни, что не является предметом данного исследования.

В 2020 году численность женщин в старших возрастных группах (65+) по республике на 28,2% превышала численность мужчин. Этот показатель еще выше в большинстве регионов: Павлодарская, Карагандинская, Северо-Казахстанская, Западно-Казахстанская, Костанайская, Акмолинская, Восточно-Казахстанская, Атырауская, Актыубинская области и г. Алматы – практически все центральные, северные, восточные и частично западные регионы Казахстана (таблица 3.41). Исключением в этой группе является южная столица. Как и в случае с анализом гендерного дисбаланса в трудоспособных возрастных группах, были применены два инструмента измерения.

Таблица 3.41. Гендерное соотношение и отношение суммарного гендерного дисбаланса к численности населения пожилых возрастов региона, 2009–2020 гг.

Регион	Гендерное соотношение населения региона в возрасте 65+ (на 1000 мужчин приходится женщин)		Отношение суммарного гендерного дисбаланса к численности населения региона в возрасте 65+ (на 1000 человек)	
	2009	2020	2009	2020
Республика Казахстан	1800	1786	286	282
Акмолинская	1841	1864	296	302
Актыубинская	1811	1792	289	284
Алматинская	1559	1529	219	209
Атырауская	1930	1810	317	288
Западно-Казахстанская	1895	1926	309	317
Жамбылская	1687	1697	256	258
Карагандинская	1936	1977	319	328
Костанайская	1911	1888	313	308

Кызылординская	1406	1527	169	208
Мангистауская	1588	1609	227	233
Павлодарская	1901	1989	311	331
Северо-Казахстанская	1952	1936	323	319
Туркестанская*	1550	1475	216	192
Восточно-Казахстанская	1902	1867	311	302
г. Астана	1866	1780	302	281
г. Алматы	1966	1897	326	310
г. Шымкент	-	1727	-	267

* в 2009 году носила наименование Южно-Казахстанской области, г. Шымкент входил в ее состав

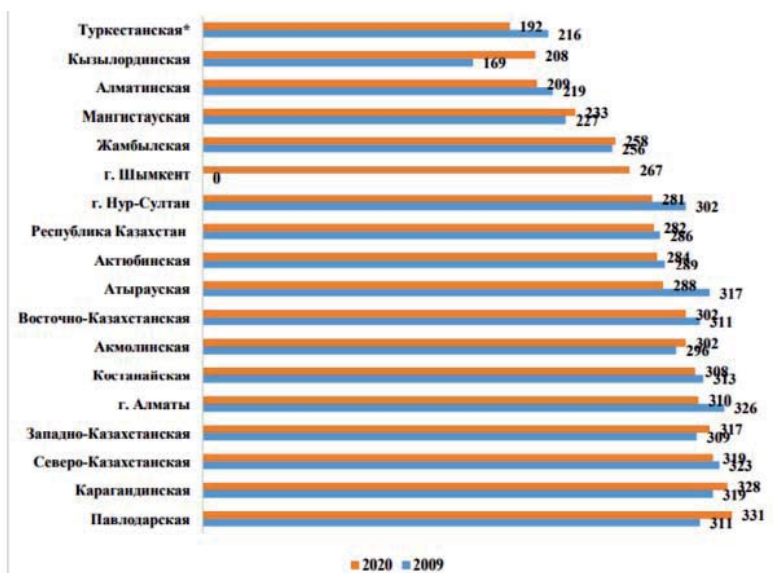

Рисунок 3.69. Отношение суммарного гендерного дисбаланса к численности населения региона в возрасте 65+ (на 1000 человек)

Отношение суммарного гендерного дисбаланса по отношению к общей численности населения в возрасте 65+ за период

с 2009 г. по 2020 г. в целом по республике незначительно снижается (286 и 282 соответственно). Эта тенденция отмечается и в ряде других регионов: Туркестанская, Алматинская, Актюбинская, Атырауская, Восточно-Казахстанская, Кустанайская, Северо-Казахстанская области, а также города Астана и Алматы. Но, есть регионы, где за указанный период это соотношение выросло – Кызылординская, Мангистауская, Жамбылская, Акмолинская, Западно-Казахстанская, Карагандинская и Павлодарская области (рисунок 69). Это может свидетельствовать о том, что даже в регионах, где старение населения еще не привлекает большого внимания (например, Кызылординская и Мангистауская области), могут происходить процессы нарастания доли гендерного дисбаланса в старших возрастных группах. Следовательно, могут расти, и растут специфические риски – недоиспользование трудового потенциала женщин, что особенно характерно для пяти указанных выше областей. В то же время эта ситуация, в большинстве случаев, не имеет четко выраженных географических характеристик – нельзя сказать, что это проблема, например, южных или северных регионов. В группу повышенного риска входят области, расположенные в разных частях Казахстана. Этому может быть целый ряд причин:

- экономика не адаптирована под гендерный состав трудоспособного населения;
- патриархальные традиции (особенно в южных регионах), где более жесткое закрепление гендерных ролей «Мужчина-домочих», «Женщина-домохозяйка». Как следствие – проблемы гендерной социализации.

Демографические шкалы как инструмент анализа гендерного дисбаланса населения в трудоспособном возрасте

Для выявления рисков и угроз в гендерном дисбалансе населения трудоспособного возраста были установлены верхние и нижние предельно-критические значения демографической шкалы. За предельно-критическое значение принимается среднереспубликанское значение гендерного разрыва, которое в 2009 году

составило 39 женщин на 1000 мужчин трудоспособного возраста, в 2020 году – 32, когда риски переходят в угрозы (рисунок 3.70 и 3.71). Значение шкалы:

➤ *Нижняя граница: гендерный разрыв в 2009 году – 39, в 2020 году – 32.*

➤ *Верхняя граница: гендерный разрыв в 1,5 раза выше среднереспубликанского уровня и ниже 0, т. е. имеющий отрицательное значение: в 2009 году – 59, в 2020 году – 48 женщин на 1000 мужчин трудоспособного возраста и отрицательное значение.*

Пространство положительных значений до нижней границы можно рассматривать как зону демографической безопасности (зеленый цвет). Пространство значений между нижней и верхней границей – это пространство нарастания рисков (желтый цвет). Пространство выше верхней границы и ниже 0 – это пространство перерастания рисков в угрозы (красный цвет).

В 2009 году в пространстве демографической безопасности: от 0 до 39 находились Северо-Казахстанская (34), Акмолинская (30), Алматинская (23), Жамбылская (34), Атырауская (24), Западно-Казахстанская (29), Кызылординская (10), Мангистауская (20), Туркестанская (23) области и город Астана (18). В 2020 году в этой зоне остались все те же объекты, кроме трех: Кызылординской, Туркестанской областей и столицы, которые перешли из зеленой зоны сразу в красную, в зону угроз вошла и Восточно-Казахстанская область (31) из желтой зоны.

В 2009 году в зоне рисков находились Актюбинская (42), Восточно-Казахстанская (42), Павлодарская (58), Карагандинская (54) и Костанайская (47) области, гендерный дисбаланс в них составил от 39 до 59 – верхней границе, превышающий уровень в среднем по республике в 1,5 раза. Замер 2020 года фиксирует следующие изменения: в целом идет уменьшение гендерного дисбаланса за одиннадцать лет, все объекты остались в этой зоне, кроме Восточно-Казахстанской области.

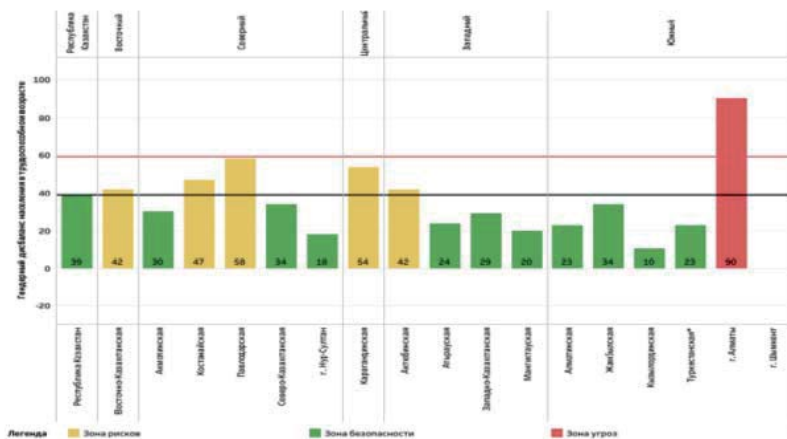

Рисунок 3.70 Шкала демографической безопасности, рисков и угроз по гендерному дисбалансу в трудоспособном возрасте, замер 2009 г.

Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/_16583965716720/2009_1

В красной зоне в 2009 году находился город Алматы с очень высоким значением гендерного дисбаланса по сравнению с другими регионами - 90 женщин на 1000 мужчин трудоспособного возраста. К 2020 году красная зона расширяется, увеличивается число объектов, в него входит Астана, где гендерный дисбаланс увеличился до 60 (более чем в 3,3 раза), Алматы и Шымкент (по 63). Следует отметить, что эти объекты – города республиканского значения. Наряду с этим, ситуация серьезным образом изменилась в двух областях, где значение стало отрицательным: Кызылординская область (-7) и Туркестанская область (-23) - два региона, которые из зоны безопасности за одиннадцать лет попали в зону угроз. Это ставит на повестку дня такие проблемы, как недоиспользование трудового потенциала женщин, не адаптированность экономики данных регионов под гендерный состав трудоспособного населения и т.д.

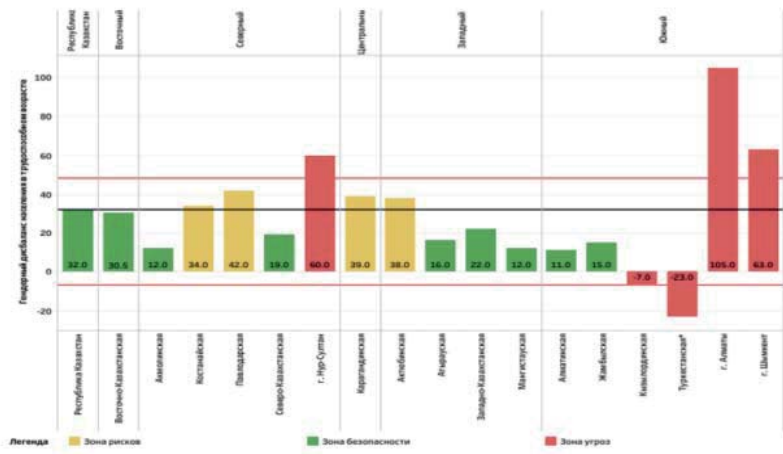

Рисунок 3.71 Шкала демографической безопасности, рисков и угроз по гендерному дисбалансу в трудоспособном возрасте, замер 2020 г.

Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/_16583965716720/2009_1

Демографические шкалы как инструмент анализа гендерного дисбаланса населения пожилых возрастов

Для выявления рисков и угроз в гендерном дисбалансе населения пожилых возрастов были установлены верхние и нижние предельно-критические значения демографической шкалы. За предельно-критическое значение принимается среднереспубликанское значение гендерного разрыва, которое в 2009 году составило 286 женщин на 1000 мужчин пожилых возрастов, в 2020 году – 282, когда риски переходят в угрозы (рисунок 3.72 и 3.73). Значение шкалы:

➤ *Нижняя граница: гендерный разрыв в 2009 году – 286, в 2020 году – 282.*

➤ *Верхняя граница: гендерный разрыв в 1,5 раза выше среднереспубликанского уровня: в 2009 году – 429, в 2020 году – 423*

женщины на 1000 мужчин пожилых возрастов.

Пространство положительных значений до нижней границы можно рассматривать как зону демографической безопасности (зеленый цвет). Пространство значений между нижней и верхней границей – это пространство нарастания рисков (желтый цвет). Пространство выше верхней границы – это пространство перенарастания рисков в угрозы (красный цвет).

В 2009 году в пространстве демографической безопасности: от 0 до 286 находились Алматинская (219), Жамбылская (256), Кызылординская (169), Мангистауская (227) и Туркестанская (216) области. В 2020 году в этой зоне от 0 до 282 остались все те же объекты, однако если в Алматинской и Туркестанской областях разница между количеством мужчин и женщин пожилых возрастов уменьшилась, то в Жамбылской, Кызылординской и Мангистауской областях она увеличилась, новым объектом стала столица республики.

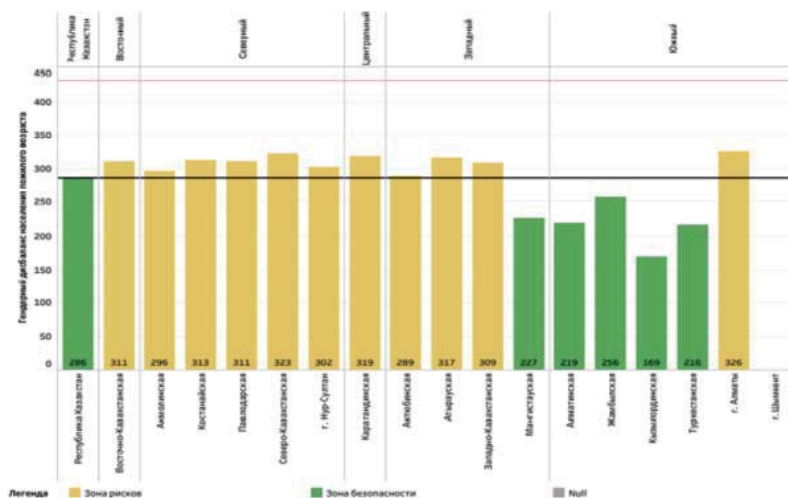

Рисунок 3.72 Шкала демографической безопасности, рисков и угроз по гендерному дисбалансу населения пожилого возраста, замер 2009 г.

Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/_16583981792260/2009_1

Зона рисков по своему составу на протяжении одиннадцати лет оставалась стабильной, в ней находились Акмолинская область (разрыв увеличился с 296 в 2009 году до 302 в 2020 году), Актюбинская (уменьшился с 289 до 284), Восточно-Казахстанская (уменьшился с 311 до 302), Павлодарская (увеличился с 310 до 331), Карагандинская (увеличился с 319 до 328), Западно-Казахстанская (увеличился с 309 до 317), Костанайская (уменьшился с 313 до 308) области и город Алматы (уменьшился с 326 до 310). В целом это регионы, где гендерный разрыв в пожилых возрастах оказался выше среднереспубликанского уровня в 1,5 раза. Замер 2020 года показал, что происходит дальнейшее увеличение гендерного дисбаланса пожилых людей в четырёх объектах: Акмолинской, Павлодарской, Карагандинской и Западно-Казахстанской областях.

Красная зона как в 2009 году, так и в 2020 году остается свободным пространством, однако судя по темпам увеличения гендерного разрыва, в перспективе в нее могут войти в первую очередь северные области Казахстана. Пока большинство объектов находятся в желтой зоне, зоне демографических рисков. Причины и последствия данных рисков обозначены выше.

Таким образом, гендерный дисбаланс реализуется в риски и угрозы двух типов.

Риски первого типа - демографический дисбаланс в трудоспособных возрастных группах: недостаточно эффективно используемые трудовые ресурсы в целом и квалифицированные работницы в частности (уровень образования женщин по стране выше, чем у мужчин); скрытые формы дополнительной демографической нагрузки (неработающие женщины трудоспособного возраста); вовлечение женщин в нелегальные или полуполюгальные сферы экономики; сниженный уровень социальной защищенности и пенсий у женщин; экономическая зависимость как источник домашнего насилия; материнство как социальная компенсация экономической пассивности.

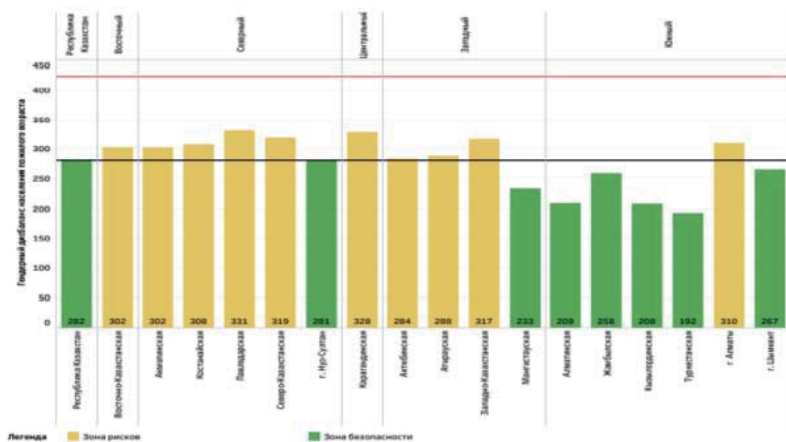

Рисунок 3.73. Шкала демографической безопасности, рисков и угроз по гендерному дисбалансу населения пожилого возраста, замер 2020 г.

Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/_16583981792260/2009_1

На фоне роста рисков первого типа происходит повышение общественной потребности и обострение **социального запроса** на:

- диверсификацию экономики с учетом создания большего количества рабочих мест, не имеющих четко выраженной гендерной специфики;
- анализ рынка труда на предмет равных возможностей получения дохода независимо от гендерных характеристик;
- широкую общественную дискуссию о проблемах и причинах домашнего насилия;
- анализ гендерных аспектов смертности в трудоспособных возрастных группах с учетом региональных особенностей и выработка программ, направленных на снижение гендерной асимметрии с учетом всех возможных причин и факторов ее возникновения.

Можно выделить *риски гендерного дисбаланса второго*

типа: значительное снижение качества жизни одиноких женщин пожилого возраста; дефицит квалифицированных сотрудников социальных служб, деятельность которых направлена на обеспечение достойной старости; разрыв связей с активной социальной жизнью на фоне быстро нарастающего уровня цифровой неграмотности среди женщин пожилого возраста; возможный рост суицидов среди одиноких пожилых женщин в результате социальной заброшенности.

На фоне роста рисков первого типа происходит повышение общественной потребности и обострение социального запроса на:

- изучение международного опыта и создание особой системы правовых актов, призванных обеспечить реализацию и защиту прав пожилых людей;

- специфические медицинские услуги (специализированные учреждения здравоохранения, профильные врачи-специалисты, вспомогательный медицинский персонал, медицинское оборудование, препараты, ориентированные на лечение и профилактику геронтологических заболеваний);

- услуги социальной интеграции (учреждения обеспечения жизненных потребностей пожилых людей (дома престарелых), клубы для пожилых, курсы цифровой грамотности для лиц старших возрастных групп, серебряные университеты, волонтерские организации помощи пожилым людям и т. д.);

- развитие удобной и доступной сети общественного транспорта;

- особые условия планировки и инфраструктуры населенных пунктов, которые должны быть ориентированы на безопасность и комфорт пожилых людей;

- гибкие формы занятости для ухаживающих за престарелыми родственниками (в реалиях Казахстана это особенно касается женщин);

- развитие современных форм удаленной занятости, ориентированных на людей пенсионного возраста, что позволит им продолжить экономическую и социальную активность, повысит уровень их материальной обеспеченности и качество жизни;

- высокий уровень производительности труда экономически активного населения, рост доходов домохозяйств и большую емкость рынка труда за счет его диверсификации;

Отдельно следует отметить нагрузку на бюджет в форме пенсионных пособий и других социальных выплат и иных форм поддержки людей старших возрастов.

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ И РАЗМЕЩЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Риски, связанные с диспропорциональным размещением населения и неравномерной динамикой его численности

Важнейшим аспектом обеспечения безопасности государства является количественный и качественный состав его населения. К рискам, которые связаны с количественными изменениями численности населения, можно отнести:

- низкую или высокую плотность населения;
- диспропорции в размещении населения;
- депопуляцию населения;
- чрезмерный, неконтролируемый рост численности населения;
- длительное несоответствие численности жителей стратегическим целям социально-экономического развития государства.

Низкая или высокая плотность населения Казахстана в определенных регионах и диспропорциональность территориального размещения, не связанная со стратегическими целями социально-экономического развития, может привести к чрезмерной социально-экономической нагрузке и перенаселению одних территорий и опустыниванию, вымиранию других территорий. Плотность населения по регионам представлена на рисунке 3.74. Средний уровень по республике составил в 2009 году 5,92 человек на кв. км, в 2020 году – 6,92. По данному показателю Казахстан занимает 64 место в мире. Под обобщёнными данными скрывается более острая проблема – не только низкая плотность, но и неравномерность расселения по территории страны. Как известно, плотность населения формируется в процессе исторического развития под влиянием природно-географической среды, уровня социально-экономического развития общества. Особое географическое положение Казахстана внутри материка формирует его природно-климатические особенности (многообразие ландшафтных зон, наличие огромных пустынных, полупустынных

ных и степных территорий, аридность климата и др). Все это влияло и продолжает влиять на хозяйственно-культурное освоение земель, размещение населения и неравномерность его распределения в исторически меняющихся социально-экономических условиях.

Неравномерное распределение населения по территории Казахстана в совокупности с низкой плотностью населения при больших территориях является одним из геополитических вызовов Казахстана. Это подтверждают следующие данные: высокая амплитуда региональных колебаний - от 2,9 человек на 1 км² в Актыбинской области до 17,4 человек на 1 км² в Туркестанской области. В 2009 году разница составила 18,5 пунктов или в 8,4 раза максимальное значение превысило минимальное. В 2020 году различие в крайних показателях плотности населения составило 14,5 пунктов, или превышение максимального значения минимального в 6 раз.

Рисунок 3.74. Плотность населения Казахстана, 2009–2020 гг.

Если сравнить максимальное значение плотности населения со средним значением по республике, то оно превышает его в 2,5–3,5 раза, минимальное значение ниже среднереспубликан-

ского показателя в 2–2,5 раза (таблица 3.42). «Демографические качели» составляют от 4,5 до 6. Эта проблема обостряется на фоне разных темпов регионального прироста населения.

Таблица 3.42. Динамика плотности населения и амплитуды региональных колебаний (2009–2020 гг.)

Год	Максимальное значение плотности населения	Минимальное значение плотности населения	Амплитуда региональных колебаний	Среднее значение по республике
2009	21 (Южно-Казахстанская область)	2,5 (Актюбинская область)	18,5 Отношение Max/Min – в 8,4 раза	5,9
2020	17,4 (Туркестанская область) *	2,9 (Актюбинская область)	14,5 Отношение Max/Min – в 6 раза	6,8

* данные представлены без учета населения г. Шымкент

Несмотря на то, что численность населения всего Казахстана растет на протяжении последних более чем двадцати лет (рисунок 3.75), в региональном разрезе можно наблюдать неравномерную динамику прироста населения на фоне возникшей еще ранее диспропорции территориального размещения жителей.

В характере изменений региональной численности населения можно выделить два типа: первый - территории Казахстана, теряющие население (северо-восточная и центральная часть), и второй - территории, где численность населения постоянно растет (юго-западная часть). Если дополнить этот вывод анализом содержания, направлений и компонентов данных изменений, то дифференцируются пять кластеров с разной динамикой численности населения в зависимости от темпов естественного и механического прироста и изменений плотности населения. Результатом становится следующая пятикластерная система.

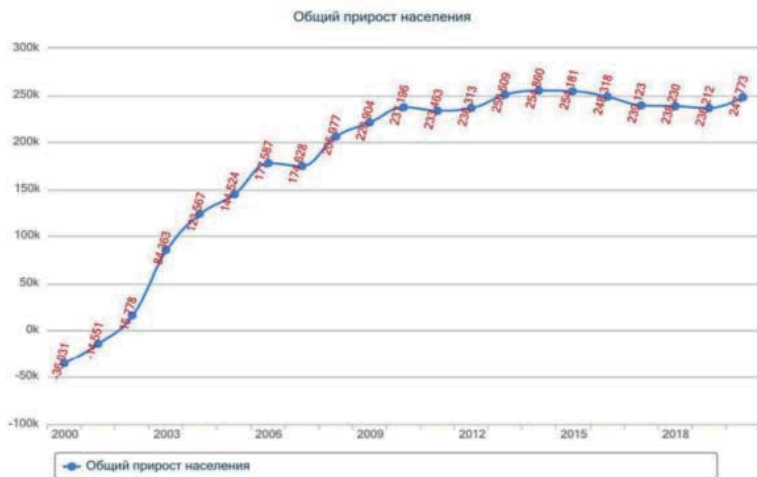

Рисунок 3.75. Общий прирост населения РК, 2000–2020 гг.
 Источник: <https://taldau.stat.gov.kz>

В первый кластер вошли Костанайская и Северо-Казахстанская области - северные регионы, где идет естественная убыль населения. В этих областях естественный прирост начал стабильно снижаться с 2015 года и фактически идет процесс депопуляции населения: превышение показателей смертности над показателями рождаемости, т. е. естественная убыль населения (рисунок 71 и таблица 44). Депопуляция представляет собой сложное демографическое явление, имеющее серьезные негативные экономические и социальные последствия. Как правило, она приводит к сокращению трудового потенциала, экономической активности населения, изменению не только общей численности населения, но и пропорций между разными элементами демографической структуры, происходит старение населения, суженному типу воспроизводства.

1 кластер

Костанайская и Северо-Казахстанская области

2 кластер

Акмолинская, Восточно-Казахстанская, Карагандинская и Павлодарская области

3 кластер

Актюбинская, Атырауская, Западно-Казахстанская, Кызылординская и Мангистауская области

4 кластер

Алматинская, Жамбылская и Туркестанская области

5 кластер

города республиканского значения Астана, Алматы и Шымкент

К факторам, осложняющим ситуацию, необходимо отнести: отрицательное сальдо миграции (население активно покидает эти территории), дальнейшее старение населения, стабильно низкую плотность населения, что влечет за собой не только негативные социально-экономические последствия, но и геополитические риски в приграничных районах.

Таблица 3.43 Плотность и динамика численности населения первого кластера, 2009–2020 гг.

№	Области	Плотность		Численность населения		Динамика (тыс. чел)	2020 г. к 2009 г. (%)
		2009	2020	2009	2020		
	РК	5,9	6,92	15982370	18631779	+2649409	116,6
	Костанайская	4,5	4,4	886 329	868 549	-17 780	98,0
	СКО	6,1	5,5	597534	548 755	- 48 779	91,8

Динамика численности населения представлена в таблице 3.43: за одиннадцать лет Костанайская область потеряла 12,6%

населения, в Северо-Казахстанской области потери еще выше – 23,8% (фактически, это составляет одну четвертую часть населения региона). И это один из наиболее серьезных рисков.

Во второй кластер вошли Акмолинская, Восточно-Казахстанская, Карагандинская и Павлодарская области - регионы, где еще сохраняется положительный естественный прирост, но он нейтрализуется высоким миграционным оттоком. В рассматриваемый период сокращение численности населения в этих регионах произошло в среднем на 10% (таблица 3.44). Общие потери численности населения происходят в основном за счет миграционных потерь. Наиболее неблагоприятные миграционные тенденции отмечаются в Восточно-Казахстанской области. Данный риск обостряется низкой плотностью населения, недостаточным уровнем естественного прироста, высокой долей пожилых возрастов в структуре населения, нехваткой трудовых ресурсов в регионе, которая приобретает хронический характер.

Таблица 3.44 Плотность и динамика численности населения второго кластера, 2009–2020 гг.

№	Области	Плотность		Численность населения		Динамика	2020 г. к 2009 г. (%)
		2009	2020	2009	2020		
1.	РК	5,9	6,92	15982370	18631779	+2 649 409	116,6
2.	Акмолинская	5,0	5,0	738 827	736 735	- 2 092	99,7
3.	ВКО	4,9	4,8	1 396 871	1 369 597	- 27 274	98,0
4.	Карагандинская	3,1	3,2	1 341 207	1 376 882	-35 675	97,3
5.	Павлодарская	5,9	6,0	742 276	752 169	- 9 893	98,7

При сохраняющихся темпах снижения показателей естественного движения и не прекращающихся миграционных поте-

рях данные области в перспективе могут войти в первый кластер, пополнив число территорий, столкнувшихся с проблемой депопуляции.

По характеру протекающих демографических процессов в юго-западной части Казахстана также можно выделить два кластера (третий и четвертый).

К третьему кластеру можно отнести регионы с высокими темпами роста численности населения: Актюбинская, Атырауская, Западно-Казахстанская, Кызылординская и Мангистауская области (таблица 3.45). Учитывая особенности природно-климатических условий и системы расселения в этих регионах, возрастает вероятность активной миграции в города. Чрезмерная урбанизация и оголение сельской местности обостряет проблемы опустынивания земель и, как следствие, возможной потери контроля над территориями. На фоне диспропорции между численностью населения и стратегическими целями развития регионов с одной стороны и возможностям социально-экономического обеспечения региона с другой, этот рост порождает серьезные разноплановые риски, перерастающие в угрозы общей дестабилизации региона.

Особую тревогу вызывает ситуация в Мангистауской области, численность населения которой за десять лет выросла в 2,3 раза. Большая часть населения области проживает в двух городах - Актау и Жанаозен. Инфраструктура Жанаозена, который изначально создавался как вахтовый поселок, не справляется с количеством проживающего в нем населения, появляются очаги социального недовольства и протестности. За этот период произошел рост численности населения и в других областях юго-западной части страны: Атырауской и Кызылординской областях в 1,5 раза, Актюбинской в 1,3 раза, Западно-Казахстанской области в 1,1 раза.

Таблица 3.45 Плотность и динамика численности населения третьего кластера, 2009–2020 гг.

№	Области	Плотность		Численность населения		Динамика	2020 г. к 2009 (%)
		2009	2020	2009	2020		
	РК	5,9	6,92	15982370	18631779	+2 649 409	116,6
	Актюбинская	2,5	3,0	756 782	881 651	+124 896	116,5
	Атырауская	4,3	5,5	509 123	645 280	+136 157	126,7
	ЗКО	4,0	4,4	598 342	656 844	+58 502	109,8
	Кызылординская	3,0	3,6	677 734	803 531	+ 125 797	118,6
	Мангистауская	2,9	4,4	482 631	698 796	+ 216 165	144,8

К четвертому кластеру относятся южные области с высокими и непрерывно растущими темпами увеличения численности населения: Алматинская, Жамбылская и Туркестанская области (таблица 3.46). Самая южная часть этого кластера является наиболее густонаселенной в Казахстане. На фоне высоких темпов прироста населения и низкой экономической эффективности эти территории становятся источником не только рисков, но и возникновения серьезных угроз – нарастает дисбаланс между демографическими и экономическими показателями региона. Высокие темпы прироста населения на фоне высокой же плотности ведут к обострению проблемы перенаселения, в том числе аграрного. Возникает ситуация выталкивания «излишков» населения в миграционно-привлекательные центры, как правило, городские агломерации, что приводит к формированию «поясов бедности» вокруг крупных городов.

Таблица 3.46 Плотность и динамика численности населения четвертого кластера, 2009–2020 гг.

№	Области	Плотность		Численность населения		Динамика (человек)	2020 к 2009 (%)
		2009	2020	2009	2020		
	РК	5,9	6,92	15982370	18631779	+2649 409	116,6
	Алматинская	8,1	9,3	1 804 005	2 055 724	+ 251 719	114,1
	Жамбылская	7,1	7,9	1 020 796	1 130 099	+109 303	110,7
	Туркестанская (ЮКО без Шымкента)	16,6	17,6	1 847 782	2 016 037	+ 168 255	109,1

К пятому, особому, кластеру можно отнести три города республиканского значения: Астана, Алматы и Шымкент. Плотность населения в них за одиннадцать лет выросла в 1,5 раза, численность населения в столице увеличилась на 87,7%, в Алматы на 40,7%, в Шымкенте на 68,8%, что стало результатом фокусирования внутренних миграционных потоков на этих городах, несмотря на острый дефицит их социальной и производственной инфраструктуры (таблица 3.47).

Таблица 3.47 Плотность и динамика численности населения пятого кластера, 2009–2020 гг.

№	города	Плотность		Численность населения		Динамика	2020 к 2009 (%)
		2009	2020	2009	2020		
	РК	5,9	6,92	15982370	18631779	+2649409	116,6
	Астана	864,6	1425,5	605 254	1 136 156	+ 530 902	187,7
	Алматы	1945,5	2806,5	1 361 877	1 916 822	+ 554 945	140,7
	Шымкент	525,6	887,4	615 000	1 038 152	+ 423 152	168,8

Если посмотреть на проблему шире, то следует отметить, что в постсоветский период динамика численности населения Казахстана менялась под большим или меньшим влиянием различных компонентов, отражавших социальные, политические, экономические особенности суверенного развития (таблица 3.48).

Таблица 3.48 Компоненты изменения численности населения Казахстана в 1990–2019 гг. (тыс. человек)

годы	общий прирост	в том числе			
		естественный прирост	миграционный прирост	в том числе	
				эмиграция	иммиграция
1990–2019 в том числе	3625.7	5860.4	-2234.7	3969.2	1734.5
1990–2003	-522,6	1678,6	-2201,1	3364,5	1163,4
2004–2011	1516,6	1417,3	99,3	331,9	431,2
2012–2019	2631.7	2764.6	-132.9	272.8	139.9

Источник: <http://stat.gov.kz/faces/wcnavexternalld/homeNumberspopulation> (дата обращения: 20.06.18); Демографический ежегодник Казахстана. 2017. Статистический сборник/на казахском и русском языках. Министерство национальной экономики РК. Комитет по статистике. Гл. редактор Айдапкелов Н. С. 5, 83; Central Asia Monitor, 2020, 9 марта.

В конце XX – начале XXI вв. ведущим компонентом в эволюциях динамики численности населения была внешняя миграция. Отличительной чертой этого периода (1990–2003 гг.), является то, что отрицательное сальдо внешней миграции превышало естественный прирост населения, в результате чего численность населения государства сокращалась.

Хронологические рамки второго периода (2004–2011 гг.) фиксируют значительные изменения в демографической ситуации. В это время численность населения Казахстана росла как за счет положительного сальдо внешней миграции, так и естественного прироста.

Специфика современного, третьего периода (2012–2019 гг.) в том, что определяющее влияние на динамику численности на-

селения страны оказывают темпы естественного прироста, многократно перекрывающие отрицательное сальдо внешней миграции.¹⁴⁶

Таблица 3.49. Среднегодовые показатели компонентов изменений численности населения Казахстана в 1990–2019 гг. (тыс. человек)

годы	общий прирост	в том числе			
		естественный прирост	миграционный прирост	в том числе	
				эмиграция	иммиграция
1990–2016 в том числе	107,8	187,5	-79,7	142,4	62,7
1990–2003	-37,3	119,9	-157,2	240,3	83,1
2004–2011	189,6	177,2	12,4	41,5	53,9
2012–2019	329,0	345,6	-16,6	34,1	17,5

Источник: Демографический ежегодник Казахстана. 2017. Статистический сборник. Министерство национальной экономики РК. Комитет по статистике. С. 5, 83; Central Asia Monitor. 2020. 9 марта.

Вследствие разных хронологических рамок обозначенных периодов, более наглядно ситуацию демонстрируют среднегодовые показатели, представленные в таблице 3.49. Из них видно, что интенсивность миграционных перемещений резко снизилась. Так, например, в 2012–2019 гг. среднегодовое число эмигрантов сократилось, в сравнении с 1990–2003 гг., в 7,0 раза, иммигрантов – в 4,7 раза. В то же время, среднегодовые показатели естественного прироста в 2012–2019 гг. были в 2,9 раза выше, чем в 1990–2003 гг. и в 1,9 раза, чем в 2004–2011 гг.

Все население Казахстана за 2009–2020 гг. увеличилось на 16,6%, при этом динамика численности населения в трех городах республиканского значения (Астана, Алматы, Шымкент) была в 3,3 раза выше, чем в среднем по республике и в 6,6 раза выше, чем динамика численности населения Казахстана без учета этих

146. Аубакирова Ж. С., Алексеенко А. Н. Казахи в контексте демографической истории Казахстана. – Нур-Султан, 2020. – С.324.

городов. Из общего прироста населения в 16,6% половину этого показателя составляют три города республиканского значения - если прирост численности населения РК в 2009-2020 гг. принять за 100%, то 57,0% этого прироста дали три города республиканского значения. Таким образом, одним из главных рисков в темпах прироста населения видится региональная неравномерность распределения населения и его сверхконцентрация в трех точках роста.

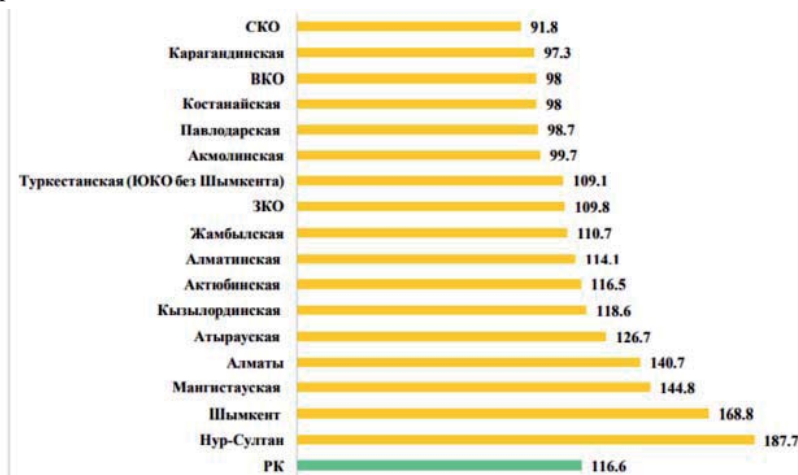

Рисунок 3.76 Динамика изменения численности населения по областям, 2020 г. к 2009 г., %

Таблица 3.50. Динамика изменения численности населения и амплитуды региональных колебаний (2009–2020 гг.)

Год	Максимальное значение	Минимальное значение	Амплитуда региональных колебаний	Среднее значение по республике
2020 к 2009	+87,7 г. Астана	-23,8 (Северо-Казахстанская область)	111,5 Отношение Max/Min – в 3,7 раза	16,6

В 2009–2020 гг. произошёл рост городского населения Казахстана на 26,3%, в то время как сельского - на 5,1%. Темпы прироста городского населения в 5,2 раза превысили темпы прироста сельского населения. Особенно высокими темпами растет численность жителей Астаны - 87,7%, Алматы – 40,7%, Шымкенте – 68,8% (рисунки 3.77, 3.78).

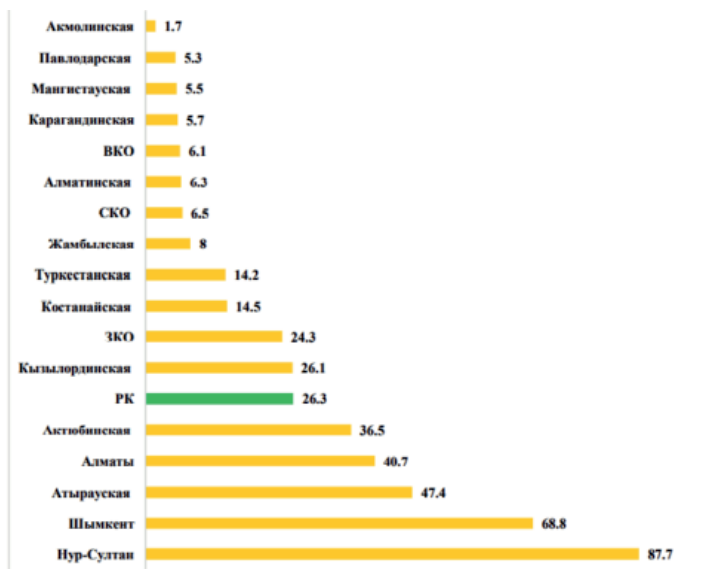

Рисунок 3.77 Прирост численности городского населения, 2020 г. по отношению к 2009 г., %

Как показывает статистика, крупные города-мегаполисы выступают безусловными центрами регионального и республиканского притяжения внутренней миграции. Не менее актуальным для Казахстана является изучение плотности населения без региональных центров притяжения населения (более подробный анализ с интерактивными демографическими картами представлен на сайте https://demography-kz.shinyapps.io/demography_ru/).¹⁴⁷ В первую очередь, это необходимо для выявления риска оголения территорий в тех областях, где эти центры расположены. Если

147. https://demography-kz.shinyapps.io/demography_ru/

ранее основные потоки внутренней миграции были направлены из сел и моногородов с низким потенциалом развития в села и города со средним и высоким потенциалом развития, то в последние годы наметилась новая тенденция прямого, безтранзитного переселения в несколько крупных центров, минуя промежуточные местоположения. Все это приводит к еще большему региональному дисбалансу и нарастанию диспропорций в структуре распределения населения.

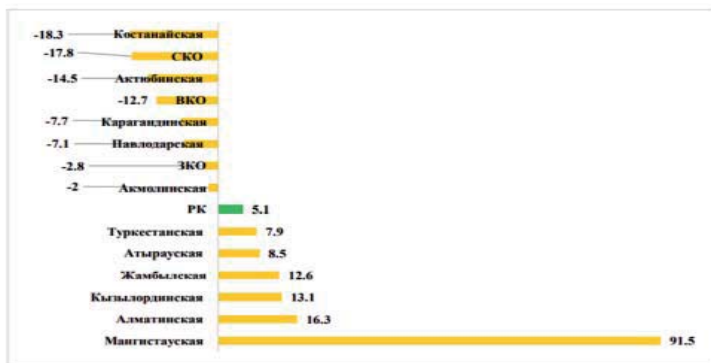

Рисунок 3.78 Прирост/убыль численности сельского населения, 2020 г. по отношению к 2009 г., (%)

Рисунок 3.78 Прирост/убыль численности сельского населения, 2020 г. по отношению к 2009 г., (%)

Для решения этой проблемы государством был предпринят ряд шагов по перераспределению населения южных регионов Казахстана в северные, восточные и западные. Вопрос межрегиональной диспропорции населения на государственном уровне начал решаться с 2011 года. Государственная программа развития продуктивной занятости и массового предпринимательства на 2017–2021 годы «Еңбек» была направлена на устранение региональных экономических диспропорций и демографических дисбалансов. Но, реализация этой программы столкнулась с определенными трудностями и люди зачастую предпочитали оставаться в областных центрах, а не ехать в сельские округа. Определенную роль в таком решении играет более суровый климат северных, центральных и восточных регионов по сравнению с южными тер-

риториями, что усугубляется неразвитостью инфраструктуры на селе и недостаточным уровнем развития транспортных сетей.

С 2014 года в Казахстане реализуется программа «Мәңгілік ел жастары - индустрияға» по содействию трудовой занятости молодежи и равномерному распределению образовательных и трудовых ресурсов. В рамках проекта «Серпін-2050» организуется учебная миграция из южных трудоизбыточных регионов страны (так называемых регионов-доноров) в северные, восточные и западные области Казахстана, испытывающие дефицит рабочих кадров. На данный момент такими донорами являются пять областей – Алматинская, Жамбылская, Кызылординская, Мангистауская, Туркестанская, а территориями реципиентами выступают девять областей – Акмолинская, Актюбинская, Атырауская, Восточно-Казахстанская, Западно-Казахстанская, Карагандинская, Костанайская, Павлодарская и Северо-Казахстанская. Суммарно на долю Туркестанской и Кызылординской областей приходится 80% всех обучающихся по этой программе, что очевидно связано с высокими показателями рождаемости и численности молодого населения в данных регионах.

Помимо проблемы неравномерности расселения и регионального дисбаланса возрастной структуры проект «Серпін-2050» направлен на снижение внутренней социальной нагрузки на организации профессионального образования. Для регионов доноров это означает получение молодежью государственных грантов и качественного образования, для принимающих регионов – пополнение студенческого контингента вузов и колледжей.¹⁴⁸ За пять лет (2014–2019 гг.) было выделено 16 975 грантов. Одним из главных рисков реализации данной программы является нежелание выпускников оставаться в этих регионах после обучения. Только в 2019 году, то есть через пять лет после начала проекта, появились юридические основания обязать выпускников, обучившихся по программе «Серпін-2050», отработать определенное время в принимающих регионах и тем самым частично возместить государственные расходы на обучение. Это стало

148. Проект «Серпін-2050»: особенности и показатели развития: <https://strategy2050.kz/ru/news/51615/>

возможным, когда проект получил правовую связь с программой труда и социальной защиты по внутренней миграции.

В новой концепции миграционной политики РК признается, что «предпринимаемые меры, нацеленные на формирование миграционных векторов в северные регионы, оказываются недостаточными. С точки зрения перспектив, тенденции внутренней миграции неблагоприятны, усиливаются демографические и трудовые дисбалансы в регионах. По прогнозам, при сохранении этого тренда население северных областей Казахстана к 2050 году сократится на 600 тысяч человек, а в южных областях (без Алматы и Шымкента) возрастет на 1,6 млн. В результате к 2050 году плотность населения в южных регионах будет в четыре раза превышать аналогичный показатель северных регионов»¹⁴⁹ Всего за 2017–2021 гг. по программе «Еңбек» переселились 32 тысячи человек. В перспективе, согласно целевым индикаторам Концепции в ближайшие четыре года планируется переселение еще не менее 27 тысяч казахстанцев и 68 тысяч қандасов (этнических казахов-репатриантов).

В программах развития территорий акцент сделан на развитие крупных городов, поддержке депрессивных городов, в том числе моногородов, и равномерном расселении трудовых ресурсов. В то же время в Республике Казахстан имеются населенные пункты с предельным количеством населения – перенаселенные сёла и города, инфраструктура которых не справляется с потребностями проживающих. Эти населенные пункты становятся очагами социального недовольства и нестабильности. В концепции миграционной политики в числе таких городов и поселений названы: г. Жанаозен Мангистауской области, гг. Сарыагаш, Жетysай, села Абай, Аксукент Туркестанской области, гг. Талгар, Иссык, Каскелен Алматинской области. Перенаселенные сёла и города - относительно новый феномен в демографическом развитии страны, который требует выверенной и обоснованной политики развития территорий, основанной на научном изучении динамики демографических процессов, миграционных потоков и

149. Как изменится Алматы в ближайшие 5 лет? <https://kz.kursiv.media/2022-02-21/kak-v-kazahstane-pereehat-na-sever-i-poluchit-kvartiru/>.

объемов рынка труда. Так, за последние пять лет в гг. Алматы, Астана и Шымкент вне государственных программ переехали более 211 тысяч человек из южных, северных и восточных регионов¹⁵⁰.

Обострение вопросов, связанных с нехваткой земель для сельскохозяйственного использования и дефицита жилья, низкими темпами жилищного строительства, высоким уровнем безработицы и низким уровнем доходов на душу населения, безработицей, особенно молодежной, неформальной занятостью, неразвитой социальной и инженерной инфраструктурой порождает возникновение на данных территориях таких угроз как рост протестных настроений, криминализация и радикализация общества (в том числе религиозная), общественная и политическая дестабилизация.

Вместе с изменением численности происходит изменение плотности населения. Этот процесс также отражает значительную поляризацию и позволяет зафиксировать усиление сложившихся трендов диспропорции расселения (рисунок 3.79). Особую роль в нарастании амплитуды плотности населения играет фактор урбанизации.

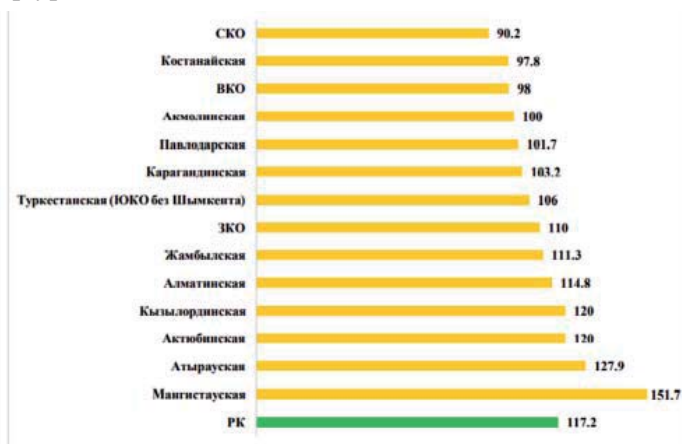

Рисунок 3.79 Динамика изменения плотности населения, 2020 г. по отношению к 2009 г., %

150. Там же.

Указанные тренды формируют пространства рисков разных типов:

Риски первого типа – отрицательные темпы прироста населения в регионах с низкой плотностью населения: депопуляция населения, низкая рождаемость, высокая смертность населения, высокая миграция, нарастание интенсивности и увеличение скорости сокращения численности населения, обезлюживание северных и восточных приграничных территорий, опустынивание сельских территорий, нехватка трудовых ресурсов.

Риски второго типа - высокие и сверхвысокие темпы прироста населения с нарастающим характером в региональных центрах притяжения населения с высокой плотностью, как правило, городах: высокие темпы урбанизации на фоне низкого уровня социальной инфраструктуры, не соответствующим запросам населения, проживающего в них; оголение прилегающих сельских территорий; диспропорция между демографическим и экономическим объемом территорий; нехватка рабочих мест; разрастание «поясов бедности» вокруг городов; сверхконцентрация населения и растущие темпы прироста численности населения в трех агломерациях: Астана, Алматы и Шымкент; высокий удельный вес детей и молодежи, обуславливающий растущий уровень молодежной безработицы.

Демографические шкалы как инструмент анализа темпов потерь или прироста численности населения

Выявляя демографические риски, исходящие из темпов потерь или прироста численности населения, были установлены верхние и нижние предельно-критические значения шкалы. За предельно-критическое значение принимается среднереспубликанский уровень общего прироста населения в 2020 г. к 2009 г. - 16,6%. Если темпы прироста населения превышают среднереспубликанский уровень в 2 раза (т. е. 33,2% и более) — это фиксируется нами как вероятность трансформации рисков в угрозы. Идентично характеризуется и вариант сокращения численности населения (рисунок 3.80). Значение шкалы:

➤ До нижней границы: зона безопасности от 1% до 16% (зеленый уровень).

➤ Нижняя граница: среднереспубликанский уровень -16,6%.

➤ Верхняя граница: зона рисков, где темпы прироста населения в 2 раза превышают среднереспубликанский уровень: 33,2% (жёлтый уровень).

➤ Выше верхней границы и менее 0: зона угроз, где темпы прироста населения, превышающие более чем в два раза средний уровень по республике или отрицательные темпы прироста (0 и менее 0) (красный уровень).

Пространство значений до нижней границы – стабильное состояние процесса: зона демографической безопасности (зеленый цвет). Пространство значений между нижней и верхней границей – это пространство нарастания рисков (желтый цвет). Пространство выше верхней границы и менее 0 (отрицательные темпы прироста населения) – это пространство перерастания рисков в угрозы (красный цвет).

Темпы прироста населения: показатели приближенные к среднереспубликанским, можно наблюдать в регионах, где темпы прироста населения находятся в диапазоне от 1% до 16%: Павлодарская (1,3%), Карагандинская (2,7%), Актюбинская (16,5%), Жамбылская (10,7%), Туркестанская (9,1%), Западно-Казахстанская (9,8%) и Алматинская (14,1%) области. Эти регионы можно отнести к зоне относительной безопасности. В тоже время в перспективе Павлодарская и Карагандинская области, учитывая ежегодное снижение численности их населения, могут войти в красную зону.

К желтой зоне рисков можно отнести Кызылординскую и Атыраускую области, темпы роста населения в которых ненамного превышают среднереспубликанские.

В красной зоне, зоне угроз находятся регионы и города с высокими темпами прироста населения: лидируют города Астана (87,7%), Шымкент (68,8%), затем идут Мангистауская область (44,8%) и город Алматы (40,7%). Сверхвысокие темпы прироста населения, особенно в густозаселенных территориях и мегаполисах, влекут за собой массу экономических и социальных про-

блем, которые необходимо решать в короткие сроки.

В этой же красной зоне находятся и регионы, чьи темпы прироста численности населения имеют отрицательные показатели. Это северные и восточные территории. В Акмолинской области темпы убыли населения составили 0,30%, в Костанайской и Восточно-Казахстанской областях по -2,0%. Наиболее высокие темпы сокращения численности населения наблюдались в Северо-Казахстанской области (-8,2%).

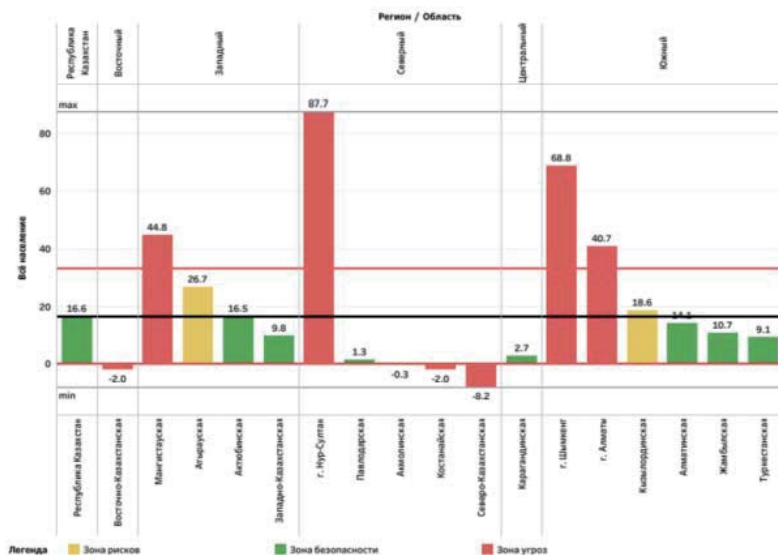

Рисунок 3.80 Шкала демографической безопасности, рисков и угроз по общим темпам прироста населения, замер 2020 г. к 2009 г.

Источник: база данных
https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/_16545120866240/sheet0_1

Демографические шкалы как инструмент анализа прироста численности городского населения

Общие темпы изменения численности населения в разрезе города и села существенным образом отличаются. Рассматривая темпы прироста городского населения, были установлены следующие значения шкал (рисунок 3.81):

- *До нижней границы: зона безопасности (зеленый уровень) от 0% до 26,3% для городского населения.*
- *Нижняя граница: среднереспубликанский уровень - 26,3%.*
- *Верхняя граница: зона рисков, где темпы прироста населения в 2 раза превышают среднереспубликанский уровень: 52,6% для городского населения (жёлтый уровень)*
- *Выше верхней границы: зона угроз, где темпы прироста населения, превышают более чем в два раза средний уровень по республике (красный уровень)*

Пространство значений до нижней границы – стабильное состояние процесса: зона демографической безопасности (*зеленый цвет*). Пространство значений между нижней и верхней границей – это пространство нарастания рисков (*желтый цвет*). Пространство выше верхней границы – зона перерастания рисков в угрозы (*красный цвет*).

Первое, на что необходимо обратить внимание: темпы прироста сельского населения по сравнению с городским в 5 раз ниже, что демонстрирует, с одной стороны, низкую привлекательность сельской местности для жизни людей, с другой стороны, высокую внутреннюю миграцию и концентрацию населения в городах.

К зоне безопасности можно отнести территории, где темпы прироста населения составляют от 1% до 26,3% (не выше среднереспубликанских): Акмолинская (1,7%), Павлодарская (5,3%), Мангистауская (5,5%), Карагандинская (5,7%), Восточно-Казахстанская (6,1%), Алматинская (6,3%), Северо-Казахстанская (6,5%), Жамбылская (8,0%), Туркестанская (14,2%), Костанай-

ская (14,5%), Западно-Казахстанская (24,3%), Кызылординская (26,1%) области. Однако в этой зоне необходимо выделить северные и восточные города, где темпы увеличения населения достаточно низкие и в несколько раз меньше, чем в городах на западе и юге Казахстана (рисунок 77).

В зоне рисков находится население городов Актюбинской (36,5%), Атырауской (47,4%) областей и жителей города Алматы (40,7%). Прирост населения в них в 2 раза выше среднереспубликанских темпов.

В зоне угроз находятся два объекта: город Астана (87,7%) и город Шымкент (68,8%). Высокие темпы прироста населения можно наблюдать в Шымкенте – в 2,6 раза выше, чем в среднем по республике. Имеет значение активное присоединение к городу сельских территорий с 2013 года и приобретение им статуса города республиканского значения в 2018 году.

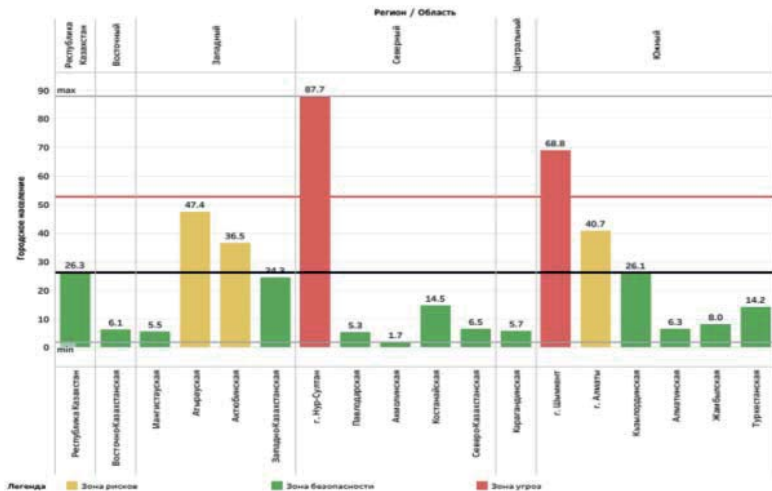

Рисунок 3.81 Шкала демографической безопасности, рисков и угроз по темпам прироста городского населения, замер 2020 г. к 2009 г.

Источник: база данных

https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/_16545120866240/sheet0_1

Особая ситуация по темпам прироста горожан складывается в столице Казахстана – Астане. По сравнению с показателями в среднем по республике, численность его населения увеличилась в 3,3 раза, составив в целом прирост за одиннадцать лет почти на 90%, что наглядно представлено на шкале (рисунок 3.81). Сверх-высокие темпы прироста и стягивание населения с близлежащих, особенно северных, восточных и центральных территорий имеет свои риски как для столицы, так и регионов-доноров. Такая ситуация складывается под влиянием высоких темпов внутренней миграции, высокой доли молодого населения, высокими показателями рождаемости.

Демографические шкалы как инструмент анализа темпов потерь или прироста численности сельского населения

Для сельского населения были установлены другие значения шкал, исходя из сложившихся тенденций в динамике их численности (рисунок 3.82):

➤ *Положительные показатели прироста сельского населения отнесены к зоне безопасности (зеленая зона) от 0% до 10,2%,*

➤ *Нижняя граница: среднереспубликанский уровень - 5,1% для сельского населения.*

➤ *Верхняя граница: зона рисков, где темпы прироста населения в 4 раза превышают среднереспубликанский уровень: от 10,2% до 20,4% (жёлтая зона).*

➤ *Выше верхней границы и менее 0: зона угроз, где темпы прироста населения превышают более чем в четыре раза средний уровень по республике: выше 20,4%, также в эту группу входят регионы с отрицательными темпами прироста населения (менее 0) (красная зона).*

Пространство значений до нижней границы – стабильное состояние процесса: зона демографической безопасности (*зеленый цвет*). Пространство значений между нижней и верхней границей – это пространство нарастания рисков (*желтый цвет*). Пространство выше верхней границы и менее 0 (отрицательные тем-

пы прироста населения) – это пространство перерастания рисков в угрозы (*красный цвет*).

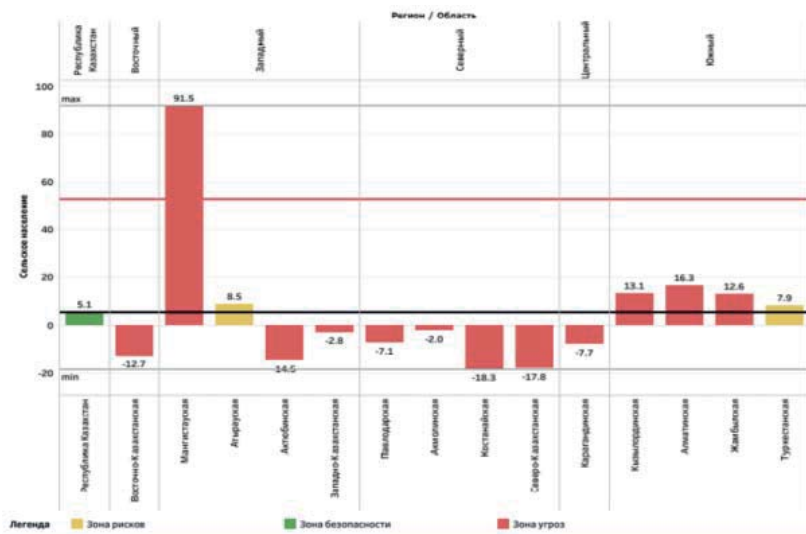

Рисунок 3.82 Шкала демографической безопасности, рисков и угроз по темпам прироста сельского населения, замер 2020 г. к 2009 г.

Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/_16545120866240/sheet0_1

В зоне относительной безопасности находятся только два объекта: Атырауская (8,5%) и Туркестанская (7,9%) области, где численность сельских жителей увеличивается, находясь в диапазоне между установленными нижними и верхними границами от 5,1% до 10,2%. В зоне рисков находятся три области: Алматинская, Кызылординская и Жамбылская. Все остальные объекты относятся к красной зоне, темпы прироста населения в которых более чем в четыре раза выше среднереспубликанских значений. В красной зоне можно выделить регионы как с высоким приростом населения, так и отрицательными показателями: сокращением сельского населения. Особое внимание, с одной стороны, привлекает аномальная ситуация в Мангистауской об-

ласти (91,5%), что в 18 раз выше, чем по республике в среднем. С другой стороны, в регионах с сокращением численности сельского населения: Восточно-Казахстанская (-12,7%), Актюбинская (-14,5%), Северо-Казахстанская (-17,8%), Костанайская (-18,3%), Карагандинская (-7,7%), Павлодарская (-7,1%), Западно-Казахстанская (-2,8%) и Акмолинская (-2,0%) области (рисунок 3.82).

Высокие потери населения в сельских территориях, особенно если они находятся в приграничных зонах, приводят к возникновению не только социальных рисков, но и порождению геополитических угроз.

По итогам анализа можно сделать вывод, что сегодня в Казахстане имеют место два различных комплекса рисков и угроз, связанных с численностью и плотностью населения:

1. Отрицательные темпы прироста численности населения.

Демографические риски:

- нарастание региональной демографической поляризации;
- дальнейшее снижение темпов естественного прироста в регионах с невысокой плотностью населения;
- закрепление депопуляционных тенденций.

Социально-экономические риски:

- увеличение демографической нагрузки на трудоспособное население;
- рост дефицита рабочей силы;
- снижение конкуренции и деградация рынка труда;
- снижение эффективности общественного производства;
- сужение потребительской и налоговой базы.

Политические риски:

- оголение территорий;
- потеря контроля над территориями;
- угроза государственному суверенитету и территориальной целостности РК.

На фоне нарастания рисков и угроз происходит актуализация следующих **социальных запросов:**

- ускоренная диверсификация региональной экономики с акцентом на гендерную, этническую, социокультурную и иную

инклюзию;

- гибкие формы занятости для пенсионеров и людей с ограниченными возможностями;

- развитие инфраструктуры, ориентированной на гендерное и возрастное разнообразие;

- специфические медицинские услуги (специализированные учреждения здравоохранения, профильные врачи-специалисты, вспомогательный медицинский персонал, медицинское оборудование, препараты, рассчитанные на лечение и профилактику заболеваний у пожилых людей);

- организации социальной поддержки пожилых людей;

- планировку и инфраструктуру населенных пунктов, рассчитанную на пожилых людей;

- развитие сферы услуг, ориентированной на особенности возрастной структуры населения региона.

2. Высокие и сверхвысокие темпы прироста численности населения.

Демографические риски:

- нарастание региональной демографической поляризации;

- дальнейшее увеличение темпов естественного прироста в регионах с высокой плотностью населения;

- повышение смертности в молодых возрастных группах;

- высокая смертность населения в трудоспособном возрасте;

- сверхсмертность мужчин, значительное увеличение смертности населения от экзогенных факторов.

- ухудшение показателей здоровья населения,

- уменьшение средней продолжительности жизни.

Социально-экономические риски:

- перенаселенность территорий;

- рост нагрузки на бюджет и социального иждивенчества; рост социального и имущественного расслоение;

- дефицит жилья и инфраструктуры;

- дисфункции институтов здравоохранения и образования;

- безработица (особенно молодежная);

- увеличение доли поколения NEET;

- низкие темпы роста производительности труда;

- ухудшение условий человеческого развития и снижение показателей социального капитала.

Политические риски:

- рост социальной напряженности и протестных настроений;
- радикализация общественного сознания;
- криминализация социального пространства;
- рост домашнего насилия;
- кризисы и дестабилизация общественно-политической обстановки.

В этой ситуации происходит актуализация следующих социальных запросов:

- ускоренное создание дополнительных рабочих мест на основе развития среднего и мелкого бизнеса;
- ускоренное развитие инфраструктуры и сферы услуг;
- специфические медицинские услуги (специализированные учреждения здравоохранения, профильные врачи-специалисты, вспомогательный медицинский персонал, медицинское оборудование, препараты, рассчитанные на лечение и профилактику заболеваний у детей);
- учреждения образования (дошкольные, средние, профессиональные);
- особое внимание удовлетворению потребностей в среднем и профессиональном образовании;
- демографическое просвещение, распространение научно обоснованной демографической информации в противовес «демографическим мифам» и ответственность СМИ;
- социально-ответственная политика в области репродуктивных ориентиров для молодежи и противодействие социальному иждивенчеству на уровне общественного сознания;
- принципиально новые проекты гармоничного развития территорий и регионов страны.

ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА

Вследствие того, что общие коэффициенты смертности, рождаемости, естественного прироста существенно зависят от изменений возрастно-половой структуры и динамично меняются, группировки регионов осуществлены на основе данных 2020 г.

Риски, связанные с динамикой смертности населения

Исходя из показателей общего коэффициента смертности (ОКС) области Казахстана могут быть разбиты на три группы. В первой группе областей ОКС составляет более 10%. Во второй – менее 10%. Средний по республике показатель в 2009 году - 8,88%, в 2020 году он снизился до 8,60% (рисунок 3.83).

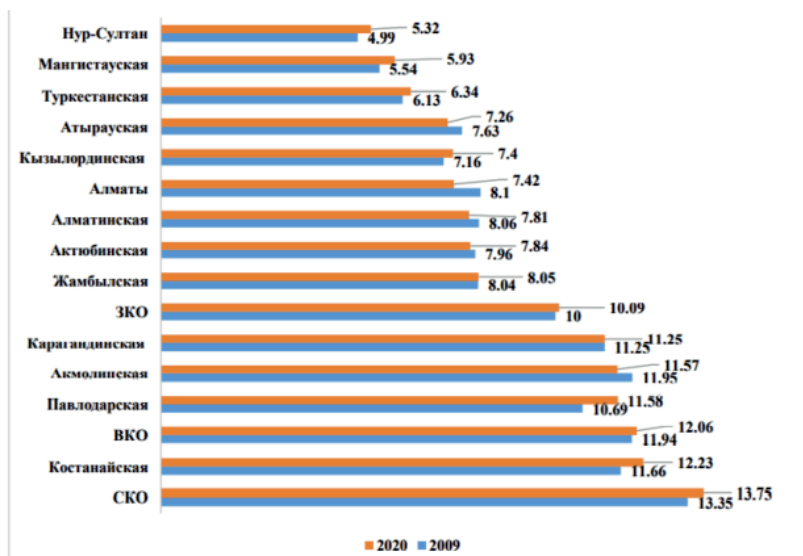

Рисунок 3.83 Общий коэффициент смертности (2009 г., 2020 г.), %

В первую группу, с высокими показателями ОКС, вошли области с большим удельным весом неказахского населения (за

исключением Западно-Казахстанской области). Вследствие особенностей этнического состава в этих областях довольно старая возрастная структура, что и определило повышенные показатели смертности (таблица 3.51).

Таблица 3.51. Регионы с общим коэффициентом смертности более 10‰, ранжирование по 2020 году (группа 1).

Области	2009	2015	2015 к 2009 (%)	2020	2020 к 2015 (%)	2020 к 2009 (%)
РК	8,88	7,46	84,0	8,60	115,3	96,9
Акмолинская	11,95	10,02	83,9	11,57	115,5	96,8
ЗКО	10,0	8,67	86,7	10,09	116,1	100,9
Карагандинская	11,25	9,81	87,2	11,25	114,7	100,0
Костанайская	11,66	10,47	89,8	12,23	116,8	104,9
СКО	13,35	11,78	88,2	13,75	116,7	103,0
ВКО	11,94	10,47	87,7	12,06	115,2	101,0
Павлодарская	10,69	9,74	87,5	11,58	119,4	108,3

Во второй и третьей группах (ОКС менее 10‰) сконцентрированы области и города республиканского значения с преобладанием казахского населения, возрастная структура которого в сравнении с другими этническими группами более молодая. Во вторую группу вошли области с уровнем смертности, соответствующим среднереспубликанским показателям – от 7‰ до 8‰ (таблица 3.52).

Таблица 3.52. Регионы с общим коэффициентом смертности от 7‰ до 10‰, ранжирование по 2020 году (группа 2).

Области	2009	2015	2015 к 2009 (%)	2020	2020 к 2015 (%)	2020 к 2009 (%)
Актюбинская	7,96	6,70	84,2	7,84	117,0	98,5
Алматинская	8,06	7,06	87,6	7,81	110,6	96,9
Атырауская	7,63	5,94	77,9	7,26	122,2	95,2

Жамбылская	8,04	6,56	81,6	8,05	122,7	100,1
Кызылординская	7,16	5,72	79,9	7,40	129,4	103,4
Алматы	8,10	6,33	78,2	7,42	117,2	91,6

При анализе динамики ОКС важно учитывать и фактор миграционных перемещений, который в состоянии быстро изменять соотношение возрастных групп. В первую очередь это видно на примере г. Астана и Мангистауской области, куда направлен поток молодых людей (третья группа). В результате возрастная структура молодеет, общий коэффициент смертности снижается (таблица 3.53).

Таблица 3.53. Регионы с общим коэффициентом смертности до 7%, ранжирование по 2020 году (группа 3).

Области	2009	2015	2015 к 2009 (%)	2020	2020 к 2015 (%)	2020 к 2009 (%)
Мангистауская	5,54	4,62	83,4	5,93	128,3	107,0
Туркестанская	6,13	5,27	86,0	6,34	120,3	103,4
Астана	4,99	4,48	89,8	5,32	118,7	106,6
Шымкент	6,72	5,01	74,6	6,38	127,6	95,1

Сравнительный анализ хронологических периодов 2009–2015 гг. и 2015–2020 гг. демонстрирует быструю динамику развития событий. Если в 2009–2015 гг. наблюдалось повсеместное снижение ОКС, то в 2015–2020 гг. отмечается такой же повсеместный рост показателя. Причинами таких изменений являются как кратковременные явления, так и объективные долговременные факторы. К кратковременным явлениям относится, например, ситуация с пандемией КОВИДа, повысившей показатели смертности. Долговременные факторы детерминированы изменениями возрастной структуры населения. Данные таблиц 45 и 46 свидетельствуют о том, что в этих группах (преимущественно казахских по своему этническому составу), динамика роста ОКС существенно выше. Объясняется это тем, что в настоящее время формируется тен-

денция роста смертности, более явно выраженная именно во второй группе областей, связанная с процессами старения населения. В возраст с повышенным риском смертности начинает вступать многочисленное поколение демографического взрыва, случившегося у казахов в 1950-1960-е гг. Таким образом, тенденция роста ОКС в областях с преобладающим казахским населением будет нарастать.

В то же время показатели ОКС в первом кластере республики в перспективе могут снижаться. Предположение основано на анализе тенденцией внутренней миграции и эволюциями этнического состава данных регионов. В Казахстане активно реализуется программа переселения молодых семей из трудоизбыточных юго-западных областей, в трудодефицитные северо-восточные. Успешная реализация этой программы переселения способна изменить возрастную структуру населения, снизить показатели смертности и увеличить показатели рождаемости.

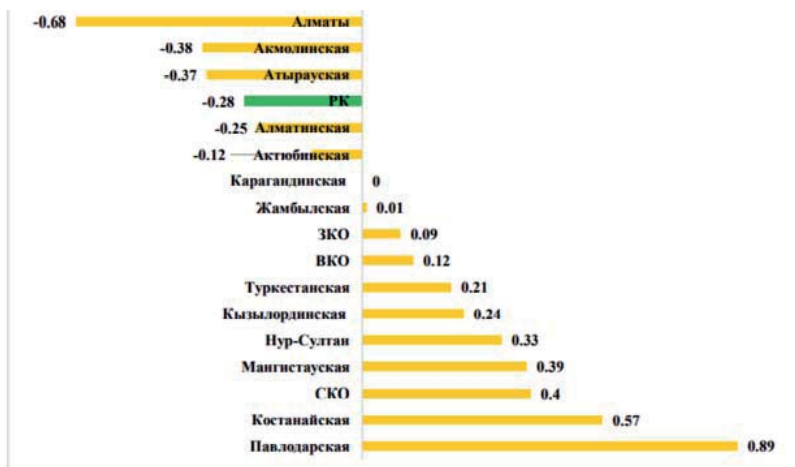

Рисунок 3.84 Региональная динамика общего коэффициента смертности, 2009–2020 гг.

За исследуемый период 2009–2020 гг. динамика ОКС имела следующую региональную специфику (рисунок 3.84). Средний показатель по стране демонстрировал снижение на 0,28 пункта.

Тенденция к снижению ОКС отмечалась в Актыубинской, Алматинской, Атырауской, Акмолинской областях и г. Алматы. В таких областях, как Жамбылская, Западно-Казахстанская, Восточно-Казахстанская, Туркестанская, Кызылординская, Мангистауская, Северо-Казахстанская, Костанайская, Павлодарская и г. Астана общий коэффициент смертности рос. Только в Карагандинской области он оставался неизменным

В таблице 3.54 представлены результаты сравнения минимальных/максимальных значений и расчет амплитуды их колебаний в период 2009–2020 гг., что делает процесс нарастание амплитуды региональных колебаний абсолютно наглядным - с 4,99 ‰ до 13,35 ‰ (на 8,39 пунктов максимальное значение превышает минимальное, фактически в 2,7 раза) в 2009 году и с 5,32‰ до 13,75‰ (на 8,43 пункта максимальное значение превышает минимальное, фактически в 2,6 раза) в 2020 году. Причем, и в 2009 году, и в 2020 году регион с минимальным значением данного показателя - город Астана, а регион с максимальным значением - Северо-Казахстанская область, амплитуда колебаний между крайними значениями фактически остается на одном уровне.

Таблица 3.54. Динамика общего коэффициента смертности в Казахстане и амплитуды региональных колебаний, 2009–2020 гг.

Год	Максимальное значение коэффициента ОКС	Минимальное значение ОКС	Амплитуда региональных колебаний	Среднее значение по республике
2009	13,35 (Северо-Казахстанская область)	4,99 (Астана)	8,39; Отношение Max/Min – в 2,67 раза	8,88
2020	13,75 (Северо-Казахстанская область)	5,32 (Астана)	8,43; Отношение Max/Min – в 2,58 раза	8,60

Необходимо отметить, что гендерный дисбаланс, особенно

в старших возрастных группах, выявляет отдельный аспект рисков мужской смертности¹⁵¹. Причины недопустимо низких (для развитого государства) показателей средней продолжительности жизни мужчин, а также растущие показатели материнской и младенческой смертности требуют не только научного анализа, но и незамедлительных эффективных мер.

Демографические шкалы как инструмент анализа динамики смертности населения

Выявляя демографические риски, связанные с динамикой смертности населения, были установлены верхние и нижние предельно-критические значения шкалы. За предельно-критическое значение принимается среднереспубликанский уровень: общий коэффициент смертности в 2009 году составил 8,80‰, в 2020 году - 8,60‰. Если ОКС выше в 1,5 раза среднереспубликанского показателя, риски переходят в зону угроз (рисунок 3.85 и 3.86). Значение шкалы:

➤ *Зона безопасности: в 2009 году значение общего коэффициента смертности составляло до 8,80‰, в 2020 году до 8,60‰ (зелёная зона);*

➤ *Нижняя граница: в 2009 году от 8,80‰ до 13,2‰, в 2020 году от 8,60‰ до 12,90‰, зона рисков (жёлтая зона);*

➤ *Верхняя граница: в 2009 году от 13,20‰ и выше; в 2020 году выше 12,90‰, зона угроз (красная зона)*

Пространство значений до нижней границы – стабильное состояние процесса: зона демографической безопасности (*зелёный цвет*). Пространство значений между нижней и верхней границей – это пространство нарастания рисков (*жёлтый цвет*). Пространство выше верхней границы – это пространство перерастания рисков в угрозы (*красный цвет*).

Наиболее благоприятной ситуация наблюдается в регионах, где ОКС ниже уровня в среднем по республике. В 2009 году в пространстве демографической безопасности находилось население Актюбинской, Алматинской, Жамбылской, Атырауской, Кы-

151 . <https://informburo.kz/novosti/v-kazhastane-vyrosla-mladencheskaya-smertnost>

зылординской, Мангистауской, Туркестанской областей и двух городов республиканского значения – Астана и Алматы. В 2020 году все эти объекты сохраняют меньшее значение, чем средне-республиканское.

В 2009 году в зону рисков – входили Восточно-Казахстанская, Павлодарская, Акмолинская, Карагандинская, Костанайская, Западно-Казахстанская области, где значение показатель был выше среднереспубликанского. Замер 2020 года фиксирует следующие изменения: идет нарастание уровня смертности населения в обозначенных объектах, ОКС находится в диапазоне от 8,60 до 12,90‰.

В красной зоне угроз в 2009 году находилась Северо-Казахстанская область (13,35‰), где уровень смертности выше среднереспубликанского в 1,5 раза. В 2020 году уровень смертности продолжал расти, регион остается в красной зоне.

В целом тенденция роста ОКС в северо-восточном регионе нарастает и в перспективе в красную зону войдут Костанайская, Восточно-Казахстанская, Павлодарская и Акмолинская области. Именно эта зона требует наибольшего внимания и безотлагательных мер со стороны государства.

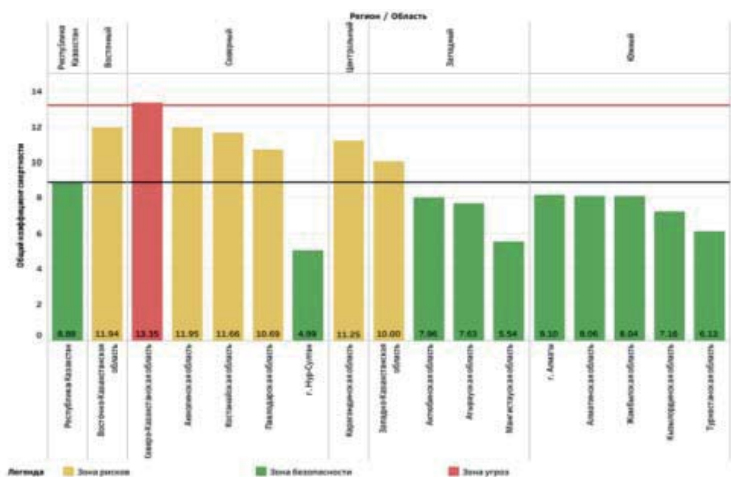

Рисунок 3.85 Шкала демографической безопасности, рисков и угроз по уровню смертности населения, ОКС, замер 2009 г.
 Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/_16552073000730/2009_1

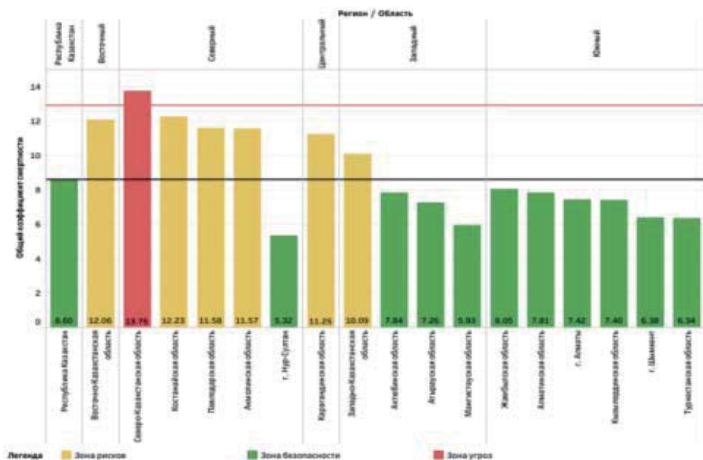

Рисунок 3.86 Шкала демографической безопасности, рисков и угроз по уровню смертности населения, ОКС, замер 2020 г.
 Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/_16552073000730/2009_1

Риски, связанные с динамикой рождаемости населения

При анализе общего коэффициента рождаемости (ОКР) области и города Казахстана разбиты на четыре группы в зависимости от величины показателя.

В первую группу вошли области и города РК, в которых ОКР превышает 25 %. Этот показатель свидетельствует о высокой рождаемости, оказывающей серьезное влияние на выстраивания нижней части возрастной пирамиды и фактически свидетельствующий о состоянии, близком к демографическому взрыву. В группе представлены все области Южного Казахстана, г. Шымкент, две области Западного Казахстана (Атырауская и Мангистауская) и г. Астана. Показатели ОКР Астаны, Шымкента и частично Мангистауской области во многом зависят от миграционного притока населения репродуктивного возраста. Это группа высокого ОКР (таблица 3.55).

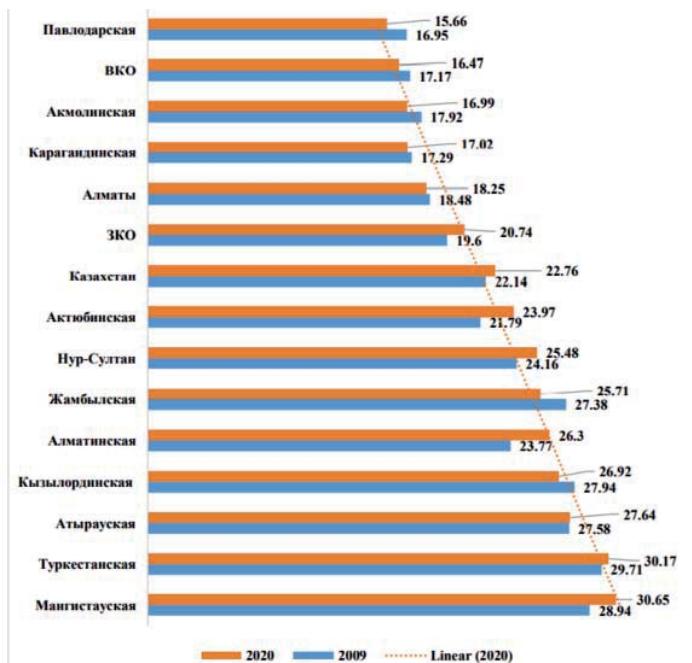

Рисунок 3.87 Общий коэффициент рождаемости, 2009–2020 гг.

Таблица 3.55. Регионы с общим коэффициентом рождаемости более 25‰, ранжирование по 2020 году (группа 1).

Области	2009	2015	2015 к 2009 (%)	2020	2020 к 2015 (%)	2020 к 2009 (%)
РК	22,14	22,71	102,6	22,76	100,2	102,8
Алматинская	23,77	25,30	106,4	26,30	103,9	110,6
Атырауская	27,58	27,93	101,3	27,64	99,0	100,2
Жамбылская	27,38	25,72	93,9	25,71	99,9	93,9
Кызылординская	27,94	25,92	92,8	26,92	103,8	96,4
Мангистауская	28,94	31,30	108,2	30,65	97,9	105,9
Туркестанская	29,71	29,03	97,7	30,17	103,9	101,6
Астана	24,16	30,29	125,4	25,48	84,1	105,5
Шымкент	26,32	27,55	105,0	30,02	108,9	114,1

Вторую группу составляют области, ОКР которых находится в диапазоне от 20 до 25 ‰ (ЗКО, Актюбинская область). Необходимо отметить, что с точки зрения демографических показателей Западный регион РК условно делится на две группы: Атырауская и Мангистауская области тяготеют к Южному региону, ЗКО и Актюбинская область – к Северо-Восточному. Показатель ОКР в этой группе более всего приближен к средне казахстанскому варианту. Это группа стабильного состояния ОКР (таблица 3.56).

Таблица 3.56. Регионы с общим коэффициентом рождаемости от 20 до 25‰, ранжирование по 2020 году (группа 2).

Области	2009	2015	2015 к 2009 (%)	2020	2020 к 2015 (%)	2020 к 2009 (%)
Актюбинская	21,79	24,11	110,6	23,97	99,4	110,0
ЗКО	19,60	20,48	104,5	20,74	101,3	105,8

Области Центрального, Северо-Восточного Казахстана и г. Алматы в основном представлены в группе 3, где ОКР находится в диапазоне от 15 до 20 ‰. Условно это группа пониженных показателей ОКР (таблица 3.57).

Таблица 3.57. Регионы с общим коэффициентом рождаемости от 15 до 20‰, ранжирование по 2020 году (группа 3).

	2009	2015	2015 к 2009 (%)	2020	2020 к 2015 (%)	2020 к 2009 (%)
Акмолинская	17,92	17,12	95,5	16,99	99,2	94,8
Карагандинская	17,29	17,73	102,5	17,02	96,0	98,4
Павлодарская	16,95	16,87	99,5	15,66	92,8	92,4
ВКО	17,17	16,40	95,5	16,47	100,4	95,9
Алматы	18,48	18,63	100,1	18,25	98,0	98,8

И, наконец, в Костанайской и Северо-Казахстанской областях, составляющих группу 4, ОКР менее 15 ‰ (таблица 3.58). На становление такого показателя существенно повлиял этнический состав населения регионов и связанные с этим демографические процессы: стареющая возрастная структура, миграционный отток населения репродуктивного возраста (как за пределы области, так и государства). Условно это группа риска, низких показателей ОКР.

Таблица 3.58. Регионы с общим коэффициентом рождаемости менее 15‰, ранжирование по 2020 году (группа 4).

	2009	2015	2015 к 2009 (%)	2020	2020 к 2015 (%)	2020 к 2009 (%)
Костанайская	14,21	14,47	101,8	13,47	93,1	94,8
СКО	14,92	14,25	95,5	12,59	88,3	84,4

Таким образом, показатели ОКР по регионам РК отличаются более чем в два раза. Причиной такого разброса является этнодемографический, социокультурный факторы. Особенность в том, что эти факторы гораздо менее динамичны, более консервативны и долговечны, чем факторы социально-экономические. В то же время, во всех представленных группах четко видна тенденция сокращения ОКР, причем в первой группе она обозначилась еще в 2010–2015 гг., тогда как во 2–4 группах в 2015–2020 гг. Дан-

ное явление, прежде всего, объясняется движением возрастной структуры, в первую очередь нарастающей тенденцией старения населения. В результате удельный вес населения вне репродуктивного возраста увеличивается, показатели ОКР сокращаются.

Региональная динамика общего коэффициента рождаемости за 2009–2020 гг. представлена на рисунке 3.88. Отрицательная динамика наблюдается в Жамбылской, Павлодарской, Кызылординской, Акмолинской, ВКО, Карагандинской областях и городе Алматы. Положительная динамика в процессах рождаемости отмечена в Туркестанской, Атырауской, ЗКО, Мангистауской, Актюбинской и Алматинской областях, а также в столице республики городе Астана.

Растет поляризация процессов рождаемости: на юго-западе общий коэффициент рождаемости увеличивается, на севере Казахстана снижается, амплитуда региональных колебаний стала больше (с 15,50 в 2009 г. до 18,69 в 2020 г.). В 2009 году максимальное значение ОКР в Туркестанской области (29,71‰), что выше среднего значения по республике в 1,3 раза, а минимальное значение в Костанайской области (14,21‰), что в 1,6 раза меньше, чем по республике (рисунки 3.87 и 3.88).

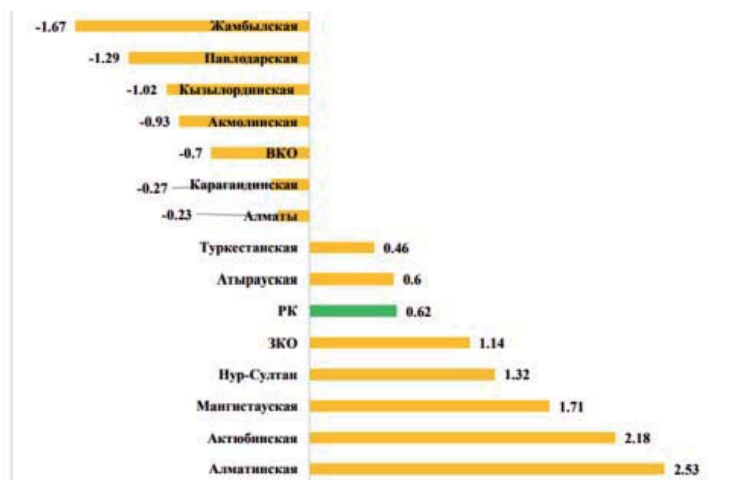

Рисунок 3.88 Региональная динамика общего коэффициента рождаемости, 2009–2020 гг.

В дальнейшем поляризация данного процесса растет и в 2020 году максимальное значение ОКР в Мангистауской области (30,65‰) выше среднего значения по республике в 1,4 раза, а минимальное значение ОКР в Северо-Казахстанской области (12,59‰) меньше в 1,8 раза, чем по республике (таблица 3.59). Амплитуда региональных колебаний за 2009–2020 гг. выросла на 3,2 пункта. В годовом сравнении она составляет в 2009 году – 2 раза, в 2020 году – уже в 2,4 раза, демонстрируя нарастание региональных различий.

Таблица 3.59. Динамика общего коэффициента рождаемости в Казахстане и амплитуды региональных колебаний, 2009–2020 гг.

Год	Максимальное значение ОКР	Минимальное значение ОКР	Амплитуда региональных колебаний	Среднее значение по республике
2009	29,71 (Туркестанская область)	14,21 (Костанайская область)	15,50; Отношение Max/Min – в 2,1 раза	22,14
2020	30,65 (Мангистауская область)	12,59 (Северо-Казахстанская область)	18,69; Отношение Max/Min – в 2,4 раза	22,76

Демографические шкалы как инструмент анализа динамики рождаемости населения

Для выявления демографических рисков, связанных с динамикой рождаемости населения, были установлены верхние и нижние предельно-критические значения шкалы. За предельно-критическое значение принимается среднереспубликанский уровень: общий коэффициент рождаемости в 2009 году составил 22,14‰, в 2020 году – 22,76‰ (рисунок 3.89 и 3.90). Установлены следующие значения шкалы:

- *До нижней границы: в 2009 году значение общего коэф-*

фициента рождаемости от 14,76 до 22,14%, в 2020 году от 15,17 до 22,76%, зона безопасности (зелёный цвет);

➤ Нижняя граница: в 2009 году от 22,14% до 33,21%, в 2020 году от 22,76% до 34,14%, зона рисков (желтый цвет);

➤ Верхняя граница: в 2009 году от 33,21% и выше; в 2020 году от 34,14%. Наряду с этим к зоне демографических угроз можно отнести те регионы, где рождаемость ниже среднего уровня по республике в 1,5 раза: в 2009 году от 14,76% и ниже, в 2020 году от 15,17% и ниже (красный цвет).

Исходя из установленных значений, в 2009 году к пространству относительной демографической безопасности можно отнести такие объекты, как Западно-Казахстанская (21,75%), Акмолинская (20,53%), Карагандинская (17,23%), Павлодарская (16,99%), Восточно-Казахстанская (16,76%), Северо-Казахстанская (16,76%) области и город Алматы (18,48%). В 2020 году в этой зоне находятся те же объекты.

В 2009 году в зону рисков вошло население, где значение ОКР было выше среднереспубликанского уровня в 1,5 раза, это население Актюбинской (22,30%), Алматинской (24,62%), Жамбылской (25,77%), Атырауской (30,70%), Кызылординской (30,45%), Мангистауской (22,78%) и Туркестанской (30,54%) областей, а также столица республики – г. Астана (24,16%). Замер 2020 года фиксирует следующие изменения: в зоне рисков находятся все те же объекты с высокими показателями рождаемости, при этом в них идет дальнейшее увеличение темпов рассматриваемого процесса.

В красной зоне находятся области с низкими и снижающимися темпами рождаемости. Так, в 2009 году в красной зоне, где уровень рождаемости в 1,5 раза меньше, чем в среднем по республике, находилась одна Костанайская область (14,29%), в 2020 году в нее вошла Северо-Казахстанская область (12,59%). По высокому уровню рождаемости населения, в 1,5 раза превышающему средний уровень по республике, нет объектов ни в 2009 году, ни в 2020 году, однако по сложившимся темпам увеличения в ближайшей перспективе в красную зону могут войти Атырауская и Туркестанская области.

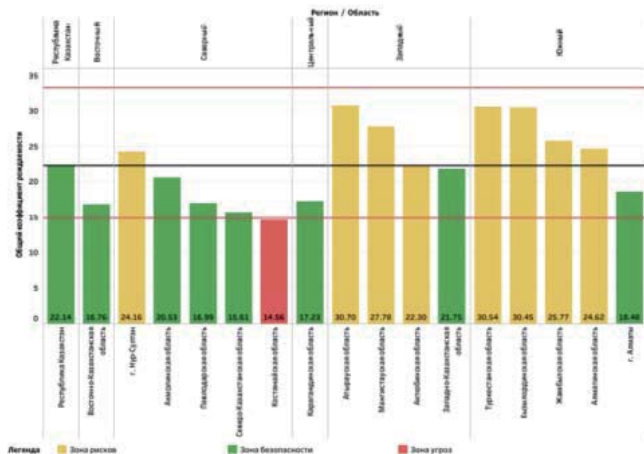

Рисунок 3.89 Шкала демографической безопасности, рисков и угроз по уровню рождаемости населения, ОКР, замер 2009 г.
 Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/_16552706427970/2009_1

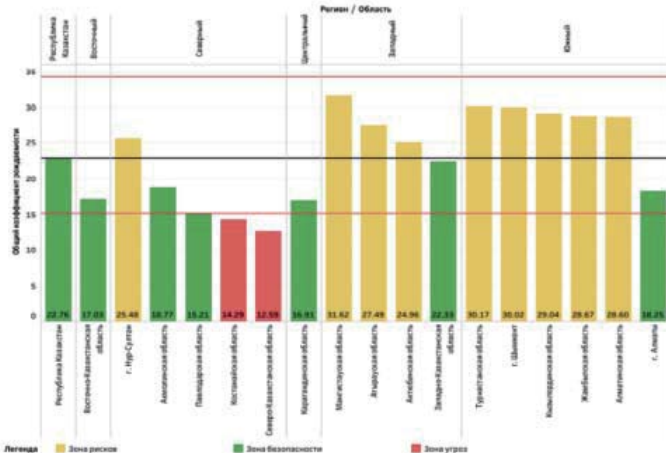

Рисунок 3.90 Шкала демографической безопасности, рисков и угроз по уровню рождаемости населения, ОКР, замер 2020 г.
 Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/_16552706427970/2009_1

Риски, связанные с поляризацией процессов естественного движения

Эволюции коэффициента естественного прироста (КЕП) являются результатом суммы ОКС и ОКР, вбирают в себя все факторы, влияющие на их динамику. Присутствует региональная дифференциация показателя, при этом разброс довольно большой. Из всего этого многообразия сложился среднеказахстанский показатель – 14,16% в 2020 г., не повторяющийся ни в одной из областей. Наиболее близки к среднестатистическим данным показатели Актюбинской и, в определенной степени, Жамбылской областей. Четко видны Юго-Западный (группы 1–2) и Северо-Восточный (группы 3–4) полюсы, разница между которыми очень значительна (рисунок 3.91 и 3.92).

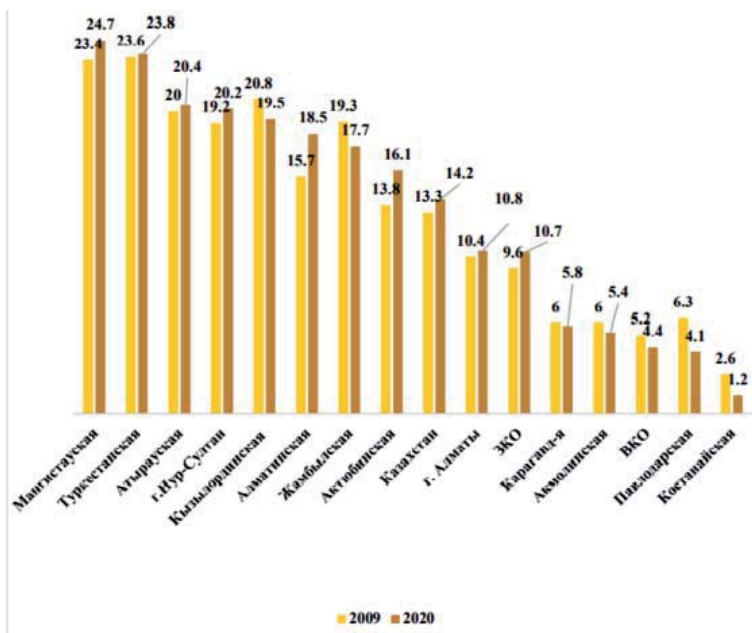

Рисунок 3.91 Коэффициент естественного прироста,
2009, 2020 гг.

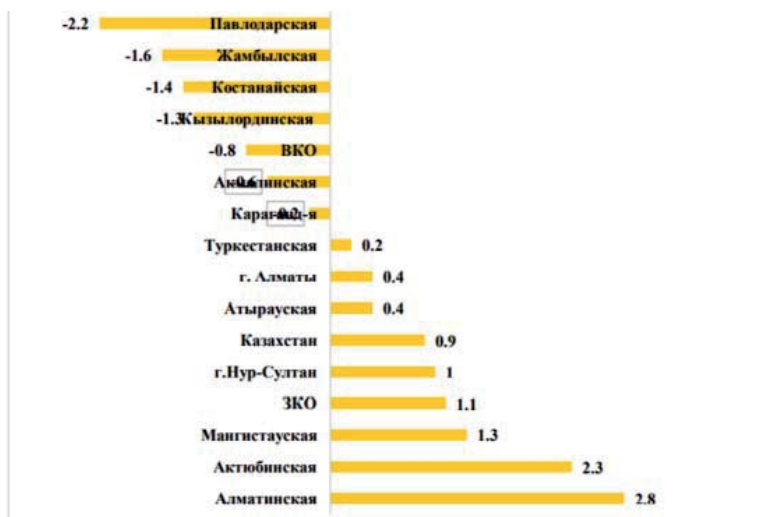

Рисунок 3.92 Рост или снижение коэффициента естественного прироста, 2009–2020 гг.

Показатели областей и городов, входящих в первую группу, близки к состоянию демографического взрыва. В первую очередь это касается Мангистауской, Туркестанской областей и г. Шымкент (таблица 3.60). Увеличение КЕП на 20% и более в год приближено к критическому состоянию, в основном потому, что темпы социально-экономического развития гораздо ниже и не могут обеспечить новые поколения приемлемым уровнем жизни.

Таблица 3.60. Регионы с коэффициентом естественного прироста более 20%, ранжирование по 2020 году (группа 1).

Области	2009	2015	2015 к 2009 (%)	2020	2020 к 2015 (%)	2020 к 2009 (%)
РК	13,26	15,25	115,0	14,16	92,8	106,8
Атырауская	19,96	21,99	110,2	20,38	92,7	102,1
Мангистауская	23,40	26,68	114,0	24,72	92,6	105,6

Продолжение таблицы № 3.60						
Туркестанская	23,58	23,76	100,8	23,83	100,3	101,1
г. Астана	19,17	25,81	134,6	20,16	78,1	105,2
г. Шымкент	19,60	22,55	115,3	23,64	104,8	120,6

Состав второй группы неоднороден. С одной стороны, КЕП Кызылординской и Алматинской областей близок к показателям первой группы. С другой, г. Алматы и ЗКО находятся на границе с третьей группой (КЕП менее 10‰), которую представляют области Северо-Восточного региона (таблица 3.61).

Таблица 3.61. Регионы с коэффициентом естественного прироста от 10‰ до 20‰, ранжирование по 2020 году (группа 2).

Области	2009	2015	2015 к 2009 (%)	2020	2020 к 2015 (%)	2020 к 2009 (%)
Актюбинская	13,83	17,41	125,9	16,14	92,7	116,7
Алматинская	15,71	18,24	116,1	18,48	101,4	117,6
ЗКО	9,60	11,81	123,0	10,66	90,3	111,0
Жамбылская	19,34	19,16	99,1	17,65	91,1	91,3
Кызылординская	20,77	20,20	97,3	19,52	96,6	94,0
г. Алматы	10,38	12,30	118,5	10,83	88,0	104,3

КЕП в третьей группе довольно низкий, в среднем в несколько раз меньше, чем первой группе. Как говорилось ранее, основное влияние на это оказывает этнический состав населения (сравнительно с юго-западом высок удельный вес европейских этнических групп), старая возрастная структура и значительный миграционный отток населения репродуктивного возраста (та-

блица 3.62).

Таблица 3.62. Регионы с коэффициентом естественного прироста менее 10%, ранжирование по 2020 году (группа 3).

	2009	2015	2015 к 2009 (%)	2020	2020 к 2015 (%)	2020 к 2009 (%)
Акмолинская	5,96	7,10	119,1	5,41	76,2	90,8
Карагандинская	6,04	7,92	131,1	5,77	72,8	95,5
Костанайская	2,55	4,00	156,9	1,24	31,0	48,6
Павлодарская	6,26	7,17	114,5	4,08	56,9	65,2
ВКО	5,23	5,93	113,4	4,41	74,3	84,3

В наиболее концентрированном виде факторы, способствующие низкому КЕП в третьей группе, были присущи СКО, где в 2020 г. были зафиксированы депопуляционные процессы – уровень смертности превысил уровень рождаемости (таблица 3.63).

Таблица 3.63. Регионы с отрицательным коэффициентом естественного прироста, ранжирование по 2020 году (группа 4).

	2009	2015	2015 к 2009 (%)	2020	2020 к 2015 (%)	2020 к 2009 (%)
СКО	1,57	2,47	157,3	-1,16	-	73,9

Динамика эволюций КЕП в 2010–2020 гг. неоднозначна. Если в 2010–2015 гг. почти для всех городов республиканского значения и областей (кроме Кызылординской и Жамбылской) был характерен рост этого показателя (особенно в третьей группе), то в 2015–2020 гг. ситуация кардинально меняется. КЕП быстро снижается (за исключением Алматинской и Туркестанской областей), причем особенно интенсивно вновь в третьей группе (в Костанайской области, например, в 3,2 раза). Вследствие этого

сложно прогнозировать, какая из тенденций будет преобладать в перспективе, так как возрастная структура меняется достаточно интенсивно, в первую очередь нижняя и верхняя части возрастной пирамиды (соответственно, детские и старшие возрастные группы), наиболее значительно влияющие на показатели КЕП.

Если рассмотреть динамику общего коэффициента естественного прироста и амплитуду региональных колебаний за 2009–2020 гг., то можно увидеть следующие тенденции: максимальное значение КЕП превышает среднереспубликанский уровень в 1,6–1,8 раза, а минимальное значение ниже среднего уровня по республике в 9–14 раз (таблица 57). Амплитуда региональных колебаний в 2009 году составляет 22,01 пункта, в 2020 году – 25,88 пункта, идет нарастание региональной поляризации.

Таблица 3.64. Динамика общего коэффициента естественного прироста в Казахстане и амплитуды региональных колебаний, 2009–2020 гг.

Год	Максимальное значение КЕП	Минимальное значение КЕП	Амплитуда региональных колебаний	Среднее значение по республике
2009	23,58 (Туркестанская область)	1,57 (Северо-Казахстанская область)	22,01 Отношение Max/Min – в 15 раз	13,26
2020	24,72 (Мангистауская область)	-1,16 (Северо-Казахстанская область)	25,88 Отношение Max/Min – в 24 раза	15,25

Такое состояние «демографических качелей» актуализирует проблему неравномерности протекания демографических процессов в Казахстане, разнонаправленности демографических тенденций в регионах, прямо противоположного характера их протекания и острой необходимости разработки новых подходов к реализации демографической политики в РК с учетом регио-

нальных особенностей.

Демографические шкалы как инструмент анализа динамики естественного прироста населения

Рассматривая демографические риски, связанные с динамикой естественного прироста населения, были установлены верхние и нижние предельно-критические значения шкалы. За предельно-критическое значение принимается среднереспубликанский уровень: общий коэффициент естественного прироста населения в 2009 году составил 13,26%, в 2020 году – 14,16%. В зону рисков входят объекты, где общий коэффициент естественного прироста составляет значение в 1,5 раза выше среднереспубликанского уровня: в 2009 году 19,86%; в 2020 году 21,24%. Зону, переходящую из рисков в угрозы, составляет значение, превышающее средний уровень либо в 1,5 раза выше, либо в 1,5 раза ниже (рисунок 3.93 и 3.94). Значение шкалы:

➤ *Пространство значений до нижней границы: в 2009 году значение общего коэффициента естественного прироста составляло от 8,84% до 13,26%, в 2020 году от 9,44% до 14,16%, зона безопасности (зелёный цвет);*

➤ *Нижняя граница: в 2009 году от 13,26% до 19,86%, в 2020 году от 14,16% до 21,24%, зона рисков (желтый цвет);*

➤ *Верхняя граница: в 2009 году от 19,86% и выше; в 2020 году от 21,24%, зона угроз (красный цвет). Наряду с этим к зоне демографических угроз можно отнести и регионы, где естественный прирост ниже среднего уровня по республике в 1,5 раза: в 2009 году от 8,84% и ниже, в 2020 году от 9,44% и ниже.*

С точки зрения динамики темпов естественного прироста в республике наиболее благоприятной можно рассматривать зону от уровня в среднем по республике до значения в 1,5 раза ниже его. В этих значениях и в 2009 году, и в 2020 году находились всего два объекта: Западно-Казахстанская область и город Алматы.

В зону рисков вошло население, где значение общего коэффициента естественного прироста было выше среднереспубли-

канского уровня в 1,5 раза: в 2009 году это значения общего коэффициента естественного прироста населения от 13,26 до 19,86‰, в 2020 году: от 14,16 до 21,24‰. Исходя из установленных значений, в 2009 году в желтой зоне находились: Актюбинская (13,83‰), Алматинская (15,71‰), Жамбылская (19,34‰) области и г. Астана (19,17‰). В 2020 году зону рисков пополняют еще два объекта: Кызылординская область (19,52‰) и Атырауская область (19,96‰), которые передвигаются из зоны угроз, т. е. в них происходит снижение естественного прироста населения.

Наиболее сложной является красная зона, в которой находятся объекты как с высоким, так и низким естественным приростом населения. В 2009 году в зоне рисков находились области с высоким естественным приростом - в 1,5 раза превышающем среднее значение по республике: от 19,86‰ и выше (Кызылординская область (20,77‰), Атырауская область (19,96‰), Мангистауская область (23,4‰) и Южно-Казахстанская область (23,58‰), а также области с низким естественным приростом: от 0 до 8,84‰, что ниже в 1,5 раза среднереспубликанских темпов (Павлодарская область (6,26‰), Карагандинская область (6,04‰), Акмолинская область (5,96‰), Восточно-Казахстанская (5,23‰), Костанайская (2,55‰) и Северо-Казахстанская (1,57‰) области). В 2020 году темпы естественного прироста населения увеличиваются не только в среднем по республике, но и нарастают в регионах с высокими показателями и снижаются в тех регионах, где они были низкими, т. е. идет дальнейшая поляризация динамики естественного прироста населения.

Таким образом, в красной зоне находятся: город Шымкент (23,64‰), отделенный от Южно-Казахстанской области, сама Туркестанская область (23,83‰) и Мангистауская область (24,72‰). В этой же зоне демографических угроз находятся те же области из Северного, Восточного и Центрального Казахстана, однако уже с сократившимися темпами естественного прироста населения: это Карагандинская область (5,77‰), Акмолинская область (5,41‰), Восточно-Казахстанская область (4,41‰), Павлодарская (4,08‰) область, Костанайская область (1,24‰). Наиболее сложная ситуация складывается в Северо-Казахстанской

области, где зафиксирована депопуляция населения, показатель естественного прироста имеет отрицательное значение (-1,16%). Четко прослеживается тенденция: темпы естественного прироста населения растут в регионах с высокой плотностью населения и сокращаются в регионах с низкой плотностью населения, растущая поляризация между ними требует пристального внимания государственных органов.

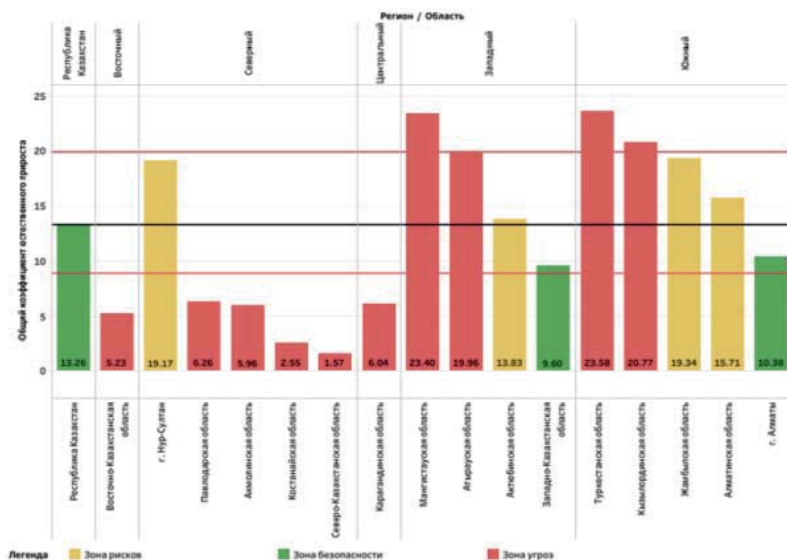

Рисунок 3.93 Шкала демографической безопасности, рисков и угроз по уровню естественного прироста населения, КЕП, замер 2009 г.

Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/_16552706427970/2009_1

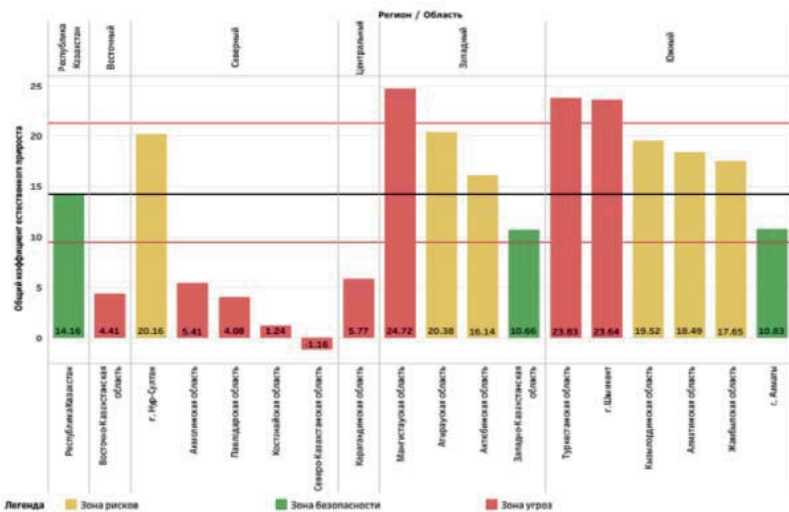

Рисунок 3.94 Шкала демографической безопасности, рисков и угроз по уровню естественного прироста населения, КЕП, замер 2020 г.

Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/_16552706427970/2009_1

Суммарный коэффициент рождаемости. Нетто-коэффициент воспроизводства

Общие коэффициенты воспроизводства (рождаемости, смертности, естественного прироста) существенно зависят от изменений возрастной структуры и поэтому не дают полного представления о сути демографических явлений. В первую очередь это относится к рождаемости. Гораздо более точно процесс фиксируется суммарным коэффициентом рождаемости (СКР) и нетто-коэффициентом воспроизводства, являющегося логичным продолжением СКР и демонстрирующего возможную перспективу рождаемости на ближайшие 20–30 лет (рисунок 3.95).¹⁵²

152. (дефиниции СКР и нетто-коэффициента см. глоссарий).

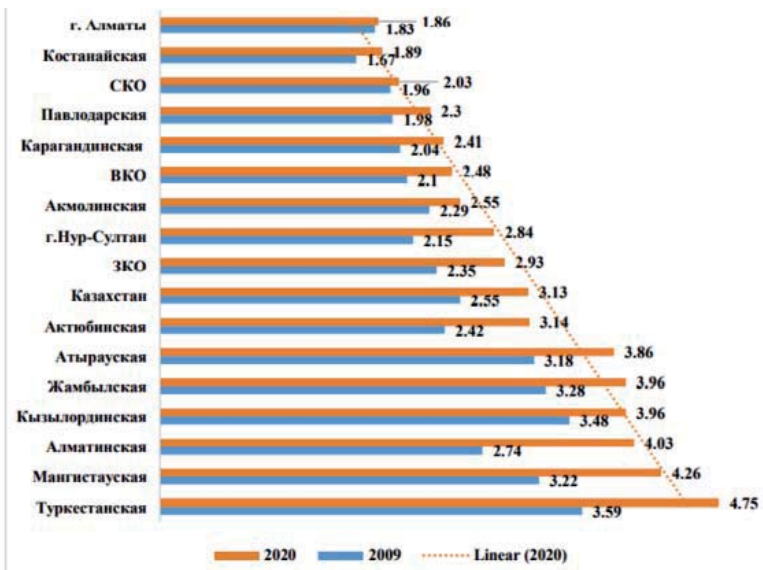

Рисунок 3.95 Динамика суммарного коэффициента рождаемости, 2009, 2020 гг.

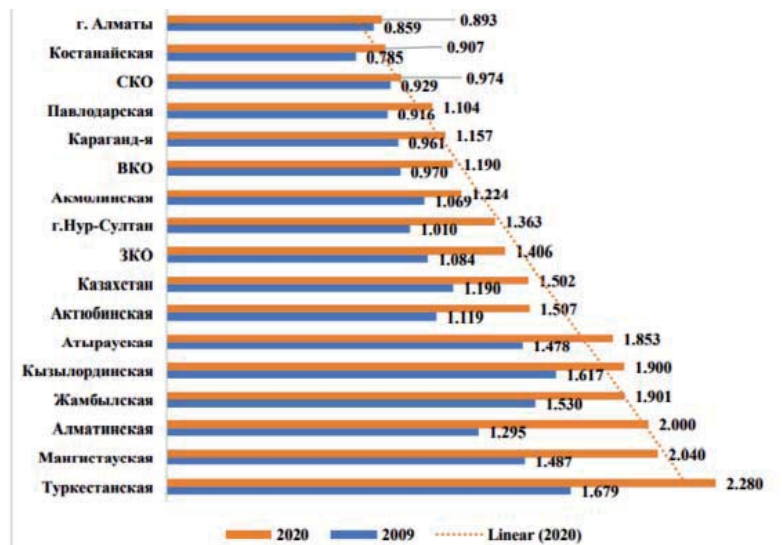

Рисунок 3.96 Динамика нетто-коэффициента, 2009, 2020 гг.

Показатели областей и городов, входящих в первую группу (СКР более 4,0, нетто коэффициент воспроизводства более 2.0) по международным стандартам считаются кризисными (таблица 3.65). Быстро растущие детские возрастные группы очень сложно обеспечить приемлемым социально-экономическим уровнем и условиями их социализации, даже в сравнении с поколением родителей. То есть, каждое следующее поколение будет жить хуже, чем предыдущее (медицина, дошкольное и школьное образование, рабочие места и т. д.). Для таких регионов необходимы такие темпы социально-экономического развития, которые опережают демографический рост. Реальная ситуация иная - Туркестанская и Мангистауская области (регионы с самым высоким СКР) лидируют в Казахстане по уровню бедности¹⁵³.

Таблица 3.65. Регионы с суммарным коэффициентом рождаемости 4,0 и выше, ранжирование по 2020 году (группа 1).

Области	2009	2015	2015 к 2009 (%)	2020	2020 к 2015 (%)	2020 к 2009 (%)
РК	2,55	2,74	107,5	3,13	114,2	122,8
Туркестанская	3,59	3,68	102,5	4,75	129,1	132,3
Мангистауская	3,22	3,76	116,8	4,26	113,3	132,3
Алматинская	2,74	3,17	115,7	4,03	127,1	147,1

При этом динамика роста СКР и нетто-коэффициента высока. В 2020 г. в группе с СКР выше 4,0 и нетто-коэффициентов выше 2,0 фиксируются три области, хотя в 2010 г. и в 2015 г. не было еще ни одной (таблица 3.66).

153. По уровню бедности в Казахстане лидирует Туркестанская область// Ratel. 2021. 27. 04.

Таблица 3.66. Регионы с нетто-коэффициентом воспроизводства 2,0 и выше, ранжирование по 2020 году.

Области	2009	2015	2015 к 2009 (%)	2020	2020 к 2015 (%)	2020 к 2009 (%)
РК	1,19	1,299	109,2	1,502	115,6	126,2
Туркестанская	1,679	1,747	104,1	2,280	130,5	135,8
Мангистауская	1,487	1,774	119,3	2,040	115,0	137,2
Алматинская	1,295	1,634	126,2	2,000	122,4	154,4

С учетом того, что нетто-коэффициент воспроизводства очень высок (то есть, число потенциальным матерей через 20–30 лет может увеличиться в два и более раз), в перспективе эта группа будет представлять угрозу демографической безопасности Казахстана.

Группа 2 (СКР в диапазоне 3,0–4,0; нетто коэффициент 1,5–2,0) по своим характеристикам близка к группе 1 (таблица 3.67). В случае, если темпы роста показателей сохранятся на уровне периода 2015–2020 гг., в скором времени все эти области войдут в группу 1 и из группы потенциальных рисков перейдут в группу угрозы демографической безопасности (таблица 3.67).

Таблица 3.67. Регионы с суммарным коэффициентом рождаемости от 3,0 до 4,0 и выше, ранжирование по 2020 году (группа 2).

Области	2009	2015	2015 к 2009 (%)	2020	2020 к 2015 (%)	2020 к 2009 (%)
Кызылординская	3,48	3,39	97,4	3,96	116,8	113,8
Жамбылская	3,28	3,42	104,3	3,96	115,8	120,7
Атырауская	3,18	3,45	108,5	3,86	111,9	121,4
Актюбинская	2,42	2,73	112,8	3,14	115,0	129,8
г. Шымкент	-	-	-	3,66	-	

Таким образом, почти весь Юго-Западный регион Казахстана в перспективе может составить угрозу демографической безопасности государства.

Таблица 3.68. Регионы с нетто-коэффициентом воспроизводства от 1,5 до 2,0 и выше, ранжирование по 2020 году.

Области	2009	2015	2015 к 2009 (%)	2020	2020 к 2015 (%)	2020 к 2009 (%)
Кызылординская	1,617	1,665	103,0	1,900	114,1	117,5
Жамбылская	1,53	1,525	99,7	1,901	124,6	124,3
Атырауская	1,478	1,707	115,5	1,853	108,6	125,4
Актюбинская	1,119	1,280	114,4	1,507	117,7	134,7
г. Шымкент	-	-	-	1,757	-	

В третью группу входят области со сложно предсказуемым сценарием развития, что является следствием влияния на воспроизводство миграционных процессов (таблица 3.69). Это области (за исключением ЗКО), в которых, с одной стороны велика доля европейских этнических групп, подверженных эмиграции. С другой стороны – это регионы активного миграционного притока кандасов из Юго-Западного Казахстана. В результате – волнообразная динамика показателей СКР и нетто-коэффициента.

Таблица 3.69. Регионы с суммарным коэффициентом рождаемости от 2,0 до 3,0 и выше, ранжирование по 2020 году (группа 3).

Области	2009	2015	2015 к 2009 (%)	2020	2020 к 2015 (%)	2020 к 2009 (%)
ЗКО	2,35	2,54	108,1	2,93	115,0	124,7
Акмолинская	2,29	2,31	100,9	2,55	110,4	111,4
Карагандинская	2,04	2,21	108,3	2,41	109,0	118,1
Павлодарская	1,98	2,14	108,1	2,30	107,5	116,2

Продолжение таблицы № 3.69						
ВКО	2,10	2,14	101,9	2,48	115,9	118,1
СКО	1,96	2,08	106,1	2,03	97,6	103,6
г. Астана	2,15	2,88	134,0	2,84	98,6	132,1

По нашему мнению, в перспективе часть объектов группы 3 перейдут в группу 2. В первую очередь это касается г. Астана, где за счет высокой миграции молодежи и высоких репродуктивных установок жителей, значение СКР будет быстро расти, и также Западно-Казахстанской области (таблица 3.70).

Таблица 3.70. Регионы с нетто-коэффициентом воспроизводства от 1,0 до 1,5 и выше, ранжирование по 2020 году.

Области	2009	2015	2015 к 2009 (%)	2020	2020 к 2015 (%)	2020 к 2009 (%)
ЗКО	1,084	1,203	111,0	1,406	130,1	129,7
Акмолинская	1,069	1,094	102,3	1,224	115,6	114,5
Карагандинская	0,961	1,053	109,6	1,157	103,4	120,4
Павлодарская	0,916	1,033	112,8	1,104	116,8	120,5
ВКО	0,97	1,019	105,1	1,190	113,6	122,7
г. Астана	1,01	1,387	137,3	1,363	98,3	135,0

Четвертая группа (СКР менее 2,0; нетто-коэффициент менее 1,0), в которую входят Костанайская область и г. Алматы, представляет разные варианты развития событий (таблица 3.71). В Костанайской области ситуацию определяет этнический состав населения, следствием чего является старая возрастная структура и эмиграционный отток. В г. Алматы наблюдается постоянный миграционный приток, который в состоянии нейтрализовать низкие показатели СКР и нетто-коэффициента воспроизводства.

Таблица 3.71. Регионы с суммарным коэффициентом рождаемости менее 2,0, ранжирование по 2020 году (группа 4).

Области	2009	2015	2015 к 2009 (%)	2020	2020 к 2015 (%)	2020 к 2009 (%)
РК	2,55	2,74	107,5	3,13	114,2	122,8
Костанайская	1,67	1,79	107,2	1,89	105,6	113,2
г. Алматы	1,83	1,74	95,1	1,86	106,9	101,6

Исходя из динамики развития событий, в перспективе ситуация будет выглядеть по-другому. Миграционные притоки казахской молодежи, уменьшение удельного веса европейских этнических групп, особенно молодежи, приведут к росту показателей как СКР, так и нетто-коэффициента воспроизводства (таблица 3.72).

Таблица 3.72. Регионы с нетто-коэффициентом воспроизводства менее 1,0 и выше, ранжирование по 2020 году

Области	2009	2015	2015 к 2009 (%)	2020	2020 к 2015 (%)	2020 к 2009 (%)
РК	1,190	1,299	109,2	1,502	115,6	126,2
Костанайская	0,785	0,844	107,5	0,907	107,5	115,5
СКО	0,929	0,965	103,9	0,974	100,9	104,8
г. Алматы	0,859	0,824	95,9	0,893	108,4	104,0

Региональные различия суммарного коэффициента рождаемости в 2009 году варьируются от 1,67 в Костанайской области до 3,59 в Туркестанской области, амплитуда региональных колебаний составляла 1,92 пункта. Максимальное значение СКР в этом году выше республиканского уровня в 1,4 раза, а минимальное – ниже в 1,5 раза. Амплитуда «демографических качелей» между максимальным и минимальным значениями составляет 3 раза. В 2020 году максимально высокие показатели отмечены также в Туркестанской области (4,75), а минимальные – в Костанайской области (1,89), амплитуда региональных колебаний значительно

выросла и составила 2,86 пункта. Максимальное значение СКР в 2009 г. и 2020 г. выше уровня среднего по республике в 1,5 раза, минимальное значение – ниже общеказахстанского также в 1,5 раза, амплитуда между максимальным и минимальным значениями составляет 3 раза (таблица 3.73).

Таблица 3.73. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в Казахстане и амплитуды региональных колебаний, 2009–2020 гг.

Год	Максимальное значение СКР	Минимальное значение СКР	Амплитуда региональных колебаний	Среднее значение по республике
2009	3,59 (Туркестанская область)	1,67 (Костанайская область)	1,92 Отношение Max/Min – в 2,2 раза	2,55
2020	4,75 (Туркестанская область)	1,89 (Костанайская область)	2,86 Отношение Max/Min – в 2,5 раза	3,13

Эти данные еще раз подтверждают сформированность устойчивой тенденции в региональных процессах рождаемости: нарастание высокого уровня на юго-западе Казахстана и продолжение снижения низкого уровня рождаемости на северо-востоке страны.

Аналогичным образом складываются тенденции и в процессах воспроизводства населения, что подтверждает динамика нетто-коэффициента и амплитуда региональных колебаний, представленная в таблице 3.74. Максимальное значение нетто-коэффициента в 2009 и 2020 гг. выше уровня среднего по республике в 1,4–1,5 раза, минимальное значение – ниже общеказахстанского в 1,5–1,7 раза, амплитуда между максимальным и минимальным значениями составляет 2,9–3,2 раза.

Таблица 3.74. Динамика нетто-коэффициента воспроизводства в Казахстане и амплитуды региональных колебаний, 2009–2020 гг.

Год	Максимальное значение	Минимальное значение	Амплитуда региональных колебаний	Среднее значение по республике
2009	1,679 (Туркестанская область)	0,785 (Костанайская область)	0,894 Отношение Max/Min – в 2,1 раза	1,190
2020	2,280 (Туркестанская область)	0,893 (г. Алматы)	1,387 Отношение Max/Min – в 2,6 раза	1,502

Региональные данные по суммарному коэффициенту рождаемости и нетто-коэффициенту воспроизводства населения демонстрируют прямо противоположные векторы процессов воспроизводства населения в разных регионах, растет разрыв между показателями воспроизводства населения, идет нарастание полярных тенденций на северо-востоке и юго-западе. Соответственно, сложившаяся ситуация требует ответа в виде взвешенной демографической политики с учетом особенностей протекания процессов воспроизводства населения в регионах.

Таким образом, на развитие процессов воспроизводства большое влияние оказывает этнодемографический фактор. Фактически, на территории Казахстана присутствуют два регионально выраженных исторических типа воспроизводства, являющихся следствием действия социокультурных факторов. Но эти эволюции показателей рождаемости, вызванные социокультурными факторами, порождают риски и угрозы социально-экономического свойства. Демографические и социально-экономические явления слабо взаимообусловлены, рождаемость в Казахстане пока не отражает социально-экономические эволюции населения. Именно в этом несоответствии видится основной источник

нарастания рисков и трансформации их в угрозы, связанные с процессами воспроизводства.

Демографические шкалы как инструмент анализа динамики рождаемости и воспроизводства населения

Для суммарного коэффициента рождаемости были установлены верхние и нижние предельно-критические значения шкалы. За предельно-критическое значение принимаются международные стандарты: уровень рождаемости, соответствующий простому воспроизводству, устанавливается значением 2,22, а кризисную ситуацию характеризует значение СКР выше 4,0 и ниже 2,22 (рисунок 3.97 и 3.98). Исходя из этого, устанавливается следующее значение шкалы:

➤ *Пространство значений до нижней границы: СКР от 2,22 до 3,00, зона безопасности (зелёный цвет);*

➤ *Нижняя граница: СКР от 3,0 до 4,0, зона рисков (жёлтый цвет);*

➤ *Верхняя граница: от 4,0 и выше, ниже 2,22, зона угроз (красный цвет).*

В 2009 году в зону безопасности: от 2,22 до 3,0 вошли четыре области: Актюбинская (2,42), ЗКО (2,35), Акмолинская (2,29) и Алматинская (2,74). В 2020 году в нее вошли ВКО (2,48), Акмолинская (2,55), Павлодарская (2,30), Карагандинская (2,41) и Западно-Казахстанская (2,93) области, а также город Астана (2,84).

В зоне рисков находятся объекты, где суммарный коэффициент рождаемости находится в диапазоне от 3,0 до 4,0 в 2009 году: Мангистауская область (3,22), Атырауская область (3,18), Кызылординская область (3,48), Южно-Казахстанская область (3,59) и Жамбылская область (3,28). В 2020 году из перечисленных остались Кызылординская (3,96), Атырауская (3,86) и Жамбылская (3,96) области, вошла Актюбинская область из зеленой зоны, в ней выросли показатели суммарной рождаемости до 3,14 и город Шымкент (3,66).

В красной зоне угроз находятся объекты, где СКР по международным стандартам ниже 2,22 либо выше 4,0. В 2009 году

области с низкой рождаемостью, не обеспечивающей простого уровня воспроизводства: Павлодарская (1,98), Карагандинская (2,04), Восточно-Казахстанская (2,11), Костанайская (1,67), Северо-Казахстанская (1,99) области и два города Алматы (1,83), Астана (2,15).

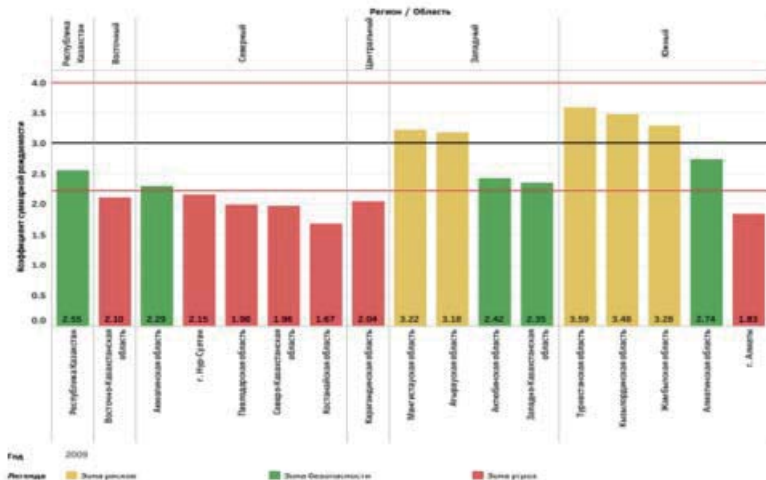

Рисунок 3.97 Шкала демографической безопасности, рисков и угроз по уровню рождаемости населения, СКР, замер 2009 г.
 Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/_16552770961160/2009_1

В 2020 году в большинстве этих объектов уровень рождаемости увеличивается и начинает превышать значение 2,22. Остаются в этой зоне две северные области: Костанайская (1,89), Северо-Казахстанская (2,03) и город Алматы (1,86). Кризисной также считается зона, где находятся объекты выше 4,0. В 2009 году таких объектов не было, за одиннадцать лет произошел высокий рост рождаемости и в красную зону вошли: Туркестанская область (4,75), Мангистауская область (4,26) и Алматинская область (4,03). В перспективе в нее войдут те регионы, где значение приближается к 4, это Жамбылская, Кызылординская и Атырауская области.

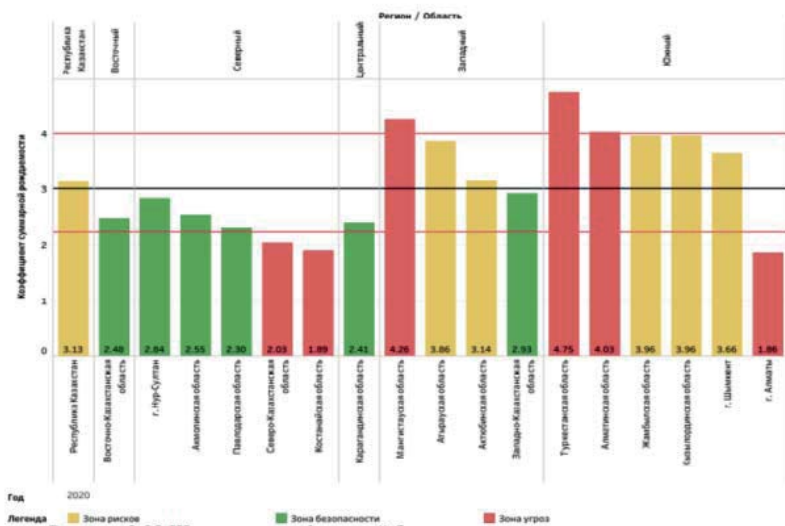

Рисунок 3.98 Шкала демографической безопасности, рисков и угроз по уровню рождаемости населения, СКР, замер 2020 г.
 Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/_16552770961160/2009_1

Для нетто-коэффициента воспроизводства населения были установлены верхние и нижние предельно-критические значения шкалы на основе международных стандартов: кризисную ситуацию характеризует значение выше 2,0 и ниже 1,0 (рисунок 3.99 и 3.100). Исходя из этого, устанавливается следующее значение шкалы:

- Пространство значений до нижней границы: нетто-коэффициент от 1,0 до 1,5, зона безопасности (зелёный цвет); Нижняя граница: нетто-коэффициент от 1,5 до 2,0, зона рисков (желтый цвет);
- Верхняя граница: от 2,0 и выше, ниже 1,0, зона угроз (красный цвет).

В 2009 году в зону относительной безопасности (от 1,0 до 1,5) вошли четыре области: Западно-Казахстанская (1,084), Акмолинская (1,069), Актюбинская (1,119), Атырауская (1,478) и

город Астана (1,01). В 2020 году наряду с ЗКО, Акмолинской областью и городом Астана в нее вошли Карагандинская (1,157), Павлодарская (1,104) и Восточно-Казахстанская области (1,190), которые в 2009 году находились в красной зоне. Вышли из зеленой зоны и передвинулись в зону рисков Атырауская и Актюбинская области.

В зоне рисков находятся объекты, где нетто-коэффициент воспроизводства находится в диапазоне от 1,5 до 2,0: это следующие объекты в 2009 году: Кызылординская (1,900) и Жамбылская (1,901) области. В 2020 году значение рассматриваемого показателя в них увеличилось, также к ним присоединились Атырауская (1,853), Актюбинская (1,507) области и город Шымкент (1,757).

В красной зоне, зоне угроз находятся объекты, где нетто-коэффициент воспроизводства по международным стандартам ниже 1,0 либо выше 2,0. Это в 2009 году области с низкими темпами воспроизводства: Павлодарская (0,916), Карагандинская, Костанайская (0,785), Восточно-Казахстанская (0,97), Северо-Казахстанская (0,929) области и города Алматы (0,859). В 2020 году в большинстве этих объектов уровень воспроизводства населения увеличивается и начинает превышать значение 1,0. Из зоны кризиса выходят Карагандинская, Павлодарская и Восточно-Казахстанская области, остались в красной зоне Костанайская (0,907) и Северо-Казахстанская (0,974) области, а также «южная столица» Казахстана: город Алматы (0,893).

Кризисной считается зона, где находятся объекты с СКР выше 2,0, это южные и западные области Казахстана: в 2009 году таких объектов не было, в 2020 году в нее вошли сразу три области: Туркестанская (2,28), Мангистауская (2,040) и Алматинская (2,0). В перспективе в нее войдут те регионы, где значение приближается к 2, это Жамбылская, Кызылординская и Атырауская области. Шкалы демографической безопасности еще раз демонстрируют резкую поляризацию процессов рождаемости и воспроизводства населения, нарастание этих процессов в динамике.

Комплекс рисков и угроз, связанных с неравномерностью процессов воспроизводства населения.

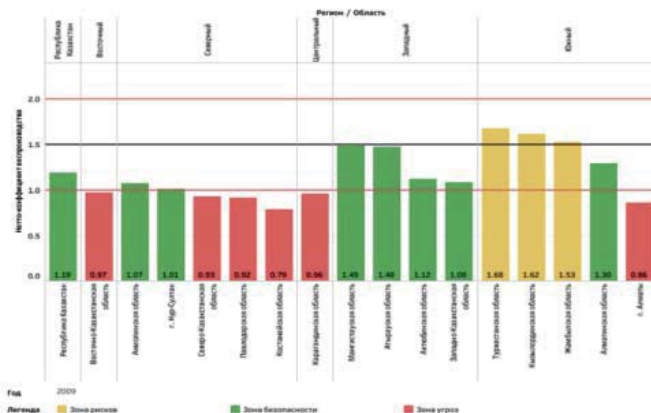

Рисунок 3.99. Шкала демографической безопасности, рисков и угроз по нетто-коэффициенту воспроизводства населения, замер 2009 г.

Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/-_16553678790880/2009_1

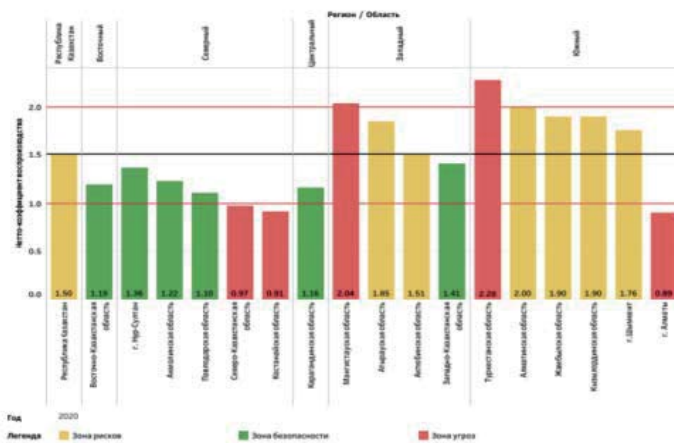

Рисунок 100. Шкала демографической безопасности, рисков и угроз по нетто-коэффициенту воспроизводства населения, замер 2020 г.

Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/-_16553678790880/2009_1

Рождаемость.

Демографические риски:

- деформация возрастной структуры населения;
- увеличение численности городского населения;
- «постарение» рождаемости, увеличение доли детей, рожденных женщинами возраста 30 лет и старше.

Социально-экономические риски:

- ухудшение репродуктивного здоровья женщин;
- увеличение младенческой и материнской смертности;
- проблема перенаселения одних регионов и опустынивание других территорий;
- рост демографической нагрузки детьми, особенно в городах;
- увеличение специфической нагрузки на систему здравоохранения, образования и социального обеспечения;
- социальная напряженность, рост социального иждивенчества и нагрузки на бюджет, социальное и имущественное расслоение.
- снижение доступности и качества здравоохранения, образования и интеллектуального потенциала страны.

Политические (геополитические, внутривнутриполитические) риски:

- увеличение уровня протестности населения;
- кризисы и дестабилизация общественно-политической обстановки.
- потеря контроля над территориями.

Смертность.

Демографические риски:

- повышение младенческой, детской и материнской смертности;
- повышение смертности в молодых возрастных группах;
- высокая смертность населения в трудоспособном возрасте;
- сверхсмертность мужчин, значительное увеличение смертности населения от экзогенных факторов.
- ухудшение показателей здоровья населения,
- уменьшение средней продолжительности жизни.

Социально-экономические риски:

- снижение качества человеческого капитала;
- увеличение специфической нагрузки на систему здравоохранения и социального обеспечения;
- рост дефицита рабочей силы на рынке труда;

Политические (геополитические, внутривнутриполитические) риски:

- снижение качества человеческого капитала;
- опустынивание приграничных территорий.

Естественный прирост.

Демографические риски:

- нарастание региональной социально-демографической поляризации: сокращение или чрезмерное увеличение естественного прироста населения как устойчивые тренды.
- дальнейшее снижение темпов естественного прироста в регионах с невысокой плотностью населения;
- закрепление депопуляционных тенденций;
- нарастание перенаселенности территорий.

Социально-экономические риски:

- увеличение темпов естественного прироста населения в регионах с высокой плотностью на фоне снижения естественного прироста населения в регионах с невысокой плотностью может привести к переселению одних и оголению других территорий;
- рост бюджетных расходов как результат увеличения демографической нагрузки;
- снижение уровня и качества здравоохранения, образования и интеллектуального потенциала страны;
- ухудшение демографической ситуации и здоровья населения.

Политические (геополитические, внутривнутриполитические) риски:

- избыточность населения и перенаселённость территорий в одних регионах, демографическая депопуляция и оголение территорий в других регионах.
- возможная потеря контроля над территорией.

Процессы воспроизводства определяют все стороны жизни

общества и риски, связанные с ними формируют и актуализируют **все виды социальных запросов**, характерных для современного Казахстана и его регионов.

ДИНАМИКА МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

В суверенный период истории тенденции миграционного развития РК претерпели существенные изменения. В конце XX – начале XXI вв. процесс определяли внешние миграции, повлиявшие на изменение этнического состава населения Казахстана. Но реакция внешней миграции на глобальные политические изменения конца XX века была бурной, но недолгой. Серьезных предпосылок для ее активизации сегодня осталось немного. В настоящее время в большинстве регионов страны стабилизировался этнический состав населения, большинством являются представители казахского этноса, пока слабо подверженного эмиграции. Миграционные процессы все более явно определяют внутренние перемещения. Учитывая, что влияние внутренней миграции на социально-экономические, социально-политические процессы будет продолжительным, необходимо выявить основные тенденции процесса, наметившиеся в 2009–2020 гг. и способные продоцировать в перспективе.

Миграционные процессы в настоящее время определяются: урбанизационными явлениями; межрегиональными перемещениями; и, в меньшей степени, внешними миграциями. При этом в регионах данные составные представлены неравномерно. Вследствие того, что основные болевые точки проблем урбанизации, внешней миграции в целом определены, наибольший интерес у авторов вызывает межрегиональный аспект вопроса. Каковы тенденции межрегиональной миграции? Сложились ли региональные особенности процесса? Наметились ли центры постоянного «притяжения» населения и постоянного «отторжения»? Приведут ли сложившиеся параметры функционирования внутренней миграции к проблемам социально-экономического, социально-политического, геополитического свойства? Таким образом, именно в процессах миграции, на наш взгляд, сконцентрированы критерии для определения уровня демографической безопасности Республики Казахстан и выявления основных рисков и угроз, связанных с ними.

Динамика интенсивности сальдо внешней миграции

Региональные особенности протекания процессов внешней миграции требуют их ранжирования. Ниже представлена трех-кластерная классификация интенсивности внешней миграции Казахстана на 2020 г. В первую группу вошли области с низкой интенсивностью отрицательного сальдо миграции – от 0 до 1,5%. Вторую группу составили области со средней интенсивностью отрицательного сальдо внешней миграции – от 1,5 до 3,00%. Третью – области с высокой интенсивностью отрицательного сальдо миграции – от 3,0% и более.

Низкие показатели интенсивности отрицательного сальдо внешней миграции в этой группе определены двумя факторами – этническим и социально-экономическим. В Алматинской, Атырауской, Жамбылской и Кызылординской областях численно доминирует казахское население с невыраженными эмиграционными настроениями (таблица 3.75). Также, эти регионы более привлекательны для кандасов. С учетом того, что внешние миграции во многом зависят от государственных решений (иммиграционная политика), показатели интенсивности внешней миграции в разные годы могут существенно отличаться. Города Астана и Алматы становятся привлекательными не только для казахстанцев, но и жителей других государств. Их приток в значительной мере нейтрализует эмиграционные процессы.

Таблица 3.75. Регионы с низким показателем интенсивности отрицательного сальдо внешней миграции (от 0 до -1,50%), ранжирование по 2020 году.

Области	2009	2015	2020
Казахстан	+0,47	-0,77	-0,95
Алматинская	+1,30	+0,95	-0,07
Атырауская	-2,00	+2,69	-0,01
Жамбылская	+0,96	-0,40	-0,74
Кызылординская	+0,21	-0,06	-0,01

Продолжение таблицы № 3.75			
г. Астана	-0,56	-0,03	-0,65
г. Алматы	+0,07	-0,71	-0,50

Тенденции внешней миграции во второй группе также во многом определяет этнический фактор. Более высокие показатели сложились в областях, где довольно велик удельный вес европейских этнических групп (Акмолинская, Карагандинская, Костанайская, ВКО). В Актубинской области и ЗКО интенсивность отрицательного сальдо внешней миграции невелика и немногим отличается от показателей, характерных для первой группы (таблица 3.76).

Таблица 3.76. Регионы со средним показателем интенсивности отрицательного сальдо внешней миграции (от -1,50 до -3,00 ‰), ранжирование по 2020 году.

Области	2009	2015	2020
Акмолинская	-2,04	-1,43	-2,36
Актубинская	+0,60	-0,74	-1,52
ЗКО	+1,44	-1,16	-1,53
Карагандинская	-1,35	-2,81	-2,74
Костанайская	-2,43	-2,71	-2,93
ВКО	+0,33	-2,52	-2,44

Самые высокие показатели интенсивности отрицательного сальдо внешней миграции – в Павлодарской области и СКО, что подтверждает определяющее влияние на процесс этнического фактора. Усиление миграционных рисков в этих регионах связано с проблемами в социально-экономической сфере (таблица 3.77).

Таблица 3.77. Регионы с высоким показателем интенсивности отрицательного сальдо внешней миграции (-3,0 и более ‰), ранжирование по 2020 году.

Области	2009	2015	2020
Павлодарская	-1,86	-3,92	-3,71
СКО	-3,71	-3,67	-3,21

Положительное сальдо внешней миграции сложилось в трех регионах. В Мангистауской области явление объясняется влиянием «нефтяного фактора», притягивающего население из-за пределов Казахстана. Положительное сальдо в Туркестанской области и г. Шымкент – следствие иммиграционной политики РК (таблица 3.78).

Таблица 3.78. Регионы с положительным показателем интенсивности сальдо внешней миграции, ранжирование по 2020 году, ‰

Области	2009	2015	2020
Мангистауская	+12,01	+4,60	+3,51
Туркестанская	+1,80	+0,21	+0,25
г. Шымкент	-	-	+0,29

Демографические шкалы как инструмент анализа динамики интенсивности внешней миграции

Для анализа интенсивности сальдо внешней миграции были установлены верхние и нижние предельно-критические значения шкалы с учетом диапазона региональных различий (рисунок 3.101 и 3.102). Исходя из этого, установлены следующее значение шкалы:

- *Все положительные значения сальдо внешней миграции в регионах можно отнести к зоне безопасности (зелёный цвет);*
- *Нижняя граница: сальдо внешней миграции от 0 до -3,0‰, зона рисков (жёлтый цвет);*

➤ *Верхняя граница: сальдо внешней миграции от -3,0% и выше, зона угроз (красный цвет).*

В 2009 году в зону демографической безопасности входили девять объектов с положительным сальдо внешней миграции: Мангистауская (+12,01%) Западно-Казахстанская (+1,44%), Актюбинская (+1,44%), Южно-Казахстанская (+1,8%), Алматинская (+1,3%), Жамбылская (0,96%), Восточно-Казахстанская (+0,33%), Кызылординская (+0,21%) области и город Алматы (+1,3%). К 2020 году в этой зоне остались только три объекта: Мангистауская (+3,51%), Туркестанская (+0,25%) области и город Шымкент (+0,29%). Все остальные объекты передвинулись в зону рисков, что демонстрирует тенденцию нарастания миграционных потерь за счет внешней миграции.

В 2009 году в желтой зоне, зоне демографических рисков, находилась все остальные объекты с отрицательным сальдо внешней миграции: от 0 до -3%: Больше людей покинуло эти регионы, чем прибыло в них из-за рубежа: это город Астана (-0,56%), Карагандинская область (-1,35%), Павлодарская область (-1,86%), Атырауская область (-2,0%), Костанайская область (-2,43%) и Северо-Казахстанская область (-3,71%). Обращает на себя внимание то, что отрицательное сальдо внешней миграции присуще северным и восточным областям Казахстана с высокой долей неказахского населения, имеющего больше миграционных предпочтений за рубежом, чем собственно казахское. Однако это не исключает наличие других проблем, связанных с качественной миграцией и вымыванием востребованных специалистов на фоне нехватки квалифицированных кадров, высокой учебной миграцией из этих регионов и запросом на получение образования за пределами Казахстана, а также низкой плотностью населения и опустыниванием приграничных территорий. В 2009 году по установленным предельно-критическим значениям зона угроз отсутствовала. Однако произошедшие изменения в динамике интенсивности внешней миграции обнажили ряд социально-экономических проблем, связанных с ее последствиями.

В 2020 году в зону угроз вошли Павлодарская (-3,71%) и Северо-Казахстанская (-3,21%) области с высоким отрицатель-

ным сальдо внешней миграции, превышающем значение: -3,0%, что еще раз актуализирует не только внутренние проблемы, но и внешние, геополитические. Сложившаяся ситуация требует от государства эффективной реализации программ не только развития, но и укрепления приграничных территорий Казахстана.

Особого внимания заслуживает желтая зона – зона демографических рисков. В нее вошли две группы (таблицы 68 и 69) областей, как западные, южные, так и северо-восточные, центральные области Казахстана вместе с двумя городами республиканского значения (Астана и Алматы).

Следует выделить разные типы рисков, характерные для данных регионов, которые могут нарастать на фоне усиления или уменьшения интенсивности сальдо внешней миграции в них. Так, низкий уровень публичной протестности населения в северных и восточных регионах может компенсироваться высокими миграционными настроениями и выездом из страны. В то время как в западных и южных регионах, где отмечается низкое отрицательно миграционное сальдо, происходит компенсация внешней миграции высокой внутренней миграцией, прежде всего, в свои региональные центры притяжения населения, затем в мегаполисы. Что приводит к замыканию населения в «границах» своих регионов и возрастанию рисков социальных взрывов на фоне нерешаемых социальных и экономических проблем региона.

Риски и угрозы, связанные с отрицательным сальдо внешней миграции (потери социального потенциала и капитала).

Демографические риски:

- эмиграционные потери репродуктивной части населения;
- деформация возрастной структуры за счет снижения численности молодых и трудоспособных возрастных групп.

Социально-экономические риски:

- увеличение демографической нагрузки на трудоспособное население;
- снижение показателей социального капитала;
- снижение конкуренции на рынке труда;
- потенциальные потери в области инновационного развития экономики и культуры.

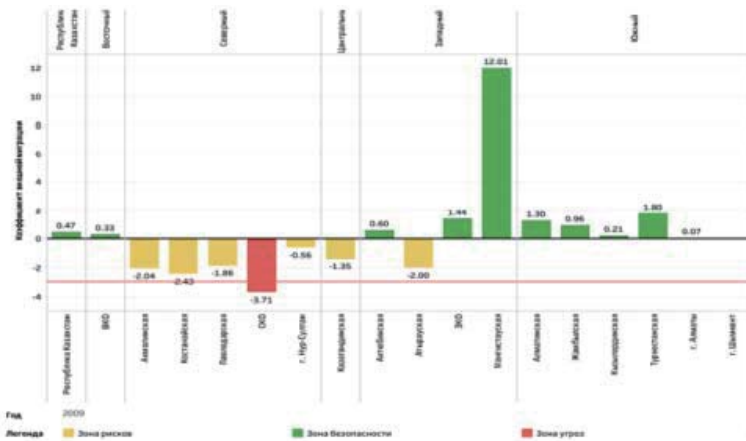

Рисунок 3.101 Шкала демографической безопасности, рисков и угроз по интенсивности внешней миграции, замер 2009 год.
 Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/_16576313324630/sheet1

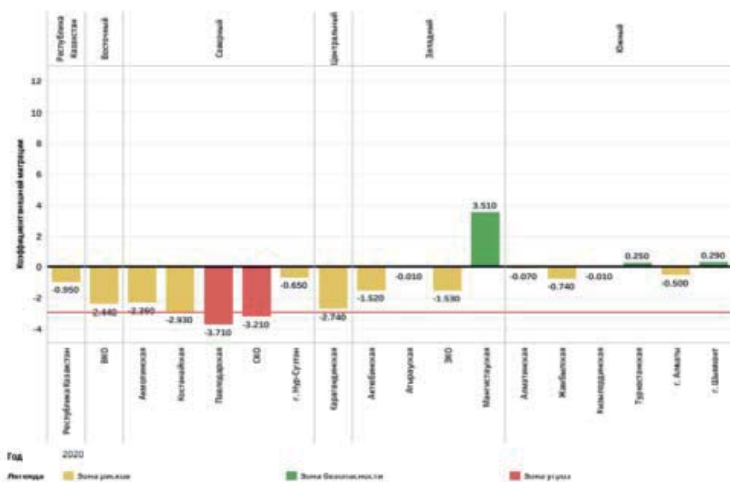

Рисунок 3.102 Шкала демографической безопасности, рисков и угроз по интенсивности внешней миграции, замер 2020 год.
 Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/_16576313324630/sheet1

Политические риски:

- снижение международного имиджа страны, ее миграционной привлекательности;
- формирование тренда на непрерывный однонаправленный транзит на трансграничных территориях.

Остро актуальными являются социальные запросы на:

- формирование установок на «возвратную» внешнюю миграцию за счет создания благоприятного социально-экономического и социокультурного климата не только в «точках роста», но и в регионах;
- изменение реального вектора социально-экономического развития с центростремительного на региональный;
- поддержка молодежных инициатив в сфере социально-экономического развития регионов;
- внесение необходимых изменений в налоговое законодательство, которые повысят привлекательность экономической деятельности для малого и среднего бизнеса с привлечением молодежи.

Динамика интенсивности сальдо внутренней миграции

Рассмотрим теперь интенсивность внутренней миграции и связанные с этим риски. Для этого процессы внутреннего передвижения населения также необходимо ранжировать. В первую группу вошли области с низкой интенсивностью отрицательного сальдо внутренней миграции – от 0 до 3,50‰ (таблица 3.79). Во вторую группу вошли области со средним показателем интенсивности отрицательного сальдо внутренней миграции – от 3,51 до 7,00‰ (таблица 3.80). Третью группу составили области с высокими показателями интенсивности отрицательного сальдо внутренней миграции – 7,01‰ и более (таблица 3.81).

Группы с низким и средним показателями интенсивности отрицательного сальдо внутренней миграции этнически неоднородны, ситуацию во многом определяет социально-экономический фактор.

Таблица 3.79. Регионы с низким показателем интенсивности отрицательного сальдо внутренней миграции (от 0 до -3,50 ‰), ранжирование по 2020 году.

Области	2009	2015	2020
Актюбинская	-5,49	-1,91	-0,35
Атырауская	+0,43	-0,05	-2,23
ЗКО	-1,87	+0,27	-2,35
Костанайская	-3,44	+1,24	-2,92
Павлодарская	-1,55	+0,45	-1,91

Таблица 3.80. Регионы со средним показателем интенсивности отрицательного сальдо внутренней миграции (от -3,50 до -7,00‰), ранжирование по 2020 году.

Области	2009	2015	2020
Акмолинская	-8,91	+4,97	-4,64
Карагандинская	-0,52	-0,27	-3,72
Кызылординская	-4,52	-4,29	-5,88
СКО	-5,79	-2,71	-4,79
ВКО	-4,70	-3,02	-6,20

Высокий показатель интенсивности отрицательного сальдо внутренней миграции в Алматинской, Жамбылской и Туркестанской областях обусловлен совпадением этнического, демографического и социально-экономического факторов. В данных регионах большинством населения являются представители казахского этноса. Вследствие высокой рождаемости и молодой возрастной структуры здесь наиболее остро проявляются социально-экономические проблемы.

Таблица 3.81 Регионы с высоким показателем интенсивности отрицательного сальдо внутренней миграции (7,00% и более), ранжирование по 2020 году.

Области	2009	2015	2020
Алматинская	+0,67	-5,97	-7,70
Жамбылская	-7,02	-7,70	-8,94
Туркестанская	-5,80	-5,20	-10,01

В группу с положительным сальдо внутренней миграции в течение многих лет входят одни регионы: города республиканского значения и нефтедобывающая Мангистауская область (таблица 3.82). Тенденция концентрации населения в нескольких административных единицах чревата негативными социально-экономическими последствиями.

Таблица 3.82. Регионы с положительным показателем интенсивности сальдо внутренней миграции, ранжирование по 2020 году, %

Области	2009	2015	2020
Мангистауская	+6,80	+1,13	+1,14
г. Шымкент	-	-	+10,64
г. Алматы	+10,54	+25,54	+21,03
г. Астана	+53,22	-2,89	+22,54

Демографические шкалы как инструмент анализа динамики интенсивности сальдо внутренней миграции

Для анализа интенсивности сальдо внутренней миграции были установлены верхние и нижние предельно-критические значения шкалы с учетом диапазона региональных различий (рисунки 3.103 и 3.104). Исходя из этого, установлены следующее

значение шкалы:

➤ Минимальные отрицательные значения сальдо внутренней миграции от 0 до -3,5‰ в регионах можно отнести к зоне безопасности (зелёный цвет);

➤ Нижняя граница: сальдо внутренней миграции от -3,5‰ и выше, зона рисков (желтый цвет);

➤ Верхняя граница: все положительные значения сальдо внутренней миграции необходимо рассматривать как зону угроз (красный цвет).

В 2009 году в зону демографической безопасности вошли четыре области с низкими отрицательными показателями сальдо внутренней миграции от 0 до -3,5‰: это Карагандинская (-0,52‰), Павлодарская (-1,55‰), Западно-Казахстанская (-1,87‰) и Костанайская (-3,44‰) области. В 2020 году их количество выросло и наряду с ЗКО, Костанайской и Павлодарской в нее вошли Актюбинская (-0,35‰) и Атырауская (-2,23‰) области. Карагандинская область перешла в зону рисков.

В зоне демографических рисков в 2009 году находилась объекты со средним и высоким отрицательным сальдо интенсивности внутренней миграции от -3,5‰ и выше: Кызылординская (-4,52‰), ВКО (-4,7‰), Южно-Казахстанская (-5,8‰), Актюбинская (-5,49), СКО (-5,79‰), Жамбылская (-7,02‰) области. И наиболее высокое отрицательное значение можно отметить в Акмолинской области, оно составило (-8,91‰). В 2020 году в пространстве миграционных рисков остаются все эти объекты, кроме Актюбинской, и входят новые: Карагандинская область из зеленой зоны и Алматинская область из красной зоны. Причем амплитуда колебаний в этой зоне имела диапазон от +0,67‰ в 2009 году до -8,94‰ в 2020 году.

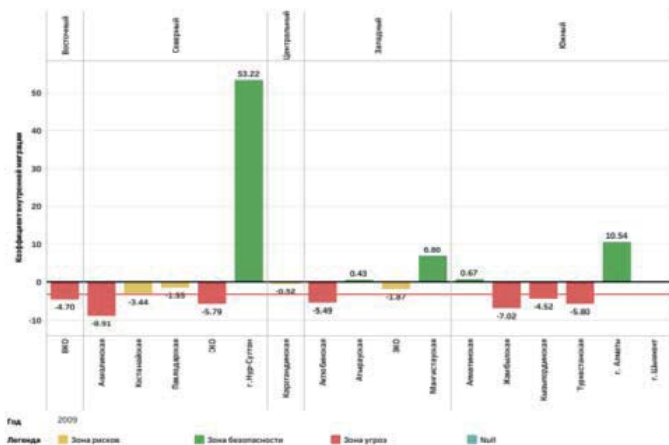

Рисунок 3.103 Шкала демографической безопасности, рисков и угроз по интенсивности внутренней миграции, замер 2009 год.
 Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/_16548709405120/sheet3

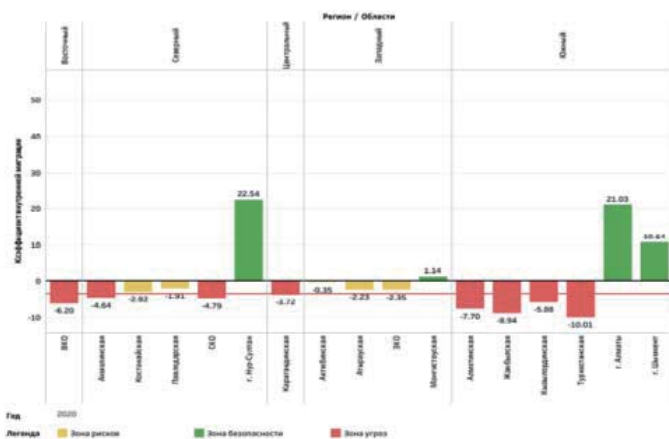

Рисунок 3.104 Шкала демографической безопасности, рисков и угроз по интенсивности внутренней миграции, замер 2020 год.
 Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/_16548709405120/sheet3

В зону угроз вошли все объекты с положительным сальдо внутренней миграции: города республиканского значения; нефтедобывающая Мангистауская область; плотно заселенная Алматинская область и Атырауская область в 2009 году. Через одиннадцать лет в ней остались г. Алматы (+21,03%), г. Шымкент (+10,64%), г. Астана (+22,54%) и Мангистауская область (+1,14%). Причем интенсивность в южной столице Казахстана увеличилась в 2 раза. Такая тенденция концентрации населения в одних и тех же точках роста: мегаполисах и области с ограниченными ресурсами для проживания людей чревата негативными социально-экономическими последствиями, в том числе имеющих потенциал социальных конфликтов.

Динамика интенсивности сальдо миграции по всем потокам

Классификация регионов Казахстана по внешней и внутренней миграции в совокупности. В первую группу вошли области с низкими показателями интенсивности отрицательного сальдо миграции по всем потокам, обозначенных в диапазоне от 0‰ до 4,0‰ (таблица 3.83). Во вторую группу вошли области со средними показателями интенсивности отрицательного сальдо миграции – от 4,1‰ до 8,0 ‰ (таблица 3.84). Третью группу составили области с высокими показателями интенсивности отрицательного сальдо – 8,1‰ и более (таблица 3.85).

Таблица 3.83. Регионы с низким показателем интенсивности отрицательного сальдо миграции по всем потокам (от 0‰ до -4,0‰), ранжирование по 2020 году.

Области	2009	2015	2020
Казахстан	+0,47	-0,77	-0,95
Актюбинская	-4,89	-2,64	-1,87
Атырауская	+3,12	+0,32	-2,24
ЗКО	-0,43	-0,89	-3,38

Таблица 3.84 Регионы со средним показателем интенсивности отрицательного сальдо миграции по всем потокам (от -4,1‰ до -8,0‰), ранжирование по 2020 году.

Области	2009	2015	2020
Казахстан	+0,47	-0,77	-0,95
Акмолинская	-10,95	+3,54	-7,00
Алматинская	+1,97	-5,01	-7,77
Карагандинская	-1,87	-3,08	-6,46
Костанайская	-5,87	-1,47	-5,84
Кызылординская	-4,31	-4,35	-5,89
Павлодарская	-3,42	-3,47	-5,62
СКО	-9,50	-6,38	-7,99

Таблица 3.85 Регионы с высоким показателем интенсивности отрицательного сальдо миграции по всем потокам (-8,1‰ и более), ранжирование по 2020 году.

Области	2009	2015	2020
Казахстан	+0,47	-0,77	-0,95
Туркестанская	-4,00	-4,99	-9,76
ВКО	-4,37	-5,54	-8,64
Жамбылская	-6,05	-8,10	-9,68

Интенсивность отрицательного сальдо миграции по всем потокам суммирует показатели внутренней и внешней миграции и, фактически, фиксирует некую негативную иерархию регионов.

Регионы с положительным сальдо интенсивности миграции по всем потокам

Классификация регионов с положительным сальдо интенсивности миграции по всем потокам. В первую группу вошли об-

ласти с низкими показателями положительного сальдо миграции по всем потокам, обозначенные в диапазоне от 0‰ до 10,0‰ (таблица 3.86). Во вторую группу вошли регионы со средними показателями положительного сальдо миграции – от 10,1‰ до 20,0‰ (таблица 3.87). Третью группу составили регионы с высоким уровнем интенсивности положительного сальдо миграции – 20,0‰ и более (таблица 3.88).

Вследствие того, что определяющее влияние на миграционные процессы по всем потокам имеет внутренняя миграция, регионы предпочтения остаются прежними – Астана, Алматы, Шымкент и Мангистауская область.

Таблица 3.86. Регион с положительным сальдо интенсивности миграции по всем потокам (от 0‰ до 10,0‰), ранжирование по 2020 году.

Области	2009	2015	2020
Казахстан	+0,47	-0,77	-0,95
Мангистауская	+18,81	+5,73	+4,65

Таблица 3.87. Регион с положительным сальдо интенсивности миграции по всем потокам (от 10,1‰ до 20,0‰), ранжирование по 2020 году.

Области	2009	2015	2020
Казахстан	+0,47	-0,77	-0,95
г. Шымкент	-	-	+10,93

Таблица 3.88. Регион с положительным сальдо интенсивности миграции по всем потокам (от 20,0‰ и более), ранжирование по 2020 году.

Области	2009	2015	2020
Казахстан	+0,47	-0,77	-0,95

Продолжение таблицы № 3.88			
г. Астана	+52,66	-2,92	+21,89
г. Алматы	+10,61	+24,82	+20,53

Удельный вес потоков миграции

Таблицы построены на основе удельного веса отрицательно-го сальдо внутренней и внешней миграции в 2020 г. во всех потоках отрицательного сальдо миграции. Критерии групп определялись через призму показателей внутренней миграции. В первую группу вошли области, где удельный вес внутренней миграции находится в диапазоне от 0% до 40,0% в общем потоке миграции (таблица 3.89). Вторую группу составили области, где удельный вес внутренней миграции в общем потоке миграции составляет от 40,01% до 80,0% (таблица 3.90). В третью группу определены области, в которых удельный вес внутренних миграций более 80,0% (таблица 3.91).

Таблица 3.89. Регионы с удельным весом внутренней миграции в общей миграции от 0% до 40,0%, ранжирование по 2020 году.

Области	Отрицательное сальдо по всем потокам	В том числе	
		Отрицательное сальдо внутренней миграции	Отрицательное сальдо внешней миграции
Актюбинская	100	18,7	81,3
Павлодарская	100	34,0	66,0

Актюбинская и Павлодарская области – единственные в РК, где миграционные процессы определяет внешняя миграция. Вызывает вопросы ситуация в Актюбинской области. Для ответа на них ситуацию надо рассматривать в течение более длительного времени.

Таблица 3.90. Регионы с удельным весом внутренней миграции в общей миграции от 40,0% до 80,0%, ранжирование по 2020 году.

Области	Отрицательное сальдо миграции по всем потокам	В том числе	
		Отрицательное сальдо внутренней миграции	Отрицательное сальдо внешней миграции
ЗКО	100	60,6	39,4
Карагандинская	100	57,6	42,4
Костанайская	100	50,0	50,0
СКО	100	59,9	40,1
ВКО	100	71,1	28,9
Акмолинская	100	66,3	33,7

Во вторую группу вошли, в основном, области северо-восточного Казахстана. Эволюции этнического состава приводят к преобладанию показателей внутренней миграции. Внешняя миграция уже не определяет суть процесса.

Таблица 3.91. Регионы с удельным весом внутренней миграции в общей миграции более 80,0%, ранжирование по 2020 году.

Области	Отрицательное сальдо миграции по всем потокам	В том числе	
		Отрицательное сальдо внутренней миграции	Отрицательное сальдо внешней миграции
Алматинская	100	99,1	0,9
Атырауская	100	99,6	0,4
Жамбылская	100	92,3	7,7
Кызылординская	100	99,8	0,2

Группу 3 представляют области с высоким удельным весом молодого казахского населения, стремящегося устроить свою жизнь в РК (таблица 3.91).

В группу 4 входят регионы, где в 2020 г. наблюдалось поло-

жительное сальдо как во внутренней, так и во внешней миграции (таблица 3.92).

Таблица 3.92. Регионы с удельным весом внутренней миграции в общей миграции в регионах с положительным сальдо интенсивности миграции (%), ранжирование по 2020 году.

Области	Положительное сальдо миграции по всем потокам	В том числе	
		Положительное сальдо внутренней миграции	Положительное сальдо внешней миграции
Мангистауская	100	75,5	24,5
г. Шымкент	100	97,3	2,7

В Туркестанской области, городах Астана и Алматы сальдо внутренней миграции было положительным, внешней – отрицательным. Вследствие этого определить удельный вес видов миграции в общем потоке миграции невозможно.

В целом неконтролируемая внутренняя миграция (сверхконцентрация в нескольких «точках роста»; формирование социокультурных анклавов на этнической основе) приводит к возникновению следующих рисков и угроз.

Демографические риски:

- нарастание региональной демографической поляризации;
- рост плотности и сверхконцентрация населения в отдельных «точках роста»
- дальнейшее снижение плотности населения в малонаселенных регионах

Социально-экономические риски:

- острый дефицит жилья и инфраструктуры в густонаселенных регионах;
- нарастание дисфункций базовых социальных институтов здравоохранения и образования;
- отставание темпов экономического роста от роста численности населения;
- рост безработицы, в том числе молодежной;

- рост социального неравенства и снижение качества жизни;
- формирование социокультурных этнических анклавов;

Политические риски:

- нарастание внутренних социокультурных противоречий;
- поляризация цивилизационных сценариев;
- превалирование социокультурной/этнической идентичности над гражданской;
- формирование социокультурных этнических анклавов со сниженной гражданской идентичностью;
- межкультурные конфликты и радикализация молодежи;
- конфликты на почве экономического неравенства, перерастающие в политические акции;
- дестабилизация общественно-политической ситуации.

Эти риски определяют основные векторы социальных запросов:

- равномерное развитие всех областных центров, средних и крупных городов в регионах с учетом закономерностей процессов урбанизации;
- изменение реального вектора социально-экономического развития с центростремительного на региональный;
- поддержка молодежных инициатив в сфере социально-экономического развития регионов;
- внесение необходимых изменений в налоговое законодательство, которые повысят привлекательность экономической деятельности для малого и среднего бизнеса с привлечением молодежи в региональных центрах.

Таким образом, тенденции миграционного движения в Казахстане определяют процессы внутренней миграции. В течение последних лет векторы явления не менялись – население Казахстана концентрируется в нескольких административных единицах. В большинстве регионов Казахстана сложилось отрицательное сальдо как внешней, так и внутренней миграции. Это свидетельствует о неравномерности социально-экономического развития Республики Казахстан и способно привести к крайне негативным социальным последствиям, вплоть до угрозы национальной безопасности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В первые годы суверенитета вопросы этнодемографического развития Казахстана воспринимались через призму геополитических проблем. Большая слабозаселенная территория, низкий удельный вес в составе населения представителей казахского этноса, соседство с «демографическими гигантами» (Китай и Россия) предполагали сделать ставку на быстрый рост численности населения. Демографический кризис 1990-х гг. еще более укрепил веру руководства страны в правильности избранной стратегии. Достижение поставленной задачи (25 миллионов человек в 2030 г.)¹⁵⁴ было возможным только при условии высокого естественного прироста и активной иммиграционной политики.

В начале XXI в. зафиксированы первые успехи: «... На фоне роста рождаемости и притока казахов на историческую родину постепенно преодолены этнодемографические диспропорции прошлых десятилетий».¹⁵⁵ Тем не менее, задача роста численности населения оставалась актуальной: «...Одним из показателей успешной деятельности акимов должен стать рост численности населения на вверенной ему территории, в том числе за счет притока оралманов».¹⁵⁶ На государственном уровне рост численности населения однозначно воспринимался как положительное достижение, критерий успеха. «Количественная стратегия» не потеряла своего значения и в последующем: «Мы должны выработать общенациональные подходы к вопросам демографического и в целом человеческого развития в Казахстане. Необходимо пропагандировать семейные ценности, культивировать образ семьи и брака, примеры многодетности. Считаю, что нормой преуспевающей семьи должна быть многодетность. Так и было испокон веков у всех народов. Богатство человека измерялось наличием детей».¹⁵⁷

154. Стратегия «Казахстан -2030».

155. Назарбаев Н. Вечный зов и знамение времени. Речь на III Всемирном курултае казахов // Рудный Алтай, 2005, 8 октября.

156. Там же.

157. Назарбаев Н. Женщина – основа мира и стабильности. Выступление на V Форуме женщин страны// Казахстанская правда. 2009. 6 марта.

Таким образом, основой суверенной стратегии демографического развития являлась этнодемографическая ситуация, сложившаяся в советскую эпоху. В настоящее время задача решена - уровень рождаемости увеличивается, количество этнических иммигрантов превысило 1 миллион человек, численность населения, большинством которого является казахский этнос, приближается к 20 миллионам. Можно констатировать, что оформилась демографическая система, действующая на суверенной основе. В результате, прежняя стратегия, базирующаяся на количественных параметрах с целью ликвидации «этнодемографических перекосов» прошлого, вступает во все большее противоречие с современными реалиями. Необходим поиск новых подходов, позволяющих адекватно характеризовать сложившуюся демографическую ситуацию. И на этой основе разрабатывать новую демографическую стратегию.

В первую очередь важно определить систему критериев, отражающих/фиксирующих социально-экономические, региональные и другие особенности современной демографической системы. Многие проблемы национальной безопасности скрыты уже внутри этой системы.

Многие вопросы демографической безопасности возникли потому, что демография являлась инструментом для решения других проблем, в первую очередь геополитических. Но с течением времени все более явно заявляет о себе и социально-экономический фактор. Выясняется, что динамика развития компонентов демографической безопасности (демография, политика, экономика) разная. И если с точки зрения геополитики быстрый рост численности населения можно оценивать как благо, то с точки зрения экономики это серьезная проблема, ведущая к обострению социального самочувствия все большего количества людей.

Разрешить противоречие может то, что детерминирующей идеей станет не экономика или политика, а демографическая составляющая. Необходимо создание системы индикаторов, основывающихся на классических демографических параметрах, через призму которых будет оцениваться политическая, социально-экономическая ситуация (возрастно-половая структура

населения, воспроизводство, миграции). Рассмотрение демографических составляющих в контексте социально-экономических явлений довольно четко фиксирует зоны вызовов, рисков и угроз, возможную динамику их развития. Важным является то, что для регионов Республики Казахстан набор проблемных вариантов существенно, а иногда и кардинально, различается.

Основной проблемой демографической безопасности РК, на наш взгляд, является выраженная региональная дифференциация демографического развития и нарастание поляризации («демографические качели»), вызванные многими факторами: этнический состав; возрастно-половая структура населения; различные типы рождаемости; миграционные процессы, в первую очередь массовое движение в города республики и отдельные регионы и т. д.

Сверхзадачей демографической политики государства является сведение к минимуму поляризации развития процессов народонаселения. Важно не только реагировать на существующие риски и вызовы, но и создавать условия, препятствующие разбалансированию суверенной демографической системы и способствующие нивелированию демографических качелей.

ГЛОССАРИЙ

Абсолютная численность населения — количество людей, которые в данный момент проживают на определенной территории.

Возрастно-половая пирамида — график (гистограмма), иллюстрирующий возрастно-половое распределение населения. По вертикальной оси, начиная с возраста 0 лет, откладывается возраст в одно- или пятилетних возрастных интервалах. Последний возрастной интервал, как правило, открытый.

По горизонтальной оси откладывается или численность населения соответствующей возрастной группы, или ее доля (в процентах) во всем населении или в населении данного пола. При этом мужское население всегда изображается слева от оси возраста, а женское — справа.

Возрастная структура населения — распределение населения по различным возрастным группам.

Возрастно-половая структура населения — абсолютное число или доля населения, приходящаяся на каждую возрастно-половую группу.

Воспроизводство населения — постоянное возобновление поколений через процессы рождаемости и смертности.

Городское население — население, проживающее в городских поселениях. Соотношение численности городского и сельского населения характеризует степень урбанизированности страны или района, хотя эти показатели по странам не вполне сопоставимы из-за разных критериев отнесения поселений к городским.

Демографическая нагрузка — содержание обществом нетрудоспособного населения.

Демографический взрыв — резкое ускорение темпов увеличения численности населения.

Демографический переход — концепция о смене традиционного (расширенного) на современное (суженное) воспроизводство населения.

Депопуляция — устойчивое сокращение численности насе-

ления страны или территории как результат превышения смертности над рождаемостью.

Демографическая политика — деятельность государства, направленная на регулирование процессов воспроизводства населения.

Демографические риски — в широком смысле понятие «риск» рассматривается как ситуация, имеющая неопределенный исход при обязательном наличии неблагоприятных последствий. При сочетании определенных обстоятельств риск содержит в себе и потенциал благополучного исхода, однако в первую очередь анализ рисков предпринимается для того, чтобы снизить вероятность наступления потерь, убытков, ущерба.

Демографические угрозы — это явления и тенденции, вследствие возникновения и развития которых происходят негативные количественные и качественные изменения в состоянии населения, оказывающие отрицательное воздействие на устойчивое развитие страны. Демографическая угроза представляет собой состояние крайнего обострения противоречий, которое может нести угрозу жизненно важным интересам личности, общества, страны, а в критической ситуации может повлечь за собой нарушение территориальной целостности государства.

Демографическая безопасность — понятие рассматривают как неотъемлемую составную часть национальной безопасности, как защищенность социально-экономического развития страны от демографических угроз, обеспечивающую как минимум сохранение геополитического, экономического, этнического и иного status-quo государства. Демографическая безопасность — понятие относительно новое, оно стало объектом изучения лишь в последние десятилетия и непосредственно связывается с понятием устойчивого развития - sustainable development. Наряду с ориентацией на научно-технический прогресс, рациональное использование природных ресурсов, инвестирование в социальный капитал, демографическая безопасность входит в число стратегических приоритетов глобального, мета регионального и национального развития.

Демографическое старение или старение населения —

увеличение в населении доли пожилых и старых людей (в возрастах старше 60 или 65 лет).

Демографическое омоложение — увеличение доли детей (0–14 лет) или молодых людей в общей численности населения. Основными факторами Д. о. могут служить рост рождаемости и сокращение младенческой и детской смертности. Учитывая эволюцию демографических процессов в различных странах, описываемую концепцией демографического перехода, данный процесс имеет, как правило, временный характер и сменяется затем общей закономерностью изменения возрастной структуры - демографическим старением. Для отдельных районов демографическое омоложение может быть вызвано интенсивной иммиграцией молодых людей.

Естественный прирост населения — разность между числом родившихся и умерших людей на данной территории за определенный период времени.

Иммиграция — въезд (вселение) в страну на постоянное или временное (как правило, длительное) проживание граждан др. страны.

Коэффициент демографической нагрузки — число лиц в возрасте 0—15 лет и в возрасте 60 лет и старше на 1000 человек населения в возрасте 16—59 лет. Служит для выражения соотношения экономически и социально неактивного населения и трудоспособного населения и характеризует «нагрузку» на экономику непроизводительного населения.

Различают три вида коэффициента демографической нагрузки:

- 1) отношение общего числа детей и стариков к численности трудоспособного населения,
- 2) отношение численности детей к численности трудоспособного населения,
- 3) отношение численности стариков к численности трудоспособного населения.

Математические методы в демографии, служат для количественного и качественного анализа демографических процессов, используются при расчёте различных демографических показате-

телей.

Методы изучения миграции — совокупность специальных приёмов изучения факторов показателей миграционной подвижности населения и её социального механизма. Основа - непосредственная регистрация каждого отдельного случая передвижения как в месте выбытия мигрантов, так и в месте их прибытия. Этим путём определяется число прибывших и выбывших для поселения за определенный период, с характеристикой состава мигрантов и направлений миграции. Наряду с применением прямого метода учёта миграционных процессов используются и косвенные, расчётные, методы.

Миграционное поведение — один из видов поведения демографического, совокупность действий или поступков, которые логически приводят к миграции населения, вследствие чего меняются некоторые или большинство характеристик жизненного положения мигранта. В процессе изучения миграционного поведения познаются социально-психологические закономерности индивидуального, группового и массового отношения к перемещению места жительства.

Миграционный поток — совокупное число мигрантов (или миграций), имеющие общие районы прибытия и выбытия в течение данного отрезка времени; один из показателей направления миграции.

Нетто-коэффициент воспроизводства населения — количественная мера замещения материнского поколения дочерним. Рассчитывается как среднее число дочерей, рожденных женщиной за всю жизнь и доживших до возраста матери в момент их рождения при данных повозрастных уровнях рождаемости и смертности. Нетто-коэффициент воспроизводства населения равен брутто-коэффициенту воспроизводства населения, скорректированному с помощью чисел, доживающих из таблицы смертности.

Общий коэффициент рождаемости - число рождений в населении за период, деленное на общее число человеколет, прожитых населением за этот период, или на среднее население. Обычно выражается как число рождений на 1000 населения. Для

одногодичных периодов времени общий коэффициент рождаемости рассчитывается как отношение годового числа рождений к среднегодовому населению.

Общий коэффициент смертности — число смертей в населении за период, деленное на общее число человеколет, прожитых населением за этот период, или на среднее население. Обычно выражается как число смертей на 1000 населения. Для одногодичных периодов времени общий коэффициент смертности рассчитывается как отношение годового числа смертей к среднегодовому населению.

Перепись населения — единый процесс сбора, обобщения, оценки, анализа и публикации или распространения иным образом демографических, экономических и социальных данных, относящихся по состоянию на определенное время ко всем лицам в стране или четко ограниченной части страны.

Плотность населения — общая величина численности населения территории, деленная на ее площадь. Обычно выражается в количестве человек на 1 км².

Региональная структура населения — в территориальных классификациях - состав населения по экономическим, демографическим и другим социальным признакам, разновидность географической структуры населения.

Репродуктивное поведение — система действий и отношений, опосредующих рождение ребенка в браке или вне брака.

Репродуктивная установка — психический регулятор поведения, предрасположенность личности, определяющая согласованность разного рода действий, обусловленных положительным или отрицательным отношением к рождению определенного числа детей.

Расширенное воспроизводство — увеличение численности поколения детей по сравнению с численностью поколения родителей или превышение численности иммигрантов над численностью стабильного населения.

Сальдо миграции — нетто-миграция, чистая миграция, миграционный прирост населения, механический прирост населения, разность между числом прибывших на какую-либо террито-

рию и числом выбывших из нее за определенный срок (квартал, год, межпереписной период и т. д.); показатель результата территориального перемещения населения. Различают сальдо внешней миграции и сальдо внутренней миграции; положительное, отрицательное и нулевое сальдо миграции.

Смертность — массовый статистический процесс вымирания поколения или населения, складывающийся из множества единичных смертей, наступающих в различных возрастах.

Соотношение полов — показатель, равный отношению численности мужчин, приходящихся на 100 или 1000 женщин, или (реже) отношению численности женщин, приходящихся на 100 или 1000 мужчин. Различают первичное (соотношение мужских и женских гамет в момент зачатия), вторичное (см. Вторичное соотношение полов) и третичное (соотношение численностей мужчин и женщин в репродуктивных возрастах) соотношение полов.

Суммарный коэффициент рождаемости, или коэффициент суммарной рождаемости — обобщающий показатель интенсивности рождаемости гипотетического поколения, не зависящий от возрастной структуры. Равен сумме повозрастных коэффициентов рождаемости (откуда и название). Характеризует среднее число детей, которое родила бы женщина гипотетического поколения за всю свою жизнь при условии отсутствия смертности и сохранения в течение всей ее жизни повозрастных коэффициентов рождаемости данного года.

Суженное воспроизводство — воспроизводство, при котором численность поколения родителей значительно превышает численность поколения детей или миграционный приток не компенсирует численность умерших.

Тип воспроизводства населения — исторический тип воспроизводства населения, категория, отражающая общность наиболее важных качественных черт воспроизводства населения в более или менее сходных исторических, экономических, социальных и др. условиях.

Урбанизация — исторический процесс повышения роли городов в развитии общества, который охватывает изменения в размещении производительных сил, прежде всего в расселении

населения, его социально-профессиональной, демографической структуре, образе жизни, культуре и т. д. Урбанизация представляет собой многосторонний социально-экономический, демографический и географический процесс, происходящий на основе исторически сложившихся форм общественного и территориального разделения труда. В более узком, демографо-статистическом понимании урбанизация - это рост городов, особенно больших, повышение удельного веса городского населения в стране, регионе, мире (т. н. урбанизация нас.)

Феминизация — в демографии: изменение состава населения по полу в сторону увеличения доли женщин.

Эмиграция — выезд из страны в другое государство на постоянное жительство с целью получения его гражданства.

При составлении ГЛОССАРИЯ использовались:

- 1) В. М. Медков. «Демография». - М. 2004.
- 2) Демографический энциклопедический словарь. - М., 1985.
- 3) Народонаселение: Энциклопедический словарь. - М., 1994.
- 4) Manual X. Indirect Techniques for Demographic Estimation. Annex XII. United Nation. N.Y., 1983.
- 5) Multilingual Demographic Dictionary. English Section. 2nd Ed. Liege, 1982.
- 6) Он-лайн демографический словарь // <https://rus-demography-dict.slovaronline.com/>
- 7) Алексеенко Н. В. Статические источники по демографии Казахстана. - Усть-Каменогорск, 1999.

ИСТОЧНИКИ

1. База данных (Демографическая информационная система) https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/2009-2020__16480262761190/Sheet1
2. Всесоюзная перепись населения 1959 г. - Москва, СССР: Госстатиздат, 1962. – 202 с.
3. Доклад о миграции в мире. 2020 год. Международная организация по миграции (МОМ). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://publications.iom.int/system/files/pdf/final-wmr_2020-ru.pdf (дата обращения 31.07.2022).
4. Демографические ежегодники Республики Казахстан за 2004 - 2019 гг. Комитет по статистике министерства национальной экономики Республики Казахстан [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://stat.gov.kz/edition/publication/collection> (дата обращения 13.06.2022).
5. Демографический ежегодник. 1990. Госкомстат СССР. - М.: Финансы и статистика. 1990. - 639 с.
6. Демографический ежегодник Казахстана. Алматы, 1996. - 93 с.
7. Демографический ежегодник Казахстана 1998. - Алматы. 1998, - С. 43.
8. Демографический ежегодник Казахстана // под ред. Ю.К. Шокаманова. - Алма-Ата, 2005. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.stat.gov.kz/> (дата обращения 12.09.2020).
9. Демографический ежегодник регионов Казахстана: стат. сб. / под редакцией Б. Султанова. - Алматы: РИИЦ, 2006. - 548 с.
10. Демографический ежегодник Казахстана / под ред. Н.С.Айдапкелова. - Астана, 2017. – 297 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.stat.gov.kz/> (дата обращения 12.09.2020).
11. Демографический ежегодник Казахстана 2019. Министерство национальной экономики РК. Комитет по статистике. - Астана, 2020. - 277 с.
12. Демографический ежегодник Казахстана 2020. Министерство национальной экономики РК. Комитет по статистике. -

Астана, 2021. - 265 с.

13. Естественное движение населения Республики Казахстан //Бюллетень 2019 год. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.stat.gov.kz (дата обращения 15.11.2020).

14. Занятость населения в Республике Казахстан. Итоги национальной переписи населения 2009 г. в Республике Казахстан.: стат.сб. в 3-х т. / под ред. А.А. Смаилова. - Астана: РИИЦ, 2010. - 155 с.

15. Закон «О национальной безопасности в РК» от 26.06.98г. (с изм. от 28.04.2000г., 20.12.2004г., 9.01.2007г., 7.08.2007г.).

16. Закон «Об иммиграции», от 26 июня 1992 года № 1437 (Внесены изменения Законом РК № 154–1 от 11.07.97.)

Утратил силу в соответствии с Законом РК от 13.12.97 г. № 205–1.

17. Закон Республики Казахстан «О правовом положении иностранцев» от 19 июня 1995 года N 2337.

18. Закон Республики Казахстан «О беженцах» от 4 декабря 2009 года № 216-IV.

19. «Закон о миграции населения» от 22 июля 2011 года № 477-IV.

20. «Законом о национальной безопасности РК» (2012 г., изменения 2021 г.).

21. Женщины и мужчины Казахстана 2012–2016: стат. сб. - Астана: ТОО «Big Dream», 2010. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://gender.stat.gov.kz/file/WomenAndMan.pdf> (дата обращения 15.11.2020).

22. Интерактивная демографическая карта Казахстана // https://demography-kz.shinyapps.io/demography_ru/ (авторское свидетельство А. Мэуліт, А. Б. Нугуманова, Ж. С. Аубакирова, А. Н. Алексеенко, Э.О. Столярова Интерактивная демографическая карта. Свидетельство о внесении сведений в государственный реестр прав на объекты, охраняемые авторским правом №21423 от 5 ноября 2021 года).

23. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года по Казахской ССР. Пол, возраст и состояние в браке (раздел 2). - Алма-Ата: Республиканский информационно-издательский центр,

1990. - 221 с.

24. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года по Казахской ССР. Раздел 1. Часть 2. Численность и размещение населения. - Алматы: Республиканский информационно-издательский центр, 1994. - 387 с.

25. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Национальный состав населения Казахской ССР, областей и города Алма-Аты. – Алма-Ата: Республиканский информационно-издательский центр, 1991. – 166 с.

26. Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан: стат. сб. / под ред. А. Смаилова. - Алматы, 2000. – 237 с.

27. Концепция демографической политики до 2025 года Российской Федерации от 2007 года [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms> (дата обращения 07.10.2020).

28. Концепция достойного труда. Международной организации труда, [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/genericdocument/wcms_312020.pdf (дата обращения 07.08.2022).

29. Концепция семейной политики Литвы от 2008 года [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.ltv.lv/litovskoje_vremia/13-koncepcija-semejnoj-politiki-gosudartsva.html (дата обращения 12.11.2020).

30. Концепциями миграционной политики Республики Казахстан на 2007–2015 гг. (2007 г.), на 2017–2021 годы. (2017 г.), на 2022–2026 годы (2022 г.)

31. Коэффициент суммарной рождаемости, 1950-2019 // Демоскоп Weekly. - 2021. - № 905—906 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/app/world_tfr.php (дата обращения 15.05.2022).

32. Коэффициент суммарной рождаемости в Республике Казахстан. – Демографическая статистика. Динамические таблицы. 13.06.2022. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/61/statistic/8>.

33. Миграция населения Республики Казахстан // Бюллетени с 2009–2020 гг. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://>

stat.gov.kz (дата обращения 15.11.2021).

34. Многоязычная база демографических данных Казахстана «<http://statdata.info>».

35. Народное хозяйство Казахстана в 1987 г. Статистический ежегодник. - Алма-Ата, 1988. – 384 с.

36. Народное хозяйство Казахстана в 1968 году: стат. сб. - Алма-Ата, 1970. - 368 с.

37. Народонаселение Казахстана. 2000: сб. материалов по вопросам народонаселения. – Алматы: РИИЦ, 2000. - 365 с.

38. Население Республики Казахстан по национальностям, полу и возрасту. Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан: стат. сб. Т. 4, Ч. 1. - Алматы: РИИЦ, 2000. - 184 с.

39. Население Республики Казахстан по состоянию в браке. Итоги переписи населения 1999 г. в Республике Казахстан: стат. сб. - Алматы: РИИЦ, 2000. - 173 с.

40. Население Республики Казахстан. Итоги национальной переписи Республики Казахстан. 2009 г.: стат. сб.: Т. 1. - Астана: РИИЦ, 2011.- 194 с.

41. Национальный состав Республики Казахстан. Том 4, часть 1. Население Республики Казахстан по национальностям, полу и возрасту. Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан: стат. сб. / под ред. А. Смаилова. - Алматы, 2000. – 237 с.

42. Национальный состав, вероисповедание и владение языками. 2009 год: стат. сб. - Астана, 2010. –87 с.

43. Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан. Итоги переписи населения 2009 года в Республике Казахстан: стат. сб. / Под ред. А. А. Смаилова - Астана, 2010. –123 с.

44. Образование в Республике Казахстан. Итоги национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 г.: статист. сб. / под ред. А. А. Смаилова. – Астана, 2011. – 203 с.

45. О демографической безопасности Республики Беларусь: закон [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30548483 (дата обращения 15.11.2020).

46. О концепции по вхождению Казахстана в число 30 самых развитых государств мира. Указ Президента РК от 17.01.2014

№732 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000732> (дата обращения 10.10.2020).

47. О национальной безопасности в Республике Казахстан: закон [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1200000527> (дата обращения 15.11.2020).

48. О проекте Указа Президента Республики Казахстан «Об утверждении прогнозной схемы территориально-пространственного развития страны до 2030 года». Постановление Правительства Республики Казахстан от 23 августа 2019 года №652 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000625> (дата обращения 10.10.2020).

49. Перепись населения Республики Казахстан 2009 года. Краткие итоги: стат. сб. / Под ред. А. А. Смаилова. - Астана, 2010. – 197 с.

50. Постановление Правительства Республики Казахстан от 16 сентября 1998 года № 900. О Концепции репатриации этнических казахов на историческую родину.

51. Постановление Правительства Республики Казахстан от 24 декабря 2019 года № 967 «Об установлении региональной квоты приема оралманов и переселенцев на 2020 год».

52. Постановление Правительства РК «Об определении регионов для расселения оралманов» от 20 марта 2014 года № 248. Утратило силу постановлением Правительства Республики Казахстан от 18 февраля 2016 года № 83.

53. Постановление Кабинета Министров Казахской ССР «О порядке и условиях переселения в Казахскую ССР лиц коренной национальности, изъявивших желание работать в сельской местности, из других республик и зарубежных стран» от 18 ноября 1991 года N 711. Утратило силу - постановлением Правительства РК от 9 декабря 2005 года N 1224 (P051224).

54. Постановление Правительства РК от 30 марта 2011 года №293 «О признании утратившим силу Постановления Правительства РК от 17 августа 2000 г. №1272 «О Концепции государственной демографической политики РК». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://kodeksy-kz.com/norm_akt/source-Правительство/type-Постановление/293-30.03.2011.htm (дата обраще-

ния 15.05.2022).

55. Постановление Правительства РК от 17 августа 2000 года №1272 «О концепции государственной демографической политики Республики Казахстан» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P000001272> (дата обращения 10.10.2020).

56. Постановление Правительства РК «Об утверждении отраслевой Программы миграционной политики Республики Казахстан на 2001–2010 годы» (2001 г.)

57. Постановление Правительства РК «Правила въезда и пребывания иностранных граждан в Республике Казахстан, а также их выезда из Республики Казахстан» от 21 января 2012 года № 148.

58. Постановление Правительства Республики Казахстан «Об утверждении Правил въезда и пребывания иммигрантов в Республике Казахстан, а также их выезда из Республики Казахстан и Правил осуществления миграционного контроля, а также учета иностранцев и лиц без гражданства, незаконно пересекающих Государственную границу Республики Казахстан, незаконно прибывающих на территории Республики Казахстан, а также лиц, которым запрещен въезд на территорию Республики Казахстан (2012 г., с изменениями 2020 г.).

59. Предварительные данные за 2009 год: стат. сб. - Астана, 2010. – Режим доступа: // www.stat.gov.kz.

60. Приказ Агентства по миграции и демографии Республики Казахстан «Инструкция о порядке определения статуса репатрианта (оралмана), реэмигранта, переселенца, а также вынужденного переселенца» (1999 г.).

61. Приказ Министра труда и социальной защиты населения Республики Казахстан от 22 июля 2013 года № 329-Ө-М «Об утверждении Правил присвоения или продления статуса оралмана» (изменен 2020 г.).

62. Приказ и.о. Министра здравоохранения и социального развития Республики Казахстан «Об утверждении Правил и условий выдачи и (или) продления разрешений работодателям на привлечение иностранной рабочей силы, а также осуществления

внутрикорпоративного перевода» (2016 г., изменен 2020 г.).

63. Предварительные данные за 2009 год: стат. сб. - Астана, 2010. - С.20. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: // www.stat.gov.kz.

64. Прогнозная схема территориально-пространственного развития страны до 2020 года. Указ Президента Республики Казахстан от 21 июля 2011 года №118 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1100000118> (дата обращения 10.10.2020).

65. Программа демографического развития РК на 2001–2005 годы // Казахстанская правда. 2001, 8 ноября.

66. Статистический сборник по отдельным показателям все-союзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. - Алма-Ата: Республиканский информационно-издательский центр, 1991. - 76 с.

67. Численность и размещение населения в Республике Казахстан. Итоги переписи населения 1999 г. в Республике Казахстан: стат. сб.: Т. 1. - Алматы: РИИЦ, 2000. - 213 с.

68. Численность населения Казахстана по отдельным этносам на начало 2019 г. Комитет по статистике Министерства национальной экономики [Электронный ресурс]. - Режим доступа:

https://data.egov.kz/api/v4/kazakhstan_respublikasy_halkyny/v3?apiKey=yourApiKey (дата обращения 13.06.2022).

69. Этнодемографический ежегодник Казахстана: стат. сб. / под ред. Ю.К. Шокаманова. - Алматы: РИИЦ, 2006. - 440 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абашин С. И здесь, и там: транснациональные аспекты миграции из Центральной Азии в Россию // Восток на Востоке, в России и на Западе: сб.ст. - Санкт-Петербург, 2016. - С. 159–176.
2. Александров Ю.Г. Казахстан перед барьером модернизации. - М.: Институт Востоковедения РАН, 2013. - 288 с.
3. Алексеенко Н. В., Алексеенко А.Н. Население Казахстана за 100 лет (1897-1997 гг.). - Усть-Каменогорск, Казахстан: Издательство ВКТУ, 1999. – 158 с.
4. Алексеенко А.Н. Первая перепись населения в суверенном Казахстане: некоторые итоги и оценки // Материалы конференции: Миграция в СНГ и Балтии: через различия проблем к общему информационному пространству. - Москва, Россия: Издательское товарищество «АдамантЪ», 2001. - С.82-98.
5. Алексеенко А. Этнодемографические эволюции и проблема формирования суверенного социокультурного пространства Республики Казахстан //Этнодемографические процессы в Казахстане. Учебное пособие. / Алексеенко А.Н., Аубакирова Ж.С. - Алматы, 2020. - С. 152-176.
6. Алёхова А. Выехавшие на ПМЖ казахстанцы забрали из ЕНФП почти 100 млрд.тенге // 365 инфо - 2019, 4 марта.
7. Алимов М. Россия высасывает из Казахстана главное – его будущее // Central Asia Monitor - 2019, 7 января.
8. Амосов И. Влияние демографических процессов на национальную безопасность России. - М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2019. - 200 с.
9. Аракелова М.П., Богданов С.В. Семейная политика в странах Балтии: проблемы и перспективы развития в контексте европейского опыта // Вестник МГУ, серия №21 Управление (государство и общество). - 2010. - №3. - С. 147-165.
10. Асанбаев М. Анализ внутренних миграционных процессов в Казахстане: выводы, меры, рекомендации. - Алматы: Прин Экспресс, 2010 - 234 с.
11. Асылбеков М.Х., Галиев А.Б. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917–1980). - Алма-Ата, Казахстан:

ГЫЛЫМ, 1991. - 185 с.

12. Асылбеков М.Х., Козина В.В. Казахи (демографические тенденции 80-90-х годов). - Алматы, Казахстан: Өркениет, 2000. - 102 с.

13. Аубакирова Ж.С. Анализ демографической безопасности Казахстана: потенциал, риски и угрозы // Отан тарихы. - 2016. - №2 (74). - С. 80–88.

14. Аубакирова Ж.С. Воспроизводство населения Казахстана: Этнорегиональный аспект. - Усть-Каменогорск, 2010. - 190 с.

15. Аубакирова Ж. С. Демографическое развитие и безопасность Казахстана (2000–2015 гг.): SWOT - анализ // Вестник НАН РК. - 2016. - №3. - С. 79-88.

16. Аубакирова Ж.С., Алексеенко А.Н. Казахи в контексте демографической истории. - Астана, 2020. – 400 с.

17. Ахмет Б. Что заставляет кандасов становиться оралманами - зов крови или нужда? //Qmonitor. 2021, 5 февраля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://qmonitor.kz/politics/800> (дата обращения 10.10.2020).

18. Ахмат О. Новый рекорд рождаемости в Казахстане будет установлен по итогам 2021 года // NURKZ - 2022, 3 февраля.

19. Ашимбаев М.С., Курганбаева Г.А., Музапарова Л.М., Гусева Л.Ю., Калиева Д.К., Дмитриенко Т.А., Сейдуманов С.Т. Современная демографическая ситуация в Казахстане. - Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2004. - 60 с.

20. Байхожа Ж. Многодетные семьи в Казахской ССР и в Казахстане: почувствуйте разницу // Central Asia Monitor. 2019. 7 февраля.

21. Бантикова О.И. Демографическое состояние как реальная и потенциальная угроза устойчивому развитию общества // Взаимодействие реального и финансового секторов в трансформационной экономике: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 02-03 февраля 2006. - Оренбург: ОГУ, 2006. - С. 92 - 97.

22. Бочкарева И., Панарин С. Трансграничные мигранты в восприятии российских студентов (по материалам экспресс - опросов в трех университетах) // Восток на Востоке, в России и

на Западе: сб.ст. - Санкт-Петербург, 2016. - С. 107-123.

23. Вааль Т. Большая численность населения городов не гордость, а проблема // Власть - 2019, 8 октября.

24. Варшавер Е., Рочева А. Интеграция мигрантов на локальном уровне. Западный и российский опыт // Восток на Востоке, в России и на Западе: сб.ст. - Санкт-Петербург, 2016. - С.194-213.

25. Глава Бюро нацстатистики освобожден от должности // Kazakhstan today. 2022, 24 января.

26. Григоричев К.В., Зимовина Е.П. Беженцы и вынужденные мигранты. Международные правовые документы и законодательство Республики Казахстан: сб. документов / составители: К.В. Григоричев, Е.П. Зимовина. - Караганда: Экожан, 2004. - 224 с.

27. Демографическое развитие Украинской ССР (1959-1970 гг.). - Киев: Наукова думка, 1977. - 221 с.

28. Депутат назвал «критическим» масштаб оттока молодых специалистов из Казахстана // Exclusive. Kz - 2021, 28 апреля.

29. Джандосова Ж. Повлияет ли новая миграционная политика России на миграцию из Казахстана? // 365 инфо - 2018, 17 ноября.

30. Дубров А.М., Мхитарян В.С., Трошин Л.И. Многомерные статистические методы. - М.: Финансы и статистика, 1998. - 352 с.

31. Дятлов В. Восток на Востоке России: китайские мигранты в переселенческом обществе (позднеимперская и постсоветская эпохи) // Восток на Востоке, в России и на Западе: сб.ст. - Санкт-Петербург, 2016. - С. 124-144.

32. Есимова А.Б. Семейно-родственные связи как социальный капитал в реализации репродуктивного поведения // Вестник ПГУ. Серия гуманитарная. Павлодар. - 2010. - №2. - С. 8-14.

33. Есимова А.Б. Социальный капитал и генеративное/репродуктивное поведение женщин: поиск взаимосвязи // Сборник докладов апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. - Москва: НИУ- ВШЭ, 2012. - Кн. 2. - С. 327-336.

34. Жанузаков А. Рекордная рождаемость зафиксирована в Казахстане в 2020 г. //365 инфо - 2021, 21 февраля.

35. Жанузаков А. «Технари», экономисты и педагоги покида-

ют Казахстан – статистика // 365 инфо - 2019, 5 марта.

36. Жусупбекова Т. Дефицит школ грозит Казахстану после рекорда по рождаемости // Казахстанская правда - 2021, 15 апреля.

37. Зайончковская Ж. Перед лицом иммиграции // Миграция в России. - Т.1.Ч.2. - С.117-128.

38. Зайончковская Ж., Тюрюканова Е. Иммиграция: путь к спасению или троянский конь? // Миграция в России. 2000–2012: хрестоматия: в 3 т. / под ред. И.С. Иванова - М.: Спецкнига, 2013. - Т.1, Ч. 1. - 880 с.

39. Иванов Р. Почему материнская смертность зашкаливает? // 365 инфо - 2021, 29 июня.

40. Иванов Р. Половине населения в нынешней экономической модели нет места // 365 инфо - 2020, 19 ноября.

41. Индустриализация по-казахстански: минус 28 процентов за двадцать лет // Exclusive. kz. - 2021, 9 февраля.

42. Казахстан - 2030 Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев. Послание Президента страны народу Казахстана 1997 года [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K970002030_ (дата обращения 05.07.2022).

43. Кайгородцев А.А. Анализ экономической безопасности Казахстана // Вестник КАСУ. - 2007. - №4. - С.191 - 198.

44. Кайсар А. Безработицу среди молодежи нельзя назвать низкой, и она будет только расти. Насколько высока безработица среди молодежи, каковы ее особенности и почему она вырастет в ближайшие 10 лет // Власть - 2021, 3 марта.

45. Карманов М.В., Карманова А.М., Смелов П.А. Особенности интегральной оценки уровня демографической безопасности общества // Экономика, статистика и информация. - 2009. - №4. - С.116 - 119.

46. Карманов М.В., Кучмаева О.В., Петрякова О.Л. Демографическая безопасность: теория, методология и оценка // Экономика, статистика и информация, 2015. - №4. - С.123 - 127.

47. Киселева Т. Миграционный потенциал казахстанцев очень низкий – эксперты // 365 инфо - 2019, 15 февраля.

48. Кожирова С.Б. Китайская миграция в Казахстане: реальность и проблемы // Вестник Евразийского гуманитарного института. - 2006. - №3. - С. 25-32.

49. Кожирова С.Б. Китайская миграция и проблемы безопасности Республики Казахстан // Материалы Международной конференции «Модернизация системы государственного управления в РК: основные приоритеты и механизмы реализации». - Астана, 2006. - С. 29-38.

50. Кожирова С.Б. Китайская миграция как фактор национальной безопасности Республики Казахстан // Материалы республиканской научно-практической конференции «Непрерывное профессиональное образование в условиях дистанционной и кредитной технологии обучения». - Караганда, 2008. - Т. 1. - С. 124-128.

51. Королев А., Мамаев М. Казахстану удалось справиться с демографическими вызовами [Электронный ресурс] // Литер. - 2011. - 21 октября (№196). – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31070219. (дата обращения 05.11.2020).

52. Курганская В., Дунаев В. Стратегические приоритеты и региональные аспекты этнодемографической политики Республики Казахстан // Социальный портрет современного казахстанского общества: сб. ст. - Астана-Алматы, Казахстан: ИМЭП, 2016. - С.111-112.

53. Кырыкбаева Э.О. Демографические и миграционные угрозы для национальной безопасности Казахстана [Электронный ресурс]. - Режим доступа:http://конференция.com.ua/files/image/konf%2010/konf%2010_1_11.pdf (дата обращения 05.10.2020).

54. Мардас Д.М. Рождаемость как критерий и фактор преодоления демографических угроз // Вопросы организации и информатизации здравоохранения. - 2020. - № 1 (102). - С. 4 - 9.

55. Методические рекомендации и информационные материалы для организаторов проведения всемирного дня охраны труда. – Москва, -2007.- 13 с.

56. Методология анализа демографической безопасности и миграции населения / Эпштейн М.В., Егорова Е.А., Карманов М.В., Смелов П.А., Карманов А.М. - М.: Финансы и статистика,

2013. - 168 с.

57. Миграционная ситуация в странах СНГ / под ред. Ж.А. Зайчиковской. - М., 1999. - 288 с.

58. Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е годы / под ред. Ж.А. Зайчиковской. - М., 1999. - 358 с.

59 Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, последствия, перспективы / под ред. Г. Витковской. - Москва: Московский Центр Карнеги, 1996. -146 с.

60. Мустафина А. «Роди мне ребенка, роди мне сына!» - в Казахстане рожают вопреки запретам // 365 инфо - 2019, 7 ноября.

61. Мушанов Р.М. Основные угрозы демографической безопасности государств постсоветского пространства // Вестник КазНУ, серия Философия, политология, культурология. - 2010. - №2 (35). - С. 53 - 57.

62. Назарбаев Н. Вечный зов и знамение времени. Речь на III Всемирном курултае казахов // Рудный Алтай, 2005, 8 октября.

63. Назарбаев Н. Женщина – основа мира и стабильности. Выступление на V Форуме женщин страны// Казахстанская правда. 2009, 6 марта.

64. Науханов Д. Народ стал иждивенцем // 365 инфо - 2021, 28 июня.

65. Науханов Д. «К 2030 году русских в стране практически не останется // 365 инфо - 2020, 29 ноября.

66. Никитенко П. Демографическая безопасность и внешняя миграция населения // Общество и экономика. - 2008. - № 6. - С. 3 -11.

67. Никитенко П.Г., Ермашкевич В.И., Кулаков Г.Т. и др. Проблемы экономической безопасности Белоруссии. - Минск: ИООО «Право и экономика», 2001. - 224 с.

68. Никулина Ю., Нижник Н. Правовые средства обеспечения демографической политики в странах Западной Европы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2012. - №1(53). - С. 38-45.

69. Нурша А. Новые тенденции в идеологии России: вызовы для Казахстана? / Ин-т мировой экономики и политики (ИМЭП) при Фонде Первого Президента Республики Казахстан. - Астана -

Алматы: ИМЭП, 2014. - 68 с.

70. Нуршаихова Ж. Стратегический ресурс Казахстана – молодежь [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://strategy2050.kz/ru/news/strategicheskiy-resurs-kazakhstan-molodezh/>.

71. Омирбек А. Многодетность: грани ответственности и безответственности не только родителей, но и государства; // Central Asia Monitor - 2019, 19 февраля.

72. Панарин С.А., Бочкарева И.Б. Восток на Востоке, Восток на Западе и Восток в России: миграция – адаптация – идентичность // Восток. - 2015. - №3. - С. 160-166.

73. Полетаев Д. Изменение практик поведения трудовых мигрантов из Средней Азии в Россию // Восток на Востоке, в России и на Западе: сб.ст. - Санкт-Петербург, 2016. - С.177-193.

74. Политика иммиграции и натурализации в России: состояние дел и направления развития. Аналитический доклад / под ред. С.Н. Градиrowsкого, Фонд «Наследие Евразии». - М., 2005. - 310 с.

75. Попов А.В., Калачикова О.Н. Интегральные индексы в оценке демографической безопасности территорий // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. - 2015. № 4 (46) - С.56 - 66.

76. Проблемы экономической безопасности Беларуси / Никитенко П.Г., Ермашкевич В.И., Кулаков Г.Т. и др. - 2001. – Минск: ИООО «Право и экономика», 2001. - 224 с.

77. Проект «Серпін-2050»: особенности и показатели развития [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://strategy2050.kz/ru/news/51615> (дата обращения 09.08.2022).

78. Региональные особенности воспроизводства и миграции населения в СССР.- М.: Изд-во «Наука», 1981. - 267 с.

79. Роль демографической нагрузки на трудоспособное население для национальной экономики [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://studbooks.net/2162747/ekonomika/rol_demograficheskoy_nagruzki_trudosposobnoe_naselenie_natsionalnoy_ekonomiki (дата обращения 09.08.2022).

80. Рыбаковский Л.Л. Демографическая безопасность // Безопасность Евразии. - №3. - 2003. - С.154 - 186.

81. Рысмамбетов Р. «Седые премьеры, лысые акимы». О нищете близ Алматы, Нур-Султана и Туркестана высказался эксперт // 365 инфо - 2021, 6 июня.

82. Савин И. Вызовы нелегальной трудовой миграции: реальность и мифы // Трансграничные вызовы национальному государству: сб. статей. - СПб.: Интерс-социс, 2015. - С. 166 -190.

83. Садовская Е.Ю. Китайская миграция в Республику Казахстан. Традиции Шелкового пути и новые векторы сотрудничества. - Алматы: Раритет, 2014. - 444 с.

84. Садовская Е.Ю. Международная трудовая миграция в Центральной Азии в начале XXI века (на примере Республики Казахстан). - М.: Восточная книга, 2013. - 576 с.

85. Сарбасова А. На пять мечетей приходится шесть школ. Какое будущее мы строим нашим детям? // Qmonitor - 2021, 30 июня.

86. Сарсембаева Г. А. Возрастная структура казахского этноса в 1999–2009 гг. // Сборник трудов XIV Международной научно - практической конференции: Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. - Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2014. - С.159-165.

87. Сарсембаева Г. А. Особенности влияния половозрастной структуры наиболее многочисленных этносов Казахстана в период 1989-2006 гг. // Четвертые научные чтения памяти Е. М. Залкинда: материалы международной научной конференции: Сибирь, Центральная Азия и Дальний Восток: актуальные вопросы истории и международных отношений. - Барнаул, Россия: Аз-Бука, 2009. - С.159-165.

88. Сейдахметова Б. «Беременная стоит одной ногой в могиле» - факты о материнской смертности в Казахстане // 365 инфо - 2020, 20 февраля.

89. Скибан О. Токаев: не допускать иждивенчества и воспитывать трудолюбие. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.zakon.kz/4984647-tokaev-ne-dopuskat-izhdivenstva-i.htm> (дата обращения 15.05.2022).

90. Слоботчиков О.Н. Демографическая политика государства и ее влияние на военный потенциал Российской Феде-

рации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://science.ng.ru/demography/2001-06-20/6_greatness.htm (дата обращения 15.11.2020).

91. Смелов П.А., Карманов М.Б., Дударев В.Б., Зареченский А.М. Методология экономико-статистического исследования демографической безопасности и здоровья общества [Электронный ресурс]. - 2009. - Режим доступа: <http://mba.mesi.ru/upload/iblock/c54/978-5-7764-0585-3.pdf> (дата обращения 12.09.2020).

92. Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии: материалы конференции / Моск. центр Карнеги Carnegieendowmentforintern. Peace / под ред. Г. Витковской. - Москва, 1998. - 229 с.

93. Социальные установки молодежи NEET в Казахстане. Социологическое исследование / Руднева Е.А., Урпекова А.Г. – привлеченный эксперт: НИЦ «Молодежь», Астана, 2020. – 70 с.

94. Сугирбаева М. «Казахстан: особенности национальной кадровой политики //Vision.kz -2019, 4 марта.

95. Султанмуратов Н. Процесс урбанизации в вопросе демографического перехода в казахском обществе // Социальный портрет современного казахстанского общества: сб. ст. 2-й выпуск. ИМЭП. - Астана-Алматы, 2016. - С. 75-98.

96. Сыроежкин К.Л. Нужно ли Казахстану бояться Китая: мифы и фобии двусторонних отношений. - Астана - Алматы: ИМЭП, 2014. - 431 с.

97. Тастанова Л. Все лучшее — семьям // Время - 2021, 9 июля.

98. Татиля К. Географическое положение Казахстана и шанс на его исторический прогресс // Qmonitor - 2020, 24 ноября/

99. Татиля К. Миграция из Казахстана: в чем корень проблемы, и нужно ли с ней мириться // Central Asia Monitor - 2019, 19 февраля.

100. Татимов М.Б. Развитие народонаселения и демографическая политика (социально-философские аспекты системного изучения и комплексной разработки).- Алма-Ата, Казахстан: Наука, 1978. - 143 с.

101. Татимов М.Б. Социальная обусловленность демографи-

ческих процессов. - Алма-Ата, Казахстан: Наука, 1989. - 125 с.

102. Татимов М.Б. Половозрастная структура, брачность и размер семьи народов Средней Азии и Казахстана // Проблемы народонаселения. - Москва, Россия, 1970. - С.304-307.

103. Тиводар С.И. Политико-правовое конструирование демографической безопасности. - Ростов н/Д: РЮИ МВД России, 2007. - 167 с.

104. Тимурова А. НЕЕТ: нет работе и нет учебе [Электронный ресурс]. - 2018. - Режим доступа: <https://inbusiness.kz/ru/news/neet-net-rabote-i-uchebe>. (дата обращения 09.08.2022).

105. Трансграничные вызовы национальному государству / Под ред. С. Панарин. - СПб.: Интерс-социс, 2015. - 390 с.

106. Федоров Г.М. Научные основы концепции геодемографической обстановки. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. - 177 с.

107. Хорев О. Демографическая безопасность России и ее регионов: проблемы и пути их решения // Вестник финансового университета. - 2014. - № 3. - С. 14 - 25.

108. Хорев Б.С., Безнадежных Т.И., Гаврина А.Б. Общие и региональные особенности демографических процессов в современной России. - СПб.: Б.и., 1994. - 75 с.

109. Хорев Б. С., Волынская Б. Н., Данилова И. А. и др. Размещение населения в СССР. Региональный аспект динамики и политики народонаселения / под ред. Б.С. Хорева. - М.: Мысль, 1986. - 220 с.

110. Хорев Б. С., Ходжаев Д. Г., Авдеев Ю. А. и др. Проблемы расселения в СССР (социально-демографический анализ сети поселений и задачи управления). - М.: Статистика, 1980. - 255 с.

111. Демографический ежегодник Казахстана. - Алматы: Казинформцентр, 1996. - 250 с.

112. Эпштейн М.В., Егорова Е.А., Карманов М.В., Смелов П.А., Карманов А.М. Методология анализа демографической безопасности и миграции населения. - М.: Финансы и статистика, 2013. - 168 с.

113. Cincotta R., Madsen E.L. Bangladesh and Pakistan: Demographic Twins Grow Apart // New Security Beat is the blog of the Wilson Center's. - October 10, 2018. [Электронный ресурс] - Pe-

жим доступа: <https://www.newsecuritybeat.org/2018/10/bangladesh-pakistan-demographic-twins-grow> (дата обращения 15.11.2020).

ПРИЛОЖЕНИЕ

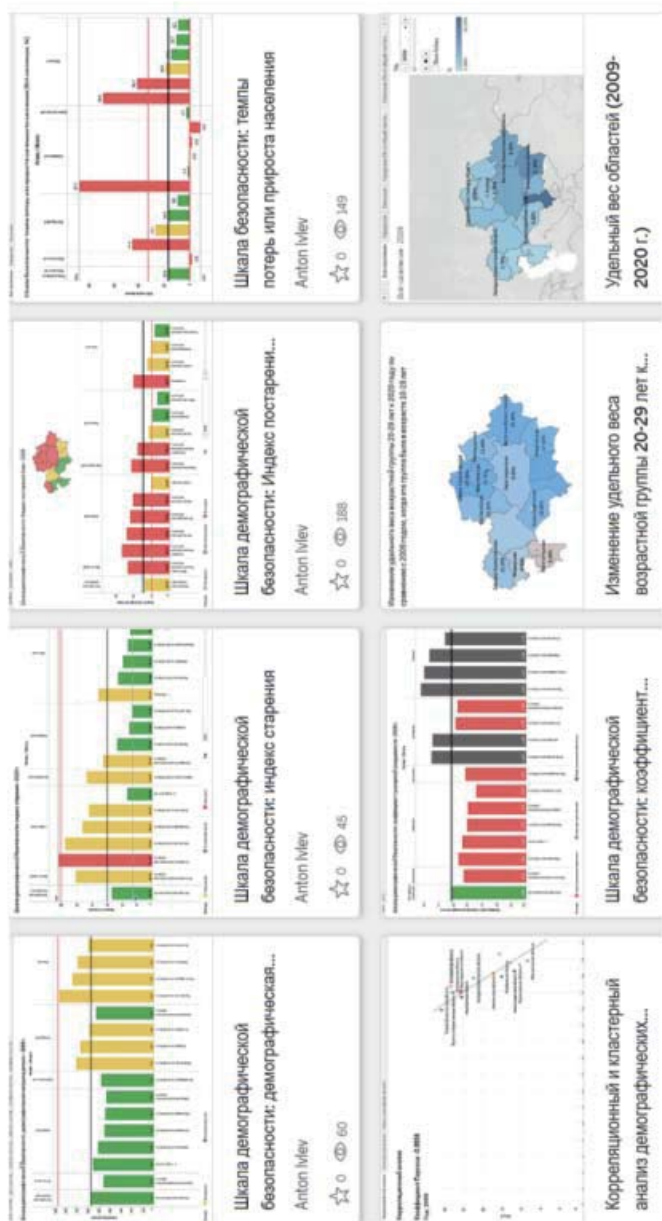

Рисунок 1. Интерфейс базы данных

Рисунок 1. Интерфейс базы данных

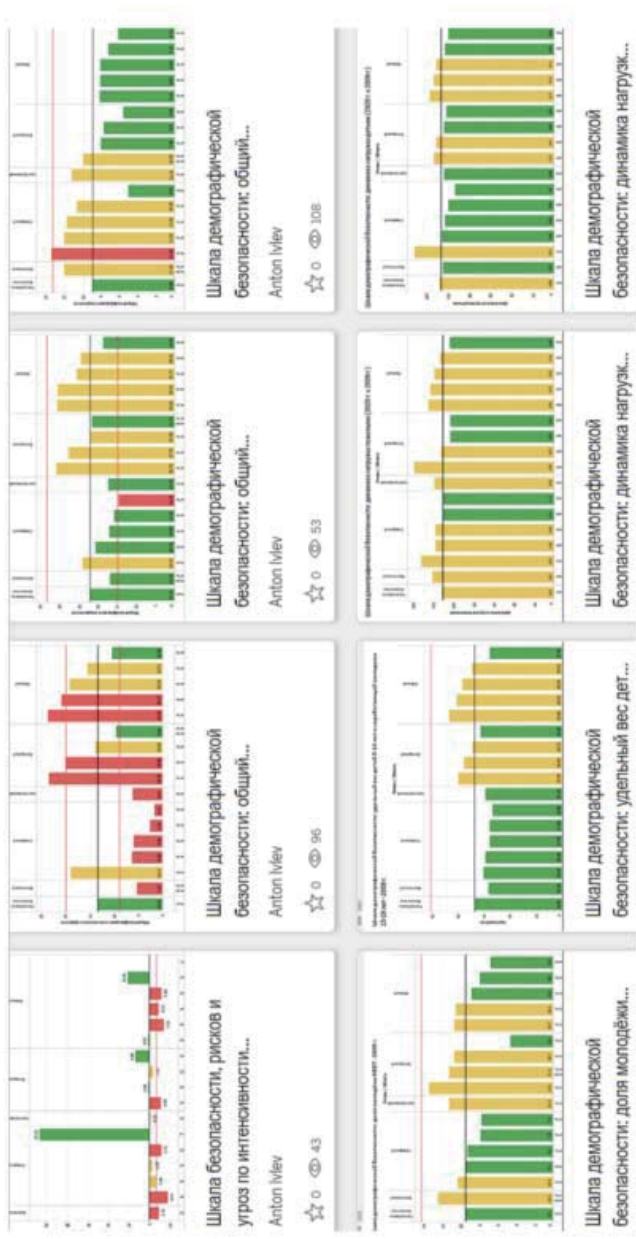

Рисунок 2. Интерфейс базы данных

Рисунок 2. Интерфейс базы данных

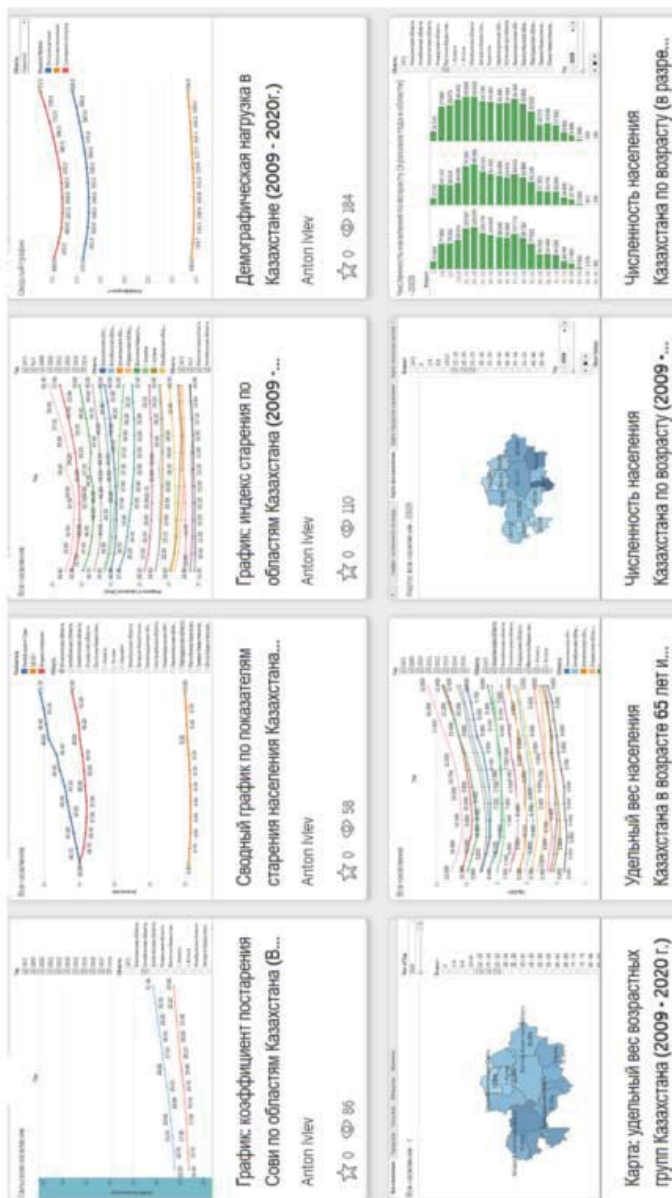

Рисунок 3. Интерфейс базы данных

Рисунок 3. Интерфейс базы данных

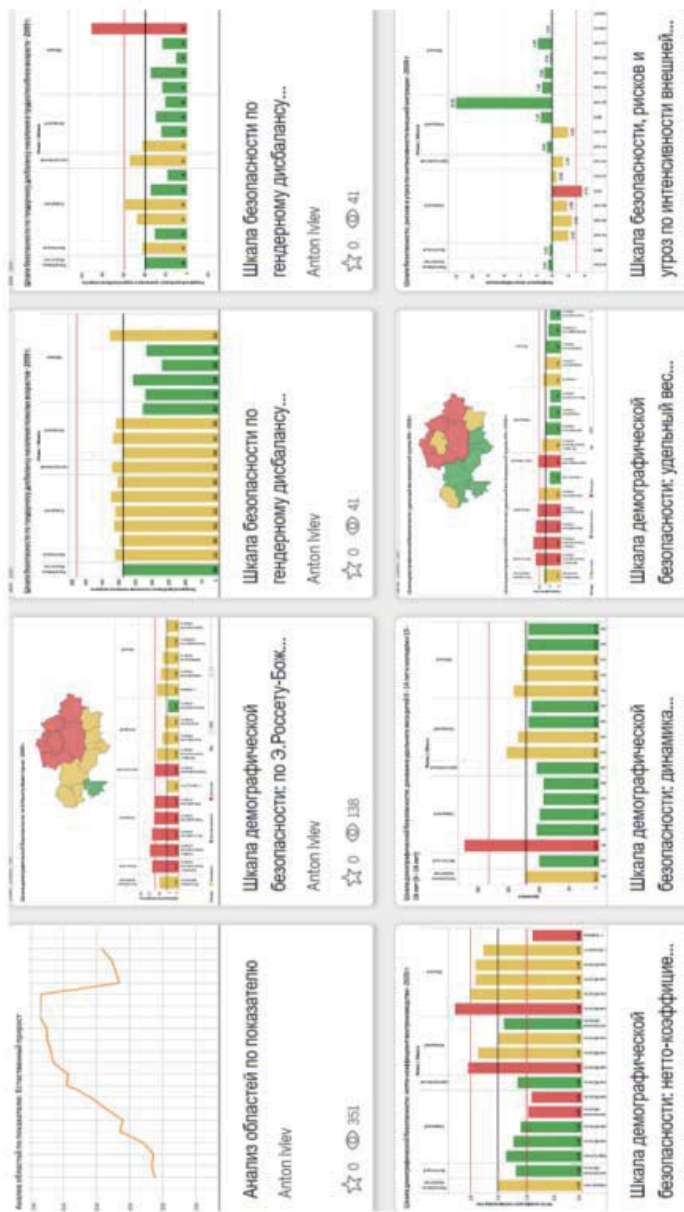

Рисунок 4. Интерфейс базы данных

Рисунок 4. Интерфейс базы данных

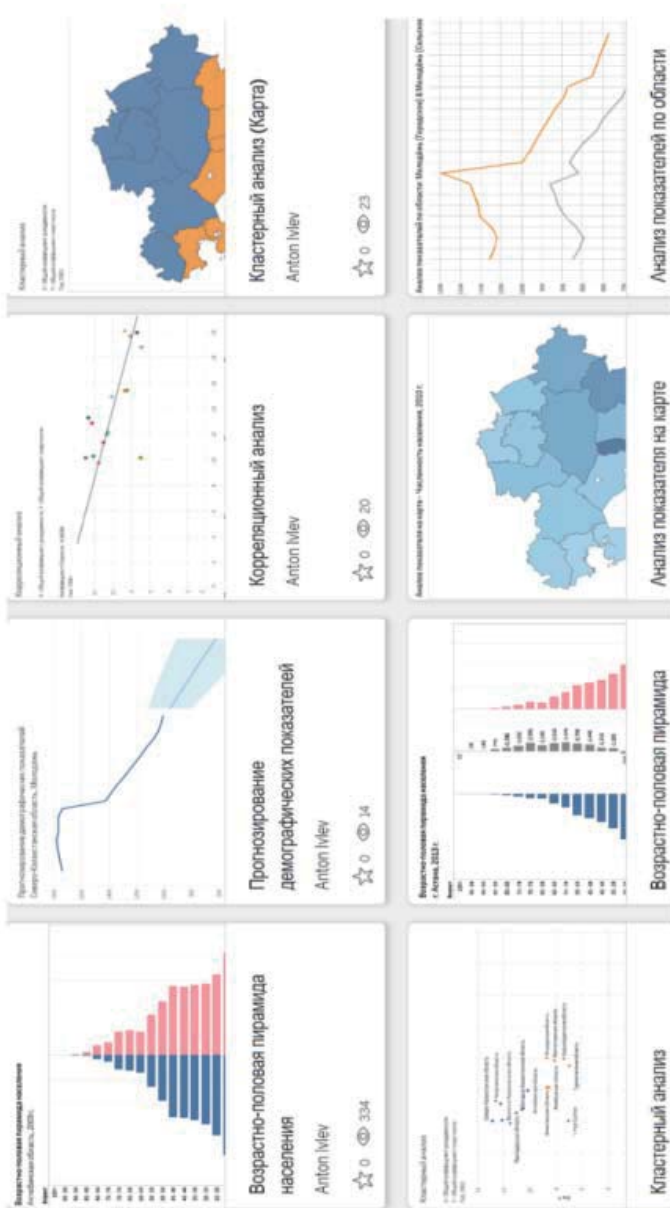

Рисунок 5. Интерфейс базы данных

Рисунок 5. Интерфейс базы данных

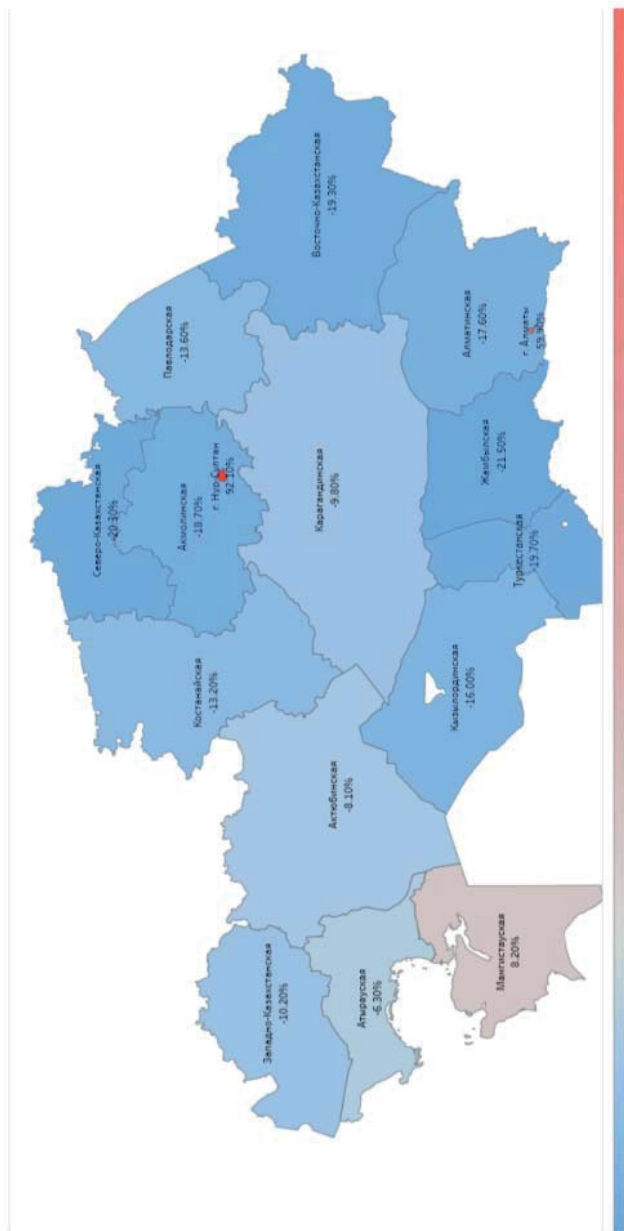
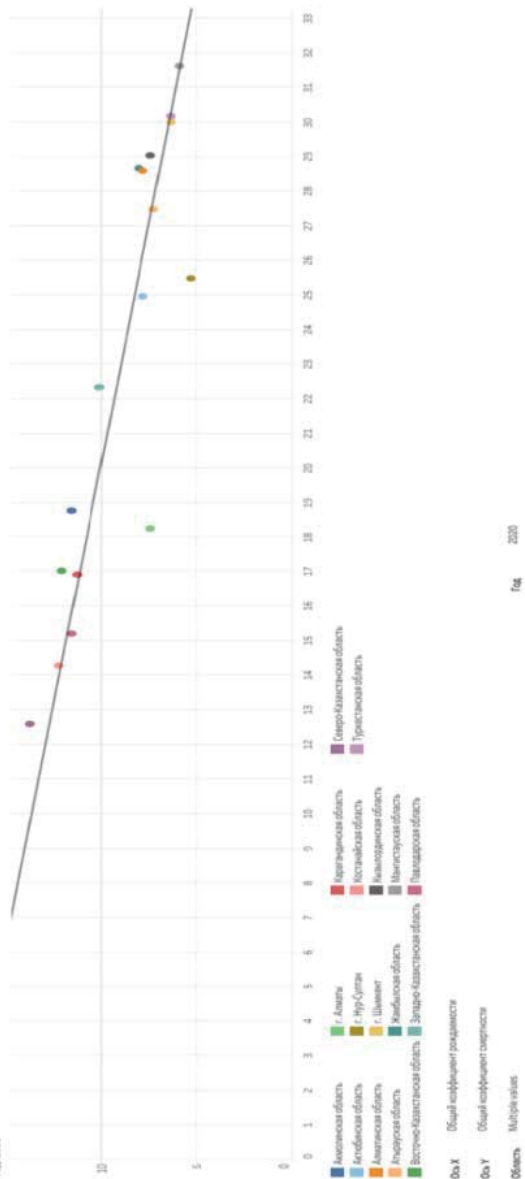

Рисунок 6. Изменение удельного веса возрастной группы 20–29 лет в 2020 г. по сравнению с 2009 г., когда эта группа была в возрасте 10–19 лет.

Корреляционный анализ

X - Общий коэффициент рождаемости, Y - Общий коэффициент смертности

Коэффициент Пирсона: -0,88110
Год: 2020

Год: 2020

Рисунок 7. Корреляционный анализ процессов рождаемости и смертности по Пирсону, 2020 г.

Корреляционный анализ

X - Доля населения NEET, Y - Молодежь (Городские)

Коэффициент Пирсона: 0,5658

Год: 2020

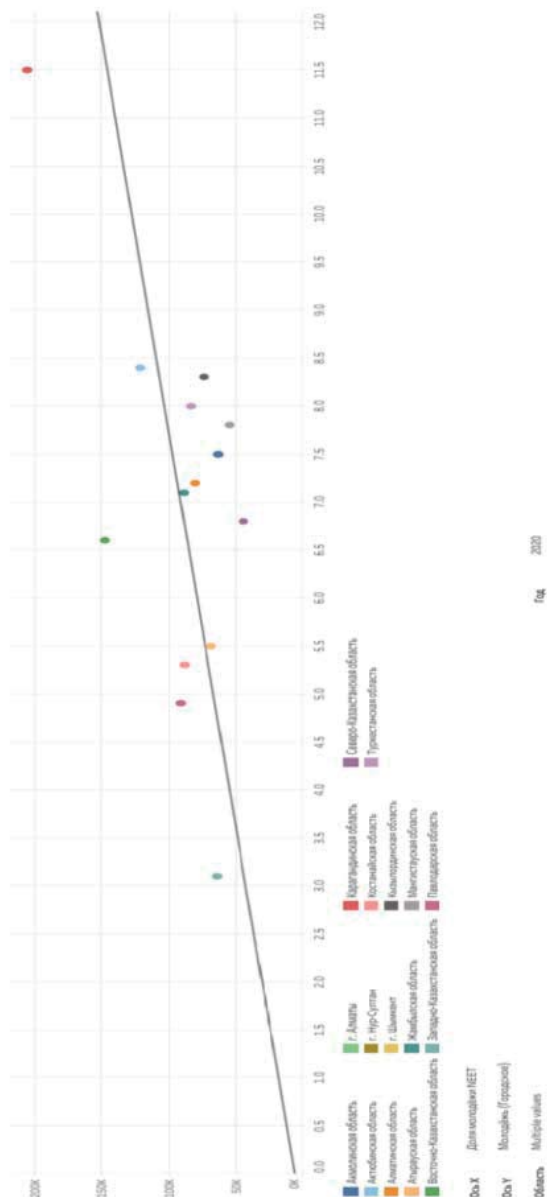

Рисунок 8. Корреляционный анализ доли поколения NEET и городской молодежи по Пирсону, 2020

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

НАО «ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени САРСЕНА АМАНЖОЛОВА»

**Аубакирова Ж.С., Алексеенко А.Н., Столярова Э.О.,
Краснобаева Н.Л., Өмірзақ Т.Е.**

**ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАЗАХСТАНА:
ПОТЕНЦИАЛ, РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

МОНОГРАФИЯ

Ответственный за выпуск: В.П. Алексеева
Дизайн обложки: А.А. Набокина
Верстка: А.А. Набокина

Подписано в печать 24.10.2022 г.

Формат 60*84/16

Усл.-печ. 64,4

Уч.-изд. л. 65,1

Тираж 100

Заказ 137

Цена договорная

Издательство «Медиа-Альянс» 070005,
г. Усть-Каменогорск, пр. Абая, 181/3
Отпечатано в типографии ТОО «Медиа-Альянс»

